

Александр Слоневский

Судебные процессы и преступность в Каменском-Днепродзержинске

Очерки и документы

Книга Александра Слоневского «Судебные процессы и преступность в Каменском-Днепродзержинске» в определённом смысле является продолжением книги «Дух ушедшей эпохи» (2007), написанной в союзе с безвременной ушедшей из жизни историком Людмилой Яценко. «Судебные процессы и преступность» охватывают период с 1761 года, когда в Каменском произошёл крестьянский бунт, по 1972 год, вошедший в историю событиями так называемой «днепродзержинской молодёжной революции». Однако наибольший упор в книге делается на политических процессах и преследованиях, проходивших в годы Советской власти в отношении каменчан-днепродзержинцев. Особое внимание уделяется пику сталинских репрессий 1937-1938 годов.

Слоневский А., Судебные процессы и преступность в Каменском-Днепродзержинске: очерки и документы. – Днепрпетровск: Издательство „Пороги”, 2010.

ISBN 978-617-518-110-2

ОТ АВТОРА

Вся история человечества сопровождается преступлениями. Порождаемая алчностью, корыстью, завистью, испорченностью природы или гордыней, преступность проникает во все сферы человеческого общества. Нет такой области или круга деятельности, где не могла бы возникнуть почва для совершения правонарушения. Даже рай не стал исключением: именно там произошло грехопадение, отделившее человека от его Творца.

Первым преступником на земле стал Каин – сын Адама и Евы. После изгнания из рая, у Адама и Евы стали рождаться дети: сыновья и дочери. Первого сына они назвали Каином, а второго Авелем. Братья получили одинаковое религиозное воспитание, оба были грешниками и сознавали, что необходимо исполнять требования Бога, почитать Его и поклоняться Ему. На первый взгляд казалось, что братья и верят в Бога одинаково, но на самом деле между ними существовала огромная разница. Авель был верен Богу, он видел справедливое и милосердное отношение Творца к падшему роду и с благодарностью принял надежду искупления. Но в сердце Каина зрел бунт против Бога и не смолкал ропот недовольства тем, что за грех Адама и Евы Господь проклял всю землю и человечество, а значит, и его самого – Каина.

Оба брата построили одинаковые жертвенники, и каждый из них принес жертву. Авель принес жертву из стада согласно требованию Божьему. «И призрел Господь на Авеля и на дар его» (Быт. 4.4). С неба сошел огонь и поглотил жертву. Каин же, пренебрегая этим прямым повелением Бога, принёс в жертву только плоды. С неба не было послано никакого знамения, свидетельствующего о принятии жертвы. Авель умолял своего брата повиноваться Божьему требованию, но его просьбы только сильнее ожесточили Каина. Чувствуя своё превосходство как старшего брата, Каин отверг советы Авеля. Когда Каин увидел, что его жертва отвергнута, он разгневался на Бога и Авеля. Разгневался на Бога за то, что вместо жертвы, установленной Господом, не принята жертва, предложенная им – человеком. Разгневался на брата, который вместо того чтобы поддержать восстание против Бога, повиновался Ему. Разум и совесть подсказывали Каину, что Авель прав, но он разъярился: тот, кто до сих пор всегда во всем соглашался с ним, теперь осмеливался противоречить и не поддержал его. В приступе бешенства Каин убил своего брата. Каин ненавидел и убил брата не потому, что Авель сделал что-нибудь дурное, но потому, что «дела его были злы, а дела брата его праведны» (1 Ин. 3. 12). Так и во все времена беззаконники ненавидели тех, кто был лучше их. Жизнь Авеля, исполненная послушания и непоколебимой веры, была для Каина вечным упреком.

В лице Каина и Авеля представлены две группы людей, которые будут существовать до конца мира. Одни люди получают прощение через покаяние за грех; другие – предпочитают полагаться на собственные силы, их жизнь и поступки, как им кажется, не нуждаются в Божественном милосердии.

Преступность, как один из множества индикаторов, позволяет судить о состоянии всего общественного организма. С развитием государственности, а в особенности с появлением тиранических режимов, появляется новый, невиданный доселе вид преступления –

преступления против собственного народа, интересы которого, по идее, государство должно защищать. Палачи и жертвы меняются местами. Формально стоящая на защите закона тирания, ведёт борьбу на уничтожение всех, кто хотя бы теоретически мог представлять опасность для существования преступного режима. Вечная тема преступления и наказания, или, как сказали бы классики, единства и борьбы противоположностей, развивается в сторону ужесточения наказания за мнимые злодеяния. Человеческое правосудие – в лучшем случае справедливо, оно исходит из аксиомы: всякое преступление должно быть наказано. Господь же – милосерд. И в этом главное отличие суда Господнего перед судом человеческим по отношению к раскаявшемуся грешнику. Бог не карает грешника немедленно. Он даёт ему время опомниться и вернуться на правый путь, так как желает, чтобы человек избрал этот путь свободно. Праведность, порождённая страхом наказания, лишает человека подлинной свободы выбора и таким образом обесценивается.

Перевертыши государственной морали особенно ясно проявились в так называемой «Стране Советов», – государстве, в котором не так давно мы все жили. Поэтому книга «Судебные процессы и преступность в Каменском-Днепродзержинске» в большей части посвящена политическим процессам, проходившим в нашем малом Отечестве.

В то же время настоящее исследование не предназначено для услаждения слуха читателя. Возможно, что некоторые её страницы будут тяжелы для восприятия или вызовут определённую критику и протесты: «ведь не всё было плохо в Советском Союзе!» Но автор и не ставил своей целью написание целостной «энциклопедии жизни». Это лишь одна из сторон нашей истории, которую можно представить в виде резервуара с трубами из школьного учебника по арифметике. По одним трубам в нашу жизнь вливались возвращающиеся с заводов, фабрик и учреждений рабочие и служащие, и выливались заступающие на очередную смену. По другим трубам общество пополняли юноши, отслужившие армию, а также дети из родильных домов – будущие учёные и учителя, металлурги и строители. Ещё были трубы, окрашенные в розовый цвет, уносящие людей на учёбу, стадионы, свидания, по грибы и в отпуск на море. Отдельная труба вела в тюрьмы и на кладбища. Она была чёрного цвета. Книга «Судебные процессы и преступность в Каменском-Днепродзержинске» частично приоткрывает заслонку над этой трубой, через которую попадала в отстойник всякая грязь, но очень часто уходили из жизни здоровые, крепкие, в расцвете сил люди – те, кого называют «солью земли».

СУДЕБНОЕ ПРАВО ЗАПОРОЖСКОЙ СЕЧИ

«Как он поступил со мною, так и я поступлю с ним, воздам человеку по делам его».
Притчи 24. 29.

Природные богатства Запорожья в XVI столетии, несмотря на близкое соседство с татарами, привлекали смелых и предприимчивых людей. Эти ватаги промышленников-уходников, которых позже начали называть казаками, объединялись в отряды и стали составлять довольно значительную силу на границе между Речью Посполитой и Крымским ханством. Постепенно из временного промысла «казакование» превращается в образ жизни, который регулировался своеобразной системой правовых норм.

Несмотря на отсутствие фиксированной системы наказания, запорожское право, которое основывалось, прежде всего, на обычаях, было быстрой, эффективной и целесообразной организацией правовых отношений. Оно обеспечивало соблюдение жесткой дисциплины и защиту корпоративных интересов казачества.

От села Романково вниз по течению Днепра тянулись в сторону Нового Кодака одно за другим три села: Каменское, Тритузное и Карнауховка. Первое из таких поселений, стоящее на семь вёрст ниже Романково, было село Каменское, названное по скалам, разбросанным у берега Днепра и расположенное напротив большого острова Слюсарева.

Сам же Новый Кодак возник как военный форпост и торговое местечко на небольшой возвышенности возле оживленного днепровского перевоза. В XVIII веке Новый Кодак уже обладал всеми необходимыми городскими признаками – крепостью, административным, транспортным и торговым центром. Новый Кодак обязан своим именем Старому Кодаку, расположенному на расстоянии около 17 километров ниже по течению Днепра. Старый Кодак – крепость, сооруженная по решению польского правительства в 1635 году для контроля над передвижениями запорожских казаков, был центром паланки – административной единицы запорожских земель. Всего на Сечи насчитывалось восемь паланок. В буквальном переводе с турецкого языка «паланка» обозначает небольшую крепость. Во главе каждой паланки стоял полковник, который одновременно являлся и председателем суда.

Уже в начале XVIII века – ввиду полного разрушения российскими войсками – Старый Кодак утратил своё значение центра. Таким центром постепенно становится Новый Кодак. Через Днепр в районе Нового Кодака была устроена стратегически важная переправа – последняя перед Днепровскими порогами. С 1734 года, после окончательного перехода запорожцев под российский протекторат, значение Нового Кодака в границах Запорожских вольностей постепенно увеличивается. Около 1750 года Новый Кодак именовался «городом паланочным», здесь находились паланочный полковник, есаул и военная канцелярия Кодацкой паланки, соборная церковь святителя Николая с двумя священниками.

Село Каменское также принадлежало к вольностям запорожских казаков. Первое письменное упоминание о Каменском относится к 1750 году. В ту пору здесь уже насчитывалось 52 двора, а деревянная церковь Рождества Богородицы находилась в центре селения. Таким образом, истинное начало истории Каменского восходит не к 1750 году, а, по крайней мере, несколькими годами ранее. Очевидно, чтобы построить 52 двора на пустом месте необходимо определённое время и благоприятные внешние и внутренние условия. Но методология

определения возраста населённого пункта основана на первом письменном упоминании о поселении. Как гласит римская поговорка «*dura lex sed lex*», то есть, закон плох, но это закон. И потому именно 1750 год служит началом официального летоисчисления Каменского.

БУНТ В СЕЛЕ КАМЕНСКОЕ 1761 года

«...если кто в поле встретится с отроковицею обрученною и, схватив её, ляжет с нею, то должно предать смерти только мужчину, лежавшего с нею, а отроковице ничего не делай; на отроковице нет преступления смертного».
Второзаконие 22. 25-26.

В 1761 году в селе Каменское Кодацкой паланки произошли события, которые можно назвать первым зарегистрированным проявлением гражданского непослушания, сообщение о которых дошли до самого Санкт-Петербурга. В сентябре 1761 года прибыл сюда из Кодака паланковый писарь Лукьян Микитенко, по прозвищу Порожний. Время Запорожской Сечи подходило к концу, это чувствовалось по всем признакам.

В 1731 – 1742 годах для обороны южных границ Русского государства была построена так называемая «Украинская линия», состоящая из 16 крепостей. В соответствии с инструкцией, линия возводилась между Днестром и Северским Донцом по берегам рек Орели, Берестовой, Береки, на территории, расположенной севернее установленной в 1713 года границы с Турцией. План строительства корректировался на местности с учетом использования природных рубежей. Уже при Екатерине II по рекам Берде и Конские воды была построена новая «Днепровская линия» на границе Екатеринославской и Таврической губерний. Но эти же линии отобрали у запорожцев часть земли и соответственно урезали вольности запорожских казаков. Поэтому любое появление начальствующего чина воспринималось с подозрением, чем оно грозит?

Но в действительности прибытие писаря в село Каменское 6 сентября 1761 года было вызвано совсем другими причинами. Лукьян Микитенко прибыл расследовать убийство неизвестного, тело которого нашли на окраине Каменского. По своему положению писаря Лукьян Микитенко являлся представителем паланкового суда – низшей ступени судебной власти. Суд паланки составляли есаул, писарь и три выборных казака, которые переизбирались каждые три года из простых казаков.

Допросив свидетелей, дознаватель дал добро на захоронение убитого. А чтобы не ездить дважды в Каменское, решил паланковый писарь разобрать заодно тяжбу местного сельчанина Ивана Майорова и казака Онисько Ткача, по прозвищу Лыняной Чуб. Посланный за ними помощник, селянин не обнаружил и привёл для разбирательства их жён. Любвеобильный писарь Микитенко-Порожний тут же положил глаз на красавицу Марину Ткач. Не долго думая, приказал взять её под стражу и закрыть в амбаре при Рождество-Богородической церкви, а ночью после бесплодных домогательств «отдаться по-хорошему», совершил насилие над женщиной.

Чтобы замести следы преступления, Лукьян Микитенко повелел Марине сказать мужу, что она якобы заночевала у знакомой. Однако Марина Ткач оказалась несговорчивой. И тогда писарь Лукьян решил арестовать прислужника Онисько Ткача, чтобы тот дал показания против самого себя, будто бы «с одного Ткача женою блудствовал». Когда на следующее утро

к писарю пришёл разъярённый муж опозоренной женщины, то получил от последнего лишь порцию оскорблений и угроз [1].

На крик собралась толпа каменчан. Изнасилование замужней женщины вызвало ярость у людей. Толпа оттеснила охрану и освободила арестантов. Не останавливаясь на этом, возмущённые и взбешенные люди принялись избивать писаря. Затем его посадили в холодную, отобрав саблю, пернач и другие атрибуты власти (пернач – разновидность булавы). Обозлённые селяне уничтожили все долговые расписки, бывшие в канцелярии, писарские документы, в том числе ордер Коша «Об окончательном искоренении гайдамачества» в Романковом урочище.

Не успокоившись на этом, бунтовщики отстранили от общественных постов «старшинских угодников» – атамана посполитых Скока и дьяка Сиволапа. Не укрылся от их гнева и священник Василь Кодацкий. Его под горячую руку избили, и последний спасся тем, что спрятался в церкви. Двое суток Каменское находилось под «самоуправлением» посполитых селян и казаков [2]. По стечению обстоятельств, 9 сентября из Кодака в Каменское по приказу казацкого полковника Петра Иванова прибыл конный отряд под командованием есаула Ивана Кирпаня для описи «черты» (границы территории), введенной начальником Елизаветградской крепости. Застав писаря Порожного в колодках под караулом каменских казаков Андрея Камьянченко с братом Григорием, Голуба, Савка, Михаила Седельникова и Ивана Рахмадина, есаул приказал отправить писаря и его охранников в Кодак, чтобы провести следствие и наказать виновных. Проводить дознание во взбудораженном Каменском не представлялось никакой возможности. Сами же прибывшие приступили к исполнению своего непосредственного задания – описывать земельные границы. Это стало последней каплей, переполнившей чашу народного гнева: начался бунт, бессмысленный и беспощадный.

Житель села Тритузного Василий Безрукавный расковал Григория Камьянченко и освободил того. Однако кодацкие казаки вновь арестовали охранника и посадили его на подводу, чтобы отправить в Кодак для производства следствия. Не веря в справедливость окружного суда, каменчане, вооружившись кольями, вилами и топорами, бросились на конников, отбили задержанных, перебив при этом лошадей. Отряд Кирпаня разбежался, а местные жители бросились в погоню. Попавших в руки разбушевавшейся толпы, забивали до смерти.

Кодачане Андрий Мандрыка, Павло Бойко, Грицько Белицкий закрылись в чулане. Но, выдержав бешеного напора нападавших, лядя раскололась на части. Ворвавшиеся нападающие убили Белицкого, а остальных избили до полусмерти. Младший писарь Семён вместе с молодым казаком Андреем спрятались в хлеву. Но, напуганные, долго там не высидели и забежали в хату попадьи. Там их нашли бунтари и тоже прибили. Других – сильно покалечили. Сам есаул Иван Кирпань «лошадью в село Романково с будущими при нём козаками бежал». Однако и там он не нашёл спасения. Романковцы были полностью солидарны с каменчанами.

Как ни удивительно, но более всех повезло писарю Микитенко. Спрятавшись под шумок в канцелярии, он, выбрав момент, вскочил на чужого коня и подался в Кодак, где сообщил о разбитом отряде. Наутро полковник Иванов, собрал новую команду и выступил в Каменское, чтобы усмирить мятеж. Однако местные жители, ожидая такой оборот дела, разбежались кто куда. В поисках виновных отряд Иванова прибыл в Романково, куда удрали есаул Иван Кирпань и несколько казаков. Как выяснилось, здесь произошли события, подобные тем, что

случились в Каменском. Отчитываясь перед вышестоящим начальством, полковник Иванов писал: «Когда с есаулом будущую команду в Каменском разбито, то того же числа и часа в Романковом другой побой последовал».

Опасаясь, что каменчане вместе романковцами в поисках правды придут громить Кодак, руководство паланки обратилось в Запорожский Кош за помощью в поисках зачинщиков бунта. Началось следствие. 26 сентября 1761 года муж потерпевшей Марины Ткач Онисько в письменном показании кошевому атаману свидетельствовал, что писарь Лукьян Порожний «блудодаяние чинил, избивал, а Марине приказал, чтобы она сказала, что ночевала с хозяйкой уездного двора в будке». Сам же писарь построил свою защиту на описании страданий, которые он перенёс от разбушевавшейся толпы при исполнении им служебных обязанностей: «в хате довольно бьючи раскривавили и выволокли вон, и там много били, что не вольно было ни ходить ни до кого, ни говорить, ни писать» [1].

Результатом проведенного расследования стал довольно неожиданный, на первый взгляд, в своей справедливости приказ кошевого Григория Федоровича. Полковнику кодацкой паланки Петру Иванову было предписано наказать писаря Лукьяна Микитенко-Порожного за преступления, учинённые им в Каменском. Его лишили писарской должности, старшинского звания и запретили когда-либо занимать этот пост, а также назначили денежный штраф. Как известно, кошевой атаман выносил окончательные решения, которые не подлежали пересмотру. Власть кошевого распространялась на всю территорию Вольницы.

Как поступили с участниками бунта, история, как говорится, умалчивает. Возможно, кошевой атаман решил просто закрыть глаза на жертвы сентябрьских событий в Каменском. Дух и нравы казацкой вольницы ещё жили не только в сердцах каменчан, но и в самом Запорожском Коше. Ещё считалось абсолютно естественным и нормальным, когда правосудие осуществлялось немедленно и на месте самими истцами и ответчиками по принципу народной справедливости – «око за око, зуб за зуб». Каменчане дважды оказались потерпевшей стороной: и от насилия писаря Лукьяна Микитенко, и от принудительного заковывания в кайданы отрядом есаула Ивана Кирпаня. А понятие «превышения допустимой самообороны» было ещё не известно и преступлением не считалось. Судопроизводство на Запорожских Вольницах основывалось на обычаях, нарушение которых не допускалось.

И, наконец. Это вовсе не было «первое ещё стихийное восстание каменчан против угнетателей», как впоследствии писала об этом местная пресса советских времён. И никак не «Каменская республика» – чуть ли не Парижская коммуна на берегах Днепра! Но спонтанная месть на фоне угрозы потери земли за конкретное злоупотребление властью со стороны кодацкого писаря, а затем и кодацких казаков, вылившаяся в жестокое возмущение.

.....

29 апреля 1722 года Петром I была основана Малороссийская Коллегия – орган, который полностью подрывал власть гетмана. Однако опасность новой войны с Турцией принудила российское правительство временно пойти навстречу украинским требованиям, и в 1727 году российский император под влиянием Меншикова Малороссийскую Коллегию упразднил. Но с 1764 года Малороссийская Коллегия свою работу возобновила. После окончания российско-турецкой войны 1768 – 1774 годов, царские войска предательски напали на Запорожскую Сечь и разрушили её. Императрица Екатерина щедро даровала украинские земли немецким, сербским, болгарским и прочим колонистам.

В 1781 году было уничтожено полковое административное устройство, и Гетманщину

реорганизовали в три наместничества (губернии). В 1783 году казацкие войска (десять полков) преобразовали в десять кавалерийских полков российской армии. От украинской церкви были забраны в пользу российского государства имущество и церковные крестьяне. Гетманщина и казацкое политическое и социальное устройство перестали существовать.

После ликвидации Запорожской Сечи село Каменское вошло в состав Славянской провинции Саксаганского (Новокодацкого) уезда Новороссийской губернии и впервые наносится на географическую карту. А судопроизводство на бывших землях Запорожской Сечи попало под юрисдикцию Российской Империи. Справившись с бунтом «маркиза Пугачёва», Екатерина II провела в 1775 году административную и судебную реформы, суть которых была выражена в «Учреждении для управления губерний». Под Сенатом и учрежденными в губерниях палатами уголовного и гражданского суда оказались две ступени сословных судов. Уездный и верхний земский суды – для дворянства; выборный магистрат и губернский магистрат – для купечества; нижняя расправа и верхняя расправа – для государственных крестьян. Юстиция зависела от администрации, так как решения судебных палат утверждали губернаторы. По сути, эта система сохранилась неизменной и после составления в 1832 году «Свода законов Российской Империи».

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 года

«Господь сказал: если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу (весь город) и всё место сие».
Бытие 18. 33.

Слава Богу, население Каменского так и не узнало помещичьего крепостничества. В 1784 году село было причислено к разряду казенных (государственных) поселений. Жители его несли повинности в пользу государства, оставаясь вольными. С 1802 года Каменское становится частью Екатеринославского уезда Екатеринославской губернии. Основным занятием жителей Каменского, как отмечалось в документах 7-й ревизии 1815 года, было хлебопашество и скотоводство. Часть населения занималась «провозом купеческих товаров в разные города». К 1859 году в Каменском насчитывалось 382 двора и 2926 душ населения. Кое-кто из этих 2926 душ иногда оказывался не в ладах с законом.

После того как в 1801 году из системы розыскного (инквизиционного) процесса изъяли пытку, судопроизводство оказалось неэффективным и малорезультативным: удавалось так или иначе решить дела примерно 12 процентов обвиняемых, а прочих приходилось, в зависимости от веса имеющихся против них доказательств, оставлять в подозрении разной тяжести. Система юстиции была медлительна и коррумпирована. Судебная реформа сделалась общим требованием либералов, а в эпоху кризиса власти и общественного подъема, вызванного постыдным поражением режима в Крымской войне, одним из наиболее настоятельных требований общественности в целом.

Первый намек на судебную реформу прозвучал 19 марта 1856 года, в манифесте об окончании Крымской войны: Александр II провозгласил: «Да правда и милость царствуют в судах». Практическим шагом судебной реформы предшествовали длительные дискуссии. В октябре 1861 года была создана комиссия для подготовки документов о судоустройстве и судопроизводстве, куда вошли виднейшие юристы того времени. Александр II утвердил подготовленные комиссией «Основные положения преобразования судебной части в России»

29 сентября 1862 года и распорядился опубликовать их. Проекты комиссии рассылались на отзыв также в западноевропейские университеты. На базе «Основных положений» были созданы Учреждение судебных установлений (в нашем понимании – закон о судебной системе), Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, Устав уголовного судопроизводства и Устав гражданского судопроизводства. При этом сохранялось действие николаевского Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года.

В 1862 году в Санкт-Петербурге типографией департамента генерального штаба были опубликованы «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Екатеринославская губерния. Составлен генерального штаба капитан В. Павлович». В Ведомости о числе и роде преступлений в Екатеринославской губернии и градоначальстве находим (стр. 257 – 258):

Название преступления	1853	1854	1855	1856	1857
Святотатство	3	1	3	4	8
Самоубийство	39	31	40	27	32
Убийство	12	12	20	26	40
Посягательств на жизнь	5	1	1	1	1
Подкидышей найдено	55	33	49	47	73
Зажигательств	4	1	3	4	2
Детоубийств	7	3	2	1	6
Грабежей и разбоев	6	3	19	21	30
Воровства и мошенничества	377	250	259	295	420
Конокрадств	52	45	75	73	63
Неповиновение власти	2	1	-	-	-
Передержательства крестьян и беглых	6	-	-	-	-
Побега арестантов	13	-	4	19	16
Имение фальшивой монеты	5	-	-	3	2
Итого:	589	380	475	521	713

Было ли представлено среди «числа и рода преступлений» по Екатеринославской губернии село Каменское неизвестно. Однако любопытен и поучителен подход к оценке преступлений: на первое место вынесены правонарушения, связанные со святотатством, то есть, злодеяний по отношению к вере, церкви, осквернению могил. Далее идут самоубийства, убийства и прочее. В общественном сознании того времени были очень сильны библейские взгляды на жизнь, которая является даром Божьим. Поэтому человек не имеет права ни сам себя лишать её, ни отнимать её у других. Причём лишение жизни у самого себя, называемое самоубийством, считалось самым тяжким грехом, более тяжким, нежели отнятие жизни у ближнего, или убийство. Преступления, связанные с неповиновением власти находятся практически в конце перечня.

«Из этих чисел, – резюмировал капитан В. Павлович, – весьма ясно видно, что в последнем 1857 году совершено самое большое число преступления, а в 1854 и 1855 самое меньшее. Какая причина такому явлению – трудно объяснить положительным образом, но кажется, что на уменьшение преступлений имела некоторое влияние близость губернии к театру Крымской войны. Самая администрация во время войны не могла быть столь бдительной и, вероятно, много преступлений не обнаружилось; притом же общественное внимание слишком было занято текущими событиями, отвлекавшими народонаселение от обыденной

домашней жизни, а тем самым и от преступлений, из неё вытекающих. Только самоубийств в 1853, 1854 и 1855 годах было довольно много, что характеризует более или менее трудное в это время положение страны.

Вступление в брак для поселянина есть дело необходимости, ибо жена и семейство его принимают участие в труде и без них сельский житель не смог бы поддерживать хозяйства. Совершенно другое положение горожан. Будут ли они в числе служащих в казённой службе или из людей, занимающихся торговлей, ремёслами и проч., семейства их не могут им составлять помощи и скорее только тяжесть. Это заставляет жителей городов, особенно из среднего сословия, не в столь молодых годах вступать в законные браки, а вследствие этого несколько уклоняться от правил нравственности. При том же в городах более представляется случаев к сближению людей между собою, и более возможности скрывать подобного рода преступления, чем в деревнях и сёлах» [3].

Утверждая 20 ноября 1864 года в Царском селе Судебные Уставы, император Александр II подписал Указ Правительствующему Сенату, в котором, в частности, говорилось: «Рассмотрев сии проекты, мы находим, что они вполне соответствуют желанию нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших». Современники отмечали, что результатом нововведений было утверждение внутри самодержавного государства «судебной республики». Наиболее ярким и памятным достижением Александра II было учреждение равного для всех сословий суда с участием присяжных заседателей. Одновременно была создана прокуратура как часть судебного ведомства, введен институт присяжных поверенных (адвокатура). Предварительное расследование перешло в руки судебных следователей, то есть чиновников юстиции, а не администрации, пользовавшихся статусом членов окружных судов. Судьи стали несменяемы и формально независимы.

Составители Судебных Уставов уголовного судопроизводства отказались от формальной теории доказательств и провозгласили принцип свободной их оценки в гласном и состязательном процессе; это позволило подавляющее большинство дел разрешать быстро и на гораздо более справедливых основаниях. Для оценки значения доказательств по внутреннему убеждению требовались уже не юристы, склонные к стереотипной работе, а люди, обладающие житейским, практическим, а не канцелярским опытом. В Судебных Уставах Россия воспринимает модель, при которой судьями факта являются представители народа. При этом с участием присяжных заседателей рассматривали дела лишь окружные суды; гражданские дела суд присяжных не решал. В судебных палатах дела о государственных и должностных преступлениях слушались профессиональными судьями совместно с сословными представителями.

В царской России в 1901 – 1912 годах профессиональные судьи признавали виновными около 75 процентов подсудимых, а окружные суды с участием присяжных заседателей лишь 60 – 64 процента подсудимых. Известный судебный деятель А. Ф. Кони, наблюдавший работу суда присяжных на протяжении трех десятков лет, писал: «Я не могу не вспомнить без глубокого уважения к суду присяжных ряда процессов, где они с честью разобрались в самых сложных обстоятельствах и свято исполнили свой долг перед обществом». Весьма характерен для того времени обращенный к присяжным заседателям призыв адвоката Ф. Н. Плевако, защищавшего Прасковью Качку: «Пусть, по счастливому выражению псалмопевца, правда и милость встретятся в вашем решении, истина и любовь облобызаются».

КАМЕНСКИЕ РАЗБОЙНИКИ

«И увидел Господь, что велико развращение человека на земле, и что все мысли и помышления сердца их было зло во всякое время».
Бытие 6. 5.

В 1912 году в Каменском была арестована шайка разбойников. Сделанные ими признания о своих разбойных похождениях произвели сенсацию не только в Каменском, но и во всей округе. Дело получило широкий общественный резонанс, и Екатеринославская газета «Южная заря» провела серию публикаций, раскрывающих перипетии жестоких преступлений.

АРЕСТ РАЗБОЙНИКОВ В КАМЕНСКОМ

В субботу 12 мая вечером в селе Каменском Екатеринославского уезда арестованы разбойники, учинившие в течение последних двух недель разбойные нападения на хутора И. И. Кононенко и Д. Я. Брауна.

На следы разбойников полиция напала лишь после нападения на дом Брауна. Подробные приметы разбойников дал полиции крестьянин села Кринички Дм. Одуженко, у которого разбойники ночевали и провели день перед нападением на хутор Кононенко. Этого самого Одуженка полиция заподозрила в соучастии с разбойниками и арестовала. Сами разбойники после нападения на Кононенко так ловко замели следы, что полиция не добыла и приблизительных указаний относительно личности их и местожительства.

При нападении же на дом Брауна разбойники потеряли на месте фуражку. Как это часто бывает, такой пустяк, как фуражка, дала в руки полиции нить к раскрытию смело задуманного и дерзко выполненного плана разбойного нападения. Дело в том, что фуражка эта была не совсем обычная – синяя, с чёрными кантами и околышем. Мода на такие фуражки в ходу у каменской молодёжи. Это соображение и совокупность некоторых мелких данных убедили пристава уездной сыскной полиции И. И. Погорелова в том, что налёт был сделан именно из Каменского. Отрядив туда агентов полиции для наблюдения, пристав Погорелов принялся за обследование нападения на дом Брауна; в то же время исправник В. Е. Павлов предупредил полицию соседних уездов о разбое, мобилизовал для розыска разбойников наличный штат чинов уездной полиции.

Уряднику хортицкой волости Игнатову удалось установить, что разбойники из Чистополя, где они убили семью Брауна, направились в колонию Нижнюю Хортицу. По дороге они часов в шесть утра седьмого мая зашли в колонию Бабурку и там, у торговца Ветохина купили фуражку. Забрав с собой Ветохина, урядник Игнатов поехал по следам в Нижнюю Хортицу, но опоздал – разбойники уже переправились через Днепр в Александровск (ныне Запорожье – авт.).

Разыскав перевозившего разбойников лодочника, колониста Якова Левина и забрав его с собой, урядник Игнатов поехал в Александровск и приехал туда через несколько часов после разбойников. Путём опроса береговых рабочих, работающих у пароходных пристаней, уряднику удалось установить, что они закусывали в пивной лавке Дмитрия Пискунова тут же у пароходных пристаней. Это обстоятельство подтвердил и сам Пискунов, добавив, что завтракающие в лавке люди, справлялись у него об отходе поездов на Екатеринослав.

Установив таким образом, что разбойники находятся в Александровске, и, имея с собою трёх человек, знающих разбойников в лицо (Ветохин, Левин и Пискунов), урядник Игнатов, боясь, чтобы разбойники не скрылись из города по железной дороге, обратился за содействием к приставу местной сыскной полиции Мекленбургцеву. Последний должного содействия уряднику Игнатову не оказал. Об этом странном обстоятельстве уездный исправник Павлов доносил начальнику губернии особым рапортом, в котором, между прочим, говорит: «из действий пристава Мекленбургцева видно нежелание разыскивать и задерживать грабителей».

Получив от урядника о действиях пристава Мекленбургцева телеграфное сообщение, урядник Павлов откомандировал по телефону из Каменского в Александровск пристава екатеринославской сыскной полиции Погорелова, и сам выехал в Александровск. Одновременно на станцию Синельниково были откомандированы чины сыскной полиции и крестьянин Одуженко, также знавший разбойников в лицо, но грабители уже успели скрыться из Александровска.

Два дня тщательных розысков в Александровске, производимых чинами екатеринославской полиции, дали в результате указания на то, что разбойники скрылись в Екатеринослав. После этого у полиции не осталось уже никакого сомнения, что разбойники – жители села Каменского, где и были сосредоточены все розыскные действия. Весь наличный состав сыскной полиции во главе с приставом Погореловым и помощниками его Нечипоренко и Соколинским, при содействии пристава Днепровского завода Снежко-Блоцкого и его помощника Дубоноса произвели целый ряд обысков, не давших положительных результатов. Имея в виду, что заводская молодёжь в праздники и предпраздничные дни всё время проводит на улице, пристав Погорелов пустил в толпу своих агентов и привезенного сюда арестованного крестьянина Одуженка.

Действительно, в субботу вечером, по имеющимся в распоряжении полиции приметам, один из разбойников был замечен полицейским агентом, разгуливавшим на улице в праздничной толпе. Его не задержали сейчас, а, установив за ним наблюдение, вызвали сюда крестьянина Одуженка, который сразу признал в нём одного из ночевавших у него перед ограблением Кононенко. Неизвестного арестовали. Он оказался бывшим рабочим Днепровского завода Станиславом Петровичем Држевецким, двадцати одного года.

Далее, частью по указаниям Држевецкого, частью других лиц, были арестованы на улицах села Василий Александрович Пехотинский, двадцати одного года и Николай Кононович Масловский, двадцати трёх лет. Затем арестованы: Владимир Акимович Таразевич, девятнадцати лет – в парикмахерской Асса, служившей разбойникам местом свиданий (у Таразевича найден револьвер), Прохор Александрович Величко, двадцати двух лет – арестован на пароходной пристани в селе Каменском, Викентий Семёнович Луба (он же Сова) – арестован у себя на квартире. И, наконец, Порфирий Денисович Баралей арестован 14 мая помощником пристава сыскной полиции Соколинским в селе Привольном.

Из показаний арестованных выяснилось, что в ограблении Кононенко принимали участие: Масловский, Држевецкий, Пехотинский, Величко и ещё один, пока не разысканный. В разбойном нападении на дом Брауна и убийстве его семьи участвовали: Луба, Држевецкий, Масловский, Таразевич и Баралей.

Далее полицией арестована владелица парикмахерской Софья Асс, как давшая приют заведомым для неё разбойникам, подмастерье той же парикмахерской Артём Антонович Коломиец, семнадцати лет, изготовлявший разбойникам грим перед каждым их выступлением. Кроме того, арестован также квартирохозяин Величко – Алексей Иванович Скаленко (дядя Баралея), сорока трёх лет. А. И. Скаленко, не принимая активного участия в разбойных выступлениях, был душой шайки. Он познакомил и свёл с шайкой своего племянника Баралея, знавшего отлично Екатеринославский уезд. Он, Скаленко, принимал деятельное участие в выработке планов нападений и набегов, у него же производился делёж денег. При обыске его квартиры, в сарае, завёрнутым в полотенце и закопанным в земле, найден револьвер.

СЛЕДСТВИЕ

В первую голову разбойники признались в приписываемых им преступлениях, а затем рассказали, что собирались ограбить кассира Днепровского завода и убить охраняющих его двоих стражников. Далее рассказали, что 19 апреля по дороге из села Кинь-Грусть в Каменское, они ограбили крестьянина Ивана Матина. И, наконец, двое из них – Величко и Ковалёв 10-11 мая ездили в Кодаки с целью убить извозопромышленника Алексея Беспалого по подговору сына его Андрея Беспалого (сын мстит отцу за якобы неправильный раздел имущества). Убийство это не состоялось по не зависящим от них обстоятельствам. На основании этих признаний разбойников, арестован и Андрей Беспалый, который, кроме того, обвиняется в ограблении еврея Бейлина, которое он совершил совместно с Величко 10 августа 1911 года.

Всеми действиями чинов полиции лично руководил и давал необходимые указания уездный исправник В. Г. Павлов, выезжавший в Чистополь, Никополь, Александровск, Лавровку и Каменское.

Все арестованные молодые люди в возрасте от девятнадцати до двадцати четырёх лет. Большинство из них бывшие рабочие Днепровского завода и двое крестьянских парней. По виду это самые заурядные деревенские парни с ординарными лицами, ничего специфически разбойничьего в них не замечается. Все без исключения опознаны, вызванными в Каменское перевозчиком Левиным, лавочником Витохиным, содержателем пивной в Александровске Пискуновым и крестьянином Одуженком. В разбойном нападении на хутор Кононенко и дом Брауна все они сознались и лишь не говорят, кто резал женщин и детей в доме Брауна.

Рассказывают о своих разбойных нападениях без тени сожаления или раскаяния, но и без бахвальства. Каким-то полным тупости и безразличия тоном рассказывают о том, как молили жена и дети Брауна не убивать их... Рассказали они сыскной полиции и ещё о двух убийствах, совершённых ими в 1910 году – это убийство на плотках на Днестре у села Каменское и о разбойном нападении на еврея Бейлина.

По этим их нынешним заявлениям дела эти будут возобновлены, хотя одно из них уже и было рассмотрено судом, причём один из ныне арестованных был оправдан за недостаточностью улик. Вооружение разбойников состояло из четырёх револьверов, причём из всех револьверов был лишь один стреляющий. Только паническим страхом перед нападающими можно объяснить, что население колонии Чистополь, где в каждом доме есть ружья, не отразило нападения разбойников. Все разбойники взяты под стражу и под руководством пристава Днепровского завода охраняются усиленно.

Арест разбойников и сделанные ими признания о разбойных своих похождениях произвели сенсацию не только в Каменском, но и во всей округе. Выясняется следующее не лишённое интереса обстоятельство. До конца 1911 года эта разбойничья банда не имела особой сплочённости и промышляла случайными грабежами, так сказать, между делом. Большинство ведь разбойников работали на Днепровском заводе и в других предприятиях Каменского.

С тех пор, как один из разбойников Прохор Величко поселился на квартире у рабочего Днепровского завода Алексея Скаленко, последний тоже примкнул к разбойной организации и вскоре стал вдохновителем всех последующих выступлений. У Скаленко был племянник, молодой парень Порфирий Баралей. Этот самый Баралей одно время, правда, очень не долго служил сельским писарем в Екатеринославском уезде, затем служил конторщиком в больших имениях того же уезда. Отсюда у него обширные знакомства с крупными имениями в уезде. Выработывая сложные планы набегов на помещичьи и крупновладельческие усадьбы, А. Скаленко решил привлечь к организации своего племянника Баралея. При его участии и был составлен список крупных владений в уезде, оброненный разбойниками при нападении на хутор И. Кононенко.

Активного участия в разбойных выступлениях сам Скаленко не принимал. Он по-прежнему работал на заводе и своей солидностью, ему сорок три года, отвлекал всяческое подозрение от собиравшейся в его квартире молодёжи, а между тем на этих-то собраниях и обсуждались планы разбойных нападений. Разбойники не отрицают, что выступления их имели бы значительно большие размеры, ежели бы у них было лучшее и в достаточном количестве оружие. С теми же бутафорскими револьверами, что были в их распоряжении «на большое дело» они не рисковали выходить и предпочитали набеги на не защищаемые усадьбы.

Трудно предположить, сколько дел обнаружится ещё за арестованными ныне в Каменском разбойниками. Кроме разбойных нападений на хутора Кононенко и Брауна и ряда других преступлений, до сего времени оставшихся нераскрытыми, и в которых они за последние дни сознались, прибавилось и ещё одно: это убийство в Каменском рабочего Азаренко. Следствие по делу производит, допрашивая разбойников там, на месте в Каменском, следователь по особо важным делам А. А. Поляков под наблюдением товарища прокурора г-на Ащеулова. По всей вероятности, дело этих разбойников будет передано военному суду для суждения по законам военного времени. По этому же делу арестована и жена Алексея Скаленко, у которого была штаб-квартира разбойников – Александра Скаленко.

Разбойники, отправляясь на грабёж в колонию Чистополь, имели в виду ограбить колониста-менонита К. Паульса, и только случайностью объясняется то, что они попали к соседу К. Паульса Д. Брауну. На этих днях менонит К. Паульс приезжал в Екатеринослав хлопотать о разрешении ему свидания со всеми разбойниками для религиозно-нравственных бесед. А когда ему в этом было отказано, Паульс вручил полиции для передачи разбойникам десятка два менонитских брошюрок религиозно-нравственного содержания на русском языке.

По делу нападения на дом Брауна арестован ещё и крестьянин деревни Александровка николайпольской волости Кулик. Ему предъявлено обвинение в том, что он направил разбойников на дом Брауна, сказав, что тот недавно получил 3000 рублей денег. Как теперь уже вполне достоверно установлено, разбойники направлялись в Чистополь к Паульсу, и только после указания Кулика, что у Брауна есть 3000 рублей, изменили план и учинили разбойное нападение на дом Брауна.

Об аресте последнего из разбойников – Ковалёва. После того, как он скрылся на пароходе из Каменского вверх по Днепру, пристав Днепровского завода Снежко-Блоцкий и его помощник Дубонос учредили тщательное наблюдение за квартирой Ковалёва, проверяя её и по ночам. Но Ковалёв домой не возвращался. 30 мая пристав Снежко-Блоцкий агентурным путём узнал, что Ковалёв живёт в порту Адлер Черноморской губернии, скрываясь там под фамилией сапожника Гавриила Перцова.

Тотчас же начальнику уезда было послано телеграфное требование об аресте Ковалёва и доставки его в Екатеринослав этапным порядком. Действительно, приставу порта Адлер г-ну Продолинскому вскоре удалось разыскать и арестовать Ковалёва, и в настоящее время он этапным порядком доставляется в Екатеринослав. С арестом Ковалева, нашумевшая за последний месяц разбойничья шайка, ликвидирована окончательно. Дело передаётся военному суду [4].

Комментарий: Какой тяжести приговор был вынесен членам разбойной шайки, осталось неизвестным. Также остаётся непонятным, почему дело «Каменских разбойников» передали военному суду. Ведь 1912 год не отмечен в истории Российской империи, как проходящий под знаком военного времени. Впрочем, после того, как 1 марта 1881 года бомбой Игнатия Гриневицкого был смертельно ранен император Александр II, 14 августа 1881 года было утверждено «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Согласно этому вердикту, генерал-губернатор или министр внутренних дел были вправе передать любое дело, могущее «послужить поводом к возбуждению умов и нарушению порядка», военному суду для рассмотрения в закрытом заседании, в том числе и подсудное окружному суду с участием присяжных заседателей.

Возможно, что именно эта норма и была применена в отношении к делу «Каменских разбойников», как могущее «послужить поводом к возбуждению умов и нарушению порядка».

ТАЙНЫЕ КАБАКИ И ПРИТОНЫ

(«Южная Заря», 22.02.1912)

«...попечения о плоти не превращайте в похоти».

Послание к Римлянам 13. 14.

Одним из существенных зол Каменского являются тайные кабаки и притоны. И те, и другие торгуют бойко, ибо здесь допускается самый широкий кредит «до получки» в заводе.

Трудно сказать, что хуже – тайный ли кабак, где рабочий спускает до последнего гроша полумесячную получку, или тайный притон, служащий рассадником всяческих болезней. Борьба с этим злом принудительными мерами цели не достигает: выселенный из одного дома, притон перекочёвывает в другой, где процветает там до обнаружения. Обнаружить же притон не так легко.

Особенно «упорным» притоном является притон М. Матусовской: в нём-то в ночь на 19 февраля и был произведен приставом Т. В. Проценко обыск. Около двух часов ночи полиция окружила дом и принялась стучать в двери. Не открывали очень долго. В квартире застали

нескольких рабочих. При дальнейшем обыске нашли ловко-задрапированный и заставленный мебелью вход в коридор. Здесь вот, укрывшимися в голубятне, расположенной в коридоре, и нашли женщин притона, нашли их также на печке.

Содержательнице притона Матусовской составили четвёртый по счёту протокол и дело о ней направили уездному члену суда, а женщин переписали и на следующий день отправили к заводскому врачу для освидетельствования, а затем выслали в Екатеринослав [5].

СТРАШНОЕ ПО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

(«Южная заря», 19.01.1913)

«Они, дойдя до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытностью».
Послание к Ефесеям 4. 19.

На днях в Каменском произошло страшное по обстоятельствам преступление, жертва которого стала молодая девушка Соколовская. Подробности таковы: Соколовская часов около десяти вечера вышла из дому, направляясь к костёлу. Путь был неблизкий и, устав, она по дороге села отдохнуть. В это время к ней подскочили двое молодых людей, из которых один, набросившись на неё, обхватил и сжал её словно железным кольцом, а товарищ его выхватил из кармана флакон с серной кислотой, плеснул ею в лицо беззащитной девушки. К счастью, жертва негодяев инстинктивно закрыла глаза руками, и кислота обожгла лишь лицо. Далее, негодяи сняли с ног Соколовской ботинки и тою же кислотой облили ей ноги и затем отрезали косу. На крики несчастной стал сбегаться народ, и негодяи скрылись. Говорят, что Соколовская в одном из насильников признала своего жениха. Положение пострадавшей не поддаётся описанию [6].

М. Р.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ НА ДНЕПРОВСКОМ ЗАВОДЕ

«Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы».
1 Послание к Коринфянам 15. 33.

Та же Екатеринославская газета «Южная заря» в номере от 7 марта 1913 года опубликовала заметку «Министерство путей сообщения и Каменской завод». Вот её содержание.

«На страницах нашей газеты уже сообщалось о подделке Каменским заводом казённых клейм на частных и правительственных заказах, благодаря чему никуда не годные, сфабрикованные наспех и из недоброкачественного материала фабрикаты сдавались железным дорогам, адмиралтейству, казённым оружейным и частным заводам. Само собой разумеется, что вся почти тяжесть от этой хитроумной затеи обрушилась на главных заказчиков и клиентов завода, преимущественно, следовательно, на железные дороги и ведающий ими орган – министерство путей сообщения.

Далее, как уверяют, для раскрытия преступления местной прокуратурой приглашён был в эксперты, как специалист, инспектор по приёму заказов, инженер путей сообщения И. И.

Тихонов. Последний, стараясь по возможности добросовестно исполнить свою миссию, предпринял целый ряд поездок «на места» и, собрав уличающий заводоуправление материал, стал приводить его в систематический порядок. Однако в самый решительный момент дело закончилось не менее решительным финалом. Как уверяют, местным окружным судом получена от министерства путей сообщения «бумага», в которой указывается, что г. Тихонов, состоя членом целого ряда приёмочных, проверочных и ревизионных комиссий, и без того перегружен работой. Замечательно, что в тот же день, от того же министерства и такого же характера «бумага» была получена и г. Тихоновым» [6].

Комментарий: В этой истории привлекают внимание два момента.

1. Подделка клейм на Днепровском заводе не могла происходить без ведома директора-распорядителя Эрнеста Сундгрена. Пытаясь получить прибыль даже на недоброкачественных фабрикатах, он не мог не понимать, какими последствиями может обернуться такая затея. Случись авария на железной дороге по причине поломки рельсов, это повлекло бы за собой человеческие жертвы.

2. Дело получило широкую огласку и дошло до правительственных сфер. Но вдруг самая заинтересованная в раскрытии экономического преступления сторона – министерство путей сообщения, фактически отзывает эксперта Тихонова от участия в расследовании инцидента. Почему? Надо полагать, что лишь личное вмешательство директора-распорядителя Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества (ЮРДМО) Игнатия Ясюковича, долгое время руководившего Днепровским заводом, потушило разгорающийся скандал. Доверие И. Ясюковича к Э. Сундгрону поколебалось, и последний, несмотря на все свои административные и профессиональные достоинства, перестал быть для И. Ясюковича кандидатом номер один на замещение поста руководителя ЮРДМО. Однако честь мундира и стремление не допустить падения высокого авторитета продукции Днепровского завода на российском и мировом рынках, заставило И. Ясюковича, имеющего прочные связи в правительственных, финансовых и министерских кругах, пойти на сделку с совестью. Тяжба была замята, скандал потушен.

УБИЙСТВО И САМОУБИЙСТВО В КАМЕНСКОМ («Южная Заря», 1913)

«Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом».
Послание к Галатам 5. 15.

Под утро 29 апреля 1913 года в селе Каменском была зверски убита местная жительница – молодая девушка Фаня Гиршевна Витлин. В пять с половиною часов утра 29 апреля приставу М. В. Снежко-Блоцкому сообщили об этом, и он в сопровождении полицейского надзирателя Г. Дубоноса немедленно же отправился в дом Герасимовича по Немецкой улице, где жила Витлин.

Во дворе дома он нашёл Фаню Витлин, лежавшей на земле без признаков жизни, покрытую платком. Труп был ещё тёплый. Фаня Витлин была изнасилована и удушена. Пристав Снежко-Блоцкий отправил стражника за судебным следователем, а сам принялся опрашивать соседей о предполагаемом убийце. Путём этих опросов удалось установить, что за покойной

ухаживал некий Алексей Михайлов, который в предыдущую ночь был у Витлин, его видели около часу ночи, гуляющим с Витлин во дворе. Оставив полицейского надзирателя Дубоноса у трупа, пристав Снежко-Блоцкий совместно с приставом уездной сыскной полиции И. И. Погореловым отправился на квартиру Михайлова. Самого Алексея не было дома, а его старик-отец заявил полиции, что сын возвратился с погулянок около четырёх часов утра и, пробыв несколько минут дома, снова ушёл.

Вызвав сюда и помощника пристава уездной сыскной полиции г. Нечипоренко с агентами, пристав Снежко-Блоцкий пустился на розыски, а в квартиру Михайлова послал стражника Орлова. В момент после ухода полиции и до прихода стражника Алексей Михайлов приходил домой, но, узнав, что его разыскивает полиция, скрылся. Стражник доложил об этом приставу. Полиция разбилась на несколько небольших отрядов, и вскоре одному из последних удалось арестовать Михайлова на улице. Личный обыск его не дал компрометирующих его данных, а всякую причастность к убийству он отрицал. Произвели тщательный обыск в квартире Михайливых и в сарае обнаружили вещественные доказательства.

Во время обыска в квартире Михайливых, дом, где жили последние, осадила громадная толпа любопытных. Чтобы несколько «осадить» толпу от дома вышел обыскивающий Михайлова помощник пристава г. Нечипоренко. Этим воспользовался Алексей Михайлив и выпил флакон нашатырного спирта. Корчась в судорогах и потеряв сознание, он замертво свалился на пол. В тяжёлом состоянии его отправили в больницу Днепровского завода и поставили у него охрану из стражников.

Убитой Фане Витлин было всего шестнадцать лет, убийца Алексей Михайлов немного старше. Дело передано следственным властям. По позднейшим сведениям, полученным нами по телефону вчера вечером, Алексей Михайлов жив и находится на пути к выздоровлению. Вчера днём произведено судебно-медицинское вскрытие трупа Витлин [7].

Г.С.

ХРАБРЫЙ ИЗВОЗЧИК

(«Отклики жизни» №331 от 24.09.1913)

22-го сентября житель с. Каменского Экслер, взяв на бирже извозчика, поехал на пристань. Дорогой извозчик заявил, что он меньше рубля двадцати копеек за извоз не возьмёт. Седок в свою очередь напомнил ему о таксе. Недолго думая, извозчик повернул лошадей в обратную сторону и стал без всякого повода наносить Экслеру побои. Безобразие было замечено городовым Пустоваровым, который задержал «храброго» возницу и доставил в участок. При дознании в полиции извозчик пытался скрыть свою фамилию. В лице задержанного извозчика оказался местный крестьянин Семён Грицан, не имеющий номера на право заниматься извозом. Грицан привлекается к судебной ответственности.

ЗАДЕРЖАНИЕ

(«Отклики жизни» №331 от 24.09.1913)

«...будем есть и пить, ибо завтра умрём!»

За появление в публичных местах в нетрезвом виде задержаны и отправлены в кордегардию до отрезвления: Иван Гулупов, Алексей Ермоленко, Николай Васюкович, Алексей Головнёв, Томаш Клоучек, Порфентий Хрицко и Трофим Сердюк. Все вышеперечисленные лица привлекаются к судебной ответственности [69].

Справка: Кордегардия Каменского (от французского «corps de garde» – помещение для военного караула), располагалась в здании полицейского участка в районе современного Заводского исполкома).

ЗАБАСТОВКА НА ДНЕПРОВСКОМ ЗАВОДЕ 1916 года

«Сии люди допустили идолов своих в сердце своё...»
Книга пророка Иезекииля 14. 3.

В апреле 1916 года на Днепровском заводе в Каменском произошли события, последствия которых вылились в политический судебный процесс.

Первая мировая война принесла Каменскому, как и всей Российской империи, тяжёлые испытания. В связи с мобилизацией, на фронт были призваны две с половиной тысячи металлургов Днепровского завода. Их рабочие места заняли военнопленные и мобилизованное население из так называемых «среднеазиатских владений». Впоследствии по настоятельной просьбе администрации Днепровского завода, значительная часть рабочих была отозвана с фронта и возвращена в Каменское: металлургический гигант нуждался в квалифицированных кадрах для выполнения главнейших военных заказов.

В апреле 1916 года на Днепровском заводе произошла стачка. По своему размеру и характеру это было наиболее крупное выступление трудящихся за всю историю предприятия. Её начали рабочие котельного цеха. Узнав, что их заработная плата в марте будет ниже, чем в феврале, котельщики бросили работу. Бастующие требовали установления поденной оплаты в размере 2 рублей 30 копеек (не считая военного пособия) и введения 8-часового рабочего дня. Дирекция уволила всех котельщиков – участников забастовки.

Недовольство рабочих, искусно подогреваемое социал-демократическими агитаторами, вылилось в массовую забастовку. В знак солидарности с котельщиками начали бросать работу металлурги других цехов. Из пяти доменных печей завода действовали только две, их обслуживали немецкие и австро-венгерские военнопленные. Производственная деятельность предприятия была практически парализована. В условиях мировой войны действия социалистов-агитаторов, фактически выступивших агентами Германского империализма, справедливо рассматривались, как преступление против существующего строя, ведь завод выполнял важнейшие военные заказы.

22 апреля 1916 года заводоуправление Днепровского завода вывесило объявление о том, что рабочим 1-го ремонтного отделения предлагается приступить к работе 23 апреля, в противном случае невышедшие будут рассчитаны с предприятия [91]. Однако забастовка продолжалась. И тогда директор завода А. С. Макомаский объявил локаут. Все забастовщики объявлялись «выбывшими из числа рабочих со всеми вытекающими отсюда последствиями».

(Локаут – массовое увольнение работников с целью оказания на них экономического давления и прекращения забастовок). Но, не смотря на это, забастовка длилась ещё четыре недели. На помощь администрации пришли правительственные власти. В Каменское прислали дополнительные подразделения войск и полиции, назначили государственную комиссию, начались аресты среди членов стачечного комитета и агитаторов. Благодаря совместным действиям администрации завода и властей, которые, впрочем, трудно назвать энергичными, забастовку удалось погасить, а предприятие продолжило работу над военными и иными заказами.

Среди арестованных И. Беседов, Е. Локтюхов, А. Беспалов, А. Губа, Н. Коллюбаев. М. Арсеничев. Показательно, что в краеведческой литературе советского периода не приводятся никакие документальные подтверждения ни общего количества бастующих, ни подробностей судебного процесса, который, по всей видимости, происходил в Екатеринославе. Все сведения о забастовке и её результатах основаны на устных воспоминаниях «старых большевиков». Не смотря на условия военного времени, зачинщики всеобщей забастовки отделались удивительно мягкими наказаниями. Из наиболее достоверных сведений можно выделить следующие:

Исаак Беседов, уполномоченный от коллектива рабочих при переговорах с администрацией, принимал активное участие в подготовке и проведении забастовки: уволен с завода с «волчьим билетом», то есть, без права трудоустройства на Днепровском заводе. Позже арестован, посажен в тюрьму, осужден к ссылке.

Евдоким Локтюхов: член стачечного комитета, содержался в Екатеринославской тюрьме, по решению суда его отправили в Сибирь, потом отдали в солдаты.

Алексей Губа, уполномоченный электроцеха во время забастовки: арестован и отправлен на фронт.

Николай Коллюбаев, активный участник забастовки, арестован и отправлен на фронт.

Николай Новиков, активный участник забастовки: попал в «чёрный список», впоследствии уволен с завода.

Василий Слайковский, активный участник забастовки: как неблагонадёжный элемент уволен с завода с «волчьим билетом».

Владимир Тржасковский, член стачечного комитета: заключён в Екатеринославскую тюрьму, позднее отправлен на фронт [49].

Наиболее полную информацию удалось отыскать о судьбе участника апрельской забастовки М. Арсеничева. В Екатеринославской газете «Звезда» в №2 за 1924 год опубликована статья С. Потураева «Памяти т. Арсеничева». В ней находим:

«М. И. Арсеничев, сын рабочего родился в Кайдаках. Отец его перешёл впоследствии работать на завод в Каменское, где заставил 15-летнего Мишу бросить книгу и взяться за молот в котельном отделении. 18 лет т. Арсеничев уехал в Ленинград, где работал по заводам. В это время он уже состоял членом партии социал-демократов – большевиков. В 1914 году тов. Арсеничев работал в Бежице, затем обратно уехал в Ленинград и стал принимать самое активное участие в работе партии. Преследуемый на каждом шагу тайной полицией и жандармерией, он часто менял квартиры, работая под фамилией Фахнин. В апреле 1916 года тов. Арсеничев приехал в Каменское, где принял участие в апрельской забастовке на Днепровском заводе. За три недели пребывания его в Каменском, преследуемый полицией, он ни разу не ночевал дома у отца. Затем он вновь выехал по делам партии в Ленинград. По дороге тов. Арсеничев сделал остановку в Нижне-Днепровске, в квартире тов. Власенко, но ночью был, вместе с тов. Власенко, арестован и препровождён в

Екатеринославскую тюрьму. В заключении он держал себя бодро, как революционер. После 4-х месячного заключения тов. Арсеничева, закованного отправили в Верхоленск Иркутской губернии. Февральская революция 1917 года освободила его; в апреле он приехал из Сибири в Каменское и поступил в механическое отделение завода токарем. Затем он работал в профсоюзе» [8]. Февральская революция 1917 года освободила и остальных участников апрельской забастовки в Каменском.

Справка: Потураев Сергей Алексеевич, 1888 года рождения, член КП(б)У с 1917 года. По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 4 октября 1937 года был обвинён в антисоветской агитации и осужден к 10 годам лагерей.

РЕВОЛЮЦИЯ И ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

**«Не надейтесь на грабительство, и не тщеславьтесь хищением».
Псалтирь. Псалом 61. 11.**

Февральская революция 1917 года не оставила сколько-нибудь заметного следа в истории преобразования судебной системы. Временное правительство начало кадровую чистку, учредив органы по расследованию правонарушений царской бюрократии, уволив наиболее реакционных судей и прокуроров.

День 3 июня 1917 года навсегда связал историю Каменского с Временным правительством. Селу Каменскому был придан статус города. Вопрос преобразования села Каменского в городское поселение имел давнюю и весьма болезненную историю. Через двадцать-двадцать пять лет после строительства Днепровского завода Каменское разъединилось на две противоположные части: собственно село и ухоженный заводской посёлок с великолепными каменными строениями Верхней и Нижней колоний.

Крестьянское общество в сравнении с прибывшими сюда разночинцами составляло незначительную часть. Всего число разночинцев в этот период доходило до 24-х тысяч человек. Отношения между селянами и новыми землевладельцами формировались на основе аренды, срок которой заканчивался в 1908 году, когда и был инициирован разночинцами процесс придания селу статуса городского устройства.

Документы, подготовленные разночинцами, были отправлены на рассмотрение Екатеринославского губернатора. Последний поддержал их предложение: «Каменское, в связи с особенным торгово-промышленным положением и многими торговыми организациями, с большими ежегодными оборотами, желательно реорганизовать в городское поселение». Однако данный проект не учитывал интересов Южно-Русского Днепровского Metallургического Общества. Правление ЮРДМО выступило с резкой критикой предполагаемого проекта. В свою очередь, на сельских сходах 1908 и 1909 годов при участии большинства населения, идея городского устройства не нашла своих сторонников.

Но разночинцы не сдавались. 13 апреля 1917 года Министерством внутренних дел и местными административными властями были представлены ходатайства в Совещание Товарищей Министров Временного правительства о преобразовании сельских поселений в города. Под №1 было указано село Каменское Екатеринославской губернии. И 3 июня 1917 года решением Министерства внутренних дел село Каменское преобразовано в город с

присвоением ему наименования Каменский. Казалось, разночинцы могли торжествовать. Но извлечь реальную пользу от долгожданного события им не удалось. Данное решение Временного правительства вызвало целую бурю возмущения и негодования в среде крестьян Каменского. Дело могло перерасти в открытое неповиновение властям.

О ВВЕДЕНИИ ГОРОДОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ («Народная жизнь» Екатеринослав. №114 от 29.07.1917)

Поселковый сход, обсудив предложение местного исполнительного комитета о введении городского положения и приняв во внимание, что с введением такого село лишится доходов с базаров, земельных участков, сдаваемых в аренду разночинцам, а также других статей дохода, с предложением комитета не согласился, причём избрал однообщественников А. Е. Семича и С. Н. Кучера для делегирования в Петроград, уполномочив их ходатайствовать перед Правительством об оставлении прежнего поселкового управления.

Уполномоченные в настоящее время обратились в Совет министров с просьбой о приостановлении введения в посёлке городского положения. Со своей стороны, губернский комиссар В. И. Осипов запросил губернскую управу, следует ли разрешить вопрос этот в положительном или отрицательном смысле. Того или иного решения этой кардинальной важности вопроса всё население ждёт с понятным нетерпением, так как все, без исключения, слои местного населения так или иначе заинтересованы в нём.

Каменчанин [79]

.....
Миссия однообщественников А. Семича и С. Кучера, по-видимому, удалась, и Временное Правительство наложило мораторий на введение в Каменском городского управления. Разночинцы вновь оказались у разбитого корыта. Дальнейшие бурные события, проходившие в бывшей Российской Империи, отложили в долгий ящик вопрос о реальном преобразовании села Каменского в город.

.....
В Украине в короткий период её независимости, то есть, времени Центральной Рады (март 1917 – апрель 1918 гг.), гетманского государства (апрель – ноябрь 1918 г.) и Директории (ноябрь 1918 – ноябрь 1920 гг.) судебная система и охрана общественного порядка не были ориентированы на принципы московского большевизма. Ещё весной 1917 года началось стихийное зарождение «Вільного козацтва» на Киевщине, Екатеринославщині, Черниговщині. Отряд вольных казаков был сформирован и в Каменском. Доброжелательное отношение и поддержку отряда проявила сельская община Каменского, поэтому как раз на её территории квартировали гайдамаки.

В селе Романково, как и в других сёлах, в 1917 году были основаны так называемые «парубоцькі спілки», народные органы защиты общественного порядка.

«На сторінках «Народной жизни» уже говорилось, що у нас у Романкові і Аулах заснувались парубоцькі спілки; завдяки їм припинилось, як у Аулах, так і у нас парубоцьке розбишацтво. Розбишацькі сили не хотіли смиритися: вночі з 31 серпня на 1 сентября аульського парубоцького голову убито, а на другий же день уночі стріляли на романківського парубоцького голову, не попали в того, а попали в матір.

У неділю 24 сентября на сході було вирішено:

1) просити, щоб українське військо після війни не розходилося, а берегло українську землю;

- 2) задля боротьби з розбишацтвом завести вільне козацтво;
- 3) на історичних Романківських могилах, де відбували запорожці свої ради, поставити пам'ятника запорожцям, а також в пам'ять запорожців відкрити Народний дім і школу – технічну і агрономічну. Там же на сході була вибрана комісія по улаштуванню справ з пам'ятником і школами;
- 4) було вирішено по цій справі звернутися до потомків запорожців, кубанських козаків, за допомогою грішми.

Того ж дня комітет по улаштуванню пам'ятника приступив до роботи Через день 26 сентября зійшлись на сход «старі дядьки» и стали кричать, що їм нічого не надо і под Народний дім вони магазин не отдадут, а лучше спалить. Сбежалась молодёжь, і на сході утворився скандал. Старики кричали на молодёжь, а молодёжь на стариков. В конце концов, провели сбор в помощь «українському війську». Зібрали много зерна, картошки, другого, а також денег. На Покрову просвітники ходили з карнавками і збирали гроші для українського війська, зібрали 127 карбованців 83 копійки» («Народная жизнь» 12.10.1917. №171. Орфография сохранена) [9].

.....
25 октября 1917 года пало правительство Керенского. Октябрьский переворот даёт законченный и классический пример не реформаторских, а действительно решительных революционных преобразований судов. Сразу же после переворота революционные массы организуют собственные суды, из которых наибольшей известностью пользуется народный суд Выборгской стороны Петрограда под председательством рабочего Василия Чакина.

Большевики считали обязанностью пролетарской революции не реформирование судебных учреждений, а совершенное уничтожение, сметание до основания всего старого суда и его аппарата. Ленин констатировал, что эту задачу революция успешно выполнила. Вместо старого суда стал создаваться новый, советский суд, построенный по классовому принципу «участия трудящихся и эксплуатируемых классов, – и только этих классов, – в управлении государством».

В России пришли к власти революционеры, в разношерстной среде которых ярко выделялась партия безбожников-коммунистов, представленная, в основном, выходцами из русской и еврейской интеллигенции. В Киеве 7 ноября Центральной Радой принят и опубликован Третий Универсал, (то есть, «декларация»), подводивший итог происшедшим в стране событиям, а также обозначивший перспективу будущих преобразований. Вначале Украина объявляется «Украинской Народной Республикой» (УНР) с сохранением федеративной связи с будущей демократической Россией. На втором этапе УНР провозглашается независимой державой с переходом к законодательной и реформаторской деятельности.

Конституция Украинской Народной Республики 1918 года установила, что судебная власть в рамках гражданского, уголовного и административного законодательства осуществляется исключительно судебными органами. В период правления гетмана П. Скоропадского своё законодательное закрепление получили положения, в соответствии с которыми Генеральный Суд Украинской державы представлял собой высший суд по административным делам.

Однако на практике судопроизводство выглядело иначе. В стране бушевала Гражданская война, инспирированная московским большевизмом, и на театрах военных действий не могло быть и речи о справедливом и беспристрастном судопроизводстве.

18 февраля 1918 года в Украину по просьбе Центральной Рады двинулись кадровые немецкие, а 27 и австро-венгерские войска общим числом 450 тысяч человек. В боевом отношении это сразу же решило задачу изгнания большевиков, но фактически придало союзной австро-германской помощи характер оккупации украинской территории. Иноземцы начали активно вмешиваться во внутренние дела державы, применяя на её территории «законы военного времени».

«ЮРИДИЧЕСКОЕ УБИЙСТВО»

«Но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы».
Евангелие от Иоанна 3. 9.

В 1917 году после свержения самодержавия в Каменском образовалось просветительско-благотворительное Чехословацкое общество. Его председателем стал Эмиль (Богумил) Карлович Ципись, почти сорок пять лет проживший в России. Чешская диаспора Каменского была немногочисленной, но на виду. Её представители служили на Днепро-вом заводе, составляли костяк заводского оркестра, открыли на Песках пивоварню «Словацкая», где варили славящееся на всю округу пиво.

Кроме того, на Днепро-вом заводе Каменского в связи с военными действиями мировой войны работали военнопленные. В 1917 году их число доходило почти до 3,5 тысяч человек, среди которых было немало чехов. Члены Каменского Чехословацкого общества встречались со своими пленными товарищами, которые всегда находили дружеское расположение со стороны местных жителей.

СПРАВКА

Настоящим удостоверяется, что г-н Эмиль Ципись, как самый старший член нашей чешской колонии в Запорожье-Каменском под одобрительный гул на общем собрании нашего, уже прекратившего существование Общества, был единогласно избран председателем. Свою патриотическую деятельность проявил как своим трудом, так и всевозможными денежными пожертвованиями и своей великолепной библиотекой, которую подарил нашему бывшему товариществу, чем заслужил всеобщее признание.

Запорожье-Каменское 6 мая 1920 года.

Алоиз Калина, заместитель председателя Чехословацкого общества.

Т. Смейкал, С. Углик, члены исполнительного комитета.

.....

Первым общественным действием Чехословацкого товарищества в Каменском было устройство торжественного обеда в честь пленных чехословацкой национальности, которые решили примкнуть к Чешскому военному корпусу. Всего при поддержке Чехословацкого общества из Каменского были отправлены три воинские группы общим числом 312 человек, что составило целый армейский батальон. Любопытно, что первая группа добровольцев, в количестве 207 человек, отправилась на воссоединение с чешским войском при Временном правительстве. Вторая (78 человек) – во время правления Центральной Рады 24 ноября 1917 года, а третья (27 человек) – уже при большевиках, накануне оккупации Каменского австро-венгерскими частями 10 марта 1918 года.

Комментарий: Чехословацкая дружина в составе Русской армии из числа пленных чехов и

словаков, рекрутированных в австро-венгерскую армию, была создана в 1914 году. Потом за счет притока военнопленных ее преобразовали в полк, затем бригаду, а в конце года развернули в дивизию. Уже после Февральской революции сформировалась вторая дивизия, а 9 октября 1917 года Чехословацкий корпус получил официальное признание Временного правительства, рассчитывавшего иметь в его лице надежную войсковую единицу, которую можно было бы использовать и внутри страны для противостояния большевистской оппозиции. В эти годы Чехия и Словакия под предводительством Томаша Масарика вели борьбу за создание суверенного государства. Основные части чешского корпуса располагались в Украине. Здесь Масарик издал воззвание к чешским военнопленным и жителям чехословацкой национальности. Масарик призвал пленных вступать в ряды чехословацкого войска, а жителей – участвовать в денежном займе на пользу образования независимого государства.

.....

В Каменском Эмиль Ципль созвал общее собрание, на котором планировалось обсудить вопрос о революционном займе чехословацкого народа. На собрании произошёл раскол. Одна часть товарищества выступала за заём, другая противилась этому. Верх взяла позиция Ципля и его угроза выйти из Общества. Решение о займе чехословацкому народу было принято.

Характерно, что третью группу добровольцев пришлось спешно провожать 10 марта 1918 года не с паровой пристани Каменского, а уже с вокзала станции «Гритузная», так как оккупации Каменского следовало ожидать со дня на день. И действительно, 11 марта в Каменском, по свидетельству Эмиля Ципля, «появились первые жандармы-венгры, затем отряд немцев, и пошло-поехало, пока всю Украину не запрудили враги, которые стали править не в её пользу, а скорее с прохладцей, что проявилось в отношении к бедным людям».

АРЕСТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ОБЩИНЫ

«Я был трижды арестован и находился в логове моих злейших врагов – венгров и немцев, которые угрожали мне расправой. Я был оговорен изменником Йозефом Прокопом из Моравии, и против меня велось следствие. Главное обвинение заключалось в том, что, будучи в президиуме, я имел влияние на своих земляков-пленных, с которыми я встречался, и был душой первого и второго торжественного банкета, устроенного нашей общиной. Моё участие в банкете, как председателя Общины было наибольшим, я стоял под знаменем во время торжественных проводов отбывающих в войска дружинников. Я чуть не очутился на виселице только за то, что меня, как председателя Общества, изменник Прокоп обвинил в том, что я вёл агитацию среди пленных, призывая их к чехословацкой независимости и созданию чехословацкого государства на руинах Австрии. За мной приходил отряд из двенадцати человек со штыками, и меня вели под стражей в свой штаб, что вызвало большой резонанс у местных жителей. В третий раз я был арестован в своём жилище. Конечно, меня постигла бы участь тех семнадцати молодых парней, но за свободу я должен благодарить свой паспорт, в котором значилось, что я являюсь русским подданным».

Из письма Эмиля Ципля президенту Чехословакии Томашу Масарику. 1922 год.

Комментарий: Замечание Эмиля Ципля по поводу своего паспорта является весьма интересным и заслуживающим внимания. Русское подданство спасло жизнь председателю чешского общества в Каменском, что указывает на наличие у австро-венгров определённых сдерживающих факторов по отношению к местному населению оккупированной территории.

«ЮРИДИЧЕСКОЕ УБИЙСТВО»

День 6 июня 1918 года для чешской колонии в Запорожье-Каменском стал роковым и одновременно неизгладимо памятным. Венгр Мойс, оберлейтенант-аудитор (прокурор) военно-полевого суда, командир Екатеринославского гарнизона лишил жизни 17 молодых чехословацких военнопленных, которые находились в Каменском. Их приравняли к дезертирам за неявку в гарнизон, чтобы продолжить службу в рядах австро-венгерской армии. Защитником на суде был венгр.

«Мадьяр не был силён в немецком и не совсем хорошо понимал наших братьев чехов, к тому же не блистал ораторским искусством. Всё это было на руку негодяю Мойсу. Судьи-венгры под давлением приговорили наших братьев к высшей мере через повешение. Прокурор быстро подписал приговор, а на следующий день состоялась казнь. Данное дело получило название «юридическое убийство», и каждый боялся что-либо возразить по этому поводу. Казнь через повешение унизила нас, имеющих столь славных предков. Было потеряно семнадцать невинных жертв. Среди них было девять чехов, шесть уроженцев Моравии и два валашца. Публичная казнь состоялась в Екатеринославе 6 июня в 6 часов утра 1918 года».

Приговор приводился в исполнение очень поспешно, так как Мойс опасался, что ему могут помешать. Когда священник попросил у Мойса разрешения телеграфировать императору Карлу, прокурор ответил: «Не задерживайте казнь, в этом случае не требуется решения императора», – и дал приказ палачам поторопиться.

Жертвы стояли по двое под каждой виселицей, венгерские солдаты находились по левую и правую стороны от осужденных. Венгр-палач, встав на стульчик, надевал петли на шеи осуждённых. На казни присутствовал священник, который протягивал каждому крест для последнего поцелуя. Среди приговорённых к смерти был один молодой человек – Мартин Шкрован, у которого не оказалось пары. Вид казни произвёл на этого осуждённого просто нечеловеческий ужас. И он, в ожидании своего черёда, наблюдал, дрожа от страха, как на виселице умирают его товарищи.

На казни присутствовали и чешские жандармы, один из которых передал Эмилю Циплю список земляков в том порядке, в каком они стояли друг за другом. В Екатеринославе венгры говорили, что в случившемся нет их вины, ведь военнопленных выдали их земляки – чех Коутски и Йозеф Прокоп из Моравии, и что венгров вынудили к этой мерзкой работе.

Однако Эмиль Ципль не был согласен с таким объяснением. «Но почему тогда это не сделали немцы? – вопрошал он. – Арестованных можно было одеть в военную форму и послать на верную смерть на фронт. И погибнуть они могли честно в бою, а не мерзко, как преступники. В скором времени подтвердилось, что без подписи императора Карла никто не мог быть казнён. Предатель Йозеф Прокоп из Моравии хвастался фотоснимком и злорадно показывал его для острастки».

«Не будь изменников, в нашей колонии ничего бы не изменилось, однако расплаты им не миновать. Эмиль Ципль, бывший председатель чехословацкого общества в Запорожье-Каменском» [10].

Комментарий: Впоследствии советская пропаганда переименовала «юридическое убийство» чехословацких военнопленных на свой лад и изобразила его, как террор австро-венгров против Екатеринославских рабочих. Хотя на фотографии, представленной в качестве доказательства, отчётливо видно, что казнённые одеты в военную форму.

.....

В конце ноября 1918 года германские войска получили приказ оставить Украину. Покинули Каменское и австро-венгерские части.

В новейшей истории Европы ни одна страна не пережила такой всеохватывающей анархии, такой заклантой гражданской борьбы, как Украина в 1919 году. Шесть разных армий действовали на ее территории: украинская, большевистская, белая, Антанты, польская и анархистская. Меньше, чем за год Каменское девять раз переходило из рук в руки. И каждый раз это сопровождалось грабежами и кровавым террором побеждающей стороны. Противоборствующие силы попеременно выступали то в роли палача, то в роли жертвы. Белогвардейцы расстреливали евреев и большевиков, красные расстреливали белых, григорьевцев и петлюровцев, григорьевцы – евреев и красных. Украина в 1919 году стала страной, которой легко можно было овладеть, но невозможно управлять. Вокруг Каменского свистели нагайками атаманы Нестор Махно и Матвей Григорьев. Вояки Григорьева заняли Каменское и организовали еврейские погромы, селяне Аул и Романково, разозленные последствиями политики большевиков, присоединились к григорьевцам.

МАТЕРИАЛ ПО ОБВИНЕНИЮ НАЧАЛЬНИКА КАМЕНСКОЙ МИЛИЦИИ МЕРКУШИНА В СВЯЗИ С БЕЛОГВАРДЕЙЦАМИ

«Они измеряют себя самими собою и сравнивают себя с собою неразумно».
2 Послание к Коринфянам 10. 12.

В начале 1920 года в Каменском была окончательно установлена Советская власть. Но уже 13 марта 1920 года на общем собрании Каменской ячейки компартии большевиков произошёл скандал. Бывший начальник Каменской ЧК, на то время Военный комиссар Каменского товарищ Н. Лубкин, в присутствии 38 членов и 17 кандидатов в члены КП(б)У обвинил начальника Каменской милиции товарища В. Меркушина в связи с белогвардейцами.

Поначалу размеренное течение собрания не предвещало ничего экстраординарного, пока на трибуну не поднялся товарищ Лубкин. Он заявил общему собранию, что «Комитет Партии назначает на ответственные посты явных контрреволюционеров – белогвардейских приспешников и в то же время оставляет за бортом старых членов партии, зарекомендовавших себя активностью и честностью». Немедленно начались дебаты, из коих выяснилось, что «никто их присутствующих членов партии не остаётся за бортом». И тогда общее собрание потребовало от военкома Каменского «указать лиц, занимающих ответственные посты и принадлежащих к контрреволюционному лагерю». Повинуясь партийной дисциплине, бывший чекист Лубкин «указал на Начальника милиции тов. Меркушина, обвиняя его в пьянстве с офицерами в течение периода пребывания в Каменском денкинцев». Однако в последующих прениях ряд ораторов высказались против показаний Лубкина. И в Выписке из протокола Общего собрания Партии Коммунистов, большевиков Украины г. Каменского 1920 года дня 13 марта появилась запись:

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Поручить тов. Лубкину подать в Парком письменный материал по обвинению тов. Меркушина.
2. Комитету партии разобрать и дать соответствующий ход делу.

Председатель собрания Гурло
Секретарь Каролик

В дело активно подключилась Каменская ЧК, и в ходе расследования появился «Материал по обвинению начальника Каменской милиции Меркушина в связи с белогвардейцами. Начато 13 марта 1920 года, окончено 3 апреля 1920 года, на 22 листах» [44]. При рассматривании факта пьянства Меркушина было допрошено семеро свидетелей: двое показали «да, было», пять «нет, не было».

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1920 года марта 14 дня я, следователь следственной комиссии при Каменском исполкоме допрашивал нижеследующую гражданку в качестве свидетельницы, и она показала:

«Я, гр. Лисицына Евдокия Яковлевна, возраст 45 лет, неграмотная, проживаю при муже, беспартийная, семейное положение – 5 душ, неимущая. По делу сему могу показать следующее: что во время деникинской реакции, когда белогвардейцы первый раз вошли в Каменское, старший брат Меркушина Иван ездил в г. Екатеринослав выручать арестованного Сыровца, откуда и приехал с белогвардейцами, то есть, с отрядом, первый раз вступившим в Каменское после отхода войска Дыбенко. Я видела: следующие пять дней с начала входа белых, Меркушин Василий был арестован и потом, благодаря ходатайству брата Ивана, освобождён. В благодарность чего на квартире у Ивана Меркушина с участием Василия была устроена попойка. В вышеизложенном подписываюсь ++ +».

.....

Из заявления самого Меркушина В. Д. в Каменской райпарком следует, что начальником деникинской контрразведки в Каменском был Хвостов, сотрудники Куколан, Котьма, Локалинский. Им активно помогал Рогель. Меркушина хотели расстрелять, но упростила беременная жена, и его посадили в Екатеринославскую губернскую тюрьму. «Из тюрьмы я был освобождён вместе с тов. Родиным, Усановым по ходатайству раскаявшегося бандита Рогеля».

Комментарий: «Раскаявшийся бандит Рогель» – один из членов рабочей делегации Днепропетровского завода, присутствовавшей в июле 1919 года в Екатеринославе на приёме у генерала Деникина. Его речь произвела на всех особенное впечатление: «Во время войны мы были оборонцами, во время большевизма – контрреволюционерами. Приветствуем вступление Добровольческой армии и благодарим за избавление от большевизма. В работе нашей отныне нет саботажа».

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

**Сахаров Яков Андреевич,
бухгалтер финотдела, 30 лет**

«Во время белогвардейской реакции я первый раз видел гр. Василия Меркушина в контрразведке, дом №12 на Верхней колонии. По наружному виду страшно удручённого и, как впоследствии лично убедившись, избитого. Сидел в заключении при Каменской страже вместе с Меркушиным два дня, после чего я был освобождён. О дальнейших действиях Меркушина сведений дать не могу никаких».

.....

После следствия, проведенного Каменским Политбюро (то есть, ЧК), был собран парком Каменской организации, на котором присутствовали товарищи Гречнев, Кочегура, Петруша, Фомин, Беседов, Филипяк и сам член губпаркома товарищ Аверин. Рассматривался «материал, собранный Политбюро по обвинению Лубкиным т. Меркушина в пьянстве и дружбе с деникинскими офицерами в период реакции на Украине». И в Протоколе №15 заседания Комитета Партии КБУ Каменской организации от 20 марта 1920 года была сделана следующая запись:

ПОСТАНОВИЛИ

Рассмотрев заявление Лубкина по обвинению т. Меркушина в пьянстве и дружбе с деникинскими офицерами в период господства на Украине деникинцев, заявление Меркушина по предъявленному ему Лубкиным обвинению, протоколы допросов свидетелей обеих сторон и заключение Политбюро, Комитет Партии находит:

Основанное на ложных слухах, распускаемых лицами, подвергавшими Меркушина, как Начальника милиции, за провинность и невыполнений распоряжений власти, обвинение недоказанным, на основании чего восстанавливаются права т. Меркушина. Лубкин обвиняется:

- 1) В нарушении дисциплины, путём подачи заявления на Общее собрание, обходя Комитет Партии.
- 2) В подаче Общему собранию заведомо ложного заявления.
- 3) В неосновательной попытке-угрозе застрелить Начальника милиции Меркушина при исполнении им служебных обязанностей.

Комитет партии с одной стороны исходя из важности обвинения, брошенного Лубкиным Паркому и Меркушину, и с другой, за неимением улик и фактов, устанавливающих виновность Меркушина, находит, что т. Лубкин не может быть терпимым в семье коммунистов и подлежит исключению из партии.

Председатель собрания Гречнев.

.....

На Общем собрании компартии большевиков Украины Каменской организации при председателе собрания Луковцеве и секретаре И. Петруше от 3 апреля 1920 года (присутствовали 31 член партии и 12 кандидатов) постановление паркома об исключении Лубкина из семьи коммунистов утвердили. Дорого обошёлся военкому Каменского Лубкину демарш против начальника Каменской милиции.

P.S. Однако дальнейшая судьба героев этой истории оказалась на редкость схожей. Меркушин Василий Данилович, родился в 1891 году в селе Маклаки Жиздринского уезда Калужской губернии, русский, член КП(б)У, женат, имел двух сыновей. Военной коллегией Верховного Суда СССР 29.03.1938 года был обвинён в принадлежности к контрреволюционной организации и осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. На момент ареста работал начальником админуправления завода имени Дзержинского. Его брат Меркушин Иван Данилович, родился в 1887 году в городе Людиново Калужской губернии, русский, член КП(б)У, женат, имел двоих детей. Особым совещанием НКВД СССР 28.03.1938 года был обвинён в контрреволюционной деятельности и осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. На момент ареста работал на заводе имени Дзержинского.

Лубкин Николай Константинович, родился в 1886 году в селе Каменское Екатеринославского уезда, русский, из рабочих, образование начальное, женат, имел двоих дочерей, член ВКП(б). Постановлением Особого совещания НКВД от 31.03.1936 года обвинён в

контрреволюционной деятельности и осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Вопрос, как ему удалось восстановить своё членство в рядах партии, остаётся открытым.

СУД НАД СУПРУГАМИ МОРОЗ

«Воздают мне за добро злом, за любовь мою – ненавистью».
Псалтирь. Псалом 108. 5.

Но первым сугубо политическим процессом победившей Советской власти, стал суд над каменскими дворянами – директрисой женской гимназии Анны Оттовны Мороз и её супругом Спиридоном Тимофеевичем Морозом.

Ещё 7 (20) декабря 1917 года Совет Народных Комиссаров по предложению Ф. Э. Дзержинского принимает постановление об учреждении Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Только по официальным данным, ВЧК и размножившиеся на местах «чрезвычайки» за первый год своей работы (1918 год – половина 1919 года) арестовали лишь в 20 губерниях 87 тысяч и расстреляли 8.389 человек. ВЧК, первоначально обязанная передавать расследованные дела на рассмотрение революционных трибуналов, не только получает право расстреливать своей властью, но даже обзаводится собственным Особым ревтрибуналом, где председательствуют глава ВЧК Ф. Э. Дзержинский и его доверенные сотрудники, не связанные какими-либо процессуальными формами.

В самые бушующие годы революции, гражданской войны с её непрерывными сменами власти, налётами банд, австро-венгерской оккупацией и голодом в Каменском продолжали функционировать мужская и женская гимназии. Начальницей частной женской гимназии пребывала одна из наиболее известных и колоритных фигур Каменского Анна Оттовна Мороз, которую считали образцом директрисы и учительницы. Её супруг, Спиридон Тимофеевич Мороз, состоял учителем рисования той же гимназии. Он также занимал пост секретаря «Общества ревнителей женского образования» и был редактором Каменской ежедневной общественной и литературной газеты «Отклики жизни». Супруги Мороз проживали в жилых комнатах подведомственной им гимназии.

Разумеется, педагоги старой школы не могли искренне принять большевистское преобразование общества. Понимая, что преподавателей гимназий не перекуёшь, а характер «старорежимного» просвещения не втиснешь в прокрустово ложе классового подхода, Советы нанесли удар по самой гимназической системе. В 1919 учебном году был произведен последний выпуск гимназистов, учившихся по классической программе, и открылась смешанная гимназия для совместного обучения мальчиков и девочек. На острие удара находился Михаил Ковалевич, заведующий Каменским отделом народного образования, по инициативе которого от руководства Женской гимназией отстраняется её основательница и бессменная директриса Анна Оттовна Мороз. Сам Ковалевич получил образование в одном из старейших университетов Европы городе Дерпт (Тарту) на историко-философском факультете. После перевода летом 1917 года в Каменское, Ковалевич поселился в престижном и комфортабельном Доме Учителей на Верхней колонии.

После вхождения в Каменское Добровольческой армии в июле 1919 года, деникинская контрразведка принялась обыскивать дома, в которых проживали местные большевики и

советские активисты. Их ожидали арест и допрос. Некоторых арестованных отправляли в Екатеринославскую тюрьму, после чего (как, например, того же М. Ковалевича) отпускали по домам, при условии их регистрации через день в контрразведке.

В середине августа около летнего яхт-клуба был организован банкет и гуляние для деникинских офицеров и гражданской элиты Каменского. На банкете присутствовали и супруги Мороз. В разгар гуляния контрразведчикам пришла в голову мысль поиздеваться над обидчиком Анны Мороз – реформатором Каменской системы образования Михаилом Ковалевичем, выставив его на посмешище перед публикой. Придя к нему за полночь домой, «пригласили» посетить яхт-клуб. Выведя Ковалевича на берег Днепра, в район многочисленных заливчиков, находящихся на границе Песков и Нижней колонии, остановились. Очевидно, здесь состоялся крупный разговор не по сценарию контрразведчиков, и один из них, придя в ярость, ударил стойкого учителя кортиком. Для верности довершили дело выстрелом из револьвера в упор, а тело сбросили в реку. Наутро 15 августа труп Ковалевича обнаружили здешние жители, а на месте расправы – большие пятна крови [11].

После того, как Каменское заняли большевики и установили здесь советскую власть, супруги Мороз были арестованы и преданы суду. На протяжении пяти дней – с 21 по 26 марта 1920 года – в большом зале Екатеринославской гостиницы «Франция» заседал революционный военный трибунал под председательством Д. Лебеда. Анну Отговну и Спиридона Тимофеевича Мороз обвиняли в организации убийства М. М. Ковалевича.

Комментарий: Лебедь Дмитрий Захарович (1893 – 1937). Советский государственный и партийный деятель, член РСДРП(б) с 1909 года. После Февральской революции 1917 года – член Екатеринославского Совета рабочих депутатов. В 1918 – 1920 годах – на ответственной работе в Наркомате внутренних дел Украины, в Екатеринославском губкоме КП(б)У и губисполкоме. На XVI – XVII съездах партии избирался членом ЦК ВКП(б). На Пленуме ЦК ВКП(б) 11 – 12 октября 1937 года исключён из партии (вместе с первым секретарём Днепропетровского обкома М. М. Хатаевичем), репрессирован и расстрелян, как враг народа.

.....

Фешенебельная гостиница «Франция» имела свою непростую историю. В 1890-е годы во время строительного бума в Екатеринославе, количество новых отелей значительно увеличилось. В середине 1890-х годов Моисей Карпас купил у Андрея Бабушкина два дома на Екатерининском проспекте между Первозвановской и Воскресенской улиц. В объединённых в единый комплекс и благоустроенных по проекту Станислава Редлера зданиях открылся «Hotel de France». С началом мировой войны некоторые отели, которые содержались немецкими и австрийскими подданными, в том числе «Франция», «Астория», «Лондон», на некоторое время прекратили свою работу. Потом начались конфискации и реквизиции отелей для военных нужд: в них размещались госпитали и другие воинские учреждения. Но, не смотря на тяжёлое время, некоторые предприниматели ещё питали надежду на улучшение обстоятельств. Григорий Карпас, сын и наследник основателя «Hotel de France», заказал архитектору Александру Красносельскому проект перестройки отеля на многоэтажное здание [12]. Но революция разбила его надежды. Во время гражданской войны здесь размещалась деникинская контрразведка. Сидевший в этом «заведении» украинский поэт Валерьян Полищук описал своё пребывание в контрразведке и побег. После окончательного установления Советской власти, то ли по иронии судьбы, то ли соблюдая парадоксальную преемственность, в гостинице «Франция» заседал военный трибунал.

Как известно, декреты советской власти о суде от 24 ноября (7 декабря) 1917 года, от 7 марта

1918 года и 30 июня 1918 года предусматривали новую систему судебного процесса. Суды, начиная с первого декрета, могли руководствоваться прежними законами «лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Положение о народном суде от 30 ноября 1918 года запретило ссылаться в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств. Апелляция отменялась и допускалась лишь кассация решений. В отношении доказательств суд не был стеснен никакими формальными соображениями.

В судебную систему входили также революционные трибуналы. Они руководствовались отдельно издаваемыми законами, начиная с декрета от 4 мая 1918 года. По Положению о революционных трибуналах от 12 апреля 1918 года на революционные трибуналы возлагалось «рассмотрение дел о контрреволюционных и всяких иных деяниях, идущих против всех завоеваний Октябрьской революции и направленных к ослаблению силы и авторитета Советской власти». Революционным трибуналам предоставлялось «ничем не ограниченное право в определении меры репрессии». При вынесении приговора они руководствовались исключительно оценкой обстоятельств дела и интересами пролетарской революции. Судьям и заседателям предписывалось руководствоваться не законом, а революционной совестью и революционным правосознанием. Именно суд революционного военного трибунала и выносил приговор по делу супругов Мороз.

Много странностей происходило на этом публичном процессе. Анна Оттовна держала себя с поразительным достоинством. Одной из главных свидетельниц обвинения стала Анна Подчасова, ученица женской гимназии. Дочь рабочего, скончавшегося от смертельной травмы на Днепровском заводе, она, тем не менее, обрела возможность под крылом Анны Оттовны получить образование в самом престижном учебном заведении Каменского. Как раз по предложению Подчасовой заведующий отделом народного образования Ковалевич отстранил Мороз от руководства гимназией. Теперь пламенная комсомолка добывала свою былую благодетельницу суровыми разоблачениями. Абсолютной несурязицей выглядели показания Подчасовой в том, что она лично слышала, как на гулянии в яхт-клубе супруги Мороз сговорились с белыми контрразведчиками о расправе над Ковалевичем. По своему социальному положению, подкреплённому активной «антиморозовской» позицией, Анна Подчасова просто не могла находиться на вечеринке денкинских офицеров со сливками Каменского общества. Попытка законоучителя гимназии православного священника Константина Высоцкого выступить в защиту обвиняемых ни к чему не привела.

Трибуналом не было принято во внимание косвенное доказательство непричастности обвиняемых в соучастии преступления: они, не чувствуя за собой никакой личной вины в смерти Ковалевича, не покинули Каменское вместе с Белой армией, хотя и имели такую возможность, и на время бурных событий укрывались в селе Романково. Ревтрибунал под председательством Д. Лебеда приговорил супругов к высшей мере наказания – расстрелу. Ходатайство подсудимых во ВЦИК о помиловании было решительно отклонено, и в июне 1920 года карающий меч революции привёл в исполнение приговор над «лютыми врагами Советской власти, организаторами зверского убийства талантливого педагога и революционера Михаила Максимовича Ковалевича». Анна Оттовна и Спиридон Тимофеевич Мороз были расстреляны [13].

Комментарий: 17 января 1920 года ВЦИК и СНК отменили смертную казнь, однако сохранили право военных трибуналов, ревтрибуналов и «чрезвычайек» применять расстрел в районах, на которые распространялась власть реввоенсоветов фронтов. Если чекистам

хотелось кого-либо убить, тем более дворян, они просто этапировали жертв в такой район и там казнили. Так что у Спиридона Тимофеевича и Анны Оттовны Мороз не было никаких шансов сохранить себе жизнь.

МАТЕРИАЛ ПО ОБВИНЕНИЮ КСЕНДЗА ТОМАШЕВСКОГО К. Т. В ДИСКРЕДИТАЦИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И КОМПАРТИИ

**«Никто не может служить двум господам... Не можете служить Богу и маммоне».
Евангелие от Матфея 6. 24.**

Политические события 1917 года и Гражданской войны поначалу не очень затронули религиозную жизнь в Каменском. В самые бурные годы кровавых междоусобиц, когда Каменское переходило из рук в руки, местные церкви и дома молитвы продолжали свою деятельность. Однако гонения на «инакомыслящих» священников начались практически сразу после установления Советской власти.

В 1917 году настоятелем костёла был назначен пятидесятирёхлетний ксёндз Игнатий Мицкевич. Ксёндз-профессор Духовной семинарии в Саратове, настоятель и армейский капеллан в Астрахани и Одессе, он за заслуги перед Католической Церковью и обществом был награждён орденом Святого Станислава 3-й степени и наперсным крестом.

В ночь с 17 на 18 июня 1919 года он в числе 28 человек администрации Днепропетровского завода был арестован по постановлению местного ЧК. Арестованные, которых обвиняли в противодействии большевизму, были заперты в подвале под комиссариатом. Впоследствии часть задержанных отпустили, а остальных 17 человек отправили в Екатеринославскую Чрезвычайную Комиссию. Там было освобождено ещё 13 человек, а трёх инженеров – Шафрановского, Ходоцкого, Боговича и ксёндза Мицкевича чекисты приговорили к расстрелу. Этим инженерам также удалось освободиться, а ксёндза, очевидно, как самого опасного для большевиков противника, отправили на баржу на Днепре, которую предполагалось во время пути взорвать и затопить. Но начался обстрел Екатеринослава казаками генерала Антона Деникина, стража при барже разбежалась, и ксёндзу Мицкевичу вместе с другими лицами, удалось бежать и скрыться в городе.

26 июля 1919 года в Каменское вновь вступили отряды Добровольческой армии, а с ними и техперсонал, рабочие Днепропетровского завода, оставившие Каменское 13 июля при наступлении красных. Вместе с Добровольческой армией в Каменское вернулся и Игнатий Мицкевич. При очередной угрозе занятия Каменского красными, Игнатий Мицкевич, как первый кандидат в расстрельный список большевиков, выехал в Польшу и работал в Люблинской епархии [11].

С сентября 1919 года администратором и единственным священником Каменского приходского костёла Святого Николая становится ксёндз Константин Томашевский. Это был решительный, умный и мужественный человек. Он родился в 1883 году, рукоположен в священники в 1909 году, тогда же и получил свою первую должность викария приходской церкви во имя Святого Иосифа-обручника Пресвятой Девы Марии города Николаева. 21 сентября 1919 года им совершено первое крещение в костёле Святого Николая.

19 мая 1921 года ксёндз Константин Томашевский был арестован местной ЧК (по странности называемой Политбюро) по обвинению в дискредитации Советской власти и Компартии [46]. Факт дискредитации заключался в отказе администратора костёла обвенчать в храме местного жителя, проживавшего по Староверовской улице в доме №6, большевика Леопольда Блощак. Разумеется, большевик Блощак этого оставить не мог и подал заявление на священника с требованием заставить последнего совершить таинство бракосочетания над ним и его невестой гражданкой Вальнер. Чекисты начали дознание и направили администратору костёла предъявление с требованием «объяснить своё поведение». Константин Томашевский держал себя со свойственным ему мужеством и присутствием духа.

В КАМЕНСКУЮ МИЛИЦИЮ

В ответ на предъявление милиции от 17 мая, сообщаю, что Леопольд Блощак не католик, а по постановлению Римско-католической церкви исполнять требы над не католиками не имею права.

Каменское, 17 мая 1921.

Настоятель кс. Томашевский.

.....

После этого в местное политбюро, то бишь, ЧК был вызван в качестве свидетеля товарищ Блощак для дачи показаний по существу вопроса.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Мая 18 дня 1921 года я, нижеподписавшийся Блощак Леопольд Иосифович, 28 лет, вероисповедание римско-католическое, грамотный, под судом и следствием не был, допущен в качестве свидетеля и по существу дела показал следующее.

6 мая сего года я с гражданкой Вальнер обручился гражданским браком в Отделе ЗАГС, но её родители, желая, чтобы наш брак был прочнее, обязали нас в том, чтобы мы обвенчались в костёле или церкви. Я думал обвенчаться в костёле, так как сам католик. Придя первый раз к ксёндзу, первым делом он меня спросил: были ли вы в партии? Я ему ответил, что да – состоял и состою членом КПБ (то есть, коммунистической партии большевиков – авт.) с 1919 года мая месяца в Смоленской организации командных курсов комсостава. Услышав от меня таковой ответ, он мне объявил, чтобы я дал в костёле при публике отречение от партии, говоря, что я, как член партии, недостойн даже быть в костёле, ибо коммунисты, как разбойники, не должны быть в костёле. В свою очередь, я ему сказал, что я об этом разговоре заявлю в исполком. Он сказал, что заявляйте куда хотите, я ничего не боюсь. Больше показать ничего не могу, в верности показанного расписываюсь.

.....

И вот уже завертелась чекистская машина по делу, которое ещё три-четыре года назад было просто немислимо в условиях власти «старого режима».

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

гр. Томашевского Константина Теофиловича, 38 лет, грамотен, ксёндз, беспартийный – сочувствующий христианской социал-демократической партии.

Опрошенный в качестве обвиняемого, показываю: приблизительно 9 или 10 мая ко мне пришёл гр. Блощак Леопольд и попросил у меня принять его невесту в католичество, исповедать его и обвенчать. Я согласился с условием, если он даст официальное отречение от большевистско-коммунистической партии, как враждебной Богу и церкви. Он сначала соглашался, но когда пришёл последний день, он отказался, и на этом основании я его не венчал, так как он не католик.

Вопрос: Откуда Вы взяли, что коммунист не может быть верующим человеком.

Ответ: Потому, что коммунизм не признаёт никакой религии.

Вопрос: Кто дал Вам разрешение требовать от коммунистов подписки об отречении от своих взглядов?

Ответ: Так как гр. Блоцак коммунист, а коммунизм – партия, отрицающая религию, то если он желает, чтобы я исполнил над ним религиозные обряды, он должен отречься от коммунизма.

Вопрос: Но Вы не ответили прямо на вопрос.

Ответ: Ни от кого письменного распоряжения я не получал, но практика мне говорит, что я должен так сделать.

Вопрос: Бывают ли у Вас проповеди в костёле, во время которых Вы задевали политические партии, обсуждали их политические дела?

Ответ: Никогда, никаких.

Вопрос: Говорили ли Вы слушателям что-либо о компартии?

Ответ: Нет, никогда с кафедры не говорил.

Вопрос: А в частных беседах?

Ответ: Я отказываюсь дать на это ответ.

Вопрос: Агитировали ли Вы против Соввласти?

Ответ: Никогда.

Вопрос: Для чего Вы настаивали, чтобы гр. Блоцак отрёкся при молящихся громогласно от партии?

Ответ: Нет, я такого требования не выставлял.

Вопрос: Почему же Вы требовали подписи, ведь Бог должен верить на слово, а не бумажке.

Ответ: «Вера высказывается в деле», – говорил апостол Яков, а бумажка тоже дело.

Вопрос: Раз Соввласть не от Бога, признаёте ли Вы её?

Ответ: В гражданских вещах подчиняюсь, а в религиозных нет. В гражданских – постольку, поскольку не противоречат Церкви.

Допрос провёл замуполномоченный II группы – подпись.

.....

Воистину, «Господь мне помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек?»

После проведенного допроса у чекистов не осталось двух мнений относительно дальнейшей судьбы католического священника. Дискредитация Советской власти и коммунистической партии была налицо.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1921 года мая 19 дня, я, помощник уполномоченного II группы Секретно-Оперативного Отдела Каменского Полит-Бюро, рассмотрев обвинительный материал предварительного следствия по делу гр. Томашевского К. Т., обвиняемого в дискредитировании Соввласти и Компартии, арестованного по ордеру Полит-Бюро, нашёл, что гр. Томашевский К. Т. Обвиняется в дискредитировании Соввласти и Компартии.

Постановил избрать меру пресечения до суда и следствия заключение под стражу в арестном доме при Гормилиции. Постановление объявлено обвиняемому под расписку.

.....

Узнав об аресте своего настоятеля, местные католики решили, во что бы то ни стало, отстоять его. Написав коллективное письмо председателю исполкома А. Лихоманову, верующие направили к нему делегацию для вручения прошения об освобождении священника.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ РАЙИСПОЛКОМА

Нижеподписавшиеся граждане г. Каменского римско-католического вероисповедания обращаются к Вам с просьбой оказать содействие к немедленному освобождению из-под ареста ксендза Томашевского. Арест его лишает массу католиков, живущих в Каменском, духовных треб и вызывает совершенно излишнее нервное настроение у населения. Не предвещая вопроса о виновности кс. Томашевского, нижеподписавшиеся просят о немедленном его освобождении, при чём согласны взять его на поруки со всеми вытекающими из этого последствиями.

Каменское, 19 мая 1921 года.

.....

Просьба возымела действие, и председатель исполкома Андрей Лихоманов наложил на неё резолюцию с предложением Полит-Бюро освободить арестованного. Но помощник уполномоченного Секретно-Оперативного Отдела Каменской чрезвычайки остался при своём мнении, и следствие было продолжено.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

гр. Москаля Бронислава Николаевича, 27 лет, грамотен, беспартийный, рабочий. 17 мая сего года я с гр. Блощак пошел к ксендзу Томашевскому для переговоров по поводу его венца. Тов. Блощак ему сказал: «почему Вы называете большевиков бандитами и разбойниками?» Он ответил: «потому, что они такие и есть. Пусть Блощак венчает Троцкий, а если Блощак хочет, чтобы я его венчал в костёле, пусть всем даст публичное отречение от всяких политических партий».

20 мая 1921.

.....

После таких изобличающих показаний в крамоле ксендз Томашевский был вновь вызван на допрос.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

гр. Томашевского К. Т.

Вопрос: Скажите, с кем приходил к Вам гр. Блощак 17 мая?

Ответ: Он приходил со своей невестой, а потом вторично пришёл с каким-то мужчиной.

Вопрос: Членов партии социал-демократов или эсеров Вы можете обвенчать без подписи?

Ответ: Не обвенчал бы.

Вопрос: Если Вам было приказано из исполкома обвенчать Блощака – обвенчали бы его?

Ответ: Нет, не обвенчал бы.

Вопрос: Не выразились ли Вы так: «пусть меня расстреляют, арестуют, я буду мучеником, но Блощака прокляну, и он не будет счастлив в этой жизни»?

Ответ: Я проклинать не имею права, эту фразу только без слов «Блощака прокляну», я говорил.

Вопрос: Не говорили ли Вы: «пусть Блощака венчает Троцкий»?

Ответ: Да, это я сказал.

Вопрос: Почему же именно Троцкий?

Ответ: Потому что о Троцком везде говорят, он управляет Россией.

.....

Обойти резолюцию председателя исполкома на заявлении прихожан костёла чекисты всё же не могли, и инструктор-организатор Екатеринославской губернской чрезвычайной комиссии (ЕГЧК) направил Лихоманову письмо-внушение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КАМЕНСКОГО РАЙИСПОЛКОМА
г. Лихоманову

На поданное Вам заявление от гр. гр. римско-католического вероисповедания с просьбой освободить ксендза Томашевского, на котором имеется Ваша резолюция, как от исполкома, с предложением Политбюро освободить Томашевского, это объясняется тем, что райисполком вмешивается в оперативные дела Политбюро. (Скорее всего, полуграмотный чекист имел в виду слово «расценивается», но употребил «объясняется» – авт.). Такое явление с Вашей стороны не допустимо. Политбюро является вспомогательным органом Екатеринославского Губчека и работает под руководством последней и, подчиняясь непосредственно ей, то есть Губчека. Политбюро должно всеми мерами оказывать райисполкому и его отделам содействие для укрепления Соввласти. Но подчинено политбюро райисполкому быть не может. А посему впредь прошу не вмешиваться в оперативные дела Политбюро, а только просить последнее в оказании содействия. В данный момент Ваше предложение считаю неправильным.

Инструктор-организатор ЕГЧК.

.....

Однако Андрей Лихоманов предложение «не вмешиваться» посчитал личным оскорблением. Его взрывной непредсказуемый нрав уже давно был притчей во языцех местных острословов. Это о нём сложили нехитрый стишок с явным намёком на дореволюционное прошлое председателя Каменского исполкома: «Специалист по выделке карманов – красный нарком Лихоманов». Лихоманов по существу своего характера был руководителем авантюрного склада, бравшего горлом и нахрапом. По сути, его мало интересовала судьба священника, но допустить, что кто-то ограничивает его власть, Лихоманов просто не мог.

Можно приводить многочисленные примеры авантюристических, волюнтаристских действий Андрея Матвеевича Лихоманова. В 1917 году он входил в Каменской «Комитет спасения революции», наделённый диктаторскими полномочиями, возглавляя в нём комиссариат общественной безопасности. Во время конфликта между Каменским «Союзом служащих» и администрацией Днепровского завода вечером 11 ноября 1917 года «на ковёр» в комиссариат был вызван вице-директор завода К. Клюковский. Военно-революционный комиссар Лихоманов заявил вице-директору, что если все условия служащих не будут удовлетворены, то администрации и вообще всем жильцам Верхней колонии предстоит ожидать весьма «некрасивых последствий». И в четвёртом часу утра Лихоманов, появившись на заводской электростанции, приказал отключить сеть, подающую электричество в квартиры старших служащих. Затем отключили водопровод в домах Верхней колонии.

Или другой пример. В июне 1921 года в Каменском работала смешанная комиссия в составе представителей Бронеукра, ЦПТИ, промвоенсовета и ВУЧК. В задачу комиссии вменялось выяснить масштабы разбазаривания Днепровского завода. 30 июня ею был подготовлен документ следующего содержания.

Комиссией установлено: «На фоне общей разрухи возник конфликт между заводом и местной властью (управляющим Зотовым и предрайисполкомом Лихомановым). Райисполком усвоил себе взгляд на завод, как на свой отдел снабжения и несколько раз требовал материалы с завода, угрожая Ревтрибуналом. Комиссия считает необходимым снять с должности предрайисполкома, начальника политбюро, начальника милиции, как несоответствующих (занимаемым должностям)» [48].

.....

В общем, Андрей Матвеевич Лихоманов являл собой тип руководителя новой формации. И после того, как он получил ультимативное письмо ЧК с требованием «не вмешиваться, а только просить», председатель исполкома лично пошёл освобождать католического

священника. О чём чекистский замуполномоченный написал соответствующую докладную записку.

Завполитбюро

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Довожу до Вашего сведения о факте, имевшего место в Политбюро. 19 сего года мая согласно Вашего разрешения мною был арестован гр. Томашевский. Приблизительно часов в 7 вечера ко мне явилась делегация от католического населения Каменского в количестве шести человек с подпиской о том, что они берут на поруки кс. Томашевского в виду того, что он один ксёндз, и некому производить манипуляции, называемые богослужением. На этом заявлении была резолюция предисполкома Лихоманова, который «приказал» арестованного гр. Томашевского освободить. А в виду того, что дело было следствием не окончено, и я, как Уполномоченный, не имею права никого освобождать без санкции завполитбюро, я и отказал, написав об этом соответствующее отношение предисполкому.

Через минут 10-15 эта делегация явилась вторично с запиской от т. Лихоманова, адресованной на имя дежурного по политбюро, с приказанием освободить арестованного. Дежурной по бюро была т. Мурашко. Не зная своих обязанностей, ввиду того, что она не была инструктирована и недавно работает, она хотела, было, освободить. Но тов. Дудников, как старый сотрудник, объяснил ей её права, и она отказалась от освобождения. Тов. Дудников сам объяснил это Лихоманову, который не замедлил явиться в политбюро сам и с криком набросился на т. Мурашко. Несмотря на то, что т. Лихоманову указано, что уездполитбюро подчиняется непосредственно уездмилиции, а затем Екгубчека, он не обратил на это внимания и приказал освободить гр. Томашевского. Дежурный по бюро т. Мурашко таки отказалась, и он сам написал начальнику арестного дома предписание об освобождении ксёндза. Кроме того, он объявил всем сотрудникам, чтобы все исполняли его приказания «и точно, быстро и аккуратно». Затем он заявил о том, чтобы арестовали «фрукта», приехавшего из Губчека, отобрали у него мандат и выслали в 24 часа из Каменского.

Находя эти распоряжения предисполкома в корне неправильными, так как он совершенно не понимает или, вернее, не хочет понимать того, что мы, как уездполитбюро, не подчиняемся райисполкому, нахожу, что т. Лихоманов действует анархическим путём, превышает власть. Прошу Вашего распоряжения о затребовании санкций об аресте предисполкома Лихоманова. Считаю не лишним добавить, что такое поведение т. Лихоманова действует возбуждающе на массы (около здания милиции собралась толпа католиков).

Замуполномоченный II группы
20/V-21.

Подпись

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я, замуполномоченного II группы, рассмотрев дело по обвинению гр. Томашевского К. Т., нахожу необходимым дело для заключения передать в секретно-оперативный отдел Губчека.
21/V-21 Подпись [46].

.....
К счастью для администратора Каменского католического прихода ксёндза Томашевского демарш председателя исполкома возымел действие, и чекисты решили до поры до времени оставить священника в покое. Костёл продолжал существовать, но это уже был закат некогда процветающей католической парафии. А крепшая с каждым днём власть продолжала свои упражнения по контролю над всеми сферами жизни Страны Советов.

Второго июня 1925 года Екатеринославским Губадминотделом был зарегистрирован «Устав Римско-католической имени Святого Николая Общины», который был вынужден подписать ксёндз Томашевский. Самым многозначительным был 11-й пункт Устава из раздела шестого «Порядок закрытия общества».

– Общество может быть закрыто:

- а) по постановлению соответствующего исполкома или НКВД;
- б) вследствие ареста части членов общества.

.....

В том же 1925 году на смену ксёндзу Константину Томашевскому, который, предупреждённый о готовящемся аресте, был вынужден выехать из Каменского, в костёл прибыл новый священник Яков Розенбах. Судьба его оказалась ещё более трагичной, нежели ксёндза Константина Томашевского [11, 20, 54]. Но апофеозом борьбы с религией и её носителями – священникам и верующими-мирянами – стал декрет Совнаркома от 15 мая 1932 года, объявивший так называемую «безбожную пятилетку», результатом которой должно было явиться закрытие всех молельных домов в СССР к 1 мая 1937 года и «изгнание самого понятия Бога».

СУД ПО ДЕЛУ ИНЖЕНЕРОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

«Но что доказывают обличения ваши? Вы придумываете речи для обличения».
Книга Иова 6. 25-26.

18 июня 1925 года в Каменском состоялся показательный суд по делу инженеров Днепровского завода и преподавателей местного Рабочего техникума, которые, как гласило обвинительное заключение Выездной сессии Верховного Суда УССР «выполняли заказ бывших владельцев и старались сохранить завод и квалифицированную рабочую силу».

С окончанием гражданской войны стало возможным принятие новых уголовно-процессуальных кодексов. Первый УПК РСФСР был принят 25 мая 1922 года. В 1922 году приняты УПК Белоруссии и Украины; в 1923 году – УПК Армянской, Азербайджанской и Грузинской советских республик.

В связи с образованием СССР 24 октября 1924 года принято Положение о Верховном Суде СССР. Он учреждался в целях утверждения революционной законности на территории Союза ССР, его судьи назначались Президиумом ЦИК СССР. Верховный Суд действовал в составе пленарного заседания, гражданско-судебной, уголовно-судебной, военной и военно-транспортной коллегий. Он был судом первой инстанции по делам исключительной важности. Правом пересмотра дел, разрешенных судами союзных республик, Верховный Суд СССР не обладал.

Аресты по делу Каменских инженеров и преподавателей начались в марте двадцать четвёртого. Одним из подследственных проходившим по данному делу стал Генрих Шольта 1885 года рождения. Его отец Йоган Шольта, австрийский подданный, чех по национальности, попал в Россию из Чехии. Работал вальцовщиком прокатного стана на Путиловском заводе. В 1888 году семья переехала в Каменское на Днепровский завод, куда отец был приглашён в качестве мастера прокатного отделения. Здесь, в Каменском, Генрих получил начальное образование, окончив заводское училище. С пятого класса перевелся в

реальное училище Екатеринослава. Участь в седьмом классе (1903 год), потерял отца. Однако благодаря средствам оставленным Йоганом Шольта (матери и семи детям) в капитале около двадцати тысяч рублей, находящихся на процентах в акционерном обществе завода, смог продолжить свое образование.

После ареста в 1925 году по обвинению в саботаже против Советской власти, Генрих Шольта писал в тюрьме свою биографию.

«Будучи студентом, я при закрытом Харьковском Технологическом Институте работал рабочим на Днепровском заводе, с 1907 года ежегодно 3-4 месяца там же на практике. В 1911 году поступил в Техническую контору чертёжником на первоначальное жалование 50 рублей в месяц. С 1911 по 1916 работал в Технической конторе. С 1916 по 1919 старшим мастером Железнодорожного Отделения. А с 1919 по день ареста – Начальником такового. 1918 и 1919 год уже дали себя чувствовать своей дороговизной, и я уже возможности продолжать образование не имел. Женился в 1911 году. В настоящее время имею дочь шести лет. Таким образом, я большую часть жизни провёл в Каменском на Днепровском заводе, и он мне является родным заводом. Во время моего студенчества я три раза подавал заявления о принятии меня в Русское подданство, но мне в этом было отказано. Работая на заводе при Советской Власти, я никогда против неё не шёл, работал в контакте с рабочими организациями, и единственным желанием в моей работе было видеть завод возродившимся. В моих разговорах не раз можно было видеть и обиды, и злость из-за того, что другие заводы, менее оборудованные и менее выгодные, чем Днепровский разворачиваются, тогда как Днепровскому заводу из непонятных для меня причин ходу не давали».

На этой фразе описание биографии было прервано. Ибо служащий Днепровского завода Генрих Иванович Шольта покончил с собой, бросившись в пролет тюремной лестницы, не дождавшись суда, на котором его посмертно оправдали [16].

О процессе в Каменском написали даже в журнале «Огонёк», поместив фотографию подсудимых инженеров и преподавателей, которых под конвоем вели на суд. Абсурдность обвинения удивляла – казалось, за сохранение завода и квалифицированной рабочей силы надо награждать! Но речь уже шла о других категориях: расправлялись не за деяния, а за принадлежность к чуждому классу. И двадцать инженеров и преподавателей, каждый из которых в условиях острейшего дефицита специалистов, должен бы цениться на вес золота, предстали перед судом. Двенадцать из них были приговорены к различным срокам заключения, восемь оправданы.

На первый взгляд, хорошо отделался инженер, один из организаторов и одновременно преподаватель Каменского вечернего рабочего техникума Мстислав Заборовский. Инженер-металлург, выпускник Петроградского политехнического института, поляк, беспартийный, он к 1925 году имел восемь лет преподавательского стажа. Какое-то время он даже занимал пост управляющего техникумом, но, вследствие перегруженности на заводе, написал заявление об отказе от должности [17]. Той же Выездной сессией Верховного Суда УССР по статьям 61, 63 Криминального кодекса УССР (в редакции 1922 года) Мстислав Заборовский осужден на пять лет лишения свободы условно. Его обвинили в членстве в преступной организации, организованной прежним руководством Днепровского завода, которая якобы стремилась получить завод в концессию. Личное участие М. Заборовского состояло по утверждению обвинения в том, что Мстислав Мечиславович, за полученное от Днепровского общества

вознаграждение, подавал главному инженеру завода отчёты о необходимости проведения ненужных ремонтов и реализовал их (чем наносил экономический вред предприятию), а также скрывал от учёта заводские материалы [18]. После окончания процесса, Мстислав Заборовский продолжал работать на заводе и вёл преподавательскую деятельность в рабочем техникуме. На фотографии первого выпуска Каменского техникума Мстислав Заборовский сидит в одном ряду с другим преподавателем Алексеем Соколом, автором монумента погибшим в боях за социализм, более известного, как памятник «Прометей».

Ярлык преступника, навешенный на инженера старой школы, который пестовал Днепровский завод, подействовал так угнетающе, что Мстислав Заборовский, находясь в состоянии постоянной депрессии, застрелился.

Ещё одним из осужденных по делу инженеров и преподавателей стал Феофил Феофилович Храповицкий. Он родился в 1871 году в селе Ушомир Овруцкого района Житомирской области. В архивно-следственном деле П-20615, находящемся в архиве УСБ Днепропетровской области, сказано, что Ф. Храповицкий является украинцем, из селян, беспартийный, образование среднее, не женат, на момент ареста работал главным бухгалтером Днепровского завода в Каменском. Но, скорее всего, сорокачетырёхлетний Феофил Храповицкий был поляком и вдовцом. Ещё в дореволюционное время он занимал пост начальника счетоводства на Днепровском заводе, проживал на Нижней колонии, был римо-католиком по вероисповеданию; его красавицу-жену, умершую в юном возрасте, отпевали в костёле Святого Николая. Он оказался одним из немногих высших работников Днепровского завода, не покинувших Каменское в бурные годы Гражданской войны, за что и поплатился. Особым совещанием НКВД от того же 18 июня 1925 года Феофил Феофилович Храповицкий был обвинён в осуществлении экономической контрреволюции на Днепровском заводе и приговорён к расстрелу, который был заменен заключением. В 1931 году ему было запрещено проживание в 15 городах СССР. 20 декабря 1937 года, когда Ф. Храповицкий был уже пенсионером и инвалидом второй группы, его обвинили в участии в контрреволюционной организации и уже 26 декабря 1937 года расстреляли.

.....

В середине двадцатых годов процессы, имеющие ярко выраженную политическую окраску, ещё не были доминирующими. И угро (уголовный розыск – авт.), впрочем, без особого успеха, боролся, в основном, с разбоями и хулиганством на улицах Каменского, принявших повсеместный характер.

ШАХТИНСКОЕ ДЕЛО

**«Горе тем, которые постановляют несправедливые законы и пишут жестокие решения».
Книга пророка Исаии 10. 1.**

Во время революций новые формы юстиции лишь внешне, ритуально напоминают одноимённые институты свергнутого строя. Фактически же они представляют собой структуры, отращенные политическим руководством, подобно щупальцам, для удержания власти и господства нового режима. Показательны в этом смысле два высказывания лидеров революционной советской судебной системы. Нарком юстиции Н. Крыленко писал: «Суд – это реальное орудие в руках государственной власти». Вторая цитата принадлежит старому большевику, бывшему присяжному поверенному, члену Наркомюста М. Козловскому: «Суды

не более и не менее, как органы диктатуры. Забудьте иллюзии о независимости судов. Надо раз и навсегда сказать, что это такие же органы нашей работы, как орган ВСНХ. Это исполнительные органы власти пролетариата».

Ещё одно принципиальное положение (1927 год) высказал Лазарь Каганович, первый секретарь ЦК КП(б)У: «Мы отвергаем понятие правового государства. Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьёз о правовом государстве и тем более применяет понятие «правового государства» к советскому государству, то это значит, что он отходит от марксистско-ленинского учения о государстве».

Последующая кадровая политика Советского режима в судебной области характеризуется ростом среди судей доли партийных лиц и уменьшением количества образованных судей по мере их продвижения вверх по судебной пирамиде. Среди судейских кадров всё чаще формальная образованность достигается окончанием ускоренных юридических курсов и получением дипломов по заочной и вечерней формам обучения. При этом суды рассматриваются не как органы правосудия (значение этого понятия прочно забыто), а как инструменты решения текущих хозяйственных и партийно-политических задач.

С 1928 года суды всё чаще становятся инструментом государственного террора. В разряд преступников или «врагов Советской власти» уже попадали не за конкретное правонарушение, а за принадлежность к чуждому классу, чуждой нации или за высказывание мыслей, идущих вразрез «с линией партии». Репрессии усиливаются процессуальными средствами. УПК РСФСР в редакции 1923 года позволяет судьям устранить стороны, не вызывать свидетелей, показания которых «не вызывают сомнений», прекратить судебное следствие («суду всё ясно»), устранить прения, а также запретить сторонам защиты и обвинения произносить речи и реплики по окончании судебного следствия.

В 1928 году в Шахтинском районе Донбасса было заведено дело по обвинению большой группы руководителей и специалистов угольной промышленности из ВСНХ, треста «Донуголь» и шахт во вредительстве и саботаже. Официально оно называлось «Дело об экономической контрреволюции в Донбассе». Обвиняемым, состоящим из дореволюционных технических специалистов, вменялось в вину не только «вредительская деятельность», но и создание подпольной организации, установление конспиративной связи с московскими вредителями и с зарубежными антисоветскими центрами.

Дознание велось группой следователей ОГПУ. Они выполняли поручение, целью которого было получить «чистосердечные признания» и придать делу общегосударственный характер. Всего было обвинено 53 человека. Судебные заседания, проходившие в колонном зале Дома Союзов, начались 18 мая 1928 года и продолжались 41 день. Кроме государственных обвинителей (Крыленко и Рогинский) в процессе принимали участие 42 общественных обвинителя. Обвиняемых защищали 15 адвокатов. Лишь 10 из 53 подсудимых полностью признали все предъявленные им обвинения.

Согласно материалам обвинительного заключения, разоблачённая советскими рабочими и органами ОГПУ в начале 1928 года организация вредителей, состояла из инженеров и техников, работавших до революции в угольной промышленности, бывших шахтовладельцев и акционеров, а также меньшевиков. Фактически признаки вредительства как такового являлись необязательным для его выявления условием, поскольку существовало так называемое «скрытое» и «тонкое» вредительство, и внешне человек мог производить

«хорошее впечатление»:

«Более опытные и осторожные вредители (подобно инженеру Кузьма) проводили вредительство так тонко и осмотрительно, что не только не было заметно его следов, но, наоборот, внешне рудник производил весьма хорошее впечатление». (Из материалов дела).

Решением суда одиннадцать человек были приговорены к высшей мере наказания расстрелу, из которых пятеро были расстреляны 9 июля 1928 года. Для шести остальных расстрел был заменен 10 годами лишения свободы. Четверо обвиняемых (в том числе два германских подданных) были оправданы и четверо (среди которых один германский подданный) приговорены к условным срокам наказания. Остальные – к лишению свободы сроком от 1 до 10 лет с поражениями в правах на срок от 3 до 5 лет. Процесс получил широкий резонанс, он «выявил» специалистов-вредителей, организовавших третий этап подрывной работы международной буржуазии против СССР. «Шахтинскому делу» отводилась важная роль в подтверждении сталинского тезиса об обострении классовой борьбы в ходе строительства социализма.

.....

Через неделю после приговора суда по Шахтинскому делу в Каменское прибыл инструктор ЦК ВКП(б) Рындин, выявивший желание встретиться с металлургами и вагоностроителями. Стенограмма беседы инструктора ЦК с инженерно-техническими работниками окунает нас в атмосферу конца 20-х годов, когда страх и неуверенность за собственную судьбу царил уже не только в среде «бывших», но и тех, кто считал себя плотью от плоти советской власти.

Рындин: Товарищи! Центральный Комитет партии проводит сейчас обследование Днепропетровской партийной организации в целом. Для этой цели будут использованы несколько заводов, среди которых оказался и ваш Днепровский. Нас очень интересует ваше предприятие. Но прежде чем начать наш разговор, скажу несколько слов о случае, свидетелем которого я стал невольно. А сводится он к тому, что один из инженеров в разговоре с товарищем сказал следующее: «Работай, не работай, всё равно арестуют не сегодня так завтра!» Это меня обеспокоило, и я решил поговорить с вами начистоту.

И собравшихся инженерно-технических работников, как прорвало.

Голованов, железопрокатный цех: Особенно неприятное настроение я начал испытывать после Шахтинского процесса. Скажу откровенно, сейчас у меня пять восьмых рабочего времени занимают мысли: не сотворил ли я случайно какого-либо вредительства, правильно ли сделал то или другое? А вокруг только и слышишь: «Вот этот тоже попадёт в ГПУ!» Меня это сильно возмущает. Ну, почему я непременно должен быть в ГПУ? Вот здесь я перечислил всё то, что нас на производстве всех нервирует. Я не боюсь, пусть меня десять раз посадят в ГПУ, но только конкретно укажут, за какие ошибки, и вообще – за что именно меня туда посадят. А все эти ГПУ'повцы, как я их называю, угрожая нам за спиной ГПУ скамьёй подсудимых, только мешают нашей работе, и их нужно будет обрезать.

Голованенко, рельсобалочный цех: Несколько слов о Шахтинском деле. Оно представляет собой поворотный пункт психологии всего технического персонала, как виновного, так и невиновного. Но дело в том, что виновные понесли наказание, а невиновные оказались в каком-то неприятном, неопределённом состоянии. В конечном счёте, лично не знаю, честный ли я советский человек или мерзавец? Довольно находиться в таком положении. Оно создаёт только лишнюю нервозность в работе. Идёшь на службу и думаешь – а нет ли в том или ином

моём поступке невольного уклона во вред Советскому Правительству? Когда производились первые допросы шахтинцев, то им предъявлялись обвинения в деле удорожания себестоимости, ухудшения качества и количества продукции и так далее. Все эти моменты, безусловно, имеют место в каждом заводе Союза и, в частности, на нашем Днепровском заводе то же самое. Тогда нам казалось, ну как можно предъявлять в этом деле обвинения, когда всё это происходит от общего положения вещей, от создавшейся обстановки. Разве можно обвинять того или иного спеца в том, что рельсы или болванки удорожали?

Гурвич, вагоностроительный завод: Нам, молодым инженерам несколько легче, поскольку нас, может быть, не станут обвинять в умышленном вредительстве. Хотя иногда закрадывается сомнение и у меня, специалиста, выращенного уже в условиях Советской власти. А это только мешает делу и не даёт возможности спокойно работать.

Котин, бессемеровский цех: Рядом с нами работали инженеры, которых мы хорошо знали. Они были настоящими энтузиастами. А где они теперь? Под арестом. Относясь к себе так же, как и к ним, я допускаю, что завтра такое случится и со мной. Сейчас у нас находятся под арестом инженеры Кузнецов и Свидерский, а также другие специалисты, которые никогда вредительством не занимались и не могли заниматься. А если так, то, наверное, я и все присутствующие здесь могут стать кандидатами на их место.

Справка: арестованный в Каменском по Шахтинскому делу старый специалист инженер Свидерский Иосиф Генрихович, был сыном землевладельца, поляк, беспартийный, работал начальником силового цеха завода им. Дзержинского.

.....

На совещании с инструктором ЦК ВКП(б) присутствовал и управляющий Днепровским заводом Иосиф Манаенков. В своих многочисленных репликах и комментариях он упорно уходил от темы «Шахтинского дела», сосредотачиваясь на чисто производственных и организационных вопросах. И только однажды из его груди вырвалась короткая фраза: «Для того чтобы не быть в ДОПРе, нужно не допускать вакханалии на производстве» [41].

Справка: Инструктор ЦК ВКП(б) Рындин К.В. член партии с 1913 года, работал секретарём Челябинского обкома партии. В 1937 году арестован и расстрелян, как враг народа.

ПРОМПАРТИЯ

**«О, если бы они рассудили, подумали о сем, уразумели, что с ними будет!»
Второзаконие 32. 29.**

В Москве с 25 ноября по 7 декабря 1930 года проходил «открытый» политический судебный процесс по делу «О вредительстве в промышленности» или «Промпартии». Председателем суда был А. Вышинский, одним из обвинителей – Н. Крыленко. Во вредительстве и контрреволюционной деятельности обвинялся целый ряд видных специалистов в области техники и планирования. Центр руководства и финансирования Промышленной партии якобы находился в Париже и состоял из бывших русских капиталистов (Нобеля, Манташева, Третьякова, Рябушинского и других). Обвинение утверждало, что «Промпартия» планировала на пост министра промышленности и торговли П. Рябушинского. После публикации обвинительного заключения многие иностранные газеты сообщили, что

Рябушинский умер ещё до указанного времени. На суде обвиняемые признались во всех преступлениях, которые им были предъявлены. Вплоть до связи с французским премьером Пуанкаре. В связи с данным делом был также арестован и известный советский историк Е. Тарле, якобы намечавшийся на пост министра иностранных дел. Но Тарле вскоре потребовался власти и без лишнего шума был освобождён.

7 декабря 1930 года суд вынес всем обвиняемым смертный приговор, который затем по решению ЦИК СССР был изменен на длительные сроки тюремного заключения. Кроме основного дела, были сфабрикованы так называемые «Отраслевые дела «Промпартии» о вредительстве, в том числе в металлопромышленности. Всего, по делам связанным с «Промпартией», арестовали более двух тысяч человек, в том числе и в Каменском.

По распоряжению директора ДГЗ И. Манаенкова было дано задание уполномоченным по чистке соваппарата от Дирекции завода проверить список лиц, подлежащих снятию с работы и в зависимости от проверки сделать соответствующие выводы.

ПОМОЩНИКУ ПО КАДРАМ Печерному

В связи с работой вредительской организации «Промпартия», раскрытой недавно в СССР, перед нами стоит вопрос о тщательной проверке на нашем заводе всего админ-хоз-инженерно-технического персонала. Поэтому создаю комиссию под председательством моего помощника по кадрам тов. Печерного, представителя от инжколлектива и представителя Секретной части завода для дачи характеристик всему админ-хоз-инженерно-техническому персоналу нашего завода с таким расчётом, чтобы каждая характеристика была просмотрена т.т. Донсковым и Кидулем. Работу проделать в течение одних суток.

Директор комбината Манаенков.

24 декабря 1930 года

.....

Одним из заводчан, осуждённых по делу «Промпартии» оказался Теодор Францевич Смейкал. Сын рабочего, он родился в 1876 году в чешском городке Хрудим. По вероисповеданию римо-католик, образование неоконченное среднее, до революции имел австрийское подданство, служил на Днепровском заводе в Технической конторе, был членом исполнительного комитета просветительно-благотворительного Чехословацкого общества в Каменском. Теодор Смейкал оказался одним из немногих представителей чешской колонии, не выехавших в 1921 году на родину. Это объяснялось тем, что в Чехии из родни у него никого не было, а на Днепровском заводе Теодор Смейкал добился видного положения, где уже к 1909 году он занимал должность мастера [64]. Здесь он женился на немке австрийского подданства Гертруде-Шарлотте Юнгблюд [63]. Проживала семья Смейкал (муж, жена, три дочери и сын) на Верхней колонии, в отдельном коттедже, близ костёла.

Из письма бывшего председателя Чехословацкого общества Богумила Карловича Ципля от 13 марта 1922 года из Чехии в Каменское: «Достиг я своей надежды, но я здесь совсем чужой. Каждый живёт сам по себе, ни на кого никто не обращает внимания, радостного здесь нет ничего. Родина наша Чехия оказалась мачехой по отношению нас всех, никакой поддержки ни от кого. Всё это была иллюзия, мы не информировались в России, о том, как у нас дома, и разом все поднялись. Один только хорошо сделал – это Смейкал, остальные горько плачут. Сколько печали и скорби и желания, как бы скорей возвратиться в Россию!» [21]

После окончания гражданской войны Теодор Смейкал продолжал работать на Днепровском

заводе и к 1928 году занимал должность помощника начальника силового цеха. В характеристике, данной Смейкалу заместителем управляющего заводом П. Брачко, сказано: «Старый мастер силового хозяйства, хорошо знает порученное дело и проявляет инициативу» [42]. В 1930 году Теодор Смейкал уже был начальником силового цеха: его предшественника на этом посту Иосифа Свицерского арестовали по «Шахтинскому делу».

Однако судьба оказалась неблагоприятна и к Теодору Смейкалу. Он был задержан органами ГПУ. Постановлением тройки ГПУ УССР от 10 апреля 1931 года обвинён в участии в контрреволюционной организации и приговорен к расстрелу с заменой на заключение в концлагерь на 10 лет. Семью из коттеджа немедленно выселили. Обычное дело! Супругу Теодора Смейкала Гертруду Освальдовну, с двумя дочерьми и младшим сыном Эдуардом приютила семья Яцюков, проживавшая на Курской улице в доме №16. Почти два года прожили Смейкалы в летней кухне своих друзей.

Многие инженеры, проходящие по делу «Промпартии», считали, что причина их ареста – необходимость индустриализации просторов Урала, Сибири и Дальнего Востока, куда технические специалисты не соглашались добровольно ехать. Теодор Смейкал после года концлагеря попал без права выезда в Уральский городок Лысьва, расположенный в двухстах километрах к востоку от Перми. В 1927 году Лысьву посетила правительственная комиссия, принявшая решение развивать местный металлургический завод. Поэтому предприятие нуждалось в специалистах. Известность и славу Лысьвенскому металлургическому заводу принесло в будущем производство стальных шлемов, более известных, как солдатская каска. Во время войны завод был единственным производителем касок для фронта.

В ссылке Теодор Смейкал работал по профессии – мастером парокотельного цеха. В 1932 году из Каменского к нему приехала семья: жена и дети. В 1933 году Лысьвенцы одержали победу во всесоюзном соревновании сталеплавильных цехов. Возможно, что в этом успехе есть и частица заключённого Теодора Францевича Смейкала из Каменского. Он не дождал своего освобождения, умерев в Лысьве в 1937 году.

По делу «Промпартии» были также арестованы:

- 1) технический директор Каменского завода им. Дзержинского Злотницкий Дмитрий Сигизмундович. По национальности поляк, из дворян, он родился в 1882 году в городе Гори Тифлисской губернии. Имел высшее образование, женат, беспартийный.
- 2) главный инженер управления капитального строительства завода им. Дзержинского Котов Владимир Иванович. Русский, из рабочих, родился в городе Грязовец Ярославского округа в 1891 году. Образование высшее, беспартийный, женат, двое детей.
- 3) главный инженер по эксплуатации завода им. Дзержинского Кравцов Пётр Яковлевич. Еврей, из мещан, он родился в 1892 году в Екатеринославе. Образование высшее, беспартийный, женат, имел дочь.
- 4) заведующий прокатстроем отдела капитального строительства завода им. Дзержинского Тхорж Франц Францевич. По национальности поляк, из рабочих, родился в Каменском в 1890 году. Образование высшее, был женат, имел двоих детей.
- 5) главный инженер Каменской районной электростанции Березнеговский Михаил Михайлович. По национальности русский, родился в Москве в 1891 году. Образование высшее, был женат, имел две дочери, беспартийный.

10 апреля 1931 года постановлением тройки ГПУ УССР все они обвинены в принадлежности к контрреволюционной организации и осуждены к 10 годам концлагерей, кроме М.

Березнеговского, который получил 8 лет. Дальнейшая судьба их остаётся неизвестной, за исключением Ф. Тхоржа, который в 1938 году был расстрелян, работая в то время инженером на Никопольском Южно-трубном заводе.

ГОЛОД 1932 – 1933 годов

«...и неприметно будет прежнее изобилие на земле по причине голода, который последует, ибо он будет очень тяжёл».
Бытие 41. 31.

Начало великой индустриализации ознаменовалось жестокой кампанией по принудительному изъятию хлеба. Рыночные отношения свёртывались, крестьян в массовом порядке погнали в колхозы, откуда хлеб можно забрать до последнего зёрнышка. В конце 1931 года из Каменского района вывезли почти всё зерно. Весной тридцать второго выяснилось, что колхозные амбары практически пусты, и поля засеять нечем. 13 августа 1932 года состоялось совместное заседание бюро Каменского райпаркома и контрольной комиссии, на котором принято постановление начать массовый обмолот зерна и вывоз хлеба на ссыпные пункты, чтобы одним махом выполнить план августа. Для гарантии осуществления поставленной задачи решили привлечь к уголовной ответственности руководителей колхозов, которые в качестве аванса за выполненную работу уже раздали крестьянам хлеб.

Параллельно велась массово-разъяснительная работа на собраниях колхозников и единоличников по поводу печально известного постановления ЦИК и Совнаркома о борьбе с разворовыванием колхозного хлеба и имущества. Седьмого августа 1932 года ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об охране имущества государственных предприятий, совхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», получившее в народе прозвания «закон семь-восемь», или «закон о пяти колосках». Постановление предусматривало наказание в виде смертной казни, а при смягчающих обстоятельствах в виде не менее 10 лет лагерей с конфискацией всего имущества за хищение государственного и общественного (колхозного) имущества. Первое время в 40 процентах случаев судьи назначали наказание ниже низшего предела санкции. Лишь после официального запрета такой практики Наркомюстом, а главное – после погромных речей И. Сталина и Н. Крыленко, либерализм сошёл на нет. Официально постановление от 7 августа 1932 года было отменено лишь 13 апреля 1959 года.

Постановление приравнивало колхозную собственность к государственной. На основании чего, каждый, кто посягал на эту собственность даже в размере горсти зерна или нескольких колосков, считался врагом народа и мог быть приговорён к расстрелу. Причём приговор без суда и следствия имел право вынести и привести в исполнение охранник имущества. С начала сбора урожая и до первого ноября 1932 года за воровство хлеба в Каменском районе осуждено 3 тысячи 973 человека и 112 расстреляно.

ВІДОМІСТЬ

про засуджених в справах зв'язаних з хлібозаготівлею

за час з 1/VIII-32 по 6/I-1933 р.

Засуджені в клясовому розрізі

	До 3-х р.	До 5 р.	До 10 р.	До розстрілу	Всього
1. Куркулів-заможників	9	19	28	-	56
2. Середняків-контракт.	25	14	4	-	43
3. Куркулів за агітацію	-	-	4	-	4
4. Середняків	-	-	4	-	4
5. Голів колгоспів	2	1	-	2	5
6. Членів правління	1	-	7	2	10
7. Комірників	1	-	-	-	1
8. Членів комісій сприяння хлібозаготівлі	3	-	-	-	3

ПРИМІТКА: Крім того, 19/ХІІ-32 р. виїзна сесія Обласного Суду засудила по колгоспу «Веселий кут» с. Криничок:

Голову колгоспу – до розстрілу,

Вагаря – на 10 років позбавлення волі.

Комірника – на 8 років позбавлення волі.

Голову ревизкомісії – на 8 років позбавлення волі.

Рахівника – на 2 роки позбавлення волі.

Сьогодні 20/ХІІ розпочата слуханням справа колгоспу «Дзержинець» с. Миколаївки на 12 осіб.

Зараз (розпочато) слідство Д.П.У. в справі Карнаухівського колгоспу ім. Сталіна.

Кам'янський Міськпрокурор

/ТІМЧЕНКО/ [65]

.....

Чтобы не отдавать «краснометельщикам» хлеб, люди были готовы на всё – даже на его уничтожение.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

заседания бюро Днепропетровского обкома КП(б)У от 30 декабря 1932 года

Телефонное сообщение тов. Свирского о том, что в Каменском районе раскрыты неоднократные случаи выбрасывания хлеба в колодцы, уборные и т.д.

Постановили: Обязать тов. Гришина по линии ГПУ, т.т. Кумпикевича и Румянцева – по линии Суда и Прокуратуры и Каменской Горпарком выявить действительных виновников, выбрасывающих хлеб в колодцы и уборные и приговорить виновников к высшей мере наказания, как за контрреволюционные действия против Советской власти.

Секретарь Областкама КП(б)У Подпись [66].

.....

Но даже и после этого план хлебозаготовки не выполнялся. В декабре в Каменском районе хлеба у селян уже просто не было. Начался повсеместный голод.

Чтобы спасти людей от неминуемой голодной смерти, многие головы колхозов шли на различные ухищрения: например, выдавали колхозникам хлеб из посевного фонда в счёт будущего урожая. Всё это беспощадно пресекалось. Так, 15 января 1933 года по приговору Днепропетровского областного суда были обвинены в воровстве колхозного хлеба и

осуждены к различным срокам заключения руководители колхоза «Червоний маяк» села Водяне Каменского района [95].

Косинский Илья Никитович, председатель колхоза (8 лет лагерей);

Винниченко Фома Карпович, завхоз (10 лет лагерей);

Гончаренко Савва Свиридович, заместитель председателя правления (8 лет лагерей);

Квач Пётр Иванович, член правления (приговорён к расстрелу, который был заменен десятью годами лагерей);

Пригода Семён Николаевич, кладовщик (8 лет лагерей);

Резниченко Максим Иванович, счетовод (10 лет лагерей);

Семенченко Андрей Семёнович, колхозник (приговорён к расстрелу, который был заменен десятилетним заключением в концлагерь).

ПИСЬМО КАМЕНСКОГО ПРОКУРОРА

Днепропетровскому облпрокурору о получении пакета контрреволюционного содержания 21 февраля 1933 года
(орфография сохранена)

Вніч на 21 лютого 1933 року невідомою громадянкою до комендатіри Кам'янського Д.П.У. на ім'я начальника відділу буцімто від Кам'янського П.П.К. було здано пакета, в якому як потім виявилось було надруковано коротеньку відозву контрреволюційного змісту. «ТОВАРИШІ, ДОЛГО ЛІ ВИ БУДЕТЕ ТЕРПЕТЬ ТАКУЮ МУКУ – ГОЛОДОВКУ – БЕРИТЕ РУЖЬЯ В РУКИ І ПОДНИМАЙТЕ ВОССТАНИЕ. ЛУЧШЕ УМЕРЕТЬ ОТ ПУЛІ ЧЕМ ОТ ГОЛОДА»

Після цього виявлено ще 2 відозви, що було розклеєно по місту. Кам'янським відділом Д.П.У. вжито заходів до розшуку винуватців. Про вищезгадане доводжу до відома. Міськпрокурор /ГІМЧЕНКО/ [67].

.....

Но, по сути, сопротивления политике Советского государства, подобного тому, которое наблюдалось во время Гражданской войны и Голодомора 1921 года, в Украине не было.

ДЕЛО О ВЫСЕЛЕНИИ ИЗ ЗАНИМАЕМОГО ПОМЕЩЕНИЯ КАМЕНСКОГО «ТОРГСИНА»

«Иосиф собрал всё серебро, какое было в земле Египетской и в земле Ханаанской, за хлеб, который покупали, и внёс Иосиф серебро в дом фараонов».

Бытие 47.14.

Всесоюзное объединение для торговли с иностранцами, или «Торгсин», – так назывался дьявольский Торговый синдикат, действовавший в СССР с января 1931 года в условиях карточной системы и повального дефицита. В магазинах системы «Торгсин» осуществлялась продажа товаров, а главное, продуктов за иностранную валюту и драгоценные металлы – золото, платину, серебро. «Торгсин» в обстановке жесточайшего голода «стимулировал» продажу государству не только валюты, но и золотых и серебряных монет царской чеканки, драгоценных металлов, ювелирных украшений, оставшихся у населения с дореволюционных

времени, а также занимался обслуживанием гостей из-за рубежа.

Итоги деятельности «Торгсинов»: За время работы «Торгсинов» было собрано 80 миллиардов рублей золотом из 80,2 миллиардов, имевшихся в частных руках на 1930 год. Таким образом, практически все «золотовалютные ценности», сохранённые после революции 1917 года, Гражданской войны и накопленные при НЭПе, были фактически изъяты для осуществления планов индустриализации. На золото и валюту, элиминированные через «Торгсины», построенные такие предприятия, как Нижегородский и Московский автомобильные заводы (ГАЗ и ЗИС), Харьковский и Сталинградский тракторные заводы, Магнитогорский металлургический комбинат и так далее. «Торгсин» был ликвидирован в январе 1936 года.

.....

Золото и драгоценности, которые сохранились у каменчан во время «золотых обысков» и НЭПа, которые удалось сберечь, пройдя через унижения, допросы, ухищрения большевистских экспроприаторов, теперь добровольно сносились в «Торгсин». Этот «магазин» открыли как раз в 1933 году в доме №2 по улице Кооперативной, впоследствии переименованной в улицу Кирова. Первым заведующим Каменским отделением «Торгсина» был некто Димант М. В. Затем на этом посту его сменил Кунцер Н. А. Сам же Каменской «Торгсин» состоял из следующих отделений:

1. Скупочный пункт драгметаллов (оценщик Заславский).
2. Бухгалтерия (бухгалтер Кауфман).
3. Переводной отдел для переписки с иностранцами.
4. Собственно магазин или универмаг «Торгсина» (директор универмага и всего отделения «Торгсина» Кунцер).

Принятые от населения ценности или валюта сдавались в Банк (управляющий Саранча), а на полученные от оценщика ордера на право получения товара (номиналом от одной копейки до рубля), люди отоваривались в универмаге «Торгсина». Здесь можно было приобрести муку, крупу, хлеб, сахар, жиры, забытые конфеты, а также мануфактуру. Как гласили правила пользования товарного ордера, «возвращаемые покупателям неиспользованные ордера обмениваются предприятиями В/О «Торгсин» по месту (городу) выдачи ордеров на деньги исключительно в советской валюте».

Справка: Саранча Трофим Маркиянович, 1903 года рождения, украинец, из рабочих, образование среднее, член партии с 1919 года с перерывом в партстаже с мая 1922 по март 1925 года. С 1934 года работал управляющим Каменского отделения госбанка.

.....

Вышестоящим руководителем Каменского «Торгсина» являлся управляющий Днепропетровской областной конторы «Торгсин» Фоменко. При областной конторе находился старший инспектор Особой Инспекции Днепропетровской областной конторы «Торгсин» Жуковский.

В 1933 году скупочный пункт драгметаллов и магазин перенесли в здание с деревянной пристройкой бывшей автостанции по улице Заварихина, 2 (пересечение с улицей Красноармейской). Именно здесь разыгралась трагикомическая история, которая, однако, наделала много шума и дошла до Генеральной Прокуратуры СССР.

ДЕЛО О НЕЗАКОННОМ ВЫСЕЛЕНИИ
из занимаемого помещения Каменского отделения областной конторы «Торгсин»
помощником начальника рабоче-крестьянской милиции т. Киртковым
(начато 20.11.34. окончено 14.03.35. на 85 листах) [24].

Днепропетровской областной конторе «Торгсин»
Управляющему т. Фоменко – лично, Начальнику Спецотдела, Юрисконсульту. Нарсуду в г.
Каменское.

Копия: Каменскому горсовету, Прокурору, НКВД, начальнику Гормилиции – лично.

19-го ноября 1934 года помощник начальника милиции т. Киртков, без предъявления мандата, не дав и одного часа сроку времени, все документы бухгалтерии и переводного отдела (последний имеет дело с инокорреспондентами) выбросил с нашего собственного помещения на улицу.

Этим он порушил революционную законность по 2-м пунктам:

- 1) Революционный закон о собственности.
- 2) Революционный закон об Охране прав юридических и физических лиц.

Требуем:

- 1) Немедленно вселить нас в наше собственное помещение.
- 2) Привлечь к ответственности пом. Начальника милиции за нарушение революционной законности.
- 3) Все расходы, связанные с этим беззаконием отнести за счёт лиц, виновных в этом.

Зав. отдела Кунцер Н. А.

Бухгалтер Кауфман М.

20.11.34.

После такого заявления в Каменское немедленно выехал представитель областного «Торгсина», дабы на месте прояснить ситуацию и вернуть «Торгсину» его законную собственность.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

г. Каменское, ноября 23 дня 1934 года

Я, старший инспектор Особой Инспекции Днепропетровской областной конторы «Торгсин» Жуковский сего числа допросил в качестве свидетеля гр-на Кунцера Н. А. , который на заданные вопросы ответил.

Кунцер Николай Андреевич, 1908 г.р.

Женат, грамотный, кандидат КП(б)У с 1932 г.

Член союза Внешторга с 1931 г., по профессии продавец.

В настоящее время работал в должности заведующим «Торгсин».

Проживает в г. Каменское ул. Украинская №4 кв. 2.

Со слов, под судом и следствием не был.

По сути дела показал:

«В 1933 году при открывшемся в Каменском отделении «Торгсин» бывшим заведующим отделением «Торгсин» тов. Димантом М. В. в коммунхозе было взято под аренду для конторы «Торгсин» дом, находящийся в г. Каменском по Кооперативной улице дом №2, на что был составлен договор с коммунхозом, и за пользование домом было уплачено за два месяца. Затем коммунхоз отказался от получения арендной платы, мотивируя это тем, что

дом, занимаемый конторой «Торгсин», принадлежит не коммунхозу, а заводу, но какому заводу коммунхоз не указал. И я, Кунцер, пошёл в завод ДГЗ и там получил ответ от работников завода, что они не знают о таком доме, и я решил подождать хозяина. Но никто претензий на протяжении 19 месяцев не предъявлял. Таким образом, мною арендная плата никуда не вносилась на протяжении 19 месяцев в сумме 1402 руб. 02 коп.

15/X-34 года завод Дзержинского посылает отношение в коммунхоз г. Каменского, в котором отделению «Торгсин» сообщено, что помещение принадлежит заводу Дзержинского, а посему «Торгсин» должен уплатить арендную плату заводу в сумме 1402 руб. 02 коп.

На второй или третий день ко мне является представитель парикмахеров артели «Червоний Промінь» и заявил, что он сможет оплатить задолженность с условием, что «Торгсин» уступит ему данное помещение. По договоренности с управляющим Днепропетровской областной конторы «Торгсин» тов. Фоменком, мною было уступлено указанное выше помещение артели «Червоний Промінь» после того, как она внесла заводу задолженность, и завод выдал справку, что за отделением «Торгсин» задолженность погашена.

В 1933 году скуп-пункту драгметалла Каменским отделением «Торгсин» было куплено в коммунхозе помещение, находящееся по ул. Заварихина №2 с пристройкой деревянной за сумму 450 рублей, где и находился скупочный пункт драгметалла. В 1934 году в мае или июне по распоряжению управляющего Днепропетровской областной конторой «Торгсин» тов. Фоменко, я должен был продать помещение, в котором находился скупочный пункт драгметаллов и на эти средства отремонтировать магазин. Но покупателя не нашлось.

Спустя некоторое время, ко мне обратился прибывший с Кавказа чувячник сдать ему в аренду это помещение, и я сдал чувячнику по фамилии Титрибулян указанное помещение, заключив с ним договор. В пункте 7 договора мною была сделана оговорка, что Титрибулян должен освободить это помещение по первому требованию «Торгсина». В связи с летним периодом, мною скупочный пункт был перенесен в магазин, который и находился до наступления холодов, то есть, ноября месяца 1934 года. Затем оценщиком скуп-пункта мне, как заведующему «Торгсином», было сделано заявление, чтобы я предоставил тёплое помещение для приёма ценностей, так как уже холодно и вследствие того, что реактивы охлаждаются, определить пробу ценности не представляется возможным.

Справка: чувячник – сапожник, шьющий чувяки, то есть, мягкую кожаную обувь без каблуков, распространённую у народов Кавказа и Передней Азии. Представляют собой кожаные тапочки с закрытой пяткой.

.....

Учитывая заявление оценщика драгметаллов тов. Заславского, мною было предупреждено Титрибуляна за две недели освободить помещение, который и освободил 18/XI-34, после чего была произведена уборка помещения и внесены столы.

19/XI мною был перенесен иностранный переводной отдел и бухгалтерия в указанное помещение утром, а вечером этого же дня должен был перейти и скупочный пункт по приёму ценностей.

Приблизительно в двенадцать или час дня 19/XI-34 к указанному помещению является в форме помощник милиции тов. Киртков с неизвестными мне гражданами в вольном платье и, зайдя в пункт, спросил: «Кто занимает это помещение?» Я ответил, что здесь находится скупочный пункт «Торгсин» и переводной отдел, и что данное помещение является собственностью «Торгсина». Невзирая на мои пояснения, тов. Киртков отдал распоряжение

неизвестному лицу в вольной форме выбросить на улицу из помещения столы и книги. И с горячим участием тов. Кирткова было всё выброшено на улицу.

Начала сходиться публика, которой оказалось человек пятьдесят. При попытке обратиться к Кирткову, на каком основании всё это выбрасывается, я получил ответ: «Выполняется постановление Горсовета». Но такового на моё требование предъявить, отказался, заявляя: «Я за свои действия отвечаю!» Мною, Кунцером, были приглашены: группорг Днепропищеторга тов. Штурманский, председатель союза Внешторг тов. Сибирный и бухгалтер «Торгсина» тов. Кауфман, с коими мною был составлен акт на такое беззаконие.

После составления указанного акта, мною было заявлено о таком незаконном действии тов. Кирткова помощнику Каменского горпрокурора тов. Пехотинскому, помощнику начальника НКВД, которые не оказали мне никакой помощи и лишь заявили подать заявление, а они разберутся. Затем мною была дана телеграмма в Днепропетровскую областную контору «Торгсин» и подано заявление в горсовет, прокуратуру, НКВД и начальнику милиции Каменского, но до сих пор никакого ответа не получил».

.....

Записав столь подробное объяснение, старший инспектор Особой инспекции Днепропетровской областной конторы «Торгсин» тов. Жуковский, направил спецдонесение по инстанциям, и дело завертелось.

НАЧАЛЬНИКУ ОСОБОЙ ИНСПЕКЦИИ В/О ТОРГОВЛИ тов. Стейнерт

Копия: ст. инспектору Особой инспекции ВУК «Торгсин» тов. Ревенкову,
инспектору по «Торгсин» при УпНКВТ тов. Шпигельману

СПЕЦДОНЕСЕНИЕ

19/XI-с.г. в г. Каменском помощник начальника РК милиции т. Киртков, явившись в 12 часов дня в собственное помещение «Торгсин», где находился «Переводной отдел» и бухгалтерия отделения «Торгсин». В это же помещение должен был перейти на зимнее время и Скупочный пункт, в котором он всё время находился. Расспросив у работников, что данное помещение занято отделением «Торгсин», пригласил двух понятых с улицы и выбросил буквально всё имущество из помещения на улицу: столы, стулья, документы Переводного отдела и бухгалтерии. На вопрос заведующего отделением «Торгсин» тов. Кунцера, «на каком основании вы выбрасываете имущество из нашего собственного помещения», получает ответ от помощника начальника милиции Кирткова: «Я выполняю постановление Горсовета».

При проверке мною, старшим инспектором Особой инспекции Жуковским в Каменском Горсовете указанного постановления, со слов зав. Протокольной частью Горсовета не было и нет. Заведующий Каменским отделением «Торгсина» тов. Кунцер жаловался на незаконные действия помощника начальника милиции Кирткова помощнику прокурора г. Каменское, помощнику начальника городского НКВД и начальнику милиции этого города, но никакой помощи не получил. Подобного рода незаконные действия были применены и к ряду других организаций.

Мною, при выезде в г. Каменское, были собраны материалы о незаконных действиях Кирткова и переданы областному Прокурору для привлечения Кирткова к ответственности за нарушения революционной законности и немедленном вселении в указанное помещение Переводного отдела и Скуппункта. Банк официально уведомил, что если в течение трёх дней

не будет предоставлено помещение, то он снимает с себя ответственность за приёмку ценностей.

Ст. инспектор Особой инспекции
Днепропетровской областной конторы «Торгсин»

Жуковский

г. Днепропетровск 27/XI-34.

.....
После этого, жалобы за подписью Кунцера и Жуковского были направлены буквально во все концы страны: Днепропетровскому областному прокурору, в редакцию газет «Зоря» (Днепропетровск) и «Торгсиновец» (Москва), в Прокуратуру УССР. А также во Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами «Торгсин» (Москва), помощнику Генерального прокурора СССР, прокурору по делам НКВД, заместителю Генерального прокурора СССР.

И областная прокуратура дрогнула: исполняющий обязанности областного прокурора Брагинский предложил Каменскому прокурору обратиться в президиум Каменского горсовета о возвращении помещения горрабкооп – «Торгсину».

Однако по большому счёту дни Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами были сочтены. Это уже был колосс на глиняных ногах. Ведь могущество «Торгсина» держалось на карточной системе. С отменой карточной системы и введения свободной продажи хлеба надобность в «Торгсинах» отпала: кто теперь станет нести сюда фамильное серебро и золото, если хлеб можно купить в магазине на зарплату?

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР

тов. Леплевскому
на №827 от 8/II-1935

Вопрос о помещении Каменского «Торгсина» разобран в Днепропетровске помощником Прокурора Союза т. Дубровским лично. Им же принято исчерпывающее весь вопрос решение.

Зам. Прокурора области

Брагинский

ПОМОЩНИКУ ПРОКУРОРА СОЮЗА

т. Дубровскому

Копии: помощнику Генерального прокурора УССР тов. Торговцу
Уполномоченному комиссии Советского контроля тов. Мальцеву
Управляющему ВУК «Торгсина» тов. Братникову

На протяжении трёх месяцев Каменское отделение «Торгсина», а вместе с ним Днепропетровская областная контора и Всеукраинская контора «Торгсин» пишут огромное количество жалоб, писем и корреспонденций в газеты по поводу захвата части помещения, принадлежащего Каменскому отделению «Торгсин» и требуют освобождения этого помещения в административном порядке. Принимая во внимание, что это дело является характерным образцом того, как некоторые работники «Торгсина» (члены партии) становятся беспомощным орудием в руках своего технического аппарата, считаю необходимым подробное изложение обстоятельств этого дела.

Каменское отделение «Торгсина» действительно приобрело у Горкоммунхоза небольшое помещение за 600 рублей. В этом помещении «Торгсин» разместил свой скупной пункт по приёму золотых вещей и драгоценностей. Через некоторое время надобность в этом

помещении для «Торгсина» миновала. Директор отделения, с предварительной санкции, как он утверждает, управляющего областной конторой решил это помещение продать, но так как охотников купить в собственность это помещение не оказалось, то директор отделения решил, опять-таки с санкции облконторы это помещение сдать в аренду. Был приглашён для переговоров какой-то чувячник, приехавший с Кавказа, который согласился взять в аренду это помещение на один год за сумму 1300 рублей. Чувячником деньги были внесены полностью сразу, и помещение было им занято. Частный предприниматель – чувячник до сих пор на основе заключённого между ним и «Торгсином» договора, спокойно работал бы в этом помещении, если бы не было опубликовано постановление Ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) об отмене карточной системы на хлеб.

Местные парторганизации в Каменском, также как и по всей стране, с большой энергией и напористостью занялись подысканием необходимых помещений для развёртывания широкой продажи хлеба. Естественно, что их внимание не могло не привлечь помещение бывшей автостанции, в котором разместился чувячник. Постановлением Горсовета, который, очевидно, не знал о том, что помещение приобретено в собственность «Торгсином», было решено это помещение отдать Горрабкоопу. Начальник милиции, выполняя постановление Горсовета, в административном порядке предложил чувячнику выселяться. Чувячник это распоряжение выполнил, помещение освободил, но ключи, по требованию Кунцера, руководителя местного руководства «Торгсин», передал не Горрабкоопу, а «Торгсину». Последний в несколько часов поставил туда шкафы с бумагами, столы и прочие канцелярские атрибуты и занял принадлежащее ему помещение. Тогда начальник милиции в административном порядке выселил бухгалтерию «Торгсина».

Начали поступать жалобы в Прокуратуру. Областная прокуратура, установив, что помещение принадлежит «Торгсину», 26/1-т/г за подписью заместителя Прокурора области т. Брагинского предложила городскому прокурору войти с представлением в Президиум Горсовета об отмене его постановления от 2/XI-34 года. Это правильное с формальной точки зрения предложение т. Брагинского вызвало совершенно недопустимое по форме и по существу письмо со стороны Каменского отделения «Торгсина»

В это время в Днепропетровск прибыл помощник Прокурора Союза т. Дубровский. Выслушав личные доклады Каменского горпрокурора т. Печерского и директора Каменского «Торгсина» т. Кунцера, т. Дубровским были установлены все обстоятельства, изложенные выше. Исходя из этого т. Дубровский предложил мне и городскому прокурору протест отозвать и признал, что в действиях местных руководителей «Торгсин» есть определённые элементы нэпмановского подхода к вопросу (нэпмановский душок). Он же предложил городскому прокурору проверить точно обстоятельства, при которых осуществлялось самое административное выселение и, в случае подтверждения недопустимых фактов выселения, привлечь виновных к ответственности. Таковы обстоятельства этого дела.

В свете этих фактов представляется очень странным все письма управляющего ВУК «Торгсина» т. Братникова, адресованные в четыре адреса. В них он жалуется, что над работниками «Торгсина» издеваются, что Днепропетровская прокуратура ограничилась отпиской, что «лишение нас скупочного пункта, его помещения, несомненно, отрицательно отразилось на проведении нормальной работы, а отсюда и на возможности выполнения валютного плана» и т.д. и т.д.

Как следует квалифицировать подобную информацию таких работников, как

уполномоченного КСК по области т. Мальцева, пом. Генерального прокурора УССР т. Торговца, прокурора по делам НКВД т. Мальцева. Ведь это самое помещение сам же «Торгсин» хотел продать вовсе. И только потому, что ему не удалось этого сделать, он передал его на год в аренду. Комментарии считаю излишними.

Прокурор Днепропетровской области
22.02.35.

Ахметов

ГОРОДСКОЙ ПРОКУРОР КАМЕНСКОГО т. ПЕЧЕРСКИЙ ПОСТАНОВИЛ

«Торгсин» действительно в этом помещении не нуждается, предлагал его продать за 1500 рублей, а купил за 600 рублей, а затем сдал его в аренду за 1200 рублей сроком на один год, а также взял отступного от артели парикмахеров 1400 рублей за помещение завода, что свидетельствует о спекуляции и о том, что в нём нужды никакой не было. Причём санкцию на продажу и сдачу в аренду давала Областная контора «Торгсин», а посему **ПОСТАНОВИЛ:** за отсутствием основания для протеста постановления Городского Совета, жалобу «Торгсина» оставить без последствий.

1935 года февраля 14-го дня.

.....
Ну а вскоре и сам Каменской «Торгсин» благополучно прекратил своё существование. Мавр своё дело сделал – мавр может умереть!

ДЕЛО «КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКОГО НАЦМЕНАППАРАТА»

**«Ибо крепка, как смерть, любовь...»
Песнь Песней 8. 6.**

26 февраля 1934 года в Днепропетровске состоялся процесс по делу «Контрреволюционная деятельность польского нацменаппарата», пожалуй, первого процесса, имеющего ярко выраженную национальную окраску. Аресты начались ещё в 1933 году, а «расследование» длилось около семи месяцев. По делу проходили наиболее активные в общественном плане поляки, возглавляющие различные организации Каменского или работающие в них. Среди арестованных:

Станислав Людвигович Павличек – 1906 года рождения, с. Новая Ушица Новоушицкого района Винницкой области, поляк, образование высшее, беспартийный, директор вечернего польского рабфака при металлургическом институте, задержан органами НКВД 26 июля 1933 года;

Альфонс Марьянович Недзвецкий – 1910 года рождения, с. Марьяновка Мархлевского района Киевской области, поляк, образование высшее, беспартийный, сотрудник многотиражной польской газеты «Дзержинец» завода имени Дзержинского;

Томаш Валентинович Стемпель – 1887 года рождения, с. Янковичи Ковенской губернии, поляк, образование начальное, член ВКП(б), директор польской школы, в которой размещалась и каменская школа ФЗУ;

Зигфрид Юлианович Вейс – 1896 года рождения, с. Каменское Екатеринославской губернии, немец, беспартийный, образование начальное, фрезеровщик завода имени Дзержинского, руководитель польской драматической секции;

Марьян Григорьевич Вальчак – 1895 года рождения, г. Варшава, поляк, из служащих, образование среднее, женат, член ВКП(б) с 1926 года, работник Каменского горсовета.

Согласно обвинению областного НКВД в Каменском «вскрыта и ликвидирована польская контрреволюционная националистическая группировка, охватившая своей контрреволюционной работой все звенья польского нацменapparата Каменского. В группировку входили почти исключительно руководящие нацменработники, использовавшие своё положение в нацменовских организациях Каменского для широкой пропаганды польских националистических идей среди польских рабочих масс и компрометации советской национальной политики» [25].

Любопытно, что польский рабфак Каменского, как и польская газета «Дзержинец» были словно специально созданы под этот процесс. Польский рабфак не выпустил ни одного студента, а польская газета «Дзержинец», которая впоследствии была названа «Голос металлурга» («Głos Metallurga») ещё не издавалась, были только решения об организации этих учреждений. Всего лишь в 1933 году бюро Каменского горкома партии приняло постановление «О польской газете «Дзержинец», в котором указывалось: «Предоставить помещение под редакцию газеты и выделить средства со стороны завода Дзержинского» (Протоколы заседаний бюро Каменского горкома партии. Апрель-декабрь 1933 г.) [26]. А уже в феврале 1934 года редактор новоиспеченной газеты Альфонс Недзвецкий проходил как член польской контрреволюционной националистической группировки.

Приговоры Особого совещания ГПУ УССР были ещё на удивление мягкими. Так, Станислав Павличек по статье 54-10 УК УССР (антисоветская агитация) был осужден на три года ссылки, которую он отбывал в Западном Казахстане в городе Уральск, а возглавляемый им неработающий польский рабфак расформирован. Альфонсу Недзвецкому мерой наказания был признан срок предварительного заключения. Томаш Стемпель осужден к трём годам исправительно-трудовых лагерей. Марьян Вальчак также получил три года ИТЛ, а Зигфрид Вейс и вовсе был освобождён за отсутствием доказательств вины.

Юная девятнадцатилетняя жена Станислава Павличек – Евгения (в девичестве Барон), не колеблясь, последовала за супругом в ссылку, повторив тем самым поступок жён декабристов. В Уральске Станислав Павличек преподавал математику и физику в местном зоологическо-ветеринарном техникуме, а Евгения готовилась стать матерью. Перед родами выехала к родителям в Каменское, дала жизнь дочке Эдуарде и через несколько месяцев вернулась с нею в Уральск.

16 мая 1937 года, когда Станислав Павличек уже рассчитывал на скорое освобождение, он на глазах своей жены был арестован на выпускном вечере в техникуме. А 2-го июля 1937 года арестовали и Евгению. Супруги Павличек встретились ещё раз на коротком суде 8 сентября 1937 года, где их обвиняли в членстве в антисоветской шпионской организации. По приговору «тройки» НКВД по Западно-Казахстанской области Станислав Людвигович Павличек, 1906 года рождения, уроженец города Новая Ушица Винницкой области на основании статей 6-111, 58-10 УК подвергся лишению свободы сроком на 10 лет без права переписки с отбыванием наказания в лагере НКВД СССР в посёлке Вожаель Коми АССР. В этом же лагере Станислав Павличек и умер в новогоднюю ночь 31 декабря 1943 года. Его супруга Евгения Михайловна Павличек, 1914 года рождения, уроженка села Каменское, на основании статьи 58-10-11 подверглась лишению свободы сроком на 8 лет с отбыванием наказания в Нижнеамурском лагере НКВД [70].

Восемь страшных лет отбыла Евгения Павличек в лагере, работая на всесоюзной комсомольской стройке Комсомольска-на-Амуре, где она получила комбинированный порок сердца, ревматизм, вздутие живота. Второго июля 1945 года, согласно справке, выданной гражданке СССР Е. Павличек, она, после отбытия меры наказания, по применению директивы НКВД и Прокуратуры СССР, освобождена из заключения и направляется к месту проживания, которым ей был назначен город Чимкент. Однако через два года новых мытарств, обострения тяжёлых заболеваний, которые превратили тридцатилетнюю женщину в калеку, её, как не жильца на этом свете, сактировали и списали умирать в Днепродзержинск. Но она опять почему-то выжила и пошла работать на завод имени Дзержинского чернорабочей, а потом строгальщицей.

Жалела ли, каялась ли Евгения в своём давнем шаге, который сломал её жизнь? Поступила ли она так же, если бы знала, что ждёт её впереди? Кто знает... Но до самой смерти она без конца рассказывала своей дочери Эдуарде об её отце и своём суженном Станиславе Людвиговиче Павличеке, как о наилучшем, благородном и самом дорогом человеке на свете.

2-я СТРОЙКОЛОНИЯ КАМЕНСКОГО

«И потому Египтяне с жестокостью принуждали сынов Израилевых к работам, и делали жизнь их горькою от тяжкой работы».
Исход 1. 13-14.

В 1931 году Днепровский завод выплавлял около 10% чугуна, который выпускался в СССР. Увеличение выплавки чугуна вызвало необходимость строительства коксохимических, а впоследствии и иных крупных заводов.

Коксохимический завод имени Серго Орджоникидзе строился в годы первой пятилетки. Подготовка площадки для будущего завода началась в 1928 году. Для руководства возведения коксовых батарей пригласили немецких и французских специалистов. Главным подрядчиком сооружения нижнего коксохима, как и других промышленных объектов города, был трест Дзержинскстрой. Но основной рабочей силой, которая использовалась на строительстве, являлись заключённые, а также крестьяне окрестных сёл, спасавшиеся от коллективизации и угрозы ареста или высылки в качестве раскулаченных. Таких вылавливали и переводили в разряд заключённых, работавших, зачастую, на тех же стройках.

«З 1 січня по 1 жовтня 1933 року з заводів і будівництв Кам'янського було вилучено 3215 карно-злочинного та соціально-ворожого елементу», – писала газета «Дзержинець» [80].

Допры, тюрьмы и камеры предварительного заключения были переполнены. Ведь без огромного количества заключённых, представляющих бесплатную рабочую силу, Советская власть существовать не могла.

Секретно

УССР
Народный Комиссариат Внутренних Дел
Отд. Нарслужбы

2 сентября 1935 года

НКП – УССР тов. Коробчинскому

Распоряжение Ваше от 1.VII с.г. за №0709.8 «О недопущении перегрузки КПЗ Каменской гормилиции» Днепропетровской областной прокуратурой не выполняется.

19.VII с.г. нарсуд Каменского района уведомил начальника милиции о том, что им на 20.VII вызваны из Днепропетровской тюрьмы 61 арестованный. Несмотря на то, что Нарсудья был предупреждён начальником милиции о перегрузке камер, всё же 21.VII арестованные были доставлены в КПЗ, рассчитанные на 35 человек. Председатель Облсуда на уведомление Днепропетровского облуправления милиции о недопущении перегрузки отношением от 13.VI с.г. сообщил, что случаи перегрузки камер могут повторяться. Сообщая об изложенном, прошу о принятии мер к недопущению подобных перегрузов в дальнейшем.

Заместитель начальника отдела нарслужбы
Старший инспектор

Яновский
Деревянко [23].

.....
Рядом со стройплощадкой коксохимического завода имени Серго Орджоникидзе находилась 2-я Стройколония Каменского. Это была большая колония, насчитывающая 2800 человек, среди которых отбывали наказание и женщины. Большую часть осуждённых составляли раскулаченные крестьяне окрестных сёл. Такие строительные колонии, как и сельхозколонии, как грибы после дождя, стали появляться по всему Советскому Союзу, в том числе и в Украине: заключённые колоний возводили промышленные гиганты первых пятилеток.

Именно во 2-й Стройколонии Каменского в 1934 – 1935 годах произошли события, ставшие предметом разбирательства органов партийного и прокурорского надзора. 10 июня 1934 года вышло постановление Каменского горпаркома «О руководстве 2-й Стройколонии», посвящённого фактам морального разложения в руководящем составе колонии. Комиссия городского партийного комитета сделала сообщение на бюро горкома, в котором информировала о том, что начальник стройколонии Постников принуждал к сожительству сотрудниц стройколонии, занимался шантажом и самоснабжением, в чём ему активно помогал сотрудник колонии Менцелёнок. О преступлениях Постникова было известно в руководящем составе Стройколонии, однако руководящие товарищи молчали. И горпарком постановил:

1. Постникова – бывшего начальника 2-й Стройколонии из партии исключить.
2. Менцелёнка, как подхалима и соучастника в преступлениях Постникова из партии исключить.
3. Дело на Постникова и Менцелёнка передать в суд.
4. Соколовского – секретаря парткомитета и Бредуна – политинспектора, знавших о преступлениях Постникова и не доведших об этом из-за трусости до сведения парторганов, опустившихся до роли пособников Постникова в его антипартийных действиях и потерявших лицо партийцев-большевиков, как политических трусов и двурушников, – из партии исключить.
5. Просить райкомиссию по чистке партии провести срочную чистку парторганизации Стройколонии.
6. Поручить т. Ивпокиенко срочно подобрать кандидатуру на секретаря паркома Стройколонии. Просить ПТУ укрепить руководство Стройколонии руководящим составом.

7. Отметить, что прокуратура ограничила прокурорский надзор за работой Стройколонии только вопросами хозяйственного состояния и постановки работы среди заключённых и просмотрела безобразия среди руководящего состава Стройколонии. Предложить извлечь политические уроки из этого дела, повысить бдительность и обеспечить прокурорский надзор за всеми сторонами жизни и работы Стройколонии [92].

После такого постановления, в пенитенциарном управлении сделали соответствующие выводы, и руководящий состав стройколонии был заменен. Начальником Каменской стройколонии назначили некоего Межеричера, начальником охраны Ольшанского, начальником производственных работ Шевченко, комендантом колонии Стомбу. Однако «извлечь политические уроки из этого дела, повысить бдительность и обеспечить прокурорский надзор за всеми сторонами жизни и работы стройколонии» не удалось. Ибо безобразия среди руководящего состава стройколонии сменились поистине нечеловеческими условиями содержания заключённых. Буквально чудом заключённым Каменской строительной колонии удалось передать на волю письмо, написанное 30 августа 1935 года и адресованное Генеральному прокурору Украины. И удивительное дело – письмо дошло до адресата!

**ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ УССР
от правонарушителей, находящихся в Запорожской стройколонии**

Заявление

Мы, правонарушители, просим Вас обратить особое внимание на заключённых, во 2-й стройколонии делается очень большой беспорядок. Заключённые работают хуже, чем в старое время работали в каторге, и все оборванные, голые и голодные, и очень много больных, которые не могут ходить по свете. А их гонят на работу, и если не идёт, то тянут за ноги, как собаку, и избивают его, если он уже не может по свете ходить. И вместо того, чтобы его поддержать питанием, то они ему дают только 400 грамм хлеба, чтобы он скорее умер. А посему мы, правонарушители, просим Вас, чтобы Вы самые убедились на факте и таких вредителей привлекли к ответственности, а то Вы не знаете и думаете, что здесь хорошо, но приедете и увидите. В старое время и то над заключёнными так не издевались, как сейчас издеваются. Мы, кажется, уже пережили 33 год, уже 35 год, и до каких пор это издевательство будет над нами, тружениками. Мы, правонарушители, просили и просим Вас выедьте и проверьте самые, что здесь делается. Писать это очень много, и то всё не опишем. Просим и просим Вас мы, правонарушители, не указываем фамилий, а то Вы ничего не сделаете, а над нами будут издеваться.

Запорожье-Каменское 79-У-2, 2-стройколония.

Правонарушители.

30/VIII-35 г.

.....

Письмо заключённых попало к помощнику Генерального Прокурора УССР по надзору за местами лишения свободы Петренко, который дал делу ход.

.....

Тасмно

ДНІПРОПЕТРОВСЬКОМУ ОБЛПРОКУРОРУ

г. Цвіку

(на №1003.014.19)

Нами получен ответ, что для разрешения жалобы правонарушителей о безобразиях во 2-й

стройколонии Вами материал направлен Запорожскому прокурору. Это неправильно, так как 2-я Стройколония находится не в Запорожье, а в Каменском-Запорожье. Для более квалифицированного расследования и принятия своевременно надлежащих мер прошу послать в Каменское Вашего старшего помощника по М.З. (возможно, местам заключения – авт.) для расследования, и о результатах сообщите к 25/Х-35.

Пом. Генерального прокурора УССР по надзору за местами лишения свободы Петренко 1/Х-35.

«Для разрешения жалобы правонарушителей о безобразиях во 2-й стройколонии» в Каменское выехал старший помощник областного прокурора Герасименко. То, что он здесь обнаружил, поразило даже выдавшего виды следователя. Результаты дознания им были оформлены в докладной записке на имя Прокурора Днепропетровской области.

ПРОКУРОРУ ДНІПРОПЕТРОВСЬКОЇ ОБЛАСТІ

тов. Цвік

Старшого помічника прокурора області Герасіменка

Доповідна записка

На виконання Вашого розпорядження, мною 3/Х – 9/Х-35 проведено обслідування стану правопорушників 2-ї Будколонія в м. Кам'янському й встановлено слідує:

В колонії перебуває 2800 правопорушників, які за умовами з Держинбудом працюють на будівництві.

При огляді таборів кидається в вічі велика кількість тяжко-хворих правопорушників, які живуть по ротах вмісті зі здоровими, але на роботу не ходять по місяцю й більше. До лікарні їх не приймають по тій причині, що лікарня розрахована на 50 ліжок.

Так, в 7-й роті, хворий на дизентерію Озерний цілий місяць з переривом лежав біля вбиральні, куди старшина Южнов носив йому хліб. Цей Озерний до лікарні прийнятий лише 8/Х.

Зозуля хворіє на туберкульоз 3-ї стадії, цілий місяць звільнен від роботи, живе вмісті зі здоровими.

Головін не працює місяць, бо вкритий ранами.

Твердохліб з переломленою правою рукою не працює місяць.

В кожній роті є хворі, що не виходять на роботу. Багато хворих на двухбічну грижу, туберкульоз, міокардит і таке інше. Меддопомога правопорушникам цілком незадовільна: по штату потрібно 2 лікаря і 6 лікпомів та лікарі-консультанти – вушні, глазні, зубні, хірурги, гінекологи, а в наявності є: один головлікар, він же начальник медсанчасті Овчаренко та 3 лікпома. По спеціальним захворюванням правопорушників водять до міської лікарні, а на терені колонії немає навіть зубного кабінету й зубний біль не вважається за хворобу.

З боку обслуговуючого медперсоналу до хворих правопорушників надзвичайно брутальне ставлення, про що свідчить такий випадок. Третього жовтня лікар Овчаренко захворів, пішов у відпустку, не поклавши ні на кого обов'язків лікаря, й до лікарні, де мешкають 38 тяжкохворих на туберкульоз, дизентерію і т.і. ніхто з лікпомів не заходив до 7/Х. Здоров'я хворих доручено сестрам, з яких не всі обізнані з елементарними правилами догляду за хворими. При відвідуванні лікарні 8/Х, вартова сестра Біленко не знала навіть, яка кількість хворих, та на що вони хворіють. Сказала про всіх «паносники», і що вона дає їм опіум в різній дозі.

В аптеці нестерпний бруд, в перев'язочній кімнаті всі банки з препаратами, скло на столі, вазочки та інше приладдя вкрито густою пилякою, яка давним давно не витиралась. Рядом зі столом стоїть аптечний шкафчик, з боку якого наложено брудне ганчірря, папір, бинта. Про стіни й підлогу нічого й казати – все покрито пилякою, а в цій кімнаті роблять перев'язку

хворим.

По хворості детерміново з 1 січня правопорушників було звільнено 227, відмовлено 78. Комісія засідає раз на місяць. Останнє засідання ДК (детермінова комісія – авт.) було 24/ІХ. На засіданні було поставлено 44 чоловіка хворих: звільнено 27, відмовлено 17 (стан відмовлених прикладається). Зі списку видно, що відмовляли в звільненні без жодних підстав. Приклад. Літвин, Минькович, Фриц, Колесніченко та інші прокурор Пехотинський, який брав участь в цій комісії, жодної, постанови суду не опротестував.

Хворі, які залишились у колонії незабаром умирали. Скарга будколонії з 9 липня 1935 року до начальника ОМЗ про те, що хворі правопорушники помирали незабаром після розгляду комісії, яким було відмовлено в звільненні, й як приклад дає 6 чоловік, свідчить, що Прокуратура цій ділянці роботи не приділила уваги.

Велика кількість хворих, яка є в колонії та велика смертність (померло з 1 січня 89 чоловік) приносить як матеріальну шкоду Будколонії, так і має негативний вплив на моральний стан правопорушників.

В колонії помічається велика кількість втікачів: січень – 175, лютий – 110, березень – 69, квітень – 56, травень – 59, червень – 40, липень – 44, серпень – 44, вересень – 63.

Велика кількість адмінстягнення, що накладається на правопорушників: січень – 312, лютий – 240, березень – 252, квітень – 132, травень – 159, червень – 132, липень – 141, серпень – 116.

25% правопорушників не забезпечені ні одягом, ні білизною, ні ліжковим приладдям. Мені особисто приходилось говорити з правопорушниками, які працюють на виробництві по року, але крім полотняних штанів та такої ж сорочки нічого не одержували. Поводження з боку молодшого надзору та охоронників (з правопорушників) з правопорушниками в більшості грубе. Грубо поводяться з правопорушниками також деякі десятники на виробництві, але Прокуратура цим питанням не цікавилась і ніяких заходів не вживала. З Кам'янським прокурором Поплавським є договореність про те, щоб 12/Х на судовому засіданні були звільнені всі тяжко хворі правопорушники Будколонії, згідно інструкції Директивних органів.

Вважаю за потрібне:

- 1) Посилити догляд з боку Прокуратури за Будколонією.
- 2) негайно укомплектувати лікарським та середнім медперсоналом лікарню Будколонії, організувати зуболікарський кабінет та забезпечити обслуговування лікарями по окремих спеціальностях.
- 3) Прокуратурі обов'язково повідомляти скаржників правопорушників про розгляд їх скарг.
- 4) Поставити питання перед Нач. Обл. М.З. про вжиття заходів аби негайно правопорушники були забезпечені верхнім одягом, білизною, взуттям та ліжковими приладдями.

Ст. пом. Прокурора області сектора М.П.В.

Герасіменко

.....
ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1935 года октября 20 дня ст. следователь Днепропетровской областной прокуратуры, рассмотревши дело о злоупотреблениях администрации 2-й Стройколонии в г. Каменское нашёл:

20/ІХ-35 проверкой, произведенной пом. облпрокуратуры т. Кацнельсон во 2-й Стройколонии было установлено, что в колонии имеют место факты грубого нарушения революционной законности представителями надзора и что значительная часть заключённых находится в скверных бытовых и санитарно-гигиенических условиях. Проведением по этому

делу расследованием установлено следующее:

1. В Стройколонии №2 существовала с 1935 года система грубого произвола. Целый ряд показаний заключённых и отдельных работников надзора подтверждают факты избияния заключённых взводными, старостами и самоохраной (все эти люди из заключённых). При выводе заключённых на работу, отказывающихся выходить избивали, тянули силой за ворота, грубо толкали и ругали. Такое отношение к заключённым не могло быть неизвестно командующему составу колонии, так как на выходах на работу обязательно присутствует кто-либо из ответственных работников колонии.
2. В Стройколонии очень велик % больных и % смертности. Такому положению способствовало принуждение выходить на работу больных заключённых. Часто заключённые, имевшие справки врача о 50% трудоспособности, принуждались выполнять 100% рабочую нагрузку здоровых людей.
3. Грубо относились к заключённым и лица командного состава колонии. Начальник колонии Межеричер, начальник охраны Ольшанский, начальник производственных работ Шевченко, комендант Стомба и др.
4. Расследованием установлены также факты избияния заключённых:
 - а) сотрудник надзора Доброжан в сентябре 1935 года привёл в дежурную комнату группу заключённых, спавших на работе. Один из этой группы Осадчук при опросе его Доброжаном в повышенном тоне сказал, чтобы на него не кричали. Доброжан после этого замечания схватил Осадчука за горло и стал душить и угрожать ему револьвером.
 - б) при задержании в начале сентября бежавших из-под стражи заключённых Пенера, Кирилюка и др., они были избиты двумя надзирателями и взводным Гуцаленко.
 - в) начальник оперативно-строевого отдела колонии Печенюк в тот же период времени избил заключённого Богданова, заподозренного в краже.
 - г) надзиратель Розов избил летом 1934 года одного заключённого.
 - д) взводный (из заключённых) Рагойда избил в августе 19135 года заключённого Куприевича за то, что тот спал после завтрака. Куприевич спал утром, так как работал накануне в ночной смене. Рагойда избил также заключённых Горба и Кудя.Кроме того, имеются отдельные показания об избиянии заключённых другими работниками надзора (Ольшанским, Павликовским, Пашенко и др.)

.....

Принимая во внимание, что согласно постановлениям ЦИК СССР от 27/II-34 за №82/208 дела о лицах, работающих в исправительно-трудовых учреждениях подследственны Военному Прокурору погранотряда войск НКВД и руководствуясь 123 ст. УПК

ПОСТАНОВИЛ

Направить настоящее дело Военному Прокурору и Погранохраны НКВД по Днепропетровской области.

Ст. следователь прокуратуры Днепропетровской области

Абрамович

.....

Секретно

ЗАВОБЛОТДЕЛОМ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

тов. Стасюк

По моему поручению ст. помощник Облпрокурора т. Герасименко была обследована 2-я Стройколония в г. Каменском и установлено:

Совершенно неудовлетворительное медобслуживание заключённых, работающих на стройках, а именно, заключённых 2800 человек обслуживает один врач (терапевт) и 3 лекпома. Врач Овчаренко, он же начальник медсанчасти; есть больница на 40 коек; из-за того, что колония имеет одного врача, был случай, когда больницу, где лежат только тяжелобольные (во время болезни врача) с 3 по 7 октября никто, даже лекпомы, не посещали.

Никто не обслуживает из врачей заключённых по горловым, ушным, глазным болезням, нет зубного кабинета, нет гинеколога. Больных водят в горбольницу, это больных не удовлетворяет. Прошу принять срочные меры к тому, чтобы 2-я Стройколония, где находится 2800 человек заключённых – людей, чувствующих боль так же, как и люди, находящиеся на свободе, были обеспечены медицинским обслуживанием по потребности.

О Вашем решении прошу сообщить.

Прокурор Днепропетровской области

Цвик.

.....
До Н.К.Ю. та ГЕНЕРАЛЬНИЙ ПРОКУРАТУРИ РЕСПУБЛІКИ
(на №01.675 з 25/VI-35)

Повідомляю, що Обласною комісією по умовно-детерміновому звільненню з місць ув'язнення засуджених соціально-близьких нам елементів пророблена така робота: Всього на розгляд комісії було подано справ на 1856 в'язнів, звільнено 1084, відмовлено 772. Звільнено окремо по місцям ув'язнення: друга Будколонія в Кам'янському: подано до комісії – 201 чол., відмовлено – 147 чол., звільнено – 54 чол.

.....
СВЕДЕНИЯ О ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ПО БОЛЕЗНИ З/К
2-й СТРОЙКОЛОНИИ
с января месяца 1935 года

Месяц	Постановлено	Освобождено	Отказ
Январь	8	4	4
Февраль	59	55	4
Март	не было	не было	не было
Апрель	21	17	4
Май	не было	не было	не было
Июнь	9	7	2
Июль	143	104	39
Август	21	13	8
Сентябрь	44	27	17
Всего:	305	227	78

.....
Трудно себе представить, что в январе, апреле, июне, не говоря уже о марте и мае, в Каменской Стройколонии не было тяжелобольных, нуждающихся в условно-досрочном освобождении. И заключённые, как мухи, умирали в зоне. Где они похоронены и похоронены ли вообще?

.....
НАЧАЛЬНИКУ ОМЗ ОБЛУПРАВЛЕНИЯ НКВД
г. Днепропетровска

2-я Стройколония МЗ НКВД уведомляет, что комиссией при медсанчасти неоднократно предъявляется контингент больных к досрочному освобождению по болезни. Народный суд г. Каменского, рассматривая дела больных, которые по характеру преступления и классовому происхождению относятся к числу чуждых элементов – своими постановлениями о досрочном освобождении отказывают даже в таких случаях, когда з/к больной находится в весьма тяжёлой, угрожающей форме болезни. В результате за счёт подобных случаев по 2-й Стройколонии М.З. НКВД из месяца в месяц возрастает регистрация смертных случаев.

Например:

Отказано в освобождении з/к, которые умерли:

- 1) Витрявский Филипп Николаевич, 57 лет, кулак, ст. 58, осужден на 5 лет.

- 2) Аркуша Фёдор Григорьевич, 23 года, середняк, ст. 170 ч.3, осужден на 2 года.
- 3) Лескович Игнатий Климович, экспортник, ст. 170, осужден на 2 года.
- 4) Аверчук Трофим Тимофеевич, 59 лет, раскулаченный, ст. 58, осужден на 5 лет.

Отказано в освобождении также целому ряду других з/к, у которых признаки жизни явно не поблагоприятствуют на статистику о смертности.

- 1) Драч Александр Семёнович, раскулаченный, ст. 170, осужден на 3 года, болеет асцитом.
- 2) Баран Василий Яковлевич, 55 лет, раскулаченный, ст. 58, осужден на 7 лет, мышечная атрофия, старческая дряблость.

Остановливаясь на этих примерах, достаточно определить целесообразность содержания таких з/к в условиях стройколонии, не говоря о том, что многое не указываем. Здесь имеющийся определённый % состава з/к на постоянном больничном режиме, отражающимся на деятельности последних и в целом на колонии, которая представляет к освобождению на суд, но суд их не освобождает.

Сообщая о вышеизложенном, прошу Ваших указаний.

Нач. 2-й Стройколонии МЗ НКВД /подпись/

Нач. медсанчасти /подпись/

9/VIII-35 №1954

.....

Совершенно секретно

ВСЕМ ГОР. и РАЙ. ПРОКУРОРАМ ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

По имеющимся в облпрокуратуре сведениям, Днепропетровская область по числу побегов з/к из тюрем, строй и с/хоз колоний, по состоянию на 1 октября 1935 года занимает второе место на Украине. Наибольшее число побегов у нас дают: Днепропетровская тюрьма, Бердянская с/хоз колония, 2-я Каменская Стройколония, 5 и 6 Запорожские Стройколонии.

Во всех колониях долгое время находятся тяжелобольные заключённые, которые по роду и характеру болезни должны быть условно-досрочно освобождены, на судебных заседаниях. Но так как наблюдающие прокуроры не удосуживаются своевременно организовать этих судебных заседаний, больные по 5-6 месяцев остаются в колониях, где, зачастую, больные третьей стадии туберкулёза живут в одном помещении вместе со здоровыми.

Например: Каменский горпрокурор Поплавский только после вмешательства моего помощника Герасименко 12/X освободил на судебном заседании 150 человек больных заключённых. А пом. городского прокурора Пехотинский решение судебного заседания от 24.9.35, которым без оснований было отказано в досрочном освобождении, не опротестовал [27].

.....

Чем окончилось прокурорское разбирательство во 2-й Стройколонии Каменского неизвестно. Но можно с уверенностью предположить, что образцово-показательной она не стала. И до конца своего бытия заключённые строительной колонии влачили жалкое существование на границе между жизнью и смертью.

Справка: Каменской прокурор Поплавский Фёдор Петрович, родился в 1901 году в Екатеринославе, украинец, из рабочих, образование среднее, член ВКП(б). В 1938 году занимал должность помощника прокурора Днепропетровской области. Приговором Военной коллегии Верховного Суда СССР от 01.04.1938 года обвинён в принадлежности к контрреволюционной организации, расстрелян, как враг народа.

УКРАИНСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ

**«...доколе ещё дыхание моё во мне и дух Божий в ноздрях моих, не скажут уста мои неправды, и язык мой не произнесёт лжи!»
Книга Иова 27. 3-4.**

Национализм в широком смысле слова совпадает по значению с патриотизмом и стремлением к образованию суверенного государства. Возникновение национализма явилось реакцией в украинской духовной жизни на события первой мировой войны и национально-освободительной борьбы. Украинский национализм возник в 1920-е годы, как протест против падения украинской государственности и как поиск новых путей в послевоенной действительности. Разумеется, этот «поиск новых путей» никак не совпадал с национальной политикой Советского государства.

В СССР употреблялось понятие «буржуазный национализм», чтобы клеймить национальное сопротивление нерусских народов централизму Москвы. Постоянные репрессии коммунистического режима против «национализма» были особенно распространены среди населения Украины. Причём под гребёнку «буржуазного национализма» очень часто попадали абсолютно далёкие от политики люди.

ДМИТРО РЕКАШ

**«Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию».
Послание к Римлянам 13. 19.**

«Рекаш Дмитро Трохимович народився у 1895 році на Катеринославщині, в правобережній Миколаївці, в сім'ї простого селянина. Своєю смаглявою шкірою та чорнявим волоссям він завдячував малярській гілці в його родовідному дереві, а любов'ю до української культури, української пісні та слова – своїй іншій гілці, українській. П'ятирічним хлопчиком сам зробив собі балалайку. Яка вже була та балалайка, але сам зробив і грав на ній. Коли трохи підріс, маючи абсолютний музичний слух, навчився грати на гармошці і, як гармоніст, дуже славився в селі.

Але почалась Перша світова війна. Молодим хлопцем пішов на фронт, був поранений в ногу, тож після шпиталю його відправили додому. Повернувшись, він переїхав в село Кам'янське, де вже жила після одруження його старша сестра Мотря, і оселився в неї в будинку по вулиці Запорожській. Невдовзі він знайшов роботу на заводі в будівельному цеху, де добре навчився столярному ділу. Дмитро швидко помітив дуже порядну і роботящу, статну і гарну Ганну. Її чоловік на другий день після весілля пішов на фронт і загинув. Дмитро одружився з Ганною та купили собі стару хату під соломою на розі вулиць Водяної і Пригородньої. Після того, як подружжя полагодили її, хата виглядала, як нова. Щоб прокормити сім'ю, окрім роботи на заводі, Дмитро вдома робив меблі на замовлення. В силу його природних здібностей та любові до всього гарного, меблі виходили витончені, прикрашені гарною різьбою. Вони користувались великим попитом у людей. Деякі зразки його меблів існують і досі, прикрашаючи побут його правнуків і праправнуків.

Та Дмитра Трохимовича не покидала мрія робити музичні інструменти. Він робив балалайки,

гітари, мандоліни. В 1931 році у Кам'янське приїхала капела бандуристів. Дмитро, взявши за руку найменшу донечку Олесю, пішов на той концерт, де вперше в житті побачив і почув бандуру. Бандуристи співали українські народні пісні, але почали і закінчили концерт піснями патріотичними на комуністичні теми. Зачарований звучанням інструменту, Дмитро швидко робив зарисовки, а по закінченні концерту попросив дозволу зайти за куліси, щоб зблизька добре роздивитись бандуру.

По дорозі додому Дмитро здивовано слухав, як маленька Олеся наспівувала щойно почуту пісню, яка прозвучала останньою в концерті:

Гарно, гарно серед степу:
Глянь на південь, північ, схід...
Косим клівер, косим трави
На комунівській землі...

Після того концерту думка про бандуру вже не покидала його. Він згадав, що бачив у батька у дворі велику вербову колоду. Найнявши підводу, Дмитро привіз її з Миколаївки, і з тої вербової колоди народилась його перша бандура. Поки він її робив, Олеся заглядала і крутилася поблизу, весь час питала: «Чи вже скоро, тату?» Закінчивши роботу і настроївши бандуру, Дмитро Трохимович вийшов на ганок, закурив. Коли увійшов у хату, зацікавився на порозі: маленька Олеся сиділа на ліжкові поряд з бандурою і грала на ній мелодію української народної пісні:

Усі гори зеленіють,
Тільки одна гора чорна,
Де сіяла бідна вдова...
Де сіяла – волочила
Слізеньками примочила.

Дмитро тихо підійшов ближче: «А ну, Олесю, ще заграй...» Дитина повільно грала і виводила дзвінким голоском:

...ідіть дітки, ідіть з хати:
Сіда дядько обідати,
Не так дядько, як дячина:
Сичить вона, як гадина...

Устань, тато, устань з ями,
Горе жити самій мамі...

Природа обдарувала музичними здібностями усіх дітей Дмитра Трохимовича, але найбільше з усіх – малу Олесю. Згодом Дмитро Рекаш організував домашній оркестр, в якому він грав на гармошці, дружина Ганна – на балалайці, син Михайло – на мандоліні, донька Євдокія – на гітарі, а Олеся на маленькій бандурі, яку тато зробив для неї. Пізніше він, удвох з Олесєю, часто виступали в клубі перед людьми, співаючи і акомпануючи собі на бандурах. За цей час Дмитро Трохимович зробив багато бандур, і серед них одна була справжнім шедевром по вигляду і по звуку. Вона була велика і мала гарну форму. На верхньому деко був зображений мозаїчний дуб з натурального рогу, під дубом – Тарас Шевченко.

Влітку 1934 року в Кам'янське приїхала київські бандуристи під керівництвом Тищенка. По дорозі їх намочив дощ, і їхні бандури розклеїлись, і сільська рада направила бандуристів до Дмитра Рекаша. Саме в той час він почав копати колодязь, був дуже зайнятий, пробував відмовитись, але бандуристи умовляли його, обіцяли, що допоможуть копати, аби лише він їх виручив у біді. Один з бандуристів був літній чоловік, інвалід з перебитими пальцями на правій руці. Тими пальцями він якось грав. Шкода стало, мабуть, саме його, що залишиться без роботи, і Дмитро Трохимович згодився допомогти.

Бандуристи жили у хаті Рекашів чотири дні. Як і обіцяли, допомогли копати колодязь усі, окрім того інваліда. По закінченню роботи, кияни в подяку накрили стіл для Дмитра та його найкращих друзів і дали чудовий концерт на цій вечері. На другий день, записавши адресу Рекаша в маленький записник, розпрощались і поїхали, обіцяючи ще заїхати, якщо будуть у цих місцях. Та не довелось.

Всю групу бандуристів заарештували по звинуваченню в націоналізмі. Свідком на суді виступав той «нешасний інвалід» з перебитими пальцями. Як виявилось, ДПУ підіслало його у цю групу, як інформатора. Він заявив, що бандуристи співали заборонені українські пісні. За цей злочин керівника Тищенка присудили до розстрілу, але потім замінили вирок на сім років позбавлення волі. Членам групи дали по сім-вісім років, у тому числі дружині керівника капели Людмилі Тищенко та бандуристу Мишарівському. А так, як до діла була «пришита» ота записна книжечка з адресами, то тим людям дали по три і п'ять років позбавлення волі, як українським націоналістам.

30 квітня 1935 року о пів на десяту годину сім'я Рекашів сіла вечеряти. Тільки взялися за ложки, як біля двору почули гуркіт мотору, хряпнула хвіртка, загавкав собака, і хтось постукав у вікно. Коли Ганна відчинила, до хати увійшли двоє чоловіків у цивільній одежі. Дмитро відклав ложку.

- Ви вечеряйте, вечеряйте, – сказали вони, підійшовши до полиць, та почали передивлятись книжки.

Яка там вже вечеря! Дмитро зрозумів, хто ці нічні гості, але не міг зрозуміти – чому? Стривожена Ганна спитала: «Що сталося?» Вони відповіли: «Нічого, завтра уранці ваш чоловік повернеться і усе розповість». Але на ранок Дмитро не повернувся і на вечір – теж.

Вісім місяців Ганна шукала чоловіка. Кам'янське ДПУ посилало у Дніпропетровськ, дніпропетровське – у Київ, а Київ – знов до Дніпропетровська. І так дружина їздила увесь час, аж поки не прийшов перший лист від чоловіка з Далекого Сходу. І який парадокс! В цей час, коли Дмитра Трохимовича судили як співучасника-націоналіста за оті полагоджені бандури і дали п'ять «передержчих років позбавлення волі», його улюблена маленька Олеся вийшла переможцем на республіканському конкурсі обдарованих дітей України, співаючи українських пісень і граючи на маленькій бандурі, яку зробив їй тато. Звідтіля її направили для подальшої науки в київську музичну школу при консерваторії.

І ще одна неймовірна подія. Одному з товаришів Дмитра по камері принесли передачу, загорнену в газету. Побачивши в газеті фото маленької бандуристки і прочитавши прізвище Рекаш, він дав газету Дмитрові Трохимовичу: «Чи це, бува, не твоя дочка, Дмитре?»

В 1940 році, повернувшись додому, Дмитро взяв, що Ганна, рятуючи дітей від голоду,

мусила продати всі бандури, і вони розійшлися по світу. Далекий Схід забрав здоров'я, і Дмитро Трохимович Рекаш зробив свою останню невелику бандуру, яка зараз зберігається у Переяславському музеї народної творчості. Після тюремного холодного і мокрого карцеру були застуджені легені, і Дмитро Трохимович хворів всі останні роки свого життя. Восени 1958 року він зовсім зліг. Одного дня він позвав Ганну і дітей, попрощався і чомусь згадав рядки Шевченка:

Оце й не знаю,
Чи я живу, чи доживаю,
Чи так по світі волочусь,
Бо вже не плачу й не сміюсь.

Це були його останні слова.

Давно вже немає Ганни, Михайла, Євдокії. Лише його улюблена талановита донечка Олеся, 83-річна Олександра Дмитрівна Рекаш живе в далекій Аргентині. Її доля склалася дуже незвичайно і цікаво, але це вже інша доля і інше життя. Її фотографії знаходяться в музеї народної творчості поряд з батьківською останньою бандурою».

Зі слів Олександри Дмитрівни Рекаш записала її донька Надія Григорівна Кравець. Аргентина. 2008 рік.

Комментарий: Вполне возможно, что Дмитрий Рекаш стал жертвой отголоска расстрела кобзарей на кобзарском съезде, состоявшемся в Харькове в 1935 году. В столицу Украины город Харьков под предлогом съезда созвали кобзарей, бандуристов и лирников со всей страны. Встреча и концерт должны были пройти в Харьковском оперном театре. На съезд приехало около трёхсот человек. Их собрали вместе, рассадили по машинам, вывезли за город и расстреляли. Советская власть кобзарей боялась. Там, где проходил кобзарь, коммунистическому агитатору делать уже было нечего. В 1935 году кобзарей уничтожили, а певцов, которые остались в живых, заставили петь Партии и Сталину [45]. И хотя музыканты киевской капеллы бандуристов не являлись кобзарями, однако были «социально близкими» к ним. Этого оказалось достаточно.

.....

Очередь к «настоящим националистам» придёт позже. 10 мая 1938 года постановлением тройки УНКВД по Днепропетровской области были обвинены в членстве Организации Украинских Националистов (ОУН) и расстреляны семеро украинцев, проживающих в Днепродзержинске или его окрестностях.

«...наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу». Евангелие от Иоанна 16.12.

1. Авраменко Онисим Фёдорович, 1894 г, швейцар коммунального отдела Днепродзержинского коксохимзавода, проживал в с. Тритузное, Днепродзержинского горсовета.
2. Захарченко Константин Прохорович, 1897 г, слесарь вагоностроительного завода имени газеты «Правда», проживал в Днепродзержинске.
3. Котенко Пётр Афанасьевич, 1898 г., работник вагоностроительного завода имени гзеты «Правда», проживал в с. Бабаевка Царичанского района.
4. Вовк Арсентий Арсентьевич, 1881 г., дворник днепродзержинского горкоммунхоза,

- проживал в Днепродзержинске.
5. Джуль Иван Карпович, 1871 г., плотник днепродзержинской электростанции, проживал в с. Романково, Днепродзержинского горсовета.
 6. Моисеев Стефан Петрович, 1898 г., руководитель хорового кружка днепродзержинского дворца культуры, проживал в Днепродзержинске.
 7. Щербаковский Яков Иванович, 1885 г., заведующий отделом кадров днепродзержинского управления «Водострой», проживал в Днепродзержинске [97].

Но настоящая охота на членов ОУН началась в послевоенное время.

ЮРИЙ БОЙЧУК – КОМЕНДАНТ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ ОУН-УПА

**«Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или как вор, или злодей, или как посягающий на чужое...»
Первое послание апостола Петра 15.**

Первого апреля 1970 года на территории Строительного управления СУ-5 треста «Днепрохимстрой» произошло неординарное событие: сотрудниками КГБ был арестован старший прораб Николай Евтихьевич Границкий (по воспоминаниям работников треста – Грановский). Сотрудники треста были в растерянности: за что? Николай Границкий жил в Днепродзержинске с незапамятных времён, заочно окончил техникум, стал прорабом, женился на красавице Ольге, имел двоих детей. Проживала семья Границких в собственном доме на шесть комнат. Их обитель по понятиям того времени была «полной чашей»: пианино, холодильник, телевизор, гараж с автомобилем «Победа». На работе Николай Евтихьевич пользовался уважением и авторитетом: всегда обходительный, вежливый, грубого слова не услышишь. Что правда, не брезговал выписать себе бесплатно стройматериалу, да разве он один такой? Однако старшему прорабу треста «Днепрохимстрой» было что скрывать от соседей и коллег по работе.

Он родился 6 мая 1921 года в селе Паньковцы Белогорского района Хмельницкой области. И звали его... Юрием, Юрием Петровичем Бойчуком. Во время Второй мировой войны, когда немцы оккупировали Западную Украину, Юрий Бойчук в возрасте 22-х лет вступает в ряды Украинской Повстанческой Армии организации украинских националистов. Очень быстро под псевдонимом «Зірка» он становится комендантом (начальником) службы безопасности Вишневецкого районного провода ОУН Тернопольской области. Заключение брак с Ольгой Фёдоровной Забрамной. После вхождения в Западную Украину Советской Армии, ОУН-УПА перешла к подпольным методам борьбы, а сам Юрий Бойчук решил покинуть «горячую точку» Украины. Само же антикоммунистическое подполье в СССР просуществовало примерно до начала 1950-х годов. За послевоенные годы украинское движение сопротивления, хотя и связанное генетически с прежней Организацией Украинских Националистов (ОУН), лишилось специфических черт воинственного национализма. Его платформой стало скорее суверенное демократическое государство.

По подложным документам Юрий Бойчук приезжает в Днепродзержинск, где жила его тётка. Здесь ему удалось устроиться в трест «Днепрохимстрой». Позже вызвал сюда жену Ольгу Фёдоровну и ...расписался с ней вторично под фамилией Границкий. Через некоторое время супруги Границкие вызвали в Днепродзержинск мать Ольги, которая умерла здесь в 1961 году. На похороны приехал её муж Ф. С. Забрамный, сообщивший зятю, что о нём

«спрашивают» в Збараже (город в Тернопольской области).

Усилия службы безопасности увенчались успехом. И, как уже сказано выше, первого апреля 1970 года после двадцати шести лет жизни под чужим именем Юрий Бойчук был арестован КГБ на территории СУ-5. Далее Границкого-Бойчука перевезли в Тернополь, где он находился под следствием. 19 февраля 1971 года Юрий Бойчук предстал перед Тернопольским облсудом: председатель суда И. Яровой, государственный обвинитель прокурор Л. Журбенко, народные заседатели А. Белова, А. Шепель при адвокате Л. Кацнельсоне. Обвинялся в организации и личном участии в убийстве 29 человек, однако виновным себя не признавал. Приговорен Тернопольским облсудом 29 января 1971 года по ст. ст. 62 ч.2, 56 ч. 1, 58 ч. 1, 60, 64 УК УССР Юрий Петрович Бойчук приговорён к 15 годам строго режима исправительно-трудовой колонии с конфискацией имущества и 5 годам ссылки. Ст. 56 ч. 1 – измена Родине; ст. 58 ч. 1 – террористические акты; ст. 60 – диверсии; ст. 62 ч. 2 – антисоветская агитация и пропаганда; ст. 64 – организационная деятельность, направленная на осуществление особо опасных уголовных преступлений [81] [82].

Однако срок, отведенный советским правосудием бывшему коменданту службы безопасности ОУН для исправления, отбыть не пришлось. Уже через десять месяцев после приговора 7 ноября 1971 года (символическая дата!) Юрий Петрович Бойчук умер в Дубравлаге – мордовском лагере для политических преступников [83].

КОНСТИТУЦИЯ СССР 1936 года

**«И народ сделал он рабами от одного конца Египта до другого».
Бытие 47. 21.**

С принятием Конституции СССР 1936 года судебная система в стране была перестроена. В соответствии с Конституцией правосудие в СССР осуществляли: Верховный Суд СССР, Верховные суды союзных республик, краевые и областные суды, суды автономных республик и автономных областей, окружные суды, народные суды, а также специальные суды СССР, создаваемые по постановлению Верховного Совета СССР. Конституция СССР декларировала демократические принципы судебного процесса: выборность судей и народных заседателей, участие народных заседателей при рассмотрении дел во всех судах, ведение судопроизводства на национальном языке, открытое разбирательство дел, обеспечение обвиняемому права на защиту, независимость судей и подчинение их только закону. Однако положения Конституции оказались лишь ширмой, за которой скрывались беззакония и произвол тридцатых годов, массовые репрессии в отношении ни в чем неповинных людей, которые объявлялись «врагами народа» и уничтожались. Начался «большой террор».

«Теоретическое обоснование» этой кровавой политике в начале 1937 года дал Сталин, который утверждал, что по мере успехов социализма в стране классовая борьба будет обостряться и, следовательно, будет усиливаться деятельность вредительских, террористическо-диверсионных и других антисоветских организаций. Решив подняться выше Всевышнего, Сталин не ограничился «теорией», но лично активно участвовал в проведении незаконных репрессий, требовал от НКВД «наверстывать упущенное» по этой части. Были предприняты законодательные действия по созданию условий для быстрой и жестокой расправы с жертвами ложных обвинений, упразднению элементарных процессуальных

гарантий личности.

Ещё 5 ноября 1934 года Постановлением ЦИК и СНК СССР учреждается Особое совещание при Наркоме внутренних дел СССР. Этот орган получил право применять уголовную репрессию без суда «к лицам, признаваемым общественно-опасными». Постановлением ЦИК Союза ССР от 1 декабря 1934 года был установлен чрезвычайный порядок расследования и рассмотрения дел о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти. Закон был принят с молниеносной быстротой в связи с убийством Кирова. Вот его основные положения:

1. Следствие должно было производиться в срок не более десяти дней.
2. Обвинительное заключение обвиняемому вручалось за одни сутки до рассмотрения дела в суде (а не за трое суток).
3. Дело слушалось без участия защитника и прокурора.
4. Кассационное обжалование приговора не допускалось.
5. Подача ходатайства о помиловании не допускалась.
6. Приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение немедленно после его вынесения.

14 апреля 1937 года по секретному решению политбюро ЦК ВКП(б) создана постоянная специальная комиссия из членов политбюро для руководством террором в СССР. В спецкомиссию вошли: Сталин, Молотов, Коганович, Ворошилов, Ежов.

Приказом Народного комиссара внутренних дел Н. Ежова «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» от 30 июля 1937 года образованы Особые тройки – орган внесудебного вынесения приговоров, существовавший в СССР в 1937 – 1938 годах, обычно на уровне области. В состав Особой тройки УНКВД по Днепропетровской области входили: председатель тройки – начальник НКВД Днепропетровской области Кривец Ефим Хомич, персоне с двухклассным образованием; члены тройки: секретарь обкома Марголин Натан Вениаминович, друг Лазаря Кагановича и облпрокурор Цвик Макар Сафронович. Квота на расстрел в области была определена количеством 1000 человек, квота на длительные сроки лагерей – 2000 человек. Сомневаться не приходится в старании членов «тройки» по выполнению задания полностью и в срок. Однако, как повсеместно происходило в то ужасное время, палач сам превращался в жертву: уже через полгода приговором Военной коллегии Верховного Суда СССР Цвик М. С. был обвинён в принадлежности к контрреволюционной организации и расстрелян 15 января 1938 года.

В 1937-1938 годах в СССР арестовано 1.372.392 человека, из которых расстреляно 681.692 обвиняемых (выводы комиссии при ЦК КПСС, 1963 год). За этот период в Украине произведено 265.669 арестов, рассмотрено дел на 198.918 лиц, из которых расстреляно 123.329 обвиняемых. В Днепропетровской области при населении 3 миллиона 424 тысячи человек арестовано 29 тысяч 521. Воистину, Москва кашляет – Украина отхаркивается кровью.

2 июля 1937 года Сталин подписал решение ЦК ВКП(б), на основании которого появился оперативный приказ по НКВД: за 4 месяца репрессировать 269 тысяч «иностранных шпионов». В Днепропетровске, как и по всей стране, немедленно начались аресты, и уже в сентябре осуждены первые днепропетровские шпионы в количестве 27 человек. Число агентов буржуазных стран возрастало, как снежный ком. В октябре 1937 года вынесен

приговор 35 лицам, обвиняемых в шпионаже, в ноябре – 83, в декабре достигнут абсолютный максимум – 110 «шпионов»! Всего только за 1937 и 1938 годы в Днепродзержинске было «обезврежено» 375 шпионов, из которых 371 расстреляны! И это только «чистые шпионы». А сколько ещё днепродзержинцев, проходящих по делам контрреволюционных, антисоветских и иных подпольных организаций параллельно обвинялись и в шпионаже. Как только чекисты отчитывались по такому огромному количеству шпионов, агентов, резидентов, лазутчиков в провинциальном городке, из которого, по словам Н. Гоголя, хоть год скачи, а до границы не доскачешь.

В Днепродзержинске были выявлены и изобличены «агенты», работавшие на двенадцать (!) разведок иностранных государств: Польшу, Германию, Финляндию, Литву, Латвию, Эстонию, Чехословакию, Румынию, Англию, Грецию, Китай, Японию. Некоторые днепродзержинцы проходили, как двойные агенты. Так, старший бухгалтер завода имени Дзержинского Домбровский Владимир Игнатьевич, украинец по национальности, решением НКВД и Прокурора СССР от 29 сентября 1937 года был обвинён в шпионаже на пользу Польши и Англии и расстрелян. Постановлением НКВД и Прокурора СССР от 26 января 1938 года обвинён в принадлежности к агентуре латвийской и польской разведок и расстрелян слесарь завода имени Дзержинского Миссон Иосиф Иосифович, латыш, уроженец города Рига. И так далее, и тому подобное.

Очень часто в обвинительном заключении присутствовала запись общего характера в шпионаже без указания страны, в пользу которой якобы вёлся шпионаж. А старшего бухгалтера учебного комбината завода имени Дзержинского белоруса Криводубского Константина Петровича постановлением Особого совещания НКВД СССР от 27 ноября 1937 года и вовсе обвинили в шпионаже в пользу буржуазных государств скопом и, конечно, расстреляли.

.....

Постановлением ЦИК Союза ССР от 14 сентября 1937 года был установлен особый порядок производства по делам о контрреволюционном вредительстве и диверсиях. Этот закон состоял в ограничении процессуальных гарантий, что позволяло расстреливать обвиняемых в вымышленных преступлениях немедленно после отклонения ходатайства о помиловании. С принятием чрезвычайных законов начался разгул репрессий, истребление выдающихся представителей культуры, военачальников, сотен тысяч рабочих и крестьян. Были проведены судебные процессы над мнимыми врагами народа, которые должны были способствовать созданию соответствующего общественного мнения, разоблачению шпионов и вредителей. По ряду громких дел государственным обвинителем выступал прокурор СССР Вышинский, который учил прокуроров тому, что бывают в жизни общества периоды, когда законы оказываются устаревшими, и их надо отложить в сторону.

Суды не обращают внимания на пытки, принимая как доказательства виновности подсудимых их признания, выбитые в ходе предварительного расследования (обыкновенное, дошедшее до наших дней). Пытки узаконены высшей государственной инстанцией – ЦК ВКП(б). 10 января 1939 года на места разослан циркуляр: «ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразужившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод». 20 января того же года данное положение разъясняется повторно: «ЦК ВКП(б) доводит до сведения, что применение метода физического давления, который использует НКВД, было разрешено с 1937 года на основе согласия Центральных Комитетов компартий (большевиков) всех республик».

Разумеется, отнюдь не с 1937 года советские «правоохранительные» органы дополнили свой арсенал инквизиторскими методами, идя по стопам специалистов Преображенского приказа. Пытки применялись красными с первых дней захвата власти. Нормой правоприменительной практики стало рассмотрение судами дел в тюрьмах, написание приговоров заранее с проставлением потом мер наказания. И всё же было бы неверно переложить ответственность за «большой террор» на чекистов. Карающий меч революции, каковым, без сомнения, являлись органы НКВД, не может карать сам по себе: он должен находиться в чьих-то руках. И эти руки принадлежали верхушке Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков и его Политбюро.

АНТИСОВЕТСКИЙ ПРАВОТРОЦКИСТСКИЙ БЛОК

«...они ещё сильнее кричали: да будет распят!.. Кровь Его на нас и на детях наших».
Евангелие от Матфея 27. 23-25.

В 1937-1938 годах каток репрессий прошёл по партийно-советско-хозяйственному руководству Днепродзержинска. Были репрессированы практически все секретари горкома партии, начальник строительства Баглейского коксохимического завода (БКХЗ) Н. Голубенко (до этого работавший директором ДМЗ), директор Баглейского коксохимического завода А. Забельский, директор цементного завода Г. Тышбер, председатель горсовета С. Фертман, начальник строительства Днепродзержинского азотно-тукового комбината (ДАТК) С. Пушко, директор вагоностроительного завода Г. Наконечный и другие.

На крупнейшем предприятии города и страны Днепровском металлургическом заводе имени Ф. Дзержинского в 30-е годы были репрессированы практически все директора: Виктор Хлебников, Семён Резников, Аркадий Ямпольский, Донсков, Авраамий Завенягин.

31 марта 1938 года в закрытом судебном заседании приговорён к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян член Совета Наркомтяжпрома, член ЦИК СССР, ВУЦИК, кандидат в члены ЦК КП(б)У, директор ДМЗ И. Манаенков.

Справка: Иосиф Петрович Манаенков, 1896 года рождения, русский, образование – низшее, член КП(б)У с 1920 года [43].

.....

Летом 1933 года Каменской горпарком пригласил «любимца партии» Бухарина, работающего в Наркомтяжпроме, для прочтения лекций. Во время пребывания в Каменском Бухарин посетил ДМЗ. В сопровождении директора завода Иосифа Манаенкова и его жены Марии Николай Бухарин ознакомился с промышленными объектами, в частности, построенной седьмой домной. В тот же день Манаенков организовал для Бухарина обед, на котором присутствовали многие работники горпаркома и завода.

Визит Бухарина для Иосифа Манаенкова, аукнулся трагически. После процесса по делу «Антисоветского правотроцкистского блока», где одним из главных подсудимых проходил Николай Бухарин, «господинчик, занимающийся руководством самых чудовищных преступлений», такие встречи становились неопровержимой уликой против человека. И человек исчезал.

.....

Процесс «Антисоветский правотроцкистский блок» состоялся 2 – 13 марта 1938 года в Москве. По делу было привлечено 21 человек. Среди них видные партийные и государственные деятели (в основном большевики ленинской гвардии): Н. Бухарин, А. Рыков, А. Розенгольц, В. Шарангович, Н. Крестинский, Х. Раковский, Д. Плетнев и другие. Обвиняемые признались в том, что возглавляли широкий заговор, который стремился обеспечить восстановление капитализма, создание фашистского режима, расчленение СССР в результате поражения в войне с Германией; организовывали диверсии и готовили убийства всех членов Политбюро. Но, по версии следствия, обвиняемые смогли убить только С. Кирова, а также М. Горького и его сына, которых по заданию заговорщиков «неправильно лечили» врачи. Обвиняемые признавались в самых чудовищных злодеяниях, включая распространение заразных болезней. От данных на следствии показаний отказался только Крестинский, но уже на следующем заседании, после того, как с ним «поработали» следователи, он заявил, что полностью всё признает. Бухарин отказывался признать, что сам устраивал террористические акты, но под давлением следователей и государственного обвинителя Вышинского согласился, что осуществлял политическое руководство заговорщиками и собирался вернуться к власти. Верховным руководителем заговора был объявлен Троцкий. Из двадцати одного обвиняемого почти все были расстреляны [28]. К длительным срокам заключения приговорили Х. Раковского А. Бессонова и Д. Плетнёва, но позднее и их расстреляли по приговору, вынесенному заочно. Процесс должен был доказать, что все противники Сталина в стране объединились в единый заговор, который начал служить мировому фашизму и действовать самыми грязными методами. Процесс сопровождался многотысячными демонстрациями, участники которых требовали смерти обвиняемым – тем самым людям, имена которых многие годы прославлялись на таких же демонстрациях. После московского процесса подобные «суды» прокатились по всей стране. В Днепродзержинске одним из членов законспирированного правотроцкистского, а, точнее, бухаринского блока был признан директор ДГЗ И. Манаенков.

.....

«Первый звонок» для Иосифа Петровича Манаенкова, этакий пробный шар, прозвучал ещё в январе 1937 года. На заседании днепродзержинского горкома партии 23 января слушали вопрос «О выступлении тов. Манаенкова на Комсомольском вечере». Присутствовали: т.т. Лысов, Викторов, Паперман, Манаенков, Фертман, Рафаилов и др. Выступающие Рафаилов, Викторов, Лысов отметили, что на комсомольском вечере тов. Манаенков «допустил в своём выступлении грубейшую политическую ошибку в части информации комсомольцев об испанских событиях». В частности расконспирировал секретные данные о помощи Советским Союзом борющемуся пролетариату Испании и сообщил о ряде вещей им вымышленных, например, что т. Сталин имеет шифр, при помощи которого он ежедневно руководит борьбой испанского пролетариата и прочее. Было предложено обратить внимание тов. Манаенкова на совершенную недопустимость подобных выступлений вообще, а также отметить, что эта грубейшая политическая ошибка, совершённая тов. Манаенковым, усугубляется тем, что происходивший вечер комсомольцев транслировался по всему городу, и транслировалось выступление тов. Манаенкова. Было также принято к сведению сообщение первого секретаря горкома тов. Лысова, что он информировал об этом факте Обком партии [93].

А вот уже на Днепрпетровском областном партактиве, посвящённому итогам февральско-мартовского (1937 года) Пленума ЦК ВКП(б) Манаенкова стали уже прессовать всерьёз.

Из выступления С. Лысова, первого секретаря Днепродзержинского горкома компартии Украины: «Хочет того Манаенков или не хочет, но он оказался в результате подбора кадров в замкнутом кругу врагов» [19]. Из выступления М. Рафаилова, секретаря РПК (районного партийного комитета) завода им. Дзержинского: «...на ДМЗ есть ещё много не разоблачённых врагов всех мастей,... но разве ты, Манаенков, в меньшей степени в этом виноват? Ведь ты восемь лет на заводе, а я полтора. Но ты так ни одного человека и не разоблачил. Непонятно, почему всё раскрывается помимо тебя?»

Рафаилов, выступая против Манаенкова, бросал упрёки и по существу: «Считаю неправильным, когда в Бердянске детский городок назвали именем Марии Степановны Манаенковой». В скобках заметим, что днепродзержинским партийным секретарям их большевистская принципиальность не помогла.

Несмотря на то, что уже 9 апреля 1937 года на заседании бюро днепродзержинского горкома партии было принято решение «принять к исполнению решение ЦК КП(б)У об отзыве тов. Лысова из парторганизации Днепродзержинска и согласиться с необходимостью немедленного его отзыва к месту новой работы (в г. Николаев – авт.), а обязанности первого секретаря горкома возложить на второго секретаря ГК КП(б)У тов. Викторова», уже через несколько месяцев товарищ Лысов будет изобличён, как «заклятый враг народа», а товарищ Рафаилов, по иронии судьбы, и вовсе окажется среди осужденных членов «контрреволюционной организации бухаринского направления». Его расстреляют 15 января 1938 года по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Комментарий: Рафаилов Михаил Маркович, 1903 года рождения, член КП(б)У с 1919 года, еврей. Работал секретарём ЗПК и РК КП(б)У завода им. Дзержинского. В характеристике, данной на Рафаилова в обком партии, говорится: «является стойким коммунистом и партийным работником, проводящим генеральную линию партии». Но уже на заседании бюро днепродзержинского горкома партии 4 ноября 1937 года М. М. Рафаилов исключён из членов партии, как враг народа, арестованный органами НКВД. На том же заседании секретарю ЗПК ГРЭС тов. Мальцеву было предложено поставить вопрос о партийности жены Рафаилова – Суриной [84]. В тот же день (!) решением парторганизации ГРЭС «Сурина Вера Васильевна из партии исключена за дачу характеристики врагу народа Ефимову, которую заверил её муж Рафаилов, ныне разоблачённый, как враг народа, и, как не внушающую политического доверия». И в протоколе бюро горкома №40/26 от 23 ноября 1937 года сделана запись: Сурина Вера Васильевна, член КП(б)У с 1920 года, 1901 года рождения, русская, работала на Днепродзержинской ГРЭС. Постановили: подтвердить решение парторганизации ГРЭС об исключении из партии Суриной. Но и этого оказалось мало. Особым совещанием НКВД СССР от 21 июня 1938 года В. Сурина, как жена репрессированного, была осуждена к 8 годам исправительно-трудовых лагерей.

.....

После областного партактива И. П. Манаенкова попросили покаяться «по-хорошему». Однако Иосиф Петрович проявил силу духа. Тогда партактив провели в Днепродзержинске, где И. Манаенков подвергся нападкам уже со стороны Папермана, начальника горотдела НКВД.

«Днепродзержинск, – заявил тот с трибуны партактива, – это город, в котором очень много врагов нашей партии, нашего правительства, способных пойти на всякие подлости. А на днях

у меня было дело с Матюхой. Мы его посадили, но Манаенков, воспользовавшись своим авторитетом, позвонил товарищу Орджоникидзе, и его освободили...» (С. А. Матюха – главный механик завода им. Дзержинского, расстрелян, как враг народа – авт.)

После имитации органами НКВД самоубийства Серго Орджоникидзе, наркомат тяжёлой промышленности возглавил Лазарь Каганович. Первым делом он начал расправляться с «людьми Орджоникидзе». Причём арестовывались не только руководители. На Дзержинке, например, репрессировали даже некоторых стахановцев, которым в своё время по распоряжению товарища Серго вручены легковые автомобили. 22 октября 1937 года Каганович вызвал к себе Манаенкова, где в присутствии своих замов вёл с Иосифом Петровичем продолжительную беседу-допрос о его связях с врагами народа. Директор Дзержинки полностью отрицал обвинения в свой адрес. Но Дамоклов меч уже был занесён.

14 ноября 1937 года Иосиф Петрович Манаенков в последний раз присутствовал на заседании бюро днепродзержинского горкома КП(б)У в качестве его полноправного члена. Рядом с ним находились его товарищи по партии: исполняющий обязанности секретаря горкома Стеблёв, члены бюро – Карпов, Щербаков, Жупинас, Брежнев, а также инструктор ЦК КП(б)У Евтушенко. При рассмотрении так называемых «конфликтных дел» слово брал и Манаенков. Так член партии с 1930 года, директор управления базаров при Горвнупорте М. Г. Золотаревский решением парторганизации Горсовета был исключён из партии «за сокрытие от партии службы двух своих братьев в бандах Григорьева и Мелешко и скрывания от парторганизации Горсовета при выборах его парткомитет о том, что имел взыскания». Было установлено, что «братья Степан и Николай действительно были в бандах, сам же Золотаревский до этого везде заявлял, что его братья погибли в боях за Советскую власть» [84]. В прениях выступили т.т. Стеблёв, Жупинас, Манаенков. Постановили: решение парторганизации Горсовета об исключении Золотаревского из партии подтвердить.

Более повезло помощнику директора института по хозяйственной линии Т. П. Куликову, члену партии с 1929 года. Решением РПК завода им. Дзержинского от 29 сентября 1937 года его исключили «за связь с врагом народа Фёдоровым (участие в выпивке с ним), как потерявшего лицо коммуниста и не внушающего политического доверия». По существу вопроса высказались члены бюро горкома Манаенков и Щербаков. Постановили: «Отменить решение бюро РК КП(б)У завода им. Дзержинского об исключении Куликова Т. П. из партии. Куликову Тихону Петровичу за притупление партийной бдительности, выразившейся в неразоблачении врага народа Фёдорова, с которым пьянствовал – объявить выговор с занесением в учётную карточку» [84].

Но вскоре после заседания бюро горкома, 23 ноября 1937 года, уже самого Манаенкова арестовали органы НКВД. Как известно, коммунистов в Советском Союзе не судили, и арестованного Манаенкова должно было исключить из партии до суда. Заседание днепродзержинского горкома состоялось в тот же день ареста – 23 ноября. Присутствовали: исполняющий обязанности секретаря горкома Стеблёв, члены бюро: Брежнев, Карпов, Жупинас, Щербаков, секретарь РПК завода им. Дзержинского Павленко, а также представитель ЦК КП(б)У Островский. Как видим, состав бюро горкома (за исключением, разумеется, Иосифа Манаенкова) был прежним.

В разделе «Конфликтные дела» под №1 рассматривалось дело Манаенкова.

«Манаенков Иосиф Петрович, член КП(б)У с 1920 года, п/б №1697423, 1896 года рождения,

рабочий, русский. Работает директором завода им. Дзержинского. С 1917 по 1919 годы состоял в РСДРП интернационалистов. Награждён орденом Ленина в 1935 году за выполнение производственного плана в 1934 году. Манаенков ныне арестован органами НКВД».

По существу вопроса докладывал товарищ Стеблёв; высказались Жупинас и Щербаков. Постановили: Манаенкова, как врага народа, из партии исключить. Под протоколом №40/26 подписи Стеблёва, Брежнева, Карпова, Жупинаса, Щербакова [84]. На том же заседании партбюро слушали заявление заместителя председателя Горсовета т. Брежнева об освобождении его от обязанностей директора металлургического техникума. Просьба Леонида Ильича была удовлетворена.

.....

Иосиф Петрович Манаенков опекал молодого Брежнева. Должности директора металлургического рабфака и директора техникума Леонид Ильич не мог бы получить без согласия Иосифа Петровича. Кстати, именно Брежнев 21 сентября 1937 года был одним из тех, кто подписал протокол решения бюро горкома об исключении из партии своего друга Германа Германовича Поля [85]. Г. Поль, 1898 года рождения, русский, член партии с 1916 года, окончил Промакадемию в 1933 году, работал директором металлургического института им. Арсеничева. Брежнев и Поль жили в одном доме, оба были страстными охотниками и даже охотились вместе. На снимке выпуска Каменского металлургического института 1935 года фотография выпускника Брежнева – секретаря партбюро института – размещена рядом с фотографией Поля. А через два года молодой коммунист будет голосовать за исключение из партии своего старшего друга и наставника: «За самоустранение от руководства учебной работой в институте, притупление большевистской бдительности, зажим самокритики, связь с врагами народа: Самсоновым, Меркушиным, Добжинским, неискренность перед партией и разглашение решений закрытых партсобраний и активов Матюхе и ряду политически неблагонадежных элементов».

.....

17 декабря 1937 года Л. Брежнев на заседании партбюро проголосовал за исключение из кандидатов в члены партии заместителя председателя завкома Союза металлургов завода Дзержинского Базарянинова Константина Никитовича, 1903 года рождения, арестованного органами НКВД, как врага народа. В 1935 году К. Базарянинов, на то время бригадир кузнецов осебандажного цеха, был в числе тех, кто получил от Серго Орджоникидзе легковой автомобиль в подарок. После ареста передовика производства автомобиль конфисковали чекисты. Несколько дней спустя злополучного заседанию бюро горкома Константин Базарянинов был расстрелян.

В тот же день Л. Брежнев проголосовал за исключение из партии члена КП(б)У с 1931 года пенсионера Барона Владимира Венедиктовича «за оскорбление милиционера при исполнении им служебных обязанностей». Владимир Барон был братом известного в Каменском борца за установление Советской власти Михаила Барона, арестованного и расстрелянного, как врага народа. Кроме связи с врагом народа родным братом Михаилом Бароном, Владимиру Венедиктовичу инкриминировали его слова, что «Компартия имеет цель исключить из своих рядов поляков» [84].

Днепродзержинский журналист Н. Я. Судак в своей книге «Как их делали врагами» писал: «Брежнев причастен к репрессиям своих товарищей по партии. Будучи членом бюро горкома, он подписывал практически расстрельные протоколы об исключении из партии за вредительство тех самых людей, которые сделали его зампредом горсовета и членом бюро»

[19]. С мнением более чем авторитетного исследователя периода культа личности можно согласиться с некоторой оговоркой. Исключение из партии коммунистов, арестованных органами НКВД, как врагов народа, проходило без обсуждения. И можно с уверенностью предположить, что будь на месте арестованного Иосифа Манаенкова Леонид Брежнев, то Манаенков точно также проголосовал бы за исключение из партии своего бывшего протезе. Но всё же, не случайно, что, когда в апреле 1938 года Брежнева назначили заведующим совторготделом Днепропетровского обкома партии, его рекомендовал начальник днепродзержинского НКВД старший лейтенант госбезопасности Дараган.

.....

25 ноября 1937 года, через два дня после ареста, Иосиф Петрович написал заявление, фактически признав себя «врагом народа», вовлечённым в антисоветскую правотроцкистскую организацию Николаем Бухариным в июне 1933 года. Таким образом, Манаенков и его «сообщники» на Днепровском металлургическом заводе, превращались в звенья цепи общесоюзного масштаба, начало которой уходило в Москву. В тот же день, а именно 25 ноября 1937 года органами НКВД был арестован исполняющий обязанности секретаря горкома К. Стеблёв, и на экстренном заседании бюро днепродзержинского горкома партии было заслушано сообщение начальника горотдела НКВД т. Папермана. Постановили: Стеблёва К. Г., как врага народа, из партии исключить.

На этом же заседании бюро обсуждался ещё один щекотливый вопрос: «Об общегородском партактиве, который срывается 27/XI-37». 27 ноября в Днепродзержинске должен был состояться партактив. Да вот беда, пригласительные билеты на Горпартархив были подписаны врагом народа Стеблёвым. Об этом членам бюро доложил представитель обкома партии товарищ Садловский. В прениях выступили Жупинас и Паперман. После обсуждения постановили «поручить т. Андриенко (редактору газеты «Дзержинец» – авт.) к утру 27/XI-37 отпечатать новые пригласительные билеты, которые раздать приглашённым на актив в момент входа в зал, изъяв в это время старые пригласительные билеты». Таким образом, честь днепродзержинского горкома партии была спасена, и партактив прошёл на высоком идейном и политическом уровне.

Справка: Стеблёв Константин Григорьевич, русский, из крестьян, родился в 1900 году в селе Солдатское Александровского уезда, Терской области, образование начальное, женат. Военной коллегией Верховного Суда СССР обвинён в принадлежности к контрреволюционной организации, расстрелян, как враг народа.

.....

На следующий после партактива день, 28 ноября 1937 года, состоялся пленум днепродзержинского горкома партии. Как видим, ему предшествовали неординарные и в то же время ставшие почти обыденными события: арестованы и исключены из партии, как враги народа секретарь РК КП(б)У завода им. Дзержинского М. Рафаилов, исполняющий обязанности секретаря горкома партии Г. Стеблёв, член бюро горкома партии и директор крупнейшего в стране металлургического завода И. Манаенков. Ещё оставались свежи в памяти днепродзержинских коммунистов аресты предыдущих секретарей горкома партии Кинжалова, Лысова, Викторова, Макеева. Враги партии и правительства проникли во все руководящие органы города!

Справка: 1) Кинжалов Фёдор Николаевич, 1902 года рождения, русский, из крестьян, образование высшее, женат, двое детей. Член партии с 1919 года, с 1934 по 1937 годы начальник политотдела Сталинской железной дороги, награждён орденом Ленина. С 1937 года секретарь днепродзержинского горкома партии, арестован в апреле 1937 года,

приговором Военной коллегии Верховного Суда СССР от 1 ноября 1937 года обвинён в принадлежности к контрреволюционной организации. Расстрелян, как враг народа, на следующий после вынесения приговора день, 2 ноября 1937 года.

2) Викторов Алексей Иванович, родился в 1907 году в селе Серповая фабрика Владимирского района Ивановской области. Русский, из рабочих, образование начальное, член партии с 1927 года, женат, один ребёнок. Решением бюро днепродзержинского горкома партии от 9 апреля 1937 года был назначен исполняющим обязанности первого секретаря горкома со следующей характеристикой: «...политическую линию партии проводит твёрдо и последовательно. В борьбе с врагами партии проявил себя как твёрдый большевик». Но уже согласно протоколу бюро горкома от 31 июля 1937 года он был исключён из партии, как враг народа. Военной коллегией Верховного Суда СССР 17 сентября 1937 года Викторов А. И. обвинён в принадлежности к контрреволюционной организации и расстрелян 18 сентября 1937 года.

.....

Пленум днепродзержинского горкома партии 28 ноября 1937 года открыл член бюро горкома товарищ Жупинас. В характеристике на товарища Жупинаса Григория Илларионовича, 1902 года рождения, украинца, из служащих, члена партии с 1926 года сказано: «политически развит, выдержан, работу завпромотделом осваивает, имеет выговор с занесением в личное дело. Недостаточно оперативен. Проявил принципиальную настойчивость и принципиальность в разоблачении врагов в транспортном цехе завода им. Дзержинского, будучи там секретарём».

Товарищ Жупинас сразу же задал тон в работе пленума горкома: «Вам всем, товарищи, известно, что пару дней назад арестован бывший исполняющий обязанности секретаря горкома Стеблёв, оказавшийся врагом народа. Городской партийный комитет исключил Стеблёва из партии. Нам нужно решить вопрос о первом секретаре городского комитета партии».

После чего начались прения:

Алфёров: На заводе имени Дзержинского врагов очень много. Сейчас мы на заводе Дзержинского исключили 60 человек из партии. Я уверен, что большое количество ещё будет разоблачено. Ещё это я смело заявляю, потому что на заводе Манаенков создал свою школу. Даже после приезда из Москвы, где он был на приёме в Кремле, он говорил, что партийная организация – это приводной ремень дирекции. (Алфёров, очевидно, имел в виду встречу Кагановича и Манаенкова в Москве 22 октября 1937 года – авт.). Этим воспитывались кадры, чтобы из них выковать врагов. Кого-кого, но его мы основательно брали в работу. И районная конференция и партийные активы, и отдельные члены партии завода ставили очень крепко вопрос о Манаенкове. Пленум выдвинул комиссию по разбору дела Манаенкова, затем мы со Щербаковым написали статью о том, что меньшевику не место в рядах партии и т.д., но санкции не давали на эти заметки. (Говоря о Манаенкове, как о меньшевике, оратор, скорее всего, намекал на членство Иосифа Петровича в группировке «РСДРП интернационалистов» – авт.). Независимо от того, что из себя этот человек представляет, какое он занимает положение – мы должны его разоблачать. Манаенков ковал кадры в течение десятка лет, он подбирал вредителей. Вот, по-моему, та работа, которой должен заниматься партийный комитет.

Справка: Алфёров Павел Никитович (01.03.1906 – 12.03.1971). Родился в Каменском в семье рабочего. Русский. Член партии с 1930 года. Окончил Каменской металлургический

институт в 1934 году, близкий к Брежневу человек. С 1937 года на партийной работе в Днепропетровской области, член ЦК КПСС в 1956 – 1961 годах. В 1957 – 1959 гг. член Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС, в 1959 – 1961 гг. заместитель председателя КПК при ЦК КПСС. С 1961 года на пенсии. Депутат Верховного Совета СССР III, IV созывов. Награждён орденом Ленина. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

.....
Шершнёв: Возьмите последний пленум райкома. Что делается. Собирается материал на Манаенкова, а что получилось, когда начали поднимать вопрос, почему тянут с Манаенковым, что имеются факты преступления. Говорили, что вопрос нельзя затягивать. Отвечают: вы знаете, что за Манаенкова ЦК КП(б)У? Но тогда полная форма вредительства была и проводилась, и молчали.

.....
Как бы от имени тех, кто особо отличился в борьбе с врагами народа, выступил еще один приятель Брежнева.

С. Г. Щербаков: «Эта банда громила наш транспорт и парторганизации, и только спустя долгое время они были изъяты: часть расстреляна и часть выслана! Очень многие активисты наши встречали это с большим подъемом: ободряли, поддерживали, но дальше этого не шли, потому что все руководство оказалось бандитским, и активисты не в силах были пробить эту брешь».

Комментарий: Высказавшийся по существу вопроса работник и член бюро горкома Щербаков менее чем через месяц после пленума, а именно 17 декабря 1937 года, напишет бумагу в партбюро, в котором заявит, что его тесть Дураков репрессирован органами НКВД, как враг народа. Заявление бдительного зятя будет принято к сведению.

.....
Слово на пленуме горкома взял и Л. И. Брежнев. Его выступление проникнуто жгучим, всепоглощающим чувством самосохранения: любой ценой остаться на плаву – живым и при власти! Любой ценой! Даже за счёт жизней своих уже бывших ближайших соратников по партии.

РЕЧЬ ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА БРЕЖНЕВА

на пленуме днепродзержинского горкома партии 28 ноября 1937 года

Я, товарищи, самый молодой член бюро нашего городского Комитета Партии, был избран на последнем пленуме горкома партии. Я ни в какой мере себя не оправдываю, а со всей глубиной чувствую ту большую ответственность, которую я несу вместе с партийной организацией за то, что не мог разоблачить врагов. Как только дело доходило до бюро к исключению троцкистов, – немедленно пускалось всё красноречие Рафаилова, чтобы защитить этих людей. Я докладывал бюро по нашему горсоветскому делу о Фертмане десятки раз, а Рафаилов спрашивал: «что ты нового инкриминируешь Фертману?» Он утверждал, что это очень скромный человек, что жена очень скромная. После того, как посадили Рафаилова, Стеблёв сидел и чесал затылок. Это таким же образом себя чувствовал Викторов, когда посадили Макеева. Во всяком случае, были члены бюро постарше и, если бы делились опытом, этот вопрос можно было бы поставить организованно. Товарищи говорили о результатах этого вредительства. Я должен сказать, что город повреждён не меньше. В чём вредительство. Три раза отпускались деньги на театр, а театра нет, на канализацию. Целый ряд объектов не введен в эксплуатацию. Сколько домов у нас не достроены, воды нет в городе. На изыскание воды строилась станция, и ни проектов, ни смет нет, ничего нет. Так что на ряд объектов у нас миллион денег вложено, а нельзя ввести в эксплуатацию.

Что от нас требуется? Выкорчевывать все буквально корни, с одной стороны, и это должно быть увязано с нашей производственной программой, со строительством жилых домов, с пуском трамвая, с расширением сети по воде – это колоссальная программа, товарищи. Нам нужно посмотреть на наши городские организации: Гортоп, где у нас сидят белые офицеры, исключённые из партии. Я вам должен прямо сказать, что у нас столько (таких) людей в городе. Я, например, считал одного, что он член партии, а оказалось, что он исключён из партии и белый офицер. В Водоканале нужно людей посмотреть, в Архитектурно-планировочном управлении города надо проверить людей. Дальше, товарищи. Сейчас задача, чтобы новый состав бюро взялся крепко и правильно за работу. Товарищи, за это время мы ни одного пленума горкома не провели, бюро замкнулось. Рафаилова арестовали, Манаенкова посадили тоже, но на этих ошибках надо было учиться разоблачать врагов. Я считаю, что на этом пленуме должен каждый коммунист, даже рядовой, сказать о себе. Я человек доморощенный, я родился здесь. Ни с кем, ни с Кинжаловым, ни с Лысовым, ни с Макеевым, ни с кем никаких отношений не имел. Моё приглашение на работу в горсовет показалось мне подозрительным. Я отказывался работать в горсовете. Я инженер и не хотел идти на эту работу. После этого начинается такая история со стороны Карпова, Щербакова, Жупинаса. Что о тебе такое нехорошее мнение есть?– они мне говорят. Я говорю, что я член партии, но мне такой нажим показался подозрительным. Я должен сказать, что не ходил я сюда, кроме бюро, никогда. С 1923 года я член комсомола, с 1929 года – кандидат в члены партии, с 1931 года член партии. Я грамотный человек и не думаю, чтобы меня легко было сбить с правильного пути.

Справка: Макеев Ефим Григорьевич, 1896 года рождения, село Низкое Могилёвской губернии, белорус, из крестьян, образование высшее, женат, имел дочь. До ареста работал первым секретарём Днепродзержинского горкома партии. Приговором Военной коллегии Верховного Суда СССР от 05.10.1937 года обвинён в принадлежности к контрреволюционной организации, расстрелян, как враг народа. Его супруга Макеева-Грейс Рахиль Лазаревна, кассир городской столовой №10, постановлением Особого совещания НКВД СССР от 21.07.1938 года, как член семьи репрессированного, осуждена к 5 годам исправительно-трудовых лагерей.

.....

После прений начались выборы в члены бюро горкома партии. Алфёров, который продвигал Брежнева, высказался следующим образом: «Я выставил кандидатуру Брежнева вот почему. Брежнев – сын коренного рабочего. Работал некоторое время на Урале. Я с ним учился в институте. Он очень хороший товарищ. Единственная ошибка его та, что он охотник, и он охотился с Полем, они вместе жили в одном доме». Брежнева принимают в новый состав бюро единогласно и позволяют покаяться. «Я считаю, что допустил большую ошибку, и целиком разделяю мнение о роспуске старого состава бюро. Это момент политического порядка», – самокритично признал самый молодой член бюро горкома, будущий Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев [88].

А вот кандидатуру в члены бюро горкома начальника городского отдела НКВД Папермана на выборах, что называется, прокатили. Член бюро М. Кучмий (будущий секретарь Днепропетровского обкома партии по кадрам) при обсуждении высказался так: «Скажу за Папермана – члена бюро. У нас есть материалы, из которых видно, что Паперман занимался поборами. Был случай, когда ему муку доставляли на дом. Что ещё можно сказать?» [88]. Но, не смотря на это, начальник горотдела НКВД лейтенант государственной безопасности – Паперман был с повышением переведен из Днепродзержинска на новое место работы.

.....

Через три дня после пленума днепродзержинского горкома партии, где бывшие соратники изо всех сил клеймили и отмежёвывались от врага народа Манаенкова и иже с ним, его профессионально допрашивал следователь НКВД. Директор Днепровского завода и его «сообщники» в основном обвинялись по признакам вредительства, шпионажа и терроризма. Манаенков свою причастность к организации и связями с «сообщниками» не отрицал, как и того, что он придумал версию о Сталине, который якобы имеет шифр, при помощи которого ежедневно руководит борьбой испанского пролетариата...

Приговором Военной коллегии Верховного Суда СССР от 31 марта 1938 года Манаенков Иосиф Петрович приговорён к высшей мере наказания расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день.

По бухаринскому делу был арестован и главный инженер ДМЗ Всеволод Иванович Жданов. Он родился в 1880 году в Киеве, русский, из служащих, беспартийный, женат, имел двоих детей. Крупный специалист чёрной металлургии, он получил образование ещё в дореволюционное время, окончив Петербургский горный институт. Был тактичным, точным, обязательным руководителем, не терпевшим «бумаготворчества» [47]. Он уже однажды был арестован в декабре 1928 года в числе «антисоветски настроенной верхушки буржуазной интеллигенции в системе ВСНХ» по обвинению в организации экономического саботажа. Тогда Жданова приговорили к высшей мере наказания, которая, однако, была заменена десятью годами исправительно-трудового лагеря. В. Жданов назначили руководителем закрытого проектного бюро, которому поставили задачу спроектировать и построить советский блюминг. За сравнительно короткое время задачу удалось решить, и первый советский блюминг смонтировали на Макеевском металлургическом комбинате. Все заключённые инженеры и техники, участвующие в создании советского блюминга, в том числе и Жданов, были досрочно освобождены в октябре 1931 года и даже награждены. После этого Жданов получил назначение на завод Дзержинского. Впрочем, жизнь В. Жданова, этого талантливого инженера, трагически оборвалась в 1938 году, когда он был вновь репрессирован и по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР расстрелян в один день с И. Манаенковым и остальными «членами законспирированного правотроцкистского блока» 31 марта 1938 года.

Также с большой степенью вероятности, на основании даты вынесения приговора, органа, вынесшего приговор и даты приведения его в исполнение, можно предположить, что по «делу Манаенкова» проходили:

- 1) начальник отдела технического контроля завода Дзержинского Юлиан Станиславович Лада;
- 2) заведующий бюро измерений теплотехнической лаборатории качества Вацлав Христианович Лешер;
- 3) главный калибровщик завода и начальник вальцетокарного цеха Эдмунд Карлович Крикент;
- 4) главный бухгалтер завода Георгий Викторович Рак;
- 5) геодезист отдела капитального строительства завода Дзержинского Эрнест-Макс Георгиевич Менниксар;
- 6) конструктор Баглейского управления «Коксохиммонтаж» Карл Георгиевич Менниксар.

Все они 31 марта 1938 года приговорены Военной коллегией Верховного Суда СССР к

расстрелу и в тот же день расстреляны. Более «повезло» заместителю коммерческого директора завода имени Дзержинского Алексею Даниловичу Зубенко. 31 марта 1938 года Военной коллегией Верховного Суда СССР он был обвинён в принадлежности к контрреволюционной организации и приговорен к 15 годам исправительно-трудовых лагерей.

.....

Существовало ли сопротивление в среде днепродзержинцев преступной политике партии и её передовому отряду НКВД? Такие случаи не зафиксированы. Однако можно приводить многочисленные эпизоды помощи репрессированным или членам их семей со стороны родственников, близких знакомых или сослуживцев. Несомненно, зная о степени опасности такой помощи, люди проявляли силу духа, солидарность с теми, кто безвинно пострадал от безжалостного сталинского репрессивного катка. И в этом отношении наиболее рисковали коммунисты, ибо такая помощь немедленно каралась, как идущая вразрез с линией партии.

Так, Маркитан Руфима Александровна, 1912 года рождения, русская, служащая, кандидат в члены партии с 1932 года, работала в отделе связи города. Решением парторганизации горсовета от 18 июля 1937 года она была исключена из кандидатов в члены партии за связь с врагом народа – мужем (!) и поддержание этой связи после ареста мужа. На заседании горкома партии в январе 1938 года, где рассматривалось дело Маркитан, было отмечено, что после ареста мужа Маркитан на протяжении всего времени связи с ним не порывала, передавала передачи (продукты, деньги), добиваясь свидания с мужем, каковые имела несколько раз; последнее свидание происходило 4 января 1938 года. В присутствии Руфимы Маркитан докладывал о таком безобразии товарищ Барковский. Высказались Любавин, Брежнев, Фролков. Постановили: за связь с разоблачённым врагом народа (мужем), за поддержание связи после ареста и оказание материальной помощи – Маркитан Р. А. из кандидатов в члены партии исключить.

Клара Самойловна Лерман, 1904 года рождения, еврейка, из рабочих, член партии с 1924 года. Работала заведующей парткабинетом ЗПК вагогонстроительного завода им. Газеты «Правда». Решением парторганизации завода Лерман была исключена из партии за связь с врагом народа – своим мужем Алексеем Цицурой, работником завода Дзержинского, и не разоблачение его перед партией. 20 июля 1937 года постановлением НКВД и Прокурора СССР он был обвинён во вредительстве на производстве и получил свои законные 10 лет лагерей. На заседании горкома партии в январе 1938 года было зафиксировано, что связи своей с Цицурой Лерман не порывала и после его ареста (носила передачи в тюрьму, неоднократно справлялась о нуждах у Цицурой, когда последний находился под арестом). Докладывали товарищи Барковский и Карташев (Лерман присутствовала). По существу вопроса высказались Прохоров, Фролков и неутомимый Брежнев. Постановили: решение парторганизации завода «Правда» об исключении Лерман К. С. из партии за связь с врагом народа А. К. Цицурой и не разоблачение его перед партией подтвердить [94].

У начальника силового цеха ДМЗ Дмитрия Павловича Крейникова были арестованы, как враги народа, два зятя – Гаврилюк и Нестеренко; тесть Крейникова – Миллер также был арестован органами НКВД, как враг народа. После ареста Миллера его жена (тёща Крейникова) находилась на иждивении Крейникова. На заседании бюро днепродзержинского горкома после выступления Брежнева единодушно постановили: Крейникова из партии исключить.

Но наиболее знаковым можно назвать перипетии защиты арестованного Михаила Евсеевича Станкевича, который в определённом смысле являлся гордостью советского Каменского. Коренной каменчанин, из крестьян, по национальности белорус, он родился 21 ноября 1900 года. Как и многие его сверстники, Михаил с восторгом воспринял известие о свержении самодержавия и стал активным, искренним и последовательным участником построения нового общества. В 1917 году в Каменском был создан Клуб рабочей молодёжи – прообраз будущего комсомола. Активистами клуба стали молодые рабочие Г. Шевченко, А. Левин, Г. Слайковская и М. Станкевич. В 1920 году Михаил Станкевич, в числе первых комсомольцев, вступил в партию большевиков. В 1925 году зачислен в Харьковский институт народного хозяйства и, будучи студентом, в 1927 году заключил брак с каменчанкой Верой Пучковой. В 1929 году, успешно закончив учёбу в институте, получил диплом экономиста металлического цикла и попал в список лучших выпускников, направляемых за рубеж для знакомства с передовым опытом. Кстати, это был первый выпуск экономистов металлического цикла Харьковского института народного хозяйства. Начиная с 1930 года, молодой специалист Михаил Станкевич занимал руководящие инженерно-технические должности в плановом отделе завода Дзержинского, в том числе пост референта директора завода И. Манаенкова. Несомненно, это был незаурядный, авторитетный, думающий и пользующийся уважением человек.

В 1934 году на ДМЗ проходила общезаводская чистка партии. Она заключалась в том, что коммунисты должны были откровенно рассказать однопартийцам о тёмных сторонах своей биографии (если таковые имелись), а также получить характеристику от товарищей по партии. Эти характеристики впоследствии стали прекрасной уликой, как против арестованных, так и против тех, кто писал положительный отзыв на будущего «врага народа». Казалось, какая чистка может угрожать организатору комсомола в Каменском, референту самого директора завода? И действительно, Михаил Станкевич получил блестящие характеристики от члена партии с 1917 года С. Потураева, главного механика завода Дзержинского Г. Молчанова, начальника планового отдела завода Б. Лебединского.

Однако совершенно неожиданно Михаил Станкевич чистку не прошёл, и, по решению заводской комиссии по чистке, его исключают из партии. Он был обвинён в троцкизме – уж, не за то ли, что находился в списке специалистов, рекомендуемых для отправки за рубеж? Возможно также, что, будучи преданным идеалам октября, Михаил Станкевич имел собственное мнение относительно общественно-политических и экономических процессов, происходящих в партии и стране, пытался критически анализировать действительность.

3 января 1935 года, находясь на должности заведующего сводной группой планового отдела ДМЗ, на которой не проработал и полутора месяцев, М. Станкевич написал заявление об увольнении с завода по собственному желанию. Он выехал в Донбасс на металлургический завод в Енакиеве, где директором завода работал брат его жены Роман Иванович Пучков. Такой поступок свидетельствует о том, что М. Станкевич хорошо понимал нависшую над ним угрозу, и смена не только службы, но и места жительства могли спасти от последующего за исключением из партии ареста. Отработав около года на Донбассе, и, очевидно, решив, что опасность миновала, Михаил Станкевич вернулся в Днепродзержинск. Директор завода Иосиф Манаенков не забыл способного инженера, и предложил Михаилу Евсеевичу высокую и ответственную должность начальника планового отдела Днепровского металлургического завода.

Увы, раскрыть свои организаторские и профессиональные способности талантливому инженеру-экономисту не пришлось. Возможно, он слишком рано вернулся в Днепродзержинск: чекисты о нём не забыли. 10 августа 1936 года Михаил Станкевич, проживавший с женой и дочерью по улице Губы 9-12, был арестован органами НКВД по обвинению в контрреволюционной деятельности и троцкизме. Далее всё пошло по накатанной дорожке. Немедленно исключают из партии его брата, Николая Станкевича, работавшего нормировщиком механического цеха. Но тут случился сбой.

Во время следствия произошли непредвиденные чекистами события, не укладывавшиеся в рамки всеобщего внешнего одобрения действий НКВД и стремления отмежеваться от бывшего коллеги – ныне потенциального врага народа. Начальник вальцетокарного цеха Г. Пучков и главный механик завода Г. Молчанов стали на путь защиты М. Станкевича. Оба они хорошо знали Михаила Евсеевича: Григорий Иванович Пучков был братом жены арестованного, а Григорий Петрович Молчанов дружил со Станкевичем ещё со времён организации комсомола в Каменском. Пучков и Молчанов начали собирать подписи среди заводских коммунистов под характеристикой Михаилу Евсеевичу Станкевичу и заверяли эти подписи в заводском райкоме партии. По присущей не одним им наивности – разберутся и выпустят! – они надеялись, что таким образом смогут вызволить своего товарища из тюрьмы. Но это уже, практически, был бунт на корабле: кто может вмешиваться в действия непогрешимых органов? И бунт подавили в зародыше – безжалостно, как и подобает поступать с зародышами во время аборта.

Следствие по делу М. Станкевича было закончено в марте 1937 года. Постановлением особого совещания при НКВД СССР от 9 марта 1937 года Михаил Евсеевич Станкевич, начальник планового отдела завода имени Дзержинского, был обвинён в контрреволюционной троцкистской деятельности, то есть, в преступлениях, предусмотренных статьями 54-10 ч.1, и 54-11 Уголовного Кодекса УССР. Приговор по меркам 1937 года оказался удивительно мягким: 5 лет исправительно-трудовых лагерей, считая срок отбывания наказания со дня ареста 10 августа 1936 года.

Ну, а теперь можно было разобраться и с защитниками справедливости.

Лебединский Борис Иванович, 1902 года рождения, член партии с 1924 года был исключён из партии райкомом КП(б)У завода Дзержинского за связь с врагом народа Станкевичем и дачу ему положительной характеристики во время чистки в 1934 году. Лебединскому ещё припомнили, что он имел выговор за проявленный либерализм к врагам народа, работавшим в УКСе (за что был выведен из состава пленума райкома) и приписали, что он, якобы, зная о троцкистском прошлом Станкевича, сокрыл от партии свои связи с ним, а также врагом народа Абрамовичем.

Потураев Сергей Алексеевич, 1888 года рождения, член КП(б)У с 1917 года, работал директором дома отдыха в Щуровке. Решением бюро райкома от 23 июля 1937 года был исключён из партии за тесную связь с арестованными троцкистами Меркушиным и Добржинским, за дачу положительных отзывов о троцкистах Станкевиче и Логвинове, за двурушническое поведение (скрыл лиц, участвовавших в рабочей оппозиции в Каменском в 1921-1922 г.г.). По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 4 октября 1937 года был обвинён в антисоветской агитации и осужден к 10 годам лагерей.

Молчанов Григорий Петрович, 1901 года рождения, член КП(б)У с 1925 года, работал главным механиком завода Дзержинского – из партии исключён. В «приговоре» бюро днепродзержинского горкома партии, на котором рассматривалось дело Молчанова, было сказано: «Молчанов принимал участие в троцкистском сборище «старых каменчан» и даче врагу народа Станкевичу блестящей характеристики, несомненно, зная о его троцкистской деятельности в прошлом. После разоблачения и ареста Станкевича, не только не заявил о своём участии и других в даче положительной характеристики, но стал на путь защиты Станкевича, взяв под сомнение и правильность ареста. Сделал попытку организации сбора повторной характеристики, для чего обратился к членам партии (т.т. Малёванному и Родину), не сообщил парторганизации о том, что сбором положительной характеристики Станкевичу занимается также Пучков, член партии. Молчанов обвиняется также в том, что был участником обеда в деловом клубе в 1934 году, на котором были произнесены антисоветские речи».

Зубенко Алексей Данилович, 1901 года рождения, член КП(б)У с 1919 года, работал заместителем коммерческого директора завода Дзержинского. Ещё в 1931 году он исключался из партии за дачу характеристики и поручительства члену партии, осужденному за передачу своего партбилета другому лицу. В 1935 году имел партвзыскание за то, что скрыл от партии при вступлении торговца-отца, который имел к тому же наёмных рабочих. Оказал материальную помощь троцкисту Максименко, вернувшемуся из ссылки в 1936 году. И, наконец, дал положительную характеристику Михаилу Станкевичу, когда тот уже был арестован, как враг народа. За все эти преступления против партии Алексей Зубенко, сподвижник И. Манаенкова, решением райкома завода Дзержинского был исключён из членов КП(б)У. После ареста органами НКВД, А. Д. Зубенко, отец троих детей, был обвинён в принадлежности к контрреволюционной организации, за что и получил 15 лет лагерей.

Пучков Григорий Иванович, 1895 года рождения, член КП(б)У с 1927 года, работал начальником вальцетокарного цеха завода Дзержинского – из партии исключён. На заседании бюро горкома партии Г. Пучкова обвинили, что «в период 1926-1927 годов разделял и активно пропагандировал контрреволюционную установку Троцкого. После разоблачения Каменева, портрет его был снят из красного уголка, но по предложению Пучкова портрет Каменева вновь был повешен у входа в красный уголок цеха. После ареста родственника троцкиста Станкевича, как врага народа, Пучков собирал положительные характеристики о нём и лично приходил в райпартком заверять подписи. Будучи тесно связанным со Станкевичем, Пучков не мог не знать его контрреволюционных взглядов. На Бюро Райкома Пучков все предъявленные обвинения отрицал. Решением Бюро РК КП(б)У завода им. Дзержинского Пучков Г. И. за связь с врагом народа Станкевичем, как двурушник, из партии исключён. Пучков арестован органами НКВД. /Докладчик секретарь райкома т. Рафаилов/. Постановили: подтвердить решение РК КП(б)У завода им. Дзержинского об исключении из партии Пучкова Григория Ивановича, как врага народа».

Уже предчувствуя арест, Григорий Иванович говорил жене: «Я живым не дамся, выброшусь из окна». Во время задержания на дому в два часа ночи, Григорий Пучков успел сказать супруге и племяннику: «Если кто-то скажет вам, что я враг народа – плюньте ему в лицо!» После ареста ему дали свидание с матерью Марией Диомидовной. Григорий Иванович выглядел сломленным, плакал и говорил, что их сильно бьют. Постановлением НКВД и Прокурора СССР от 10 октября 1937 года Г. И. Пучков был обвинён в участии в контрреволюционной троцкистской организации и через четыре дня расстрелян.

А что же Михаил Станкевич? Его последние слова перед арестом, которые запомнила мама, были те, что всё произошедшее с ним – это ошибка, правда восторжествует, и на партию, ни в коем случае, нельзя таить обиду. Возвращённый на идеалах партии, и преданный Системе, ему казалось, что он один из тех, кто способен изменить её к лучшему. Увы, такие люди, как Михаил Станкевич, меньше всего нужны были Системе.

Он отбывал наказание в посёлке Оротукан Дальневосточного края, работал забойщиком шахты «Случайная» Дальстроя. Постановлением тройки УНКВД по «Дальстрою» от 10 апреля 1938 года был повторно обвинён в контрреволюционной деятельности и вредительстве, и приговорён к расстрелу. Приговор был исполнен 28 апреля 1938 года в Магадане. Так окончил свои дни организатор комсомола в Каменском.

P.S. Как сказано в реабилитационной справке «место погребения тела М. Е. Станкевича установить невозможно, потому что в архивных материалах этих сведений нет».

«ПОЛЬСКИЙ» ПРИКАЗ №00485

«Ужас и яма, и петля для тебя, житель земли! Тогда побежавший от крика ужаса упадёт в яму, и кто выйдет из ямы, попадёт в петлю».
Книга пророка Исаии 24. 17-18.

9 августа 1937 года был утверждён Приказ Политбюро ЦК ВКП(б) за №00485, который уже 11 августа подписал народный комиссар внутренних дел СССР Н. Ежов. После этого вместе с предварительно одобренным Сталиным закрытым письмом «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР», приказ №00485 был разослан во все местные органы НКВД. В том числе и Днепродзержинск.

К моменту появления приказа у Сталина уже вполне сформировался общий план предстоящих чисток. Центральное место в нем рядом с уже начавшейся генеральной чисткой партийно-государственной элиты занимали две массовые операции, призванные, согласно сталинско-ежовской аргументации, уничтожить потенциальную «пятую колонну» в преддверии войны.

Целью первой из них была генеральная «очистка» страны от «бывших людей», в самом широком значении этого термина, то есть от всех категорий «традиционных» врагов советской власти (в терминологии НКВД – лиц с «компрометирующим социальным и политическим прошлым»). От «недобитых» кулаков и бывших помещиков, царских чиновников и белых офицеров, до «церковников», эсеров, меньшевиков и так далее, а также от уголовников-рецидивистов. Их массовыми арестами и расстрелами НКВД должен был ликвидировать «повстанческую базу» в СССР на случай войны.

Задачей второй операции, раздробленной на операции по отдельным национальным «линиям», была ликвидация в СССР «шпионско-диверсионной базы» стран «капиталистического окружения», а объектом репрессий – иностранные колонии и другие сообщества, прямо или косвенно связанные с заграницей. В рамках этой операции три «линии» по очевидным причинам рассматривались как основные: польская, харбинская и немецкая. В такой последовательности НКВД и приступил к их реализации.

5 августа 1937 года начались аресты по приказу 00447 (так называемая «кулацкая операция»), 15 августа – по приказу 00485 («польская операция»), затем вступает в силу приказ 00486, посвященный женам и детям «врагов народа», одновременно готовится приказ по харбинцам (00593), который будет издан 20 сентября. К 31 августа 1937 года по «кулацкой операции» было арестовано уже около 150 тысяч человек и более 30 тысяч из них расстреляно, в польской операции счет жертвам также шёл уже на тысячи. При этом интенсивность арестов и расстрелов возрастала здесь с каждой неделей.

Моделью для всех массовых национальных операций 1937–1938 годов стала первая из них – польская. Приказ 00485 о начале польской операции уже содержал все те главные установки, которые легли в основание последующих аналогичных приказов по национальным линиям. Преамбула таких приказов обычно состояла из утверждений об активизации на территории СССР деятельности разведорганов соответствующей страны и перерастании этой деятельности на современном этапе из разведывательной в диверсионно-террористическую и повстанческую. В приказе непременно наличествовал точный перечень репрессируемых контингентов, назывались сферы, подлежащие чистке в первую очередь, определялись сроки проведения операции и формы отчетности по ней. Предписывался и особый (впервые вводимый в практику НКВД) порядок осуждения – «альбомный». Работники управлений НКВД на местах по окончании следствия составляли справки на каждого арестованного с предложением о приговоре (расстрел или заключение в лагерь на 5–10 лет). Затем эти справки, скомплектованные в специальный список («альбом»), подписывали начальник УНКВД и местный прокурор, затем альбом направлялся в Москву, где окончательное решение выносили нарком внутренних дел и прокурор СССР (Ежов и Вышинский). Приговоры исполнялись по возвращении альбомов в местные УНКВД. Первоначально на осуществление «польского» приказа отводилось три месяца – операция должна была начаться 20 августа и закончиться 20 ноября 1937 года. Но срок этот постоянно продлевался вместе со сроками на проведение других «операций по нацконтингентам» – вначале до 10 декабря, затем до 1 января 1938 года, до 15 апреля и, наконец, до 1 августа 1938 года.

Как было указано в тексте приказа

«В первую очередь подлежат аресту:

а) контингенты, работающие в органах НКВД, в Красной армии, на военных заводах, в оборонных цехах всех других заводов, на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, в электросиловом хозяйстве всех промышленных предприятий, на газовых и нефтеперегонных заводах;

б) во вторую очередь подлежат аресту все остальные, работающие в промышленных предприятиях не оборонного значения в совхозах, колхозах и учреждениях.

Одновременно с развёртыванием операции по арестам начать следственную работу.

Основной упор следствия сосредоточить на полном разоблачении организаторов и руководителей диверсионных групп, с целью исчерпывающего выявления диверсионной сети.

Всех проходящих по показаниям арестованных шпионов, вредителей и диверсантов – **НЕМЕДЛЕННО АРЕСТОВЫВАТЬ.**

Для ведения следствия выделить специальную группу оперативных работников.

Все арестованные по мере выявления их виновности в процессе следствия – подлежат разбивке на две категории:

а) первая категория, подлежащая расстрелу, к которой относятся все шпионские,

диверсионные, вредительские и повстанческие кадры польской разведки;

б) вторая категория, менее активные из них, подлежащие заключению в тюрьмы и лагеря, сроком от 5 до 10 лет».

В Днепродзержинске немедленно появляются «польские» дела, но центральным делом приказа 00485 стал процесс над «членами» «Польской Организации Войсковой» (ПОВ).

ДЕЛО №20345
«ПОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВОЙСКОВОЙ»
в ДНЕПРОДЗЕРЖИНСКЕ

«Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева?»
Книга пророка Иова 3. 11.

В октябре 1938 года решением особой тройки по Днепропетровской области был вынесен приговор членам несуществующей днепродзержинской «Польской Организации Войсковой» (ПОВ).

В полном соответствии с приказом 00485 в Днепродзержинске для ведения следствия была выделена специальная группа оперативных работников местного горотдела НКВД во главе с начальником горотдела лейтенантом Паперманом. В спецгруппу также входили начальник 3-го отдела УГБ старший лейтенант госбезопасности Шнейдерман, оперуполномоченный 3-го отдела УГБ НКВД УССР младший лейтенант госбезопасности Миллер, помощник начальника 12 отделения 3 отдела старший лейтенант госбезопасности Буркин. Впоследствии, в связи с кадровыми изменениями в составе руководства и сотрудников городского отдела НКВД, следственную группу возглавил новый начальник горотдела НКВД Дараган. В спецгруппу вошли начальник 3-го отдела УГБ Ленов, оперуполномоченный 3-го отдела УГБ Соболевский, сотрудники НКВД Мартышкин, Черывко, Дранов, Сербин, Гладкий, Зыков и другие.

Будущих арестованных – в большинстве своём рабочих и служащих Днепровского металлургического завода имени Дзержинского, никогда не имевших касательства к политике – заранее обвинили в шпионаже, организации диверсий, вредительстве, местном терроре, антисоветской агитации, и, наконец, в участии в повстанческих ячейках и подготовке вооруженного восстания на случай войны с Польшей.

Все арестованные, разделенные следственным делом №20345 на два потока, по мере признания себя виновными подлежали в свою очередь разбивке на две категории:

- а) первая категория, подлежащая расстрелу;
- б) вторая категория, подлежащая заключению в тюрьмы и лагеря сроком от 5 до 10 лет.

Подавляющая масса задержанных были поляками, но чекисты для широты картины не брезговали забирать немцев, а также украинцев, белорусов, русских, литовцев. Среди взятых под арест было немало кандидатов и членов партии большевиков. Принцип отбора «членов» ПОВ был простым – через отдел кадров предприятий и организаций города, и в первую очередь, завода имени Дзержинского. Возраст арестованных был, что называется, самым работоспособным – от 25 до 35 лет. Самым молодым подследственным по делу ПОВ оказался

19-летний токарь механического цеха Богдан Рыбка, самым пожилым – 65-летний Пётр Билецкий Пётр Артёмович, также токарь завода им. Дзержинского. Забегая вперёд, скажем, что оба они были расстреляны.

Для получения обвинения в участии в контрреволюционной и антисоветской организации, достаточно было быть поляком, либо работать в промышленности, железнодорожном транспорте либо энергетических подразделениях. Шансов доказать свою невиновность у подсудимых не было никаких, поэтому большинство из них, дабы избежать пыток, соглашались со всеми нелепыми обвинениями в свой адрес и подписывали заранее составленные протоколы допроса.

Приведём с минимальными комментариями материалы по обвинению наших земляков в участии в несуществующей контрреволюционной организации [29].

Комментарий: Номер дела 20345 означает, что к началу его производства (апрель 1938 года), это уже было двадцать тысяч триста сорок пятое дело по Днепропетровской области, заведенное органами НКВД.

ОБВИНЯЕМЫЕ ПЕРВОГО ПОТОКА по делу №20345

БУХМАН АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ на АРЕСТ

Город Днепродзержинск апреля 16 дня 1938 года.

Горпрокурор Днепродзержинска Соколян, рассмотрев представленные Днепродзержинским горотделом НКВД материалы по обвинению Бухмана Александра Павловича в преступлениях, предусмотренных ст. 54-6 УК УССР нашёл, что он проводил шпионаж в интересах враждебного СССР буржуазного государства.

ПОСТАНОВИЛ: избрать мерой пресечения обвиняемому Бухману А. П. содержание под стражей в тюрпode (возможно, тюремный подвал – авт.) Днепродзержинского горотдела НКВД, зачислив содержание за III отделом.

Справка: Из характеристики на Соколяна, данной на заседании бюро днепродзержинского горкома партии (протокол от 9 – 10 июня 1938 года): «Соколян Нестор Карпович, член партии с 1924 года, 1898 года рождения, украинец, из крестьян, образование низшее. С 1937 года работает горпрокурором, с работой не справляется – не сумел поставить работу так, чтобы оперативно реагировать на сигналы с мест. Имеет выговор за дезертирство из Красной Армии в период Гражданской войны. В других партиях не состоял, в антипартийных группировках не участвовал [86].

.....

ОРДЕР на АРЕСТ №13

Выдан 17/4 1938

Сотруднику Днепродзержинского горотдела НКВД УССР тов. Мартышкину. Поручается произвести обыск и арест гр-на Бухмана А. П., проживающего г. Днепродзержинск. Н-Планы 1-й Поселковый переулок 5-1. Всем органам Советской власти и гражданам УССР надлежит оказывать законное содействие представителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений.

Нач. днепродзержинского горотдела НКВД /Дараган/
Секретарь /подпись/

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

1938 года апреля 17 дня, я работник горотдела милиции НКВД УССР Мартышкин на основании ордера произвёл обыск у гр-на Бухмана А. П.
При обыске присутствовали: Ложенко Алексей Иванович.
Изъято: паспорт /сер. ШК 723521/, военный билет.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о привлечении в качестве обвиняемого)

г. Днепродзержинск, 26 мая 1938 года.

Я, ВРИД Оперуполномоченного III отдела УГБ Днепродзержинского ГО НКВД УССР Соболевский, рассмотрев следственный материал по обвинению гр. Бухмана А. П. в преступлениях ст. ст. 54-2, 54-11 УК УССР нашёл, что произведенными следственными действиями установлено участие его в «Польской Организации Войсковой».

ПОСТАНОВИЛ

Привлечь гр. Бухмана А. П. в качестве обвиняемого по ст. ст. 54-2, 54-11.

Согласен: нач. III отдела УГБ Ленов

Утверждаю: нач. г/о НКВД Дараган

26 мая 1938 года

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1938 года июля месяца 16 дня ВРИД Оперуполномоченного III отдела УГБ Соболевский допросил в качестве обвиняемого Бухмана А. П., 16.05.1905, нормировщика в цехе электроподстанций завода им. Дзержинского, из рабочих.

Состав семьи:

Жена Александра Ивановна Кальвасинская-Бухман, 1908 г.р.

Дочь Ирма Александровна Бухман, 1931 г.р.

Дочь Эльза Александровна Бухман, 1938 г.р.

Вопрос: Вы обвиняетесь в принадлежности к антисоветскому подполью. Признаёте себя виновным в этом?

Ответ: Да, признаю. До последнего времени, то есть, до дня своего ареста, я являлся участником подпольной антисоветской организации, именованной «Польская Организация Войсковая», о чём хочу давать подробные и откровенные показания.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах вы были вовлечены в указанную организацию?

Ответ: В «Польскую Организацию Войсковую» я был вовлечен в 1937 году инженером Богуцким Робертом Робертовичем при следующих обстоятельствах. Работая на заводе, мне часто приходилось сталкиваться с Богуцким. С первых же встреч и бесед с ним мне стало ясно, что он настроен антисоветски. Свои националистические взгляды я тоже перед ним не скрывал, и к началу 1937 года между мной и Богуцким установились хорошие отношения. Часто в беседах, которые происходили иногда на заводе, а в большинстве после работы, на улице, Богуцкий высказывал твёрдую уверенность в том, что Советская власть на Украине долго существовать не будет и, что рано или поздно, Польша присоединит к себе украинскую территорию. Я с Богуцким соглашался. Приблизительно в июне месяце 1937 года при встрече, которая состоялась при выходе из завода, Богуцкий предложил пройтись и поговорить. Начал он с того, что спросил, являюсь ли я достаточно надёжным человеком, чтобы он мог мне довериться. После положительного ответа Богуцкий сообщил мне о том,

что в настоящее время все активные силы готовятся к восстанию против Соввласти, которое начнётся при вторжении польских войск на территорию Украины. Руководящую роль в этом восстании, продолжал Богущкий, будет играть «Польская Организация Войсковая», располагающая солидными кадрами, как среди поляков, так и среди других национальностей. Закончил Богущкий тем, что предложил вступить в названную организацию и начать активную борьбу с Советской властью. Предложение Богущкого я принял.

Вопрос: Какое задание дал вам Богущкий?

Ответ: По словам Богущкого, каждый участник организации обязан был в начале войны принять личное участие в восстании и в совершении диверсионных актов в промышленности и транспорте. С этим я согласился. Принял также на себя обязанность вербовать в организацию новых лиц из числа противников Советской власти.

Вопрос: Кого вы вовлекли в организацию?

Ответ: Лично я после предварительной обработки вовлек в «Польскую Организацию Восковую» Буковского Генриха Вячеславовича. Завербовал я его в августе или сентябре 1937 года.

Вопрос: Кто входил в руководство организацией по Днепродзержинску?

Ответ: Неоднократно я спрашивал Богущкого о руководстве и вообще о лицах, которые в неё входят. Никого из руководства Богущкий мне не назвал, только перечислил некоторых рядовых участников.

Вопрос: Кого именно?

Ответ: Грозовского Василия Дмитриевича, партработников: Ковальского Александра и Кублицкого Василия, Филиппова Фёдора Кирилловича и Шуберта Андрея (работал на заводе Дзержинского).

Под текстом протокола запись: *«Протокол лично мною прочитан. Записано с моих слов верно, в чём расписываюсь. Александр Павлович Бухман».*

Допросил: ВРИД Оперуполномоченного III отдела УГБ /Соболевский/

Комментарий:

1. Инженер Богущкий Р. Р., по национальности поляк. Родился 22 апреля 1904 года в Каменском. Один из лучших студентов первого выпуска Каменского рабочего техникума 1926 года. Защитил на «отлично» самостоятельную работу на тему «Спроектировать мартеновский цех с годичной производительностью мартеновского металла 8.600.000 пудов». К моменту ареста занимал пост заместителя начальника мартеновского цеха завода Дзержинского, был женат, имел дочь. По необъяснимой прихоти чекистов, Роберт Богущкий был определён одним из руководителей всех контрреволюционных польских организаций Днепродзержинска, хотя к моменту допроса Александр Бухмана уже был давно расстрелян (6 декабря 1937 года). Его брат Игнатий Богущкий, родился в Каменском 27 сентября 1905 года, был женат, имел среднее образование, работал механиком цеха завода им. Дзержинского. Постановлением Особого совещания НКВД СССР от 28.10.1937 года (протокол №200) был обвинён в контрреволюционной деятельности и расстрелян, как враг народа. Отец, Роберт Вильгельмович Богущкий, 1872 года рождения, до революции работал на Днепровском заводе в должности начальника общих работ, был вице-председателем Общества гребного плавания в Каменском. Проживал на Нижней колонии в доме №44 [64]. Постановлением тройки ГПУ от 03.06.1931 года обвинён в принадлежности к польской шпионской организации и приговорён к трём годам лишения свободы условно. К моменту приговора работал экспедитором на заводе имени Дзержинского.

2. Служащий Бухман А. П., по национальности немец. Был любимцем местной детворы, разрешая детям беспрепятственно залазить на шелковицу своего сада. Страстный голубятник, увлекался также гребным спортом, футболом, играл в оркестре на трубе. Имел привычку в день получения зарплаты разыгрывать свою супругу Александру Ивановну следующим образом. Разложив деньги по многочисленным карманам одежды, он доставал несколько купюр из кармана и говорил огорченной супруге, что больше денег нет. Затем, хлопнув себя ладонью по лбу, лез в следующий карман, а потом ещё в следующий, пока не отдавал все деньги. В феврале 1938 года он был арестован органами НКВД, но через месяц отпущен. Когда Александра Бухмана вторично втолкнули в камеру в апреле 38-го года, он на недоумённые вопросы подследственных, почему не скрылся из города, ответил: «Но я ведь думал, что я невиновен! Разобрались и отпустили!» После этих слов был избит сокамерниками под ожесточённые возгласы: «а мы, что? Виновные?»

ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ

Между Бухманом Александром Павловичем и
Филипповым Фёдором Кирилловичем от 17 июля 1938 года

Обвиняемые заявили, что друг друга знают, и личные счета между ними отсутствуют.

Вопрос Бухману А. П.: Что вам известно о принадлежности Филиппова к «Польской Организации Войсковой»?

Ответ: Со слов Богуцкого мне известно, что Филиппов состоял членом «Польской Организации Войсковой».

Вопрос Филиппову Ф. К.: Вы подтверждаете показания сидящего перед вами Бухмана?

Ответ: Да, подтверждаю. Я действительно состою членом контрреволюционной «Польской Организации Войсковой» совместно с сидящим со мной Бухманом, знал это со слов Богуцкого.

Комментарий: Над этими словами в протоколе стоит жирный вопросительный знак. Мол, что это такое: знаю о собственном членстве в ПОВ со слов Богуцкого?!

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По следственному делу №20345 по обвинению

Каминского Бориса Марковича
Филиппова Фёдора Кирилловича
Бухмана Александра Павловича
Кублицкого Василия Михайловича
и других (всего 47 человек) по ст. ст. 54-2, 54-11 УК УССР

Днепродзержинским горотделом НКВД вскрыта и ликвидирована польская антисоветская организация, существовавшая под названием «Польская Организация Войсковая». Эта организация имела своих участников во всех крупных звеньях партийного и советского аппарата и промышленности и преследовала цель – поражение тыла Красной Армии в начале войны путём восстания против Советской власти и совершения диверсионных актов в промышленности и железнодорожном транспорте. В Днепродзержинске существовало руководство так называемой левобережной комендатуры «Польской Организации Войсковой», руководившее всей деятельностью организации на своей территории. К следствию по настоящему делу привлечено 47 человек – участников «Польской Организации Войсковой», проводивших активную подрывную деятельность против Советской власти.

Комментарий: В протоколе заседания бюро днепродзержинского горкома партии от 21 июня 1938 года, на котором был исключён из партии арестованный органами НКВД В. М. Кублицкий, записано: Кублицкий Василий Михайлович, 1910 года рождения, член партии с 1931 года, по документам русский, в действительности поляк, что скрыл от парторганизации, работал редактором газеты «Знамя Дзержинки» [87].

.....
ОБВИНЕНИЕ

Вследствие изложенного и на основании приказа НКВД СССР №00485, настоящее дело по обвинению всех перечисленных выше лиц, надлежит рассмотрению Наркомвнудела СССР и Прокурора Союза.

Составлено 17/VII-38 г. Днепродзержинск
ВРИД Оперуполномоченный III отдела УГБ Соболевский
Согласен: начальник III отдела УГБ сержант госбезопасности Ленов
Утверждаю: начальник горотдела НКВД ст. лейтенант госбезопасности Дараган
(на последней строчке зачёркнуто «ст» и поставлено «мл», также зачёркнута фамилия «Дараган» и стоит неразборчивая подпись)

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА №108

Заседания особой тройки УНКВД по Днепропетровской области
от 3 октября 1938 года

Слушали: дело III отдела УГБ УНКВД №20345 по обвинению Бухмана Александра Павловича, 1905 года рождения, уроженца и жителя г. Днепродзержинск Днепропетровской области, работавшего в электростанции завода имени Дзержинского нормировщиком, в том, что с 1937 года являлся участником «Польской Организации Войсковой», лично завербовал в «Польскую Организацию Войсковую» одного человека. Дал согласие на участие в вооружённом восстании против Советской власти и совершения диверсионных актов.

Постановили: Бухмана Александра Павловича **РАССТРЕЛЯТЬ**.
Всё лично ему принадлежащее имущество конфисковать.

ОБВИНЯЕМЫЕ ВТОРОГО ПОТОКА
по делу №20345

БУХМАН ГУСТАВ ПАВЛОВИЧ
(№ дела в архиве СБУ П-19660)

Бухман Густав Павлович, 1903 г.р., проживает ул. Вокзальная, 6-14, мастер автогаража, ст. 54-6, шпионаж.

Постановление на арест подписано горпрокурором Соколяном 16.04.38., ордер на арест выдан 17.04.38. сотруднику г/о НКВД Черывко.

Протокол обыска: присутствовал Кринкин, изъят паспорт ШИ №577201, военный билет. В присутствии Миры Ковальчук изъят кошелек кожаный, сотрудник НКВД Деранов.

Анкета арестованного: родился 11.01.1903. Токарь автогаража завода им. Дзержинского, образование низшее 5 групп.

Жена Ядвига Густавовна, 32 года.

Сын Альберт Густавович, 10 лет.

Постановление: член «Польской Организации Войсковой».

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Бухмана Густава Павловича от 07.07.38.

Вопрос: Кто вас вовлек в организацию?

Ответ: Ходоровский Адольф Аполинардович, начальник цеха автобазы завода Дзержинского, в июне 1937 года после вечера самодеятельности в цехе.

Вопрос: Какое он дал вам задание?

Ответ: Вовлечь в организацию новых членов.

Вопрос: Кого именно вы вовлекли?

Ответ: Я вовлёл Орловецкого Ивана, токаря гаража, а также шофёра Збицкого Терентия Ивановича.

Вопрос: Кто входил в руководство «Польской Организации Войсковой»?

Ответ: Со слов Ходоровского в руководство «Польской Организации Войсковой» в Днепродзержинске входил Каминский Борис Маркович, второй секретарь райкома КП(б)У завода имени Дзержинского. Членами организации со слов Ходоровского были Баласевич Юрий Юрьевич – токарь силовой мастерской, Блонский Станислав Иосифович и его брат Казимир, а также Ольшевский Генри – конструктор отдела главного механика завода Дзержинского.

Вопрос: Где вы хранили оружие?

Ответ: Ходоровский на мой вопрос, есть ли оружие, ответил, что оружие будет к моменту восстания.

Комментарий: Густав Бухман, был таким же страстным голубятником, как и его младший брат Александр Бухман. Но в отличие от Александра Густав Бухман обладал тяжёлым, неуживчивым характером. Оба они арестованы в один день (точнее, в одну ночь) – 17 апреля 1938 года.

ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ

Между Квачом Александром Филипповичем и
Бухманом Густавом Павловичем от 17 июля 1938 года

Вопрос Квачу А. Ф.: Что вам известно о принадлежности к «Польской Организации Войсковой» сидящего перед Вами Бухмана Густава Павловича?

Ответ: Сидящий Бухман Густав Павлович является участником «Польской Организации Войсковой», участником которой являюсь и я. Об этом мне известно со слов Орловецкого Ивана Прокопьевича.

Вопрос Бухману Г. П.: Вы подтверждаете показания сидящего перед вами Квача?

Ответ: Да, подтверждаю.

КАЛЬВАСИНСКИЙ ИОСИФ ИВАНОВИЧ

(архивно-следственное дело П-19659 в ГАДО)

Родился 11.03.1896, инструктор механического цеха завода Дзержинского, образование низшее, проживает ул. Сыровца 63-7, член «Польской Организации Войсковой».

Постановление об аресте подписано 08.06.1938.

Протокол обыска от 10.06.1938: присутствовал Борисов Иван Мефодьевич.

Изяли: паспорт, союзный билет, военная книжка, облигации выпуска 2-й пятилетки на сумму 2000 рублей, ремень спортивный, бомыжник (так записал чекист – авт.)

Жена: Людвиг Стефановна, 35 лет.

Сын Сигизмунд, 14 лет.

Постановление: участник диверсионно-шпионской «Польской Организации Войсковой», проводил разведывательную деятельность в пользу Польши. Ст. 54-1а, 17-54-8, 17-54-9, 54-11.

Комментарий: Иосиф (Юзеф) Кальвасинский обладал редкостным чувством юмора. Казалось, он мог рассмешить кого угодно. Попав в камеру, он говорил товарищам по несчастью, что на допросе заявил, что лично хотел подорвать доменную печь, мартен, механический цех, железопрокатный, а ранее готовил покушение на товарища Орджоникидзе. На что следователь только покрутил пальцем у виска. «Теперь меня точно выпустят, – говорил Иосиф Иванович, – дураков не судят!» Однако подписал он совсем другие показания.

.....
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Кальвасинского Иосифа Ивановича

от 03.07.1938.

Вопрос: Кто вас вовлёл в организацию?

Ответ: В организацию я привлечён Новогурским Иваном Ивановичем, работавшим в котельном цехе завода Дзержинского (в данное время арестован). Новогурский говорил, что Польская организация войсковая – это огромная сила. Я получил от него задание вербовать новых членов и проводить разведку в пользу Польши.

Вопрос: Кого вы завербовали в организацию?

Ответ: Я завербовал Игнатовича Михаила Михайловича, мастера по ремонту столовых завода Дзержинского, Жуковского – мастера листопркатного цеха в 1937 году. Я дал им те же задания, которые получил от Новогурского. Все шпионские сведения я передавал Новогурскому.

Вопрос: Кто входил в состав «Польской Организации Войсковой»?

Ответ: В состав «Польской Организации Войсковой» входили: Новогурский Иван Иванович, Студзинский Генрих Генрихович, Башинский Казимир Иванович, Ходоровский Франц Аполинарьевич, Иванский – токарь механического цеха и я.

Комментарий: По очередной причуде чекистов, одним из «руководителей» ПОВ в Днепродзержинске стал простой работяга Новогурский Иван Иванович, 1889 года рождения, уроженец Варшавы, поляк, гражданин СССР, образование низшее, беспартийный. Арестован 28 января 1938 года. На момент ареста работал котельщиком на заводе имени Дзержинского. Постановлением особой тройки НКВД от 27.09.1938 по статьям 54-2, 54-11 УК УССР осужден к высшей мере наказания – расстрелу.

.....
ПРОТОКОЛ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОПРОСА

Кальвасинского Иосифа Ивановича

от 22.07.38

Вопрос: На предыдущем допросе вы назвали не всех членов организации.

Ответ: Да, я назвал не всех. В организацию также входили Иванский и Ледвиг Роман Иванович, сверловщик механического цеха, которых я завербовал в феврале 1938 года при следующих обстоятельствах. Они были мои подчинённые, я повышал им разряды, и они всё исполняли.

ХРЖОНЩЕВСКИЙ АЛЕКСЕЙ ИОСИФОВИЧ

Родился 22.11.1882 г.р., деревня Дудин (Дунаево) Варшавской губернии, проживает ул. Сыровца, 63-34, пенсионер, инвалид, работал вальцетокарем на заводе Дзержинского, из крестьян-бедняков, образование низшее. Постановление об аресте подписано 22 апреля 1938 года. Обвинение: шпионаж, ст. 54-6 УК УССР. Ордер на арест выдан Гладкому от 22/4-1938. Протокол обыска: присутствовала Борисова.

Изъято: паспорт, союзный билет, ружьё-двухстволка, патроны 230 штук, порох в охотничьей коробке – 12 грамм, дробь для ружья – 1 кг, патронташ – 1 шт., капсули для ружья – 200 штук.

Комментарий:

Алексей Иосифович Хржонщевский. До революции состоял членом Каменского Общества любителей охоты, был крестным отцом нескольких детей семьи Кальвасинских. После первого ареста Александра Бухмана в феврале 1938 года Алексей Иосифович Хржонщевский, на то время старый больной человек, страдающий острой формой радикулита, носил в ведёрке дрова с улицы Сыровца в Первый поселковый переулочок, где жила его крестница Ольга Ивановна Бухман (Кальвасинская) с дочерью Ирмой. Этими дровами растапливали замёрзший кран на улице, чтобы можно было набрать воды. Когда пришёл черёд его ареста, сотрудники НКВД даже не разрешили А. Хржонщевскому взять в тюрьму вставные зубы.

.....

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Хржонщевского Алексея Иосифовича
от 10.07.1938

Вопрос: Признаёте ли вы себя виновным в участии в контрреволюционной организации «Польская организация войсковая»?

Ответ: Участником контрреволюционной организации я не был и об этом ничего не могу сказать.

Вопрос: Вы говорите неправду. Думаете ли вы говорить правду?

Ответ: Я ещё раз подтверждаю, что я не состоял ни в какой контрреволюционной организации.

Комментарий: После вторичного отказа подследственного инвалида от своего участия в контрреволюционной организации, в допросе был сделан перерыв, после которого Алексей Хржонщевский уже говорил всё, что от него требовал следователь НКВД Зыков.

.....

Вопрос: Вам зачитывали показания Новогурского. Думаете ли вы бросить бесцельную борьбу со следствием и говорить правду?

Ответ: Да, я решил бросить свою бесцельную борьбу со следствием и решил говорить правду. Показания, зачитанные вами, я целиком и полностью подтверждаю.

Вопрос: Кто вовлёк вас в контрреволюционную организацию «Польская Организация Войсковая»?

Ответ: В контрреволюционную организацию меня вовлёк Новогурский в 1937 году, я с ним знаком с 1920 года. Знаю его как польского националиста, сторонника фашистской Польши. Он говорил, что тюрьмы в Украине переполнены поляками, полякам здесь живётся хуже, чем до революции, так дальше продолжаться не может. Новогурский поставил передо мной задачу вывести из строя оборудование вальцетокарного цеха в период возникновения войны,

тогда прокатные цеха завода будут остановлены из-за отсутствия прокатных валков. Он предложил начать с мелких актов. На мой вопрос, зачем это делать, ведь мы должны соблюдать конспирацию, Новогурский сказал, что если мы не будем совершать мелких актов, то не сможем впоследствии делать и крупные. Я с ним согласился.

Вопрос: Что конкретно вы сделали?

Ответ: Я сознательно уменьшал или увеличивал диаметр обтачиваемых мною валков, чтобы это привело к ухудшению качества и брака прокатываемого металла. Это я делал до 1937 года, когда уволился из завода по болезни, и больше с Новогурским не встречался.

Допросил: следователь Зыков.

Под текстом каждой страницы протокола допроса подпись, поставленная неверной рукой: «Хржонцевский».

Комментарий: Увеличение или уменьшение диаметра обтачиваемых валков не приводит к ухудшению качества прокатываемого металла. Но что до того следователю Зыкову?

.....

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По следственному делу №20345 по обвинению членов контрреволюционной антисоветской «Польской Организации Войсковой»

Руководство «Польской организации войсковой»:

1. Осташкевич Илья Антонович, бывший инженер Запорожстали.
2. Славиковский Пётр Адольфович, инженер завода имени Дзержинского.
3. Деминский, главбух горпищеторга.
4. Каминский Борис Маркович, бывший второй секретарь райкома КП(б)У завода Дзержинского.

Организация занималась:

обработкой населения Днепродзержинска в антисоветском духе; организацией боевых повстанческих отрядов, диверсионных групп, сети шпионажа, подготовкой терактов над видными работниками партийного и советского аппарата Днепродзержинска.

Всего в организацию входило 66 человек.

Дела 15 из этих 66 человек выделены в отдельное делопроизводство.

Комментарий: Каминский Борис Маркович, 1903 года рождения, женат, до ареста второй секретарь райкома КП(б)У завода Дзержинского, как один из «руководителей ПОВ», попал сразу в два обвинительных заключения по первому и второму потоку. Однако приговор был один, и понятно какой.

.....

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА №59

Заседания особой тройки УНКВД по Днепропетровской области
от 27 сентября 1938 года

Слушали: дело III отдела УГБ УНКВД №20345 по обвинению

Кальвасинского Иосифа Ивановича 1896 года рождения, уроженца и жителя г.

Днепродзержинск Днепропетровской области, работавшего инструктором механического цеха завода Дзержинского, в том, что с 1937 года являлся участником «Польской Организации Войсковой», принял участие в вербовке новых кадров и шпионаже. Лично завербовал в «Польскую Организацию Войсковую» два человека. Собирал и передавал шпионские сведения о работе завода, ходе выполнения оборонных и специальных заказов и политнастроениях среди рабочих завода. Назвал ряд известных ему участников «ПОВ».

Постановили: Кальвасинского Иосифа Ивановича **РАССТРЕЛЯТЬ**.
Всё лично ему принадлежащее имущество конфисковать.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Заседания особой тройки УНКВД по Днепропетровской области
от 3 октября 1938 года

Слушали: дело III отдела УГБ УНКВД №20345 по обвинению

Бухмана Густава Павловича, 1903 года рождения, уроженца и жителя г. Днепродзержинск Днепропетровской области, работавшего в автогараже завода имени Дзержинского токарем, в том, что с 1937 года являлся участником «Польской Организации Войсковой», лично завербовал в «Польскую Организацию Войсковую» два человека. Дал согласие на участие в вооружённом восстании против Советской власти и совершения диверсионных актов.

Постановили: Бухмана Густава Павловича **РАССТРЕЛЯТЬ**.

Всё лично ему принадлежащее имущество конфисковать.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Заседания особой тройки УНКВД по Днепропетровской области

Хржонщевский Алексей Иосифович, 1882 года рождения, с 1937 года – активный участник «Польской Организации Войсковой», проводил вредительскую работу путём изготовления недоброкачественных вальц для прокатных станков завода, принял задание по совершению диверсионных актов к началу войны.

Постановили: Хржонщевского Алексея Иосифовича **РАССТРЕЛЯТЬ**.

.....

Процесс по делу «Польской организации войсковой» окончательно завершился 3 октября 1938 года. Это дело стало самым крупным из всех за время существования Советской власти в Каменском-Днепродзержинске. Согласно постановлению Особой тройки УНКВД по Днепропетровской области её «члены» осуждены по статьям 54-2, 54-11 УК УССР и через двадцать дней почти все расстреляны. Но родственники осужденных об этом ничего не знали, компетентные органы держали всё в секрете. В каждой семье репрессированного имеются ... два свидетельства о смерти на своего ближайшего родственника: первое – фиктивное, с проставлением произвольной причины и даты смерти; и второе – истинное. Так, только в 1957 году в полученном «Свидетельстве о смерти» Бухмана Александра Павловича сообщалось, что он умер от туберкулёза лёгких 14 апреля 1945 года. В 1994 году дочери Александра Бухмана – Ирме выдали повторное свидетельство о смерти её отца. В нём фигурирует новая запись: «Умер 23 октября 1938 года. Причина смерти – расстрел».

Всего по данным архива СБУ в Днепропетровской области по делу ПОВ в Днепродзержинске осуждено 113 человек: 47 человек по первому слушанию и 66 человек по второму слушанию, 15 арестованных перевели в отдельное делопроизводство. В их число попал Кальвасинский Бронислав Иванович. По итогам первого слушания, он «отделался» всего лишь десятью годами лишения свободы. Но самое невероятное его ожидало впереди.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА №89

Заседания особой тройки УНКВД по Днепропетровской области
дело №20345

Кальвасинский Бронислав Иванович, 1890 года рождения, уроженец с. Думано (Литва), житель г. Днепродзержинска, поляк, гражданин СССР, работал на заводе Дзержинского слесарем цеха металлоконструкций. Обвиняется в том, что с 1937 года является участником «Польской Организации Войсковой». Проводил вредительскую работу, изготавливая

недоброкачественные детали для ремонта оборудования цехов. Принял задание по диверсии в военное время.

Постановили: Заключение в исправительный трудлагерь сроком на 10 лет, считая срок заключения с 26 июня 1938 года.

.....
Однако после этого постановления, дело Б. И. Кальвасинского попало в отдельное делопроизводство. Отсидев около года в застенках НКВД, Бронислав Иванович был отпущен на свободу с подпиской о неразглашении всего, что с ним происходило в органах. Причиной такого либерализма послужило то, что дело ПОВ во всесоюзном масштабе было прекращено и оставшихся подследственных отпустили на волю за ненадобностью. План был выполнен. А на выписке из протокола №89 под постановлением «тройки» красным карандашом сделана надпись «дело прекращено».

Комментарий: Кальвасинский Бронислав Иванович, простой рабочий Днепровского завода построил в 1918 году большой дом с двумя верандами на улице Нижняя (Первая) Садовая. Разбил на приусадебном участке прекрасный фруктовый сад и цветник.

.....
По той же причине из застенков НКВД был освобождён Космальский Станислав Францевич, арестованный 17 июля 1938 года. Его брат Космальский Владимир Францевич, 1909 года рождения, до ареста работал в горпищеторге, расстрелян, как член днепродзержинской организации ПОВ. Станислава Космальского продержали в течение восьми месяцев в горотделе НКВД, после чего, выдав стандартную справку, выпустили.

УССР

Народный Комиссариат Внутренних Дел

Днепродзержинский городской отдел

22 марта 1939 г.

№127658

СПРАВКА

Выдана настоящая справка гр. Космальскому Станиславу Францевичу в том, что последний содержался под стражей при Днепродзержинском Горотделе НКВД с 17/VII 1938 г. по 23/III 1939 г. Из-под стражи освобождён за недоказанностью инкриминируемых ему обвинений, т.е. на основании ст. 197 ч. 2 УПК УССР.

Начальник горотдела НКВД

Холодный

Секретарь горотдела НКВД

Тороп

.....
Да, как любил повторять «железный Феликс», то, что вас не расстреляли – это не ваша заслуга, это наша недоработка.

Комментарий: По «польскому» приказу 00485 по Советскому Союзу были рассмотрены дела на 143.810 человек, из которых осуждено 139.835, в том числе приговорено к расстрелу 111.091 человек, что составляет 79,44% от числа осужденных. В Днепродзержинске за 1937 и 1938 годы было сфальсифицировано раскрытие 12 подпольных польских организаций, из которых: шесть польских военных, четыре польских контрреволюционных, одна польская антисоветская, одна польская диверсионная. Всего репрессировано 405 лиц польской национальности, из которых 335 расстреляно. Процент расстрелянных поляков – 82,71% – даже превзошёл общесоюзную цифру. Пик преследований поляков пришёлся на октябрь 1938 года, когда был достигнут абсолютный максимум среди осужденных за всё время Советской власти среди всех национальностей города. В октябре 1938 года был вынесен 131 приговор в

отношении лиц польской национальности. Из них 110 – к высшей мере наказания – расстрелу.

.....

В оперативном приказе Народного Комиссара внутренних дел СССР от 30 июля 1937 года в параграфе «Порядок приведения приговоров в исполнение» сказано:

1. Приговора приводятся в исполнение лицами по указаниям председателей троек, т.е. наркомов республиканских НКВД, начальников управлений или областных отделов НКВД. Основанием для приведения приговора в исполнение являются – заверенная выписка из протокола заседания тройки с изложением приговора в отношении каждого осужденного и специальное предписание за подписью председателя тройки, вручаемые лицу, приводящему приговор в исполнение.
2. Приговора по первой категории приводятся в исполнение в местах и порядке по указанию наркомов внутренних дел, начальников управления и областных отделов НКВД с обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения приговора в исполнение.

.....

Где же вы теперь, друзья-однополчане, в тайне приводившие в исполнение приговора по первой категории? «И не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своём, ни в воровстве своём». Откровение 9. 21.

ДИВЕРСИОННО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ, КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ, АНТИСОВЕТСКИЕ ПОДПОЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

«...и, напав, схватили его и повели в синедрион. И представили ложных свидетелей, которые говорили: этот человек не перестает говорить хульные слова на святое место сие и на закон».
Деяния 6. 12-14.

20 февраля 1938 года Днепродзержинским городским отделом НКВД был арестован Хинцинский Пётр Тимофеевич, 1895 года рождения, украинец, уроженец села Фельштан Каменец-Подольской области. До ареста он работал слесарем ЖКО. В молодые годы Пётр Хинцинский, скорее всего, был сотрудником Каменской ЧК. По заданию чекистов он внедрялся в вооружённые «бандформирования», в частности, в известную в округе банду Маруси, и сообщал сведения о местонахождении вооружённых противников Советской власти. Получив ранение в лёгкое, Хинцинский отошёл от активной деятельности, устроился слесарем, достиг удивительных высот в искусстве открывания самых хитроумных сейфовых замков. Однако революционное прошлое Петра Хинцинского не помогло уйти от карающего меча революции. Бывшие соратники определили его в члены будто бы существовавшей днепродзержинской контрреволюционной белогвардейско-террористической организации. Следствие длилось недолго – чуть больше месяца, но за это время Хинцинский получил удивительную привилегию: ему дважды разрешали свидание с женой. Такое великодушие со стороны днепродзержинских чекистов объяснялось тем, что за время следствия Хинцинский отремонтировал или привёл в порядок замки всех сейфов местного НКВД. Но на этом привилегии окончились: по решению Тройки Управления НКВД по Днепропетровской области от 25 марта 1938 года Пётр Тимофеевич Хинцинский и ещё 11 днепродзержинцев были приговорены к расстрелу. Приговор привели в исполнение 19 апреля того же 1938 года. Осуждённых к смертной казни «членов контрреволюционной белогвардейско-

террористической организации» вывезли на окраину Днепропетровска (очевидно, на Запорожское шоссе), расстреляли, а трупы скинули в заранее вырытые траншеи.

Сразу же после вынесения приговора супругу Хинцинского Станиславу Титовну с дочерью Тamarой в буквальном смысле выбросили на улицу из занимаемой ими квартиры по улице Сыровца. Не имея никакого угла, они заняли пустующий, продуваемый ветром, деревянный сарай, где прожили до наступления холодов. Узнав о такой плачевной участи, их приняла в свою одну комнату жена репрессированного Александра (Ольга) Ивановна Бухман-Кальвасинская. Эта комната осталась у Александры Ивановны от некогда просторного коттеджа, который получил её свёкор – обер-мастер проволочного цеха Днепропетровского завода Павел Густавович Бухман. После смерти свёкра и свекрови, весь дом оказался в распоряжении молодых супругов Бухман. Но вслед за арестом Александра Бухмана, в коттедж уплотнили три семьи, а Александре Ивановне оставили одну комнату при условии, что она в 48 часов устроится куда-нибудь на ДМЗ. Так и прожили до самой войны в Первом Поселковом переулке в комнате дома №5 две вдовы Александра Ивановна Бухман с дочерью Ирмой и Станислава Титовна Хинцинская с дочерью Тamarой.

.....

Как уже было сказано, дело «Польской Организации Войсковой» было далеко не единственным процессом в Днепродзержинске, который являлся прямым следствием «польского» приказа Политбюро Центрального Комитета партии большевиков за номером 00485. Здесь проходили и другие судилища, острие которых было направлено против лиц польской национальности. Причём все они оформлялись, как члены диверсионно-террористических либо подпольных контрреволюционных антисоветских организаций: «альбомный» порядок осуждения давал прекрасную тому возможность. Осуждение человека по политическим мотивам в индивидуальном порядке не практиковалось: «враги народа», по глубокому убеждению чекистов, должны были действовать исключительно в организованном режиме подполья. Так членом антисоветской диверсионно-террористической организации был признан Кальвасинский Юлиан Иванович, родной брат Иосифа Ивановича и Бронислава Ивановича Кальвасинских, проходивших по делу «ПОВ».

Юлиан с восторгом принял свержение царизма и большевистскую революцию. Совсем юным записался в Красную гвардию Каменского. Двадцатилетним парнем женился на Ольге Трифоновне Коржовой 1899 года рождения. Венчание состоялось в Каменском костёле 18 мая 1919 года. От этого брака родились две дочери – Франя и Дана. Обладал типичным гонористым характером «настоящего поляка». В 1932 году Юлиан Кальвасинский стал кандидатом в члены партии, работал токарем, выполняя наиболее ответственные заказы, затем мастером и начальником смены механического цеха. В 1938 году проживал вместе с семьёй по адресу Верхняя колония д. 5 кв. 4.

Юлиана Кальвасинского арестовали прямо в цехе в ночную смену 25 января 1938 года. Увидев, что энкаведисты идут в его сторону, Юлиан Иванович остановил токарный станок, вытер его насухо ветошью, а потом с размаху швырнул ветошь себе под ноги. После ареста его повезли домой, где был произведен обыск, а оттуда в НКВД. Через месяц на заседании днепродзержинского бюро горкома Юлиана Ивановича Кальвасинского исключили из кандидатов в члены партии, как врага народа (протокол №10 от 26/II-38). Протокол подписали: и.о. секретаря горкома Любавин, Фролков, Волутенко, а также члены бюро Бебенин, Андриенко, Марков и всё тот же Брежнев [89]. Согласно семейному преданию, Юлиан Кальвасинский на допросах проявил редкую стойкость духа и никаких обвинений не

подписал. Его приволакивали в камеру избитого и окровавленного. Товарищи по несчастью говорили ему: зачем эти мучения? подпишешь или нет – нас всех ждёт одна участь, так к чему все эти страдания? В ответ Юлиан Кальвасинский лишь слабо улыбался. Об этом рассказал выпущенный на свободу сокамерник Кальвасинского некто Домарацкий.

Комментарий: Начальник горотдела НКВД Дараган «назначал старост из числа арестованных, способных вести работу по уговору своих сокамерников на дачу ими показаний» (из объяснительной записки Клочко, сотрудника Днепродзержинского отдела НКВД, датированной 09.02.1939 года). (Н. Судак «Как их делали «врагами». Стр. 116) [19].

Вместе с Юлианом Кальвасинским приговором тройки УНКВД по Днепропетровской области от 10.11.1938 были обвинены в принадлежности к контрреволюционной организации:

Бранберт Ян Альбертович, слесарь завода им. Дзержинского;

Лижевский Станислав Казимирович, электромашинист завода им. Дзержинского;

Лукашевич Ян Блажевич, слесарь завода им. Дзержинского (на момент ареста – пенсионер);
Тарковский (Тарновский) Николай Иосифович, начальник военно-учётного сектора завода им. газеты «Правда»;

Шульчевский Станислав Иосифович, работал на заводе им. Дзержинского;

Ходоровский Адольф Аполинарьевич, замначальника автогаража завода им. Дзержинского;

Яснило Поликарп Яковлевич, работал на заводе им. Дзержинского;

Рыбка Станислав Антонович, заведующий мастерской школы ФЗО завода им. Дзержинского;

.....

Истинная участь Юлиана Ивановича Кальвасинского долгие годы оставалась неизвестной. Только почти через двадцать лет, уже после смерти Сталина, его супруга осмелилась начать поиски, направляя запросы в различные инстанции.

Начальнику отдела УКГБ по Д/п обл. тов. Тютрину

Копия: гр. Кальвасинской Ольге Трифоновне

Днепродзержинск, ул. Кадровая 3/8

Направляется поступившее из МВД СССР заявление гр-ки Кальвасинской О. Т., ходатайствующей о розыске своего мужа Кальвасинского Юльяна Яновича, для исполнения по принадлежности и ответа заявительнице.

Нач. отдела УМВД по Д/п обл. Ященко

30 января 1956

№1/4/К-5

Военный трибунал Киевского Военного Округа. г. Киев, Артёма 59.

30 ноября 1956 г. № 1550/0-56

СПРАВКА

Дело по обвинению Кальвасинского Юлиана Ивановича, 1898 года рождения, пересмотрено военным трибуналом Киевского военного округа 23 ноября 1956 года. Постановление Особой Тройки УНКВД УССР по Днепропетровской области от 10 ноября 1938 года в отношении Кальвасинского Юлиана Ивановича отменено, и дело о нём производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Заместитель председателя ВТ КВО

Полковник юстиции

/Захарченко/

.....

И только в 1999 году уже внучке Юлиана Ивановича Кальвасинского Наталье Дмитриевне

Харченко из управления службы безопасности по Днепропетровской области был прислан наиболее полный ответ, проливающий свет на трагическую судьбу его деда.

СПРАВКА

Выдана в том, что Кальвасинский Юлиан Иванович, 9 мая 1898 года рождения, уроженец и житель города Днепродзержинска, по национальности поляк, гражданин СССР, образование низшее, беспартийный, проживавший по адресу: Днепропетровская область, г. Днепродзержинск, Верхняя колония, д. 5, кв. 4, работал сменным мастером механического цеха завода им. Дзержинского, был арестован 25 января 1938 года. Постановлением заседания Особой Тройки УНКВД по Днепропетровской области от 10 ноября 1938 года Кальвасинский Ю. И. был безосновательно обвинён в том, что будто был участником антисоветской диверсионно-террористической организации, то есть в якобы совершённых им преступлениях, предусмотренных ст.ст. 17-54-8, 54-9 и 54-11 УК УССР. Осужден к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего лично принадлежащего ему имущества. Приговор был исполнен 20 ноября 1938 года. Место погребения тела Кальвасинского Ю. И. установить невозможно, поскольку в архивных материалах эти сведения отсутствуют. О проведении конфискации имущества осужденного Кальвасинского Ю. И. в архивных материалах документов или ведомостей нет. Во время обыска в день ареста Кальвасинского Ю. И. 25 января 1938 года у арестованного был изъят его паспорт, военный билет, профсоюзный билет, книга на иностранном языке и 4 фотографии, которые после приговора обвиняемого были уничтожены в установленном законодательством порядке.

Зам. Начальника управления СБУ по Днепропетровской области В. Г. Коршунов
24 марта 1999 г. № 10/ II-5184-2

Послесловие: По «польскому» приказу пострадал ещё один из братьев Кальвасинских – Виктор (Вицент) Иванович, 1903 года рождения. Окончив Каменской металлургический техникум, он получил направление в Новомосковск, где работал помощником начальника жестекатального завода. Был женат, но детей завести не успел. В 1937 году Вицента Кальвасинского арестовали как «польского шпиона» и решением НКВД и Прокурора СССР от 4 января 1938 года приговорили к высшей мере наказания расстрелу. Приговор приведен в исполнение 17 января 1938 года.

ДЕЛО №20349 «КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОДПОЛЬНАЯ ЭСЕРОВСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ»

**«Господь мой свет и спасение моё: кого мне бояться?»
Псалтирь. Псалом 27(26) 1.**

По делу «Контрреволюционной подпольной эсеровской организации» проходил Войцех Михайлович Крживицкий [30]. Это дело завели в днепродзержинском НКВД позже, чем «ПОВ», однако оно не имело такого размаха, и потому было завершено очень быстро.

Пятнадцатилетним пареньком приехал в 1902 году в Каменское из села Полихно под Кельцами Войцех Крживицкий. Здесь, на Верхней колонии в доме Лабунских уже прислуживала его старшая сестра Михалина. Войцех устроился на фабрику рассыльным, а,

чуть повзрослев, стал работать грузчиком, а потом правильщиком проката в среднесортном отделении. Он обладал феноменальной физической силой, и о нем сложили поговорку: «идёт Войцех – воец цех». Женившись на литвинке Анеле Роговской, старшей его на пять лет, Войцех Крживицкий обосновался на Полицейской улице Каменского. Зарабатывал он хорошо, и мама Анеля уносила деньги на почту и клала их под процент. Жили Крживицкие дружно и в достатке. Они были активными прихожанами костёла, по воскресеньям ходили на мессы и одну за другой приводили с собой подрастающих дочерей. После революции Крживицким удалось в горниле «золотых обысков» сохранить заработанный ранее капитал, и в 1929 году Войцех Михайлович приобрёл дом на улице Василевский (ныне Арсеничева).

А потом наступил 1937 год. Вначале арестовали отца. В камеру, куда поместили Войцеха Крживицкого, натолкали столько народу, что нельзя было поднять руки, люди сидели по очереди, остальные стояли, прижавшись друг к другу. По очереди заключенных выводили на допрос. Обратно, зачастую, приносили окровавленное тело, имеющее мало общего с человеческим обликом.

ДЕЛО №20349

Начато 16.08.1937
Окончено 13.09.1937

Обвинение: Крживицкий В. М., поляк, подданный СССР. Дата рождения 20.03.1887, место рождения – д. Полихно, Келецкой губернии, Польша.

Арестован 13.08.1937.

Преступление ст. 54-10 ч.1 УК УССР, является участником контрреволюционной подпольной эсеровской организации и проводит контрреволюционную деятельность.

Уполномоченный 4 отдела УГБ Днепродзержинского НКВД УССР – Калужский
нач. г/о НКВД – Паперман
Горпрокурор Соколян

СПРАВКА

На осужденного Крживицкого Войцеха Михайловича. 1887 г.р.

Проводил вербовочную работу по созданию диверсионных групп на заводе им. Дзержинского, проводил шпионскую работу. В инкриминируемом преступлении сознался. Осужден к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

14.09.1937 г. Протокол №22

.....

Можно только представить, какие пытки перенес могучий Войцех Крживицкий, чтобы в его деле появилась запись: «в инкриминируемом преступлении сознался». Кто, кроме В. М. Крживицкого «входил» в днепродзержинскую контрреволюционную подпольную эсеровскую организацию, доподлинно неизвестно. Установлено лишь, что 14 сентября 1937 года решением НКВД и Прокурора СССР по обвинению в контрреволюционной, диверсионной и шпионской деятельности, инкриминируемой Войцеху Крживицкому, были вынесены расстрельные приговоры в отношении ещё 12-ти днепродзержинцев.

«Воспаление легких» – диагноз кончины главы семьи, полученный детьми через много лет из архивов КГБ. Что за «воспаление» сразило пышущего здоровьем и силой Войцеха Крживицкого, долгие годы хранили в тайне архивы НКВД. И только теперь выяснилось, что Войцех Михайлович Крживицкий был осуждён в порядке приказа НКВД СССР №00485 по 1-

й категории, то есть, расстрелян.

Послесловие: Ну а после трудов праведных, уполномоченный 4 отдела УГБ Днепродзержинского НКВД УССР тов. Калужский решил отдохнуть. И 19 октября 1937 года днепродзержинский горком партии «в связи с предоставленным отпуском т. Калужскому Д. Д. просит обком предоставить ему путёвку в Ялтинский санаторий обкома КП(б)У на ноябрь месяц» [85].

Словосочетание «Судебный процесс» в переводе на польский язык звучит как «Судова розправа».

Какой символический и зловещий смысл применительно к процессам 1937 – 1938 годов!

«Вот мне уже много лет, но никогда не прощу той системе, тому страшному времени, кровавому из всех кровавых, когда либо из живших на свете Сталину. Я ненавижу тех людей, которые защищают эту систему и боготворят её творца. Я проклинаяю его за миллионы погибших, за отнятое детство, за поруганных жён и матерей. И никто меня не переубедит, что я не права». Из воспоминаний Ирмы Слоневской-Бухман, у которой был безвинно репрессирован отец Александр Павлович Бухман и многие другие её близкие родственники [38].

ДЕЛО №22512 «ЖЁНЫ ВРАГОВ НАРОДА»

**«И забросаю тебя мерзостями, сделаю тебя презренной и выставлю тебя на позор».
Книга пророка Наума 3. 6.**

Через месяц после окончания дела контрреволюционной подпольной эсеровской организации в Днепродзержинске пошли процессы над жёнами врагов народа [31]. К тому времени (15 августа 1937 года) вступил в силу приказ ЦК ВКП(б) №00486, посвященный жёнам, детям и членам семей «врагов народа». В приказе отмечалось, что жёны и родственники врагов народа должны осуждаться минимум на 5-8 лет. Дети врагов народа старшего возраста подлежали отправке в лагерь, исправительные колонии и детские дома особого режима. Так, 21 июля 1938 года Постановлением особого совещания НКВД СССР, как социально-опасный элемент был осужден к 5 годам лагерей ученик средней школы Ричард Добржинский. Ровно за месяц до того, 21 июня 1938 года Постановлением особого совещания НКВД СССР была приговорена к 8 годам лагерей мать Ричарда – София Антоновна Добржинская. Их личная вина заключалась в том, что Ричард являлся сыном, а София Антоновна – женой расстрелянного в октябре 1937 года Викентия Лаврентьевича Добржинского, референта директора завода им. Дзержинского И. Манаенкова.

А самой первой жертвой приказа ЦК ВКП(б), посвященного жёнам врагов народа, стала в Днепродзержинске Егудис Марьям Эдидовна, бухгалтер днепродзержинской лакофабрики, имела дочь. Постановлением Особого совещания НКВД СССР от 2 октября 1937 года она, как жена репрессированного, была приговорена к пяти годам исправительно-трудовых

лагерей. Вслед за нею были осуждены: Меркушина Агафья Алексеевна – учительница СШ№9, мать двоих детей, Шевченко Евдокия Даниловна – уборщица на заводе им. Дзержинского и Нестеренко Евдокия Павловна – домохозяйка, мать двоих дочерей. Постановлением Особого совещания НКВД СССР от 2 ноября 1937 года они приговорены к пяти, восьми и пяти годам лагерей соответственно.

В числе «жён врагов народа» оказалась супруга В. М. Крживицкого Анеля Онуфриевна Крживицкая. Она была арестована 10 ноября 1937 года, менее чем через два месяца после вынесения расстрельного приговора относительно её супруга Войцеха Крживицкого.

– Поедешь к мужу, – с мрачным юмором сказали ей при аресте.

ДЕЛО №22512

Крживицкая Анеля Онуфриевна
Ст. 54-10 ч.1 УК УССР.

СПРАВКА

на семью осужденного Крживицкого Войцеха Михайловича:

Семья состоит:

1. Крживицкая А. О. – жена, 1883 г.р., д. Степовичи, Ковенской губернии, Литва, здорова. Арестована 10.10.37.
2. Крживицкая Елена Войцеховна – дочь, 1917 г.р., учится, здорова. Оставлена.
3. Брат – Франц Онуфриевич Роговский, проживает в Польше, сестра Анна проживает в Литве.

Начальник горотдела НКВД лейтенант государственной безопасности – Паперман
Начальник 3-го отдела УГБ ст. лейтенант госбезопасности Шнейдерман
Начальник УНКВД по Днепропетровской области майор госбезопасности – Кривец.

Информация: Шнейдерман Михаил Яковлевич, 1898 года рождения, еврей, из служащих, кандидат в члены КП(б)У с 1931 года, заместитель начальника днепродзержинского отдела НКВД. В 1934 году Сталинским горкомом КП(б)У Шнейдерману был вынесен строгий выговор с предупреждением за устройство вечера в день похорон товарища С. М. Кирова. В конце 1937 года по ходатайству парторганизации горотдела НКВД и лично начальника НКВД товарища Папермана бюро днепродзержинского горкома партии партвызыскание с товарища Шнейдермана было снято.

..... ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оперуполномоченный 3 отдела УГБ НКВД УССР мл. лейтенант госбезопасности Миллер нашел:

Что обвиняемая Крживицкая А. О. является женой врага народа Крживицкого В. М., осужденного в порядке приказа НКВД СССР №00485 по 1-й категории, а, поэтому, руководствуясь оперативным приказом Народного Комиссара Внутренних Дел СССР Генерального Комиссара Государственной Безопасности тов. Ежова – от 15.08.1937 №00486 постановил:

Следственное дело №22512 по обвинению гр. Крживицкой А. О. – направить на рассмотрение Особого Совещания НКВД СССР.

Оперуполномоченный мл. лейтенант госбезопасности
Миллер

Согласен: пом. нач. 12 отделения 3 отдела ст. лейтенант госбезопасности Буркин

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Крживицкая А. О. 1883 г.р., деревня Синовичи Ковенской губернии, Литва. Арестована 11.10.1937 Днепродзержинским горотделом УНКВД Днепропетровской области, как жена участника диверсионной группы. Обвинялась в совершении преступлений, предусмотренных ст. 54-10 часть 1 УК УССР. Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 02.07.1938 г., как социально-опасный элемент сослана в Казахстан сроком на 5 лет. Объективных доказательств проведения Крживицкой А. О. преступной деятельности в материалах дела не нашлось.

.....

Эшелон с арестантами остановился посреди безбрежной казахской степи.

– Выходи! – пролаяли конвоиры.

Когда все вышли из телячьих вагонов, состав двинулся обратно.

– А нам куда? Нам куда?!

– А куда хотите, мать вашу!

В Днепродзержинск Анеля Крживицкая вернулась через десять лет в 1947 году. В 1957 году она умерла, в её изголовье стояло Распятие.

.....

Жёны врагов народа были, чуть ли не единственной категорией лиц, осуждаемые в индивидуальном порядке. Даже чекистам не пришло в голову объединять этих женщин в «подпольные контрреволюционные организации». Но они пошли другим путём. Помог всё тот же альбомный метод рассмотрения дел. Жёны, дети, члены семей врагов народа, которые ещё назывались «социально-опасными элементами», сводились в обвинительное заключение одного дня слушания дел. Воистину «женским днём» Днепродзержинска стала дата 2 июля 1938 года. В этот тёплый летний день постановлением Особого совещания НКВД СССР был вынесен приговор сорока восьми днепродзержинкам, повинным в том, что в своё время они неосмотрительно вышли замуж или стали членами семей будущих врагов народа. Всего в июле 1938 года было осуждено 60 лиц этой категории. За 1937 и 1938 годы по данным архивного управления Службы безопасности Украины в Днепропетровской области, переданным в Государственный архив Днепропетровской области, в Днепродзержинске было репрессировано 76 жён, членов семей и социально-опасных элементов женского пола. Среди них, как простые люди, так и жёны известных в городе людей.

21 июня 1938 года Сурина Вера Васильевна, инспектор Днепродзержинской электростанции, как жена репрессированного, осуждена к 8 годам лагерей.

2 июля 1938 года домохозяйка из Днепродзержинска Ржечковская Александра (Ольга) Станиславовна 1901 года рождения, полька, из рабочих, вдова, имеющая двоих детей, малограмотная, беспартийная – сослана, как жена врага народа, на 5 лет.

2 июля 1938 года репрессирована и выслана в Казахстан на 5 лет, как жена репрессированного, пенсионерка из Днепродзержинска, вдова, мать двоих детей Якимчук Мария Васильевна, 1890 года рождения, украинка, неграмотная, беспартийная.

2 июля 1938 года заключена на 3 года в исправительно-трудовой лагерь 23-х летняя Вера Соболева. Она была супругой начальника отдела кадров завода Дзержинского Павла

Григорьевича Соболева, который был расстрелян 29.11.1937 года по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации.

8 июля 1938 года осуждена на 5 лет лагерей, как жена врага народа, Манаенкова Мария Степановна. Она родилась в Каменском в 1902 году, украинка, из рабочих, образование среднее, имела троих детей, беспартийная, работала председателем женсовета завода имени Дзержинского.

21 июля 1938 года, как член семьи репрессированного осуждена на 5 лет лагерей Макеева-Грейс Рахиль Лазаревна, кассир Днепродзержинской городской столовой №40.

И даже ещё в послевоенное время домохозяйки, вдовы, пенсионерки из Днепродзержинска попадали под безжалостный каток репрессий, как жёны врагов народа.

Кригина Евдокия Фёдоровна, домохозяйка, замужем, мать двоих детей, 24 сентября 1945 года, как член семьи репрессированного, выслана на 5 лет в Талды-Курганскую область. Колода Анна Никитична, домохозяйка, мать двоих детей, 26 декабря 1945 года, как жена репрессированного, выслана на 5 лет в Казахстан. Сокол Мария Савельевна, секретарь учебной части ремесленного училища, 23 августа 1947 года, как жена репрессированного, выслана на 5 лет в Казахстан.

.....

Рапортуя о своих главных достижениях за предвоенное десятилетие, днепродзержинский отдел НКВД сообщал о том, что в городе вскрыты три контрреволюционных направления:

1. Контрреволюционная группа бухаринского направления, в которую входили: Манаенков, Рафаилов, Львов, Пушко, Забельский, Наконечный и другие.
2. Контрреволюционная организация «ПОВ» (Польская организация военная), в которую входили Каминский, Кублицкий и другие.
3. Военно-повстанческая контрреволюционная организация петлюровских, эсеровских и анархистских последышей. В состав этой организации входили: Бабенко, Собачин, Пацера, Вишневецкий, Лантух и другие. (Архивные данные на 01.01.1941).

.....

В своём победном рапорте днепродзержинские чекисты, очевидно, из скромности, не упомянули ещё об одной, без сомнения, важной цифре, характеризующей их упорный труд на благо партии большевиков и Советского государства. Только за 1937 и 1938 годы ими было раскрыто и обезврежено 197 подпольных организаций! Среди них: контрреволюционные организации, к/р повстанческие, к/р польские, к/р диверсионные, к/р террористические, к/р троцкистские, к/р правотроцкистские, к/р шпионские, к/р группы, к/р военная организация «Вільна Україна», к/р украинская военная организация, к/р националистические, к/р военно-повстанческие, к/р эсеровское подполье. Кроме того: антисоветские организации, а/с фашистская, а/с шпионская, польская а/с. Производные от антисоветских и контрреволюционных организаций: троцкистские, троцкистские-террористические, эсеровские подпольные, повстанческие, польские диверсионные, польские военные, террористические, белогвардейские, повстанческие организации и группы, диверсионные организации и группы, диверсионно-вредительские, националистические, националистическо-повстанческие, украинские националистические, украинские военные, ОУН, шпионские, шпионско-диверсионные, шпионско-повстанческие. Никого не забыли? Ах, да: контрреволюционная баптистская организация и дела, объединённые по профессиональному признаку, как то – транспортников на Днепровском металлургическом заводе, городских связистов и других «нелегальных обществ». Количество «членов»

организаций варьировалось от 1 до 113. Воистину, нужно быть большим специалистом своего дела, чтобы по неуловимым для неискущённого взгляда признакам отличать одну организацию от другой.

Картина репрессий по месяцам выглядит следующим образом.

1937 год

Месяц	Осуждено	Из них расстреляно
Январь	10	1
Февраль	6	нет
Март	12	2
Апрель	13	5
Май	5	1
Июнь	9	1
Июль	10	4
Август	38	30
Сентябрь	140	106
Октябрь	136	97
Ноябрь	153	136
Декабрь	189	173
<u>Всего за 1937 год:</u>	720	556

1938 год

Месяц	Осуждено	Из них расстреляно
Январь	120	113
Февраль	5	2
Март	56	49
Апрель	88	81
Май	40	33
Июнь	11	2
Июль	62	2
Август	7	3
Сентябрь	75	60
Октябрь	263	235
Ноябрь	20	9
Декабрь	нет	нет
<u>Всего за 1938 год:</u>	748	583
<u>Всего за 1937 и 1938 годы:</u>	1468	1139

Итак, по далеко неполным данным, общее количество репрессированных днепродзержинцев за эти два мирных года составило 1468 человек, из которых расстреляно 1139 осужденных. Если принять во внимание, что большое число заключённых умерли или были расстреляны

во время отбывания срока лишения свободы (как тот же Михаил Станкевич), эта цифра ещё значительно возрастает. Для сравнения: за два года и два месяца фашистской оккупации в Днепродзержинске погибли от рук гитлеровцев или их прихвостней 1069 человек [80].

**«И отрёт Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже... и свет немеркнущий
воссияет вам на вечное время...»**

Анализ репрессий по месяцам, объясняет непонятные, на первый взгляд, «качели» количества приговоров. 1937 год начался относительно спокойно, и это спокойствие длилось полгода, пока не вышли в свет приказы Политбюро ЦК ВКП(б) во главе со Сталиным: немецкий приказ (июль 1937), приказ по шпионам (июль 1937) польский приказ (август 1937), приказ по жёнам врагов народа (август 1937), постановление ЦИК об особом порядке по контрреволюционным, вредительским и диверсионным делам (сентябрь 1937). По мере «выполнения плана», количество осужденных могло значительно уменьшаться до следующего указания сверху, что ещё раз подтверждает вывод о необоснованности перекладывания ответственности за террор на одни лишь органы ЧК, ГПУ, НКВД.

В Днепродзержинске пик репрессий пришёлся на октябрь 1938 года. За один этот месяц было осуждено 263 горожанина, из которых 235 расстреляно. Но уже в ноябре 1938 года происходит резкое снижение количества репрессированных – до 20-ти (из которых 9 расстреляно). В декабре 1938 года в Днепродзержинске не зарегистрировано ни одного случая репрессий по политическим мотивам! Объяснение этому феномену можно искать в том факте, что 17 ноября 1938 года вышло постановление ЦК ВКП(б), где ответственность за допущенные нарушения соцзаконности во время массовых репрессий перекладывалась как раз на руководителей и сотрудников органов НКВД, которые якобы действовали «во вражеских целях», а не по указанию партии и правительства. На смену расстрелянному врагу народа наркому внутренних дел Н. Ежову, пришёл Л. Берия, который принялся «чистить» аппарат НКВД, а затем переключился на депортацию целых народов.

Также очень показателен и важен анализ репрессий по нациям за эти два страшных года. Итак, в 1937-1938 годах в Днепродзержинске было осуждено:

Украинцев: 658 (480 расстреляно)
Поляков: 405 (335 расстреляно)
Русских: 138 (94 расстреляно)
Белорусов: 115 (106 расстреляно)
Немцев: 59 (47 расстреляно)
Евреев: 25 (15 расстреляно)
Представителей прочих национальностей: 67 (62 расстреляно)

Из приведенных данных следует, что наибольший удар во время репрессий пришёлся по украинцам. За 1937-1938 годы было «раскрыто» большое количество организаций, подавляющее большинство членов которых был украинцы, что не может быть простым совпадением, но целенаправленным действием. Хотя для ясности картины необходимо учитывать, что в количественном отношении украинцы преобладали над другими нациями. Именно поэтому можно утверждать, что как нация, более других пострадала польская, ведь по самым приблизительным оценкам, в Днепродзержинске поляков проживало в 10 раз меньше, чем украинцев.

НЕМЕЦКИЙ ПРИКАЗ, ТРУДАРМЕЙЦЫ, СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

**«И подошёл Авраам (к Господу) и сказал: неужели Ты погубишь праведного с нечестивым?»
Бытие 18.22.**

«Всех немцев на наших военных, полувоенных и химических заводах, на электростанциях и строительствах, во всех областях всех арестовать». И. Сталин.

С этой записки Сталина, приложенной к протоколу заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 июля 1937 года, собственно говоря, и начинается «немецкая операция» НКВД. Оперативный приказ 00439 был выпущен Ежовым 25 июля 1937 года и в тот же день разослан телеграммами по всем управлениям НКВД. Речь в приказе не ограничивалась только германскими гражданами: «Вновь выявляемых в процессе следствия германских агентов-шпионов, диверсантов и террористов, как из числа советских граждан, так и подданных других государств, немедленно арестовывать, независимо от места их работы». Развитие немецкой «линии» репрессий, в основном, укладывается в «польскую модель»: близки контингенты, подлежащие аресту, совпадают время активизации и продления операций, характер обвинений и способ оформления приговоров, сроки и формы отчетности. Более того, развитие обеих операций с какого-то момента определяется одними и теми же директивами. На 15 декабря 1937 года по всей стране осуждено 5805 человек, из них 85% (4921 человек) – в Украине, еще 11% – в Москве и Ленинграде, при этом две трети репрессированных в УССР приходится на три области – Донецкую (1904 человек), Днепропетровскую (775), и Житомирскую (601). Операция началась в Украине уже в сентябре, а также – несколько позже – в двух крупнейших городах Союза, то есть именно в тех регионах, на которые указывала апрельская директива НКВД.

Подавляющую часть арестованных советских граждан, причисленных к «германским агентам, шпионам, диверсантам и террористам», местные НКВД–УНКВД могли осуждать в «альбомном порядке», не утруждая себя ни созданием видимости «тщательного следствия», ни оформлением целого ряда процессуальных документов.

Одним из осужденных по «немецкому приказу» был Бернгард Антоновича Лисовский, брат всемирно известного каменчанина – графика Роберта Лисовского.

АРХІВНА ДОВІДКА

У фонді «Управління служби безпеки України у Дніпропетровській області» є архівно-слідча справа у відношенні Лісовського Бернарда (Бернгарда) Антоновича, 1898 року народження, уродженця м. Кам'янське (Дніпродзержинськ), німця за національністю, громадянина СРСР, з середньою освітою, позапартійного. На день арешту – керівник групи металу відділу постачання Кам'янхімбуду, м. Дніпродзержинськ, проживав за адресою: м. Дніпропетровськ, вул. Сербська, буд. 20, кв. 2. Був заарештований 23 червня 1937 р. Дніпродзержинським міськвідділом НКВС. Звинувачувався у злочинах, передбачених ст. 54-9-11 КК УРСР, тобто у контрреволюційної диверсійної роботі. Постановою Народного Комісара Внутрішніх Справ СРСР і Прокурора СРСР від 9 вересня 1937 року (протокол №10) Лісовський Бернгард Антонович засуджений до розстрілу. Вирок було приведено до виконання 22 вересня 1937 р. На день арешту членом родини Лісовського Б. А. була дружина Лісовська Анастасія

Михайлівна, 1905 р. народження, домогосподарка [59].

.....

Немецкие шпионы и диверсанты появлялись в списках репрессированных, как из рукава заезжего факира. 3 декабря 1937 года решением НКВД и прокурора СССР был обвинён в шпионаже в пользу Германии и расстрелян Бруновский Виктор Казимирович. Немец по национальности, он родился в польском городе Люблин в 1907 году, был холост, работал машинистом на Днепродзержинском вагоностроительном заводе имени газеты «Правда».

10 ноября 1938 года постановлением тройки УНКВД по Днепропетровской области был обвинён в шпионаже в пользу той же Германии маляр Днепродзержинского вагоностроительного завода имени газеты «Правда» Петерс Павел Францевич. Немец по национальности, женат, имел двоих детей, он был расстрелян через три дня после вынесения приговора.

Как уже было сказано выше, в 1937-1938 годах в Днепродзержинске, в основном по признакам принадлежности к германским агентам, шпионам, диверсантам и террористам было репрессировано 59 лиц немецкой национальности, 47 из которых расстреляны.

ТРУДОВАЯ АРМИЯ

«Когда Господь Бог твой истребит народы, которых землю даёт тебе Господь, и ты вступишь в наследие после них, и поселишься в городах и домах их; тогда отдели себе три города среди земли твоей..., они будут служить убежищем всякому убийце. И вот какой убийца может убежать туда и остаться жив: кто убьёт ближнего своего без намерения, не быв врагом ему вчера и третьего дня. Такой пусть убежит в один из городов тех, чтоб остаться живым, как он не подлежит осуждению на смерть».
Второзаконие 19. 1-10.

Скорей всего, Иосиф Сталин, будучи учеником духовной семинарии, был знаком с этим отрывком из Старого Завета. Но воплотил «отец народов» завет Господний самым жестоким, немилосердным и превратным образом. Признав целые народы преступными, и сожалея лишь о том, что в силу своей многочисленности, они не подлежат «осуждению на смерть», он решил сослать их вглубь бескрайних советских просторов в «города-убежища для случайных убийц».

Так называемая трудармия 1940-х годов – одна из самых трагичных страниц в многовековой истории российских немцев. До середины 50-х годов, когда уцелевшие трудармейцы вместе с остальными немцами СССР существовали в режиме «спецпоселения», советская печать полностью умалчивала не то что о трудармии, но фактически вообще о существовании немецкого населения в нашей стране. Затем, вплоть до провозглашения горбачёвской гласности, в СССР дозволялось писать о трудармейцах исключительно в контексте «самоотверженного труда советских немцев в тылу в годы Великой Отечественной войны». Трудармейская тематика пробила себе путь к читателям лишь в конце 80-х годов. При этом единственным источником таких публикаций служили воспоминания самих трудармейцев. Депортация немецкого населения, начавшаяся в 1941 году, являлась продолжением политики массовых репрессий 30-х годов. В противовес нормам, определенным Конституцией СССР, создавалось, по сути, параллельное законодательство, выражавшееся в противоправных актах гражданских и военных ведомств и касавшееся судеб целых народов. Среди актов,

служивших основанием для применения массовых репрессий к немецкому населению, следует упомянуть, прежде всего, печально знаменитый Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Согласно указу признавалось «...необходимым переселить всё немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землёй, и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах». Однако «государственная помощь по устройству в новых районах» была просто блефом, и большинство переселенцев, не готовые к жизни в Сибири, испытывали огромные материальные и психологические затруднения.

В Сибирь и Казахстан были депортированы также 450.000 граждан немецкой национальности с Украины. Оставшиеся на оккупированной территории немцы были вывезены в Германию. Таким образом была ликвидирована немецкая диаспора в Украине. В 1989 году здесь проживало 37.849 немцев по сравнению с 546.527 в 1939 году. Постановление Государственного Комитета Оборона (ГКО) от 14 февраля 1942 года предусматривало мобилизацию немцев «для использования на строительстве железных дорог». Они считались не осужденными, а «мобилизованными в рабочие колонны». Однако если их реальное положение и отличалось от положения заключённых, то разве что в худшую сторону. НКВД – главный трудармейский «работодатель» – держал на лесоповале и лесосплаве около трети своей дармовой немецкой рабсилы. По воспоминаниям выживших трудармейцев, лесные лагеря НКВД отличала заброшенность в самые глухие места и полная оторванность от внешнего мира, каторжный труд на лесоповале и лесосплаве, губительные условия существования в голоде и холоде и чудовищно высокая смертность. В таких лагерях, как, например, Усольлаг, режим хоронил не просто отдельно взятых ненавистных немцев, но и само будущее народа. И если мы забудем о том, что и как там происходило, то это будет означать, что сталинские палачи, в конечном счете, достигли своей цели. К счастью, в последние годы советские немцы прилагают немало усилий для увековечения памяти десятков тысяч безвинно погибших трудармейцев.

Справка: Усольлаг (Усольский исправительно-трудовой лагерь) был организован 5 февраля 1938 года и имел многочисленные лагпункты, разбросанные по таёжному северу Молотовской (Пермской) области. Управление лагеря находилось в Соликамске. Уже в 1938 году в Усольлаге насчитывалось свыше 10.000 заключенных, а на 1 января 1942 года – более 37.000 (максимальная численность за время его существования). В целом на объектах НКВД, на 1 января 1944 года насчитывалось 106.669 трудармейцев [57].

.....

Адольф Карлович Кремер, бывший председатель немецкого общества в Днепропетровске, испил горькую чашу трудармейца. Он родился первого октября 1923 года в городе Энгельс – столице бывшей автономной республики немцев Поволжья. Закончил семь классов немецкой школы. Родители Адольфа Кремера были родом из Швейцарии, но их всегда считали немцами.

Из автобиографии А. К. Кремера: «22 июня 1941 года началась война, и все ученики мужского пола с 8 класса были мобилизованы в так называемые истребительные батальоны. В конце ноября меня мобилизовали Рыбинским военкоматом в парашютно-десантный полк Ярославской коммунистической дивизии переводчиком. В январе 1942 года был демобилизован, как лицо немецкой национальности, а в конце февраля мобилизован в Волжлаг на строительство железной дороги Свияжск – Ульяновск».

«Меня и отца, 1893 года рождения, – вспоминает Адольф Кремер, – как и тысячи других наших соотечественников, отправили в первый лагерь для немцев – Волжлаг. Привозили туда также румын, болгар, поляков, чехов и представителей других национальностей, которым не доверяли, считая чуть ли не предателями. Мужчин немецкой национальности отправляли в трудлагеря с 17-летнего возраста. В конце 1942 года очередь дошла и до девушек 15 – 16 лет. Волжский лагерь для депортированных советских граждан назывался трудовым, хотя, по сути, являлся типичным концентрационным – с круглосуточной охраной, безжалостными конвоирами, колючей проволокой по периметру и бараками. Зима 1941 – 1942 года была лютой. Лагерники работали на строительстве железной дороги Ульяновск – Свияжск. Отходить от «железки» далее чем на два метра не разрешалось. Охранники стреляли в нарушителей без предупреждения. Рабочий день длился бесконечно долго, людям негде было высушить одежду, обогреться. Шпалы доставали без всякой техники из ледяной воды и тащили их к насыпи. Кожа на морозе лопалась, раны гноились, и в бараках стоял жуткий смрад от гниющих тел. О медицинской помощи и речи не могло быть. Умирали сотнями» [61].

Из автобиографии: «Осенью 1942 года трудмобилизованные под конвоем принимали участие в выборах Верховного Совета СССР. В конце 1943 года меня перевели в Широкустрой МВД станции Свияжск Молотовской (Пермской) области. Здесь пригодилось моё хорошее знание как немецкого, так и русского языков. После поступления сюда контингента девушек-немок с Восточной Пруссии, я работал сменным мастером и инструктором КВЧ при лагере военнопленных».

Справка: В послевоенное время в СССР для ускорения восстановления народного хозяйства широко использовался труд военнопленных, интернированных граждан из побеждённых стран и заключённых трудовых лагерей НКВД. К августу 1945 года на территории Днепропетровской области находилось 32 рабочих батальона, в которых было 24 тысячи интернированных немцев, из которых 2 батальона численностью 3373 военнопленных направлено в Днепродзержинск. В 1946 году Днепродзержинске было сконцентрировано 9360 советских немцев-трудармейцев, в их числе и Адольф Кремер. В 1948 году трудармейцы получили статус спецпереселенцев.

.....

Из автобиографии: «В 1946 году меня переводят в Днепродзержинск в СУ-882. На Украине было резкое отличие от режима в России. Если в России это были концентрационные лагеря с усиленной охраной, то на Украине нас поместили в бараках на площадке азотно-тукового завода. На работу мы, как и немецкие военнопленные, ходили без охраны. СУ-882 МВД СССР восстанавливало азотно-туковый завод и строило Приднепровский химзавод. Основные рабочие, как и инженерно-технический персонал, составляли советские немцы. В 1948 году было окончено строительство ПХЗ, а к 1949 году окончено восстановление АТЗ, и трудармейцев начали переводить на другие стройки. Часть вывозили в товарных вагонах под усиленной охраной в Сибирь и Казахстан на воссоединение с родителями и семьями, находящимися там на спецпоселении. В декабре 1949 года я был вывезен со своей женой-украинкой в г. Абакан Хакасской автономной области Красноярского края. Победа над фашизмом не принесла освобождения репрессированным гражданам немецкой национальности. Больше того, 26.11.1948 года на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР, депортация советских немцев была определена, как «вечная», то есть, без права возвращения в места прежнего места жительства. Самовольный выезд с места спецпоселения карался двадцатью годами каторжных работ. Первое облегчение немцам СССР принёс декрет Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года, который

отменил режим спецпереселений. Депортированным разрешалось покидать места ссылки. Однако вернуться в родные места они всё ещё не могли, не имели права. Поэтому наибольшее количество немецкого населения обосновалось не на местах довоенного поселения, а там, где они работали в качестве трудармейцев. После снятия со спецучёта, я со своей женой вернулся в Днепродзержинск. С 1989 года началась новая эра в немецком общественном движении. Во всех республиках СССР создаются общественные организации советских немцев «Видергебурт». Я стал инициатором Днепропетровской областной и Днепродзержинской городской организации «Видергебурт».

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

**«...неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?»
Книга Иова 2. 10.**

Семья днепродзержинского врача Оскара Карловича Крикента в течение 14 лет познавала все прелести понятия «спецпереселенец». Он происходил из немецкой семьи, глава которой Карл Крикент приехал в Каменское на Днепровский завод в далёком 1890 году. Карл Крикент сумел дать высшее образование всем четверым своим сыновьям. Выпускники Каменской мужской гимназии разных лет, каждый из них оставил выдающийся след в избранном поле деятельности. Старшие Оскар, Рудольф и Альфред получили высшее образование в Одесском медицинском институте и стали врачами. Младший брат Эдмунд, окончил Каменской рабочий техникум и до ареста возглавлял калибровочное бюро Днепровского завода.

В ноябре 1942 года после секретного приказа Сталина о переселении немцев кандидат медицинских наук Оскар Крикент с семьёй (жена, дочь и тёща) был этапирован в Казахстан. Здесь семью разделили: Оскар Крикент зачислен медсанработником в Кизеловскую стройконтору треста «Шахтострой» Молотовской (Пермской) области, а жена, дочь и тёща проживали в городе Петропавловске Северо-Казахстанской области.

Из воспоминаний о Казахстане Ольги Оскаровны Мясоед (Крикент), дочери Оскара Карловича Крикента:

«Мои самые первые воспоминания детства: очень холодная зима, мы с бабушкой лежим под одеялом. Скоро должен приехать папа. У всех детей папы в армии, а мой – в трудармии». Мы жили среди ссыльных. Моя мама, Мария Маврикиевна Островская-Киянец, заразилась брюшным тифом на эпидемии, вспыхнувшей среди чеченцев или ингушей, которых привезли в эшелоне».

Именно тяжёлая болезнь матери-врача, заработанная при ликвидации эпидемии, послужила причиной воссоединения семьи. Оскар Крикент стал обращаться с ходатайствами в управление НКВД Северо-Казахстанской области, которые, в конце концов, были удовлетворены.

Управление НКВД Северо-Казахстанской области

Отдел Спец-Поселений

14/Х-1944 г. 1-22/1510

г. Петропавловск

Начальнику Тресткизелшахтостроя
Молотовской обл. т. Звоницкому г. Кизел

Ввиду сложившегося крайне тяжёлого положения у спецпереселенца Крикент Оскара Карловича /жена после сыпного тифа заболела тяжёлым психозом и находится в психбольнице, трехлетняя дочь осталась без родителей/. Просим освободить Крикент О. К. от работы у Вас и направить в наше распоряжение.

Зам. Начальника УНКВД Сев. Каз. Обл.

Парфёнов

Начальник ОСП УНКВД Сев. Каз. Обл.

Майор госбезопасности

Прокопов

Виза: Нач. Кизел. Стр. Конторы – не возражаю отпустить.

.....

Так Оскар Карлович Крикент оказался в Петропавловске. Но помочь жене было уже невозможно – Мария Маврикиевна умерла, не дождавшись приезда мужа. Умерла и тёща Леонтина Рудольфовна Островская-Киянец.

«Папа вернулся из трудармии совершенно больной, без зубов, опухший от голода. В письмах он просил маму: «Маруся, пришли мешок овса». Папа никогда ни словом не обмолвился о пребывании в трудармии. Зато Адель Альфонсовна Брейте рассказывала много и охотно. В Каменском семья Брейте проживала рядом с Крикентами, по Банному спуску, соответственно в домах №4 и №3. Поэтому Адель Альфонсовна говорила: «Мы с Оскаром Карловичем знаем друг друга с детства».

После приказа о спецпереселении, Адель Альфонсовна Брейте очутилась в Северном Казахстане вместе со своим мужем Терёшиным Иваном Дмитриевичем и племянницей Лили Нейбрандт. Оба близких Адели Брейте человека умерли в один 1944 год: Иван Терёшин от заворота кишок, а Лили Нейбрандт от туберкулёза гортани. И по невообразимой предопределённости судеб, линии жизни Оскара Крикента и Адели Брейте, знавших друг друга с детства, соединились за тысячи километров от Каменского на какой-то станции Булаево Северо-Казахстанской железной дороги.

2 октября 1945 года бюро ЗАГС Северо-Казахстанской области станции Булаево был зарегистрирован брак между спецпереселенцами Оскаром Крикент и Адель Брейте. Затем ещё были Петропавловск и Семипалатинск, где супруги Крикент преподавали в местном медицинском училище. В Днепропетровск семья Крикент вернулась лишь в сентябре 1955 года.

«Сейчас, за давностью лет, я не могу утверждать, но мне кажется, что мои родители не знали, почему их сослали – сами они считали, только из-за национальности. Им не разрешали уехать. Где бы ни открывался мединститут, они отправляли документы на конкурс, но неизменно приходил отказ. Мои родители не были наивными людьми, они осознавали, что с ними поступили несправедливо. Но, несмотря ни на какие испытания, они были преданы Советской власти. Как выходцы из рабочей среды, они твёрдо верили, что это – их власть, власть рабочих. Я никогда не слышала ни от родителей, ни от братьев моего отца хоть один упрек в адрес Советской власти. Мой папа очень сдержанно говорил: «Были ошибки» [58].

Послесловие: Спецпереселенцы, то есть, люди, насильно вывезенные в восточные и северные районы СССР, до сих пор не приравнены к пострадавшим от Советской власти и жертвами политических репрессий не считаются.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

«...а вы все, могущие сражаться, вооружившись, идите пред братьями вашими и помогайте им».
Книга Иисуса Навина 1. 14.

Для днепродзержинцев война началась 22 июня 1941 года в 12 часов дня. По радио выступил глава Советского правительства, нарком и министр иностранных дел В. Молотов с сообщением о вероломном нападении Германии на Советский Союз. Днепродзержинск перешёл на военное положение. Из работников милиции, НКВД и партийно-комсомольского актива предприятий образуется истребительный батальон под общими командованием начальника горотдела милиции и военного коменданта города капитана Ф. Ковалёва. Задача батальона: борьба с диверсантами и паникёрами; охрана военных объектов; поддержание порядка в городе.

В последней инстанции поддержание порядка в городе, а также борьбу с диверсантами и паникёрами осуществляли суды военного времени. Приговоры выносились Днепропетровским областным судом и Военным трибуналом войск НКВД Днепропетровской области. Первыми днепродзержинцами, попавшими под каток репрессий военного времени, стали Ю. Гаева, П. Караван и М. Пилат. Приговором Военного трибунала войск НКВД от 7 июля 1941 года они были обвинены в распространении антисоветских листовок и осуждены к 10 годам ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей) каждая. Но кто будет разбираться в этой каше отступления – виноват, не виноват?

- 1) Гаева Юзефа Францевна, 1908 года рождения. Польшка, из селян, беспартийная, малограмотная, замужем. Рабочая домноремонтного цеха завода им. Дзержинского.
- 2) Караван Парасковия Андреевна, 1878 года рождения. Украинка, из селян, беспартийная, неграмотная, домохозяйка.
- 3) Пилат Матрона Александровна, 1896 года рождения. Украинка, из селян, беспартийная, малограмотная, домохозяйка, замужем.

Основными обвинениями, по которым были осуждены днепродзержинцы за период от начала войны и до оккупации города являлись следующие: контрреволюционная и антисоветская агитация, контрреволюционная пораженческая агитация, контрреволюционные террористические высказывания, антисоветская деятельность и антисоветские высказывания.

Всего за этот период было репрессировано 39 жителей города.

К примеру, воспитательница детских ясель Елена Полторацкая 7 июля 1941 года поплатилась десятью годами свободы за «контрреволюционные террористические высказывания». 17 июля 1941 года по обвинению в контрреволюционной агитации расстрелян 37-летний Кострица Никита Филиппович. Украинец, из селян, беспартийный, образование начальное, он проживал с женой и тремя детьми в селе Куриловка, работал на заводе имени Дзержинского.

Маляр днепродзержинского управления «Союзтеплострой» Бруно Фибигер, немец по национальности, по приговору Военного трибунала войск НКВД Днепропетровской области от 30 июля 1941 года был обвинён в антисоветской деятельности и расстрелян.

Также за антисоветские высказывания расстрелян житель Днепродзержинска Собрига-Зубрич Дмитрий Иванович, 1890 года рождения. 31 июля 1941 года он был осужден к высшей мере наказания приговором Военного трибунала войск НКВД Днепропетровской области. Заведующий бюро изобретательства и рационализации днепродзержинского жестекатального завода, член партии Вячеслав Журавлёв 31 июля 1941 гнода был обвинён Военным трибуналом войск НКВД Днепропетровской области в контрреволюционной агитации и заключён на 10 лет в ИТЛ. Председатель днепродзержинской артели «Фототруд» Яков Литвинов по приговору того же Военного трибунала войск НКВД от 2 августа 1941 года был обвинён в контрреволюционной пораженческой агитации и расстрелян.

Но случались и курьёзы. По приговору Днепропетровского облсуда от 9 июля 1941 года осужден к 6 годам лишения свободы слесарь завода имени Дзержинского Г. Шишкин, 1909 года рождения. Георгий Иванович был обвинён в том, що его жалоба, направленная прокурору, содержала в себе антисоветскую клевету. Вот уж пожаловался!

.....

Когда фронт почти приблизился к городу, заводские объекты, имеющие большое значение, но не подлежащие эвакуации, начались подрываться сапёрами. С 12-го августа через Днепродзержинск пошли отступающие части Красной Армии. Однако Военный трибунал войск НКВД и областной суд продолжали исправно выносить приговоры.

13 августа 1941 года приговором Военного трибунала войск НКВД Днепропетровской области были обвинены в контрреволюционной агитации и осуждены к 10 годам ИТЛ грузчик Днепродзержинского коксохимического завода им. Орджоникидзе Гресс Кирилл Фёдорович и закройщик днепродзержинского ателье индпошива Нестеров Василий Илларионович. 17 августа по той же статье Военным трибуналом войск НКВД осужден к 10 годам лагерей сторож завода имени Дзержинского Баршак Григорий Максимович.

18 августа 1941 года последний эшелон с оборудованием, специалистами и начальством покинул город. В начале двадцатых чисел августа бои уже велись на подступах к городу и его околицам; гитлеровцы захватили Воскобойню и Аулы. Однако даже в то время продолжалась работа суда и трибунала. Кажется невероятным, но 22 августа 1941 года, когда первые регулярные немецкие части вступали в Днепродзержинск, Днепропетровский областной суд выносил приговор пяти днепродзержинцам, обвиняя их в участии в антисоветской религиозной общине, и на том основании все они были расстреляны!

- 1) Борисов Александр Дмитриевич, 1893 г.
Украинец, из рабочих, образование начальное, беспартийный, без определённого места работы, женат, 4 детей.
- 2) Балашов Григорий Васильевич, 1902 г.
Украинец, из селян, беспартийный, образование начальное, женат, рабочий завода им. Дзержинского.
- 3) Горбач Яков Степанович, 1917 г.
Украинец, из селян, беспартийный, образование начальное, неженат, рабочий завода им. Дзержинского.
- 4) Гамзин Георгий Иванович, 1892 г.

Русский, из селян, беспартийный, образование начальное, женат, рабочий стройконторы Днепродзержинского горкомунхоза.

5) Олифер Феодосия Ивановна, 1872 г.

Украинка, из селян, беспартийная, образование начальное, домохозяйка, замужем, 5 детей [96].

.....

Да, участие в религиозной общине каралось смертью наравне с изменой Родине и шпионско-диверсионной деятельностью. И как было крайне важно успеть покарать верующих именно в день вступления фашистов в Днепродзержинск! Ведь немецко-фашистские захватчики могли бы их освободить.

.....

Однако и будучи призванным в армию, нельзя было чувствовать себя спокойным. Здесь военнотружущего могла достать не только вражеская пуля.

Писарь 4-го эскадрона 134-го кавказского полка 28 кавалерийской дивизии Степан Ермак, родившийся в Каменском в 1902 году, был обвинён 8 сентября 1941 года военным трибуналом 28 кавалерийской дивизии в антисоветской пораженческой агитации и расстрелян.

Василий Скоренко, родившийся в Каменском в 1910 году, будучи красноармейцем 6-го отдельного запасного сапёрного батальона (ЗСП) 11-й запасной стрелеческой бригады, Военным трибуналом ЗСП был обвинён 3 октября 1941 года в антисоветской агитации и приговорён к расстрелу. На счастье В. Скоренко Военный трибунал Орловского военного округа 17 октября 1941 года заменил расстрел десятью годами заключения в лагерь.

Уроженец Каменского Анатолий Якименко, красноармеец Черноморского флотского экипажа ВМФ, был приговорен Военным трибуналом Главной базы Черноморского Флота от 24 апреля 1942 года к пяти годам лагерей за найденную у него листовку-пропуск для сдачи в фашистский плен.

Аналогичная ситуация складывалась и для днепродзержинцев, волею судеб оказавшихся в эвакуации.

Так, Иван Скобайло до эвакуации работавший монтажником Баглейского коксохимзавода приговором Военного трибунала войск НКВД Новосибирской области от 27 октября 1941 года был осужден к высшей мере наказания за контрреволюционную агитацию. На его счастье, Военная коллегия Верховного Суда СССР 24 ноября 1941 года заменила расстрел заключением в ИТЛ сроком на 10 лет. Вернулся ли Иван Васильевич Скобайло из лагерей?

Начальник бессемеровского цеха завода имени Дзержинского Славиковский Пётр Адольфович, вместе с женой и двумя детьми был эвакуирован в Нижний Тагил. Здесь 11 декабря 1941 года по постановлению Особого совещания НКВД СССР его обвинили в участии в антисоветской организации и приговорили к 10 годам лагерей. Собственно говоря, ещё в 1938 году, П. Славиковского обвинили в участии в контрреволюционной «Польской организации войсковой», однако чудом он не был репрессирован. Что ж, его достали в эвакуации! А бывший работник днепродзержинского горсовета Терещенко Алексей Назарович постановлением Военного трибунала войск НКВД Западно-Сибирского округа от 11 марта 1942 года был обвинён в контрреволюционной агитации и осужден к 7 годам

лагерей. Воистину, уж лучше бы они не эвакуировались, а остались под немцами! И эти примеры можно продолжать.

.....

Во время оккупации город Днепродзержинск, которому немецкие власти сразу же вернули историческое название Каменское, вошёл в генеральный округ «Днепропетровск», один из шести генеральных округов, составлявших рейхскомиссариат «Украина». Рейхскомиссаром Украины был назначен Эрих Кох. Для управления рейхскомиссариатом функционировал огромный административный аппарат. Параллельно и фактически ни от кого не зависящей структурой являлись органы СС. Им подчинялись зондеркоманды, айнзацкоманды и айнзацгруппы СД, которые проводили массовые убийства, а также весь полицейский аппарат.

На улицах – патрули. Введен комендантский («заборонний») час. С девяти вечера (в зимнее время с восьми) до пяти утра передвижение по городу возможно лишь по специальным пропускам полиции. За нарушение комендантского часа грозила тюрьма с принудительной отработкой. Высшим лицом оккупационного режима являлся военный комендант города, в подчинении которого находилась ортскомендатура. Вспомогательным органом самоуправления, действовавшим по указанию немецкой комендатуры, была городская управа. «Новый порядок» в городе также поддерживали гестапо, украинская тайная и украинская добровольная полиция. Разумеется, ни о каком судопроизводстве не могло быть и речи. Порядок держался исключительно на вооружённой силе и угрозе наказания за малейший факт воровства или неповиновения властям (вплоть до повешения). Начальником службы безопасности (гестапо) Каменского района Днепропетровской области был обершарфюрер СД Вильгельм Геллерфорт.

Однако в самой Германии даже в условиях военного времени продолжали действовать суды. Они занимались делами не только, собственно, немцев, но и остарбайтеров, военнопленных и других категорий лиц, заподозренных в противодействиях рейху. В их числе были и наши земляки.

ДЕЛО ГЕНЕРАЛА ИВАНА ШЕПЕТОВА

«...весьма близко к тебе слово сие; оно в устах твоих и в сердце твоём, чтобы исполнить его».

Второзаконие 30. 14.

Судьба Ивана Михайловича Шепетова прекрасна и трагична. Украинец, родом из Каменского, он родился 11 июля 1902 года. Его отец, Михаил Иосифович Шепетов, кочегар центрального котельного отделения Днепровского завода, 26 апреля 1916 года погиб на заводе от несчастного случая в возрасте 57 лет. Иван Шепетов также начал свою трудовую деятельность на Днепровском заводе, где работал токарем. С 1918 года участвовал в гражданской войне, затем кончил пехотные курсы, кавалерийскую школу, военно-политические курсы, а в 1934 году Военную Академию им. М. В. Фрунзе.

С первых дней Великой Отечественной войны он на фронте, командовал 96-й Винницкой горнострелковой дивизией (18-я армия, Южный фронт). Дивизия в конце июля и начале августа 1941 года вела бои на территории Кировоградской области. За блестяще проведенные бои у Голованевска и Первомайска, за прорыв немецкого окружения 15 августа на станции

Грейгово у города Николаева И. М. Шепетову было присвоено звание Героя Советского Союза. В боях за родную Украину генерал Шепетов показал образцы умения организовать бой, образцы отваги и находчивости. За прорыв 8 октября 1941 года немецкого окружения у Белоцерковки и Темрюка севернее Мелитополя, за прорыв 20 ноября 1941 года немецкой обороны во время наступления под Ростовом, дивизия была преобразована в 14-ю гвардейскую Винницкую стрелковую дивизию. Это была первая и единственная гвардейская дивизия на Южном фронте и в Украине, а генерал Шепетов – наиболее яркая фигура среди советских военачальников первого периода войны.

В мае 1942 года 14-я гвардейская дивизия в трагическом сражении южнее Харькова попала в так называемый Барвенковский котёл. После тяжелых, кровопролитных боёв наши армии оказались окружены и разбиты. Потери были огромны. Генерал Шепетов, будучи заместителем командующего 57-й армией, организует оборону на участке Лозовая – Рождественка. Войска под его руководством упорно сражаются, отбивая яростные атаки нескольких немецких дивизий.

Об этих боях в окружении не существует почти никаких наших документов. Есть только воспоминания ветеранов дивизии, участников тех боёв, которым удалось выскользнуть из вражеского кольца. Тем более ценным и бесспорным является свидетельство врага. Вот, что немецкое командование говорит о 14-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора И.М.Шепетова, а значит и о нём самом.

Из докладов немецкого Верховного Главнокомандования о положении на Юге. Май 1942 года.

« 21 мая. ...100-я пехотная дивизия и части 16-й танковой дивизии после уничтожения частей русской гвардейской дивизии, стоящей южнее Мечебиловки, достигли шоссе у Рождественки.

22 мая. ...Продвижение моторизованных дивизий между Мечебиловкой и Рождественкой остановлено сильными вражескими атаками.

23 мая. ...60-я моторизованная дивизия, наступающая на запад, остановлена у Рождественки сильным противником. Там ещё идут бои...»

Утром 21 мая на подступах к Верхней Андреевке дивизию атаковали 80 танков врага, поддержанных пехотой и авиацией. Было подбито 6 танков, но частям пришлось отойти к селу Приволье. 22 мая во всех частях был зачитан приказ генерала Шепетова драться за каждую пядь советской земли и дорого отдать свою жизнь. 23 мая, словно предчувствуя трагический исход сражения, Шепетов отправил гвардейское Знамя дивизии в тыл за реку Донец. Знамя удалось спасти. Это значило, что дивизия будет сохранена и восстановлена при любом повороте событий. Таким было старое военное правило.

Лишь 26 мая войска 57-й армии получили запоздалый приказ на выход из окружения. При прорыве у села Ивановка генерал Шепетов был контужен разрывом снаряда, ранен и в тяжёлом состоянии попал в плен. Немецкая армия одержала блестящую победу. Она разгромила войска Южного и Юго-Западного фронтов и вновь поднялась на вершину своей военной славы, это было повторение 1941 года. Победа под Харьковом позволила немцам почти беспрепятственно дойти до Волги и Сталинграда, выйти в предгорья Кавказа и водрузить свой флаг на Эльбрусе.

Больше месяца генерала Шепетова лечили в немецком госпитале в крепости Летцен, после

чего, в июле 1942 года, отправили в офицерский лагерь военнопленных Офлаг (Oflag 52) в Хаммельбурге, где его сфотографировали. Это оказалась последняя прижизненная фотография Ивана Михайловича Шепетова. На карточке военнопленного Ивана Шепетова № 1646/52 запись: «Командир 14-й гвардейской дивизии, заместитель командующего 57 армией».

Генерал был твёрд духом и уверен в окончательной победе Красной армии. Об этом говорил всем и везде. За непримиримую и активную позицию, за открытую агитацию против нацистов он был арестован гестапо 18 декабря 1942 года. Его выдал один из военнопленных, перешедших на службу к фашистам.

«В сентябре 1942 года Шатов заявил, что руководству «РТНП» в работе противодействуют пленные генералы Тонконогов, Тхор, Шепетов и полковники Продимов и Новодаров. При этом Шатов уточнил, что о сказанном он докладывал немецкому коменданту лагеря и предложил Наумову написать на указанных лиц дополнительный донос, что и было им исполнено. Вскоре комендант лагеря полковник СС Пелет вызвал его к себе и подтвердил информацию. Пелет обещал расправиться с Шепетовым и другими указанными лицами» [50].

Справка: РТНП – Русская Народная Трудовая Партия. Шатов – подполковник, начальник артснабжения СКВО. Перешёл к немцам в октябре 1941 года, председатель Русской Народной Трудовой Партии в Хаммельбурге. Наумов – генерал майор, командир 13-й стрелковой дивизии. Активный помощник Шатова и немецкой администрации лагеря. Оба повешены в 1946 году.

.....

Комендант лагеря в Хаммельбурге полковник СС Пелет сдержал слово. В декабре 1942 года генерала отправили в тюрьму Нюрнберга, где в камере №42 Иван Шепетов пробыл 17 дней в ожидании суда. Суд был скор, неумолим и очевиден в своём исходе: за противодействие немецким властям пленный генерал Иван Шепетов получил статус политзаключённого и направлялся в концлагерь смерти СС Флоссенбург.

Во Флоссенбург Шепетова в составе группы из 10 заключённых привезли 5 января 1943 года. Об этом свидетельствует «Список группы заключённых, привезённых из Нюрнбергской тюрьмы в концлагерь Флоссенбург».

«Шепетов Иван, Офлаг Хаммельбург. Дата рождения 11.7.02.

Прибыл 5.1.43 в 6:00. Место назначения – Флоссенбург.

Подпись Шепетова. Количество дней в Нюрнбергской тюрьме – 17».

Справка: Концлагерь СС во Флоссенбурге был создан в мае 1938 года как штрафной для политзаключённых и активных противников гитлеровского режима, не подлежащих перевоспитанию. Это был каторжный концлагерь, самый жестокий и свирепый концлагерь СС. Через лагерь прошло 100 тысяч пленников из 22-х стран, 30 тысяч были убиты. Из них 26.430 человек советских военнопленных и семь генералов.

.....

В отдельном бараке («шонунге») было 40 камер, так называемых «одинок». Там содержали особо опасных узников в самых жутких условиях. Во дворе этого барака было убито более тысячи заключённых. Среди них участники заговора против Гитлера: шеф военной разведки адмирал В. Канарис, пастор Д. Бонхеффер, начальник штаба Абвера генерал-майор Х. Остер. Но большинство погибших из этой тысячи остались неизвестными. Именно здесь в январе

1943 года был убит генерал И. М. Шепетов. Убит в расцвете сил – ему был 41 год.

Справка: Об подробностях убийства И. М. Шепетова и той тысячи, что прошла через «Шонунг», нет никаких сведений. Всё происходило по ночам и тайно. Можно лишь предположить, что это был расстрел. У большинства убитых в лагере дата смерти зафиксирована.

.....

Позже, в 1944 году, гитлеровцы использовали награды Героя Советского Союза генерала Шепетова. Войну боевыми действиями выиграть было уже невозможно, и Абвер спланировал спецоперацию. В диверсионной команде «Цеппелин» прошла спешная подготовка покушения на Сталина. 5 сентября 1944 года 4-х моторный самолёт «Арадо-332» доставил в район Смоленска снаряжение и диверсанта, который должен был осуществить эту акцию. Для большей убедительности немцы сделали его Героем Советского Союза и снабдили Золотой Звездой и орденом Ленина, принадлежавшими погибшему генералу И. М. Шепетову. (Золотая звезда № 565, орден Ленина №7616). Однако операция закончилась провалом, и диверсант был арестован.

Концлагерь Флоссенбург был освобождён американской армией 23 апреля 1945 года. Все документы были вывезены в США и хранятся в библиотеке Конгресса [51].

Флоссенбург – земля святая,
Кровь и пепел под ногами.
Души умерших витают,
Разговаривая с нами.

(Юрий Шепетов «Флоссенбург – земля святая»)

ГАЛИНА РОМАНОВА

«...и брызнула кровь её на стену».
4-я книга Царств 9. 33.

Краеведческие биографические источники по Галине Фёдоровне Романовой противоречивы. Она родилась 25 октября 1918 года в селе Романково, где была и окрещена в местной церкви. Её отец и дед работали кузнецами на Днепровском заводе. После семи лет учёбы в 30-й школе Галина Романова занималась в медицинском училище, а затем в Днепропетровском медицинском институте (ДМИ). Десятого июня 1937 года постановлением НКВД и Прокурора СССР её отца Фёдора Петровича Романова обвинили в принадлежности к контрреволюционной организации и расстреляли, но о его судьбе родным ничего не сообщили. Саму же Галину Романову, как «дочь врага народа», исключили из комсомола, но, к счастью, не из медицинского института. Когда началась война, ДМИ в августе 1941 года был эвакуирован в Ставрополь, а оттуда в Фергану. К тому времени Галина Романова перешла на пятый курс обучения.

В оккупированном Днепропетровске согласно распоряжению Генерального комиссара города Келлера продолжали функционировать некоторые учебные заведения, в том числе Государственный университет (ректор И. Розгин). 24 января 1942 года отдел здравоохранения областной управы направил декану медицинского факультета В.

Архангельскому письмо, которым разрешалось продолжать занятия на выпускном курсе «как исключение, вследствие большого недостатка во врачах в Днепропетровске» [72]. С 29 января занятия там возобновились, и были назначены выпускные экзамены с 15 мая по 15 июня 1942 года. Однако прицел оккупационных властей был гораздо дальше, нежели ликвидировать большой «недостаток во врачах в Днепропетровске».

Галина Романова продолжила образование на медицинском факультете университета, который был самым многочисленным во всём учебном заведении. Вместе с фармацевтическим отделом здесь насчитывалось 25 кафедр и 52 сотрудника. Кафедры вели обходы больных вместе со студентами, давали консультации практикантам, сотрудники занимались текущей клинической работой, готовили учебные планы, программы, препараты. Однако качество обучения было на порядок ниже предвоенного. Некоторыми учёными, получившими учёную степень ещё при советской власти, велась разработка тем по заданию военных немецких властей [72]. О пребывании на учёбе в университете Галина Романова получила соответствующую справку [52].

ДОВІДКА

Дана студенту V-курсу медичного факультету Дніпропетровського Державного Університету Романової Г. Ф. в тому, що згідно розпорядження Генерального комісара м.

Дніпропетровська, він проводить нормальні навчання до закінчення курсу навчання та державних іспитів.

Дійсно по 1 января 1942 р.

Секретар факультету: /Неустроева/

.....

Не только в Днепропетровске, но и во многих городах Украины, продолжали функционировать учебные заведения, в которых готовили специалистов-медиков. (В частности, в оккупированном Каменском была также открыта фельдшерско-акушерская школа). Это объяснялось не стремлением захватчиков заботиться о здоровье украинского народа, но совсем иными причинами. В Германию в массовом порядке стали прибывать люди из оккупированных стран Европы. Одни в качестве военнопленных, размещаемых в концлагерях, другие – для работы в трудовых лагерях и сельском хозяйстве (на начальном этапе войны они приезжали добровольно, затем – принудительно). Для огромного количества рабочей силы требовалось и немало врачей. Поэтому, чтобы не утруждать немецких докторов возиться с больными «остарбайтерами» (в буквальном смысле «восточными рабочими»), в Германию завозились медики из Украины. Выезд, в прямом смысле этого слова, был «добровольно-принудительный». Студенты прекрасно знали, что их готовят для работы в Германии и сознательно шли на этот шаг. Однако после окончания учёбы они уже были обязаны отбывать трудовую повинность на территории Третьего Рейха.

После успешной сдачи выпускных экзаменов Галина Романова получила диплом врача. И уже первого июля 1942 года в составе группы врачей-выпускников Днепропетровского университета и иных медиков в количестве 125 человек прибыла в Германию. Вначале прибывшие провели месяц в Йенском университете, где проходили определённую практику и адаптацию к работе в новых условиях. Здесь их учили, как по немецким правилам нужно выписывать рецепты, делать уколы, работать с медицинским оборудованием и так далее [68]. После окончания практики Галину Романову назначили лагерным врачом в Берлине, а затем распределили в городок Вильдау. Жизненные обстоятельства и условия работы складывались для Галины Романовой хорошо. Она жила на квартире у немецкой хозяйки, на службе лечила рабочих, прибывших на заводы Вильдау из разных стран Европы, имела и свободное время.

И хотя она очень скучала по своим родным и близким, однако Галину утешала мысль, что её мама, Ирина Павловна Романова, получает материальную помощь от немецких властей.

Известно, что отбывание трудовой повинности в Германии или Австрии (согласно постановлению имперского рейхсминистра) оплачивалось по урегулированному тарифу на общих рабочих условиях с обязательным предоставлением дней отдыха. А оставшиеся престарелые родители выехавших в Германию детей на первых этапах войны получали государственную дотацию, что существенно облегчало их существование в условиях оккупации.

Из письма Галины Романовой в Каменское из Вильдау

Wildau 22/X-42

Здравствуйтесь, мои дорогие, родненькие мамочка и бабушка. Сегодня имею счастье послать Вам письмо и сообщить, что я жива и здравствую. Дорогая мамусечка, живу я по-прежнему хорошо. Работы сейчас больше, так как к нашему полку всё прибывает. Только два дня как приехали женщины, ... мне ещё лучше работать. Мамочка, живу пока у своей прекрасной хозяйки, с которой в очень хороших отношениях... Мамусенька, как я рада, что Вы получаете помощь, это меня немножко успокоило, а то я думала, как Вам одной трудно. Дорогая мамочка, погоды здесь сырые и холодные, очень жалко, что не взяла зимнего пальто и бот. Мамочка и все друзья, пишите по адресу Военного для меня в Днепропетровск, это будет для меня быстрее. Нэлочка, если будет в Днепропетровске, пусть зайдёт к нему и спросит, может ли он выслать боты и т.д. Ему легче. Всё свободное время провожу со своей Ириной и её семьёй, посещаю в кино, бываю в театре. Убедительно прошу, за меня не волнуйтесь, берегите себя для меня и нас. Целую Вас и бабушку крепко. Привет всем друзьям и знакомым (Нэлочке, Любочке, Танечке, тётям, дядям, Тамаре, всему двору). Пишите почаще.

Ваша Галочка

Фотографию Мани получила, очень рада. Посылала Вам фото, одна сфотографировалась. Получили?

.....

Но долго жить на квартире немецкой хозяйки, с которой у Галины Романовой сложились такие прекрасные отношения, не пришлось. В декабре 1942 года её перевели в Ораниенбург. Там на военных предприятиях работали люди, преимущественно молодёжь, из Советского Союза, Чехословакии, Франции, Бельгии, Голландии. Ораниенбург – провинциальный немецкий городок, в шестидесяти километрах от Берлина, во время войны стал городом важных военных объектов, а также трудовых лагерей.

Будучи врачом, Галина Романова имела возможность свободного перемещения из лагеря в лагерь и даже в Берлин за лекарствами. Здесь она убедилась, как нелегко складывалась судьба многих «остарбайтеров», которые поддались на призывы уехать в «прекрасную Германию». Молодой врач делала всё, чтобы облегчить страдания людей, занятых на предприятиях военных заводов и химической промышленности. Она боролась не только с болезнями, но и апатией среди молодёжи, вселяя в них бодрость духа. Хотя её собственные весточки на Родину уже не пышут прежним оптимизмом.

Из письма Галины Романовой в Каменское из Ораниенбурга

г. Ораниенбург 15.III-43

Здравствуйтесь, дорогие и единственные в целом мире – моя любимая мамочка, бабушка и дорогой друг Нэлочка. Я очень счастлива, что получаю от Вас письма и думаю, что теперь

буду получать ещё чаще. Вы, конечно, не будете лениться. Нэлочка, это касается тебя. Я очень рада, что Вы живёте ещё на старых местах, а как хочется побыть с Вами хоть минуточку, взглянуть на Вас, на нашу природу – почувствовать весну, которой здесь почти нет, увидеть ручейки и солнышко, которое у нас иначе греет, ласкает. Увидеть нашу грязь с ручейками... ух. У нас здесь погода меняется несколько раз на день – утром холодно, сыро. Днём тепло, а вечером опять холодно. Нет, мамочка, теплоты нашей. Но такая погода (без грязи, тепла) – это весна уже больше месяца. Здесь уже засевают и сажают. Земля здесь больше глинозём. Работаю я на старом месте, уже свыклась. Люди здесь хорошие – чувствую себя хорошо, не болею. Позавчера получила карточки на одежду – только, конечно, названия [52].

.....

Сейчас уже нелегко установить, что подтолкнуло Галину Романову стать членом подпольной антифашистской организации «Интернациональный союз». Коренное изменение в ходе Второй мировой войны после разгрома немецких войск под Сталинградом, несомненно, послужило мощным стимулом для такого шага: Восточный фронт неуклонно перемещался в западном направлении. По некоторым источникам Галина Романова «присоединилась к нелегальной антифашистской группе, которую возглавлял староста лагеря фирмы «Шварцкопф» военнопленный Николай Романенко» [71]. В мае 1943 года Николай Романенко устроил встречу Галины Романовой с организатором «Интернационального союза» Константином Задкевичем, после чего между ними установилось тесное взаимодействие. Задкевич указывал, что положение войны таково, что большевизм скоро придёт в Германию, и нужно быть к этому готовыми. В свою очередь Задкевич свёл Галину Романову с доцентом медицинского факультета Берлинского университета Георгом Гросскуртом, входившим в состав нелегальной немецкой организации «Европейский союз». Георг Гросскурт читал лекции в университете Иены для прибывших врачей из Восточной Европы и вызывал доверие Галины Романовой [68].

Инициатором и создателем подпольной организации «Интернациональный союз» согласно Обвинительному заключению главного имперского прокурора при Берлинском трибунале является выходец из России, берлинский химик Константин Задкевич [78]. После провала подполья в одном из показаний в период расследования Задкевич заявил, что его побудило к подобной деятельности то, что он «опять почувствовал себя русским».

Константин Задкевич, занимая хорошо оплачиваемое место химика при фирме доктора Шнебеля в Берлине, находился под впечатлением военных побед Советского Союза. И уже с конца 1942 года пытался установить контакт с возникшими нелегальными группами. В этом ему помогло знание французского, чешского и русского языков. В течение 1943 года Задкевич создал французскую и советскую группы, каждая из которых работала под его руководством. Кроме того, он и часть членов его группы, вступили в контакт с организацией «Европейский Союз», созданный подданными Германского рейха.

Трудно со всей определенностью судить о практической деятельности «Интернационального союза». Группа ставила перед собой задачу передачи сведений военного характера в Советский Союз и Францию, а также организации вооружённого восстания при подходе советских войск к Берлину. Этим намерениям не суждено было сбыться, но главное, что люди разных судеб, национальностей и устремлений в час смертельной опасности нашли общий язык – язык борьбы с фашизмом.

«Интернациональный союз» существовал с апреля 1943 по октябрь 1944 года. На одном из совещаний подпольщики решили связаться с правительствами Советского Союза и

борющейся Франции. В руках «Интернационального союза» скопилось много сведений, представляющих военную тайну, касающуюся расположения и количества военных заводов и лагерей Берлинского района. Были подготовлены зашифрованные письма-обращения. От советской группы их составляли Романенко, Романова, Занчаровский и Калениченко. От французов – Жан Кошон и Владимир Бойслер (Буаселье). Всё это должен был передать через Стокгольм советскому и французскому представителю швед Гульбринг. Администратора отеля «Бристоль» Этьена Эллиса Гульбринга привлёк к сотрудничеству в союзе чех Рудольф Темер, работавший регистратором в том же отеле. Константин Задкевич должен был вручить заготовленные документы Гульбрингу, который собирался выехать в Стокгольм. Но встреча не состоялась. Гестапо переиграло подпольщиков, и 4 октября 1943 года Задкевич был задержан с поличным. На допросе Задкевич назвал имена. Через день 6 октября 1943 года были арестованы практически все члены организации, и среди них Галина Романова. Её поместили в тюрьму Бранденбурга – Герден, где Галина находилась под следствием. Берлинский гестаповский чин, инспектор по уголовным делам Габекер после расследования дела решил передать его в трибунал.

О том, что произошло дальше, свидетельствует обвинительный акт главного имперского прокурора Лаутца, оглашённый в первом сенате при Берлинском трибунале от 18 февраля 1944 года. Арестованные обвинялись по шести параграфам Германского Уголовного Кодекса. На 29 страницах машинописного текста рассказывается о деятельности антигитлеровской организации, в составе которой была «русский врач Галина Романова».

«ДЕЛО №1241-43 ПО ОБВИНЕНИЮ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЕ»

(краткие выдержки из обвинительного заключения)

Обвиняемые Задкевич, Бойслер, Кошон, Романенко, Романова, Хомлов, Зозуля, Лесик и Занчаровский в 1943 году под руководством Задкевича создали враждебную империи организацию, состоящую из группы французских рабочих и группы украинских «остарбайтер» целью которой было подорвать Германию изнутри и тем самым помочь врагам рейха добиться победы. Они часто собирались на собрания, на которых обсуждалось военное и политическое положение во враждебном Германии духе, и эти сообщения распространялись в лагерях, где они находились. Кроме того, обвиняемые сотрудничали с одной враждебной властям организацией, состоявшей из немцев. Задкевич, Бойслер, Кошон, Романенко и Романова пытались даже через дипломатического представителя в Швеции передать французскому изгнанному правительству и в Советский Союз письма о созданной из французских рабочих и остарбайтер организации, враждебной германскому государству, и о возможностях её связи с французским и советским правительствами. Обвиняемый Гульбринг через обвиняемого Теслера изъявил готовность передать тайным путём эти решения в Швецию. Обвиняемые, таким образом, подготовили измену, помогая врагам Германии. Задкевич, Бойслер, Кошон, Романенко и Романова, кроме того, занимались военным шпионажем.

Именно Задкевич впервые свёл обвиняемых Бойслера и Романенко, чтобы убедить их в том, что с обеих сторон существуют нелегальные группы. Романенко, в свою очередь, познакомил обвиняемого Бойслера с обвиняемой Романовой. В апреле 1943 года Задкевич впервые связался с врачом Гросскуртом, подчеркнув, что он руководит нелегальными группами французских и советских рабочих. После первой встречи в Трептове (район Берлина – авт.), Задкевич и Романова встретились близ лагеря Ораниенбурга и других местах. Во время этих встреч Задкевич постепенно знакомил обвиняемую Романову с планами и целями своей подпольной деятельности. Обвиняемая Романова согласилась сотрудничать с ним.

Соответственно указаниям Задкевича, Романова пыталась привлечь в нелегальную организацию всё новых остарбайтер.

Поскольку она, как врач, имела доступ во многие лагеря для восточных рабочих в Берлине, ей было легко связываться со своими земляками. В лагере «Кайзер» заводила политические разговоры с обвиняемым Хомловым, говорила, что русский фронт приближается, что Германия проиграла войну, и он, Хомлов, должен что-то делать, чтобы проявить себя советским гражданином. Она сообщила Хомлову о существовании организации, в которую входят также влиятельные немцы, предложила выискивать в лагере недовольные элементы и сведения о них передавать ей, а также распространять в лагере известия, которые она будет передавать ему. Хомлов согласился. В конце 1943 года Романова организовала встречу обвиняемому Хомлову с Романенко и Калениченко на Ораниенбургском вокзале [78]. Она же привлекла к сотрудничеству Зозулю и Лесика, сказав им, что Германия падёт, и что они должны что-то сделать для Советского Союза, чтобы не оказаться изменниками Родины. Она пообещала свести их с одним человеком, и эта встреча с Задкевичем состоялась в Ораниенбурге 26 сентября 1943 года. Романова спрашивала у Хомлова, нашёл ли он в своем лагере шоферов и мотоциклистов, так как организации нужны были эти люди на случай восстания» [53].

В Обвинительном заключении имперского прокурора дается характеристика участникам организации. Галине Романовой в «списке Лаутца» отведено шестое место. Прокурор с присущей немцам педантичностью определял степень активности каждого обвиняемого в деятельности «Интернационального союза» а, значит, государственной измене Великой Германии. Строки обвинительного акта раскрывают мужественный и притягательный образ молодого врача, добровольно взявшей на плечи свою тяжесть ответственности за деятельность группы сопротивления. Этой же организации сочувствовали и немцы: врач Георг Гросскурт, химики Роберт Гавеман и Пауль Ренч, архитектор Герберт Рихтер и другие. Они входили в «Европейский союз», целью которого было способствовать поражению нацистского правительства, активно помогать антигитлеровской коалиции в победе над фашистской Германией. Регулярно сообщая о положении на фронтах, они также снабжали членов «Интернационального союза» деньгами. Как сказано в заключительном обвинительном акте, Роберт Гавеман обещал, что в решающий момент «Европейский союз» организует типографию. Как подданных германского рейха, их судили отдельно от членов «Интернационального союза» [53].

27 апреля 1944 года председатель трибунала судья Ролан Фрайслер (вошедший в историю как могильщик Юлиуса Фучика) огласил приговор членам «Интернационального союза». К смертной казни через гильотинирование приговорены: Константин Задкевич, Жан Кошон, Рудольф Темер, Владимир Бойслер, Николай Романенко, Галина Романова. К пожизненному заключению – Иван Лесик, Пётр Зозуля, Александр Хомлов, Михаил Занчаровский, Жаме Фришо [68]. Последнее слово на суде Галины Романовой зафиксировано в обвинительном акте главного имперского прокурора при Берлинском трибунале, обнаруженном в архивах научными сотрудниками бывшего Института марксизма-ленинизма при ЦК Социалистической единой партии Германии и пересланном в СССР: «Я знаю, что меня ждет. Но такой меня воспитала Родина. Я не унижусь перед вами и гордо приму смерть. Жалею только об одном – мало пользы, успела принести своей Отчизне. Пусть простит меня за это мой народ...»[53].

Заслуживает внимания факт, что члены подпольной организации предстали перед судом, со

всеми сопутствующими суду процедурами (прокурором, судьёй и даже адвокатами), а не казнены после ареста и следствия. Конечно, трудно, даже невозможно было надеяться на снисхождение нацистского правосудия в отношении лиц, представлявших угрозу Третьему Рейху. Война вступала в решающую фазу, и слово «милосердие» было взаимно исключено из советско-немецкого лексикона. И всё же приговор не свёлся к формальному вердикту – всех к высшей мере, но представил дифференцированное наказание в зависимости от личного участия подпольщиков в работе «Интернационального союза».

С точки зрения современного человека, малоубедительными и непонятными остаются побудительные мотивы участия членов «Интернационального союза» в подпольной организации. Действительно, все они, будучи политически нейтральными, занимали хорошо оплачиваемые или привилегированные места в германской системе трудовых отношений. В организации не было бывших политруков, коммунистов или офицеров Красной Армии. Все украинские «остарбайтеры» прибыли в Германию добровольно. Более того. Наиболее активные члены украинской части подполья – Романенко, Романова, Лесик, Занчаровский, да и тот же Задкевич – пострадали от Советской власти. Чего в их поступке было больше – страха оказаться изменником Родины пред лицом приближающейся Красной Армии или стремления внести свой посильный вклад в дело борьбы с фашистской Германией? Наверное, мы уже никогда не узнаем. Главное, что они действовали.

Более ста дней провела Галина Романова в камере смертников нацистской тюрьмы Плетцензее в Берлине. Накануне исполнения приговора ей было предоставлено право последнего желания смертника. Галина Романова попросила передать своей подруге Валентине Круподёр семейную фотокарточку, которую ей было разрешено иметь в камере, где она написала прощальные слова своей семье в уже освобождённое от фашистов Каменское. Какой безнадёжностью от неминуемого приближения смерти и одновременно любовью к родным душам веет от этих коротких строк.

«г. Каменское, Днепропетровской области, Славянская ул. 7/3. Дорогие, любимые. Как жаль, что вижу не Вас, а лишь отпечаток, в то время как Вы от меня далеко... (здесь Галина нарисовала математический знак бесконечности – авт.) Тюрьма. Берлин 18/VIII-44. Хочу видеть Вас ещё раз... и тогда была б счастлива. Родные, целую Вас крепко, Ваша дочь. Сохрани Вас... Дорогая мамочка, прощай» [52].

На следующий день, 19 августа 1944 года, двадцатипятилетняя Галина Фёдоровна Романова умерла страшной смертью под ножом гильотины.

.....

В последние годы некоторые исследователи допускают мысль, что, подобно тому, как Задкевич назвал имя Галины Романовой и остальных известных ему подпольщиков, так и Галина в застенках гестапо могла под пытками назвать членов «Интернационального союза», арестованных позже [60, 68]. Однако подобные заключения являются чисто умозрительными и не подтверждаются документально. И кроме того, признания под пытками (на тюремной фотографии отчётливо видны следы побоев на лице Галины Романовой) не являются предательством и никак не бросают тень на подследственного. Если бы Галина Романова была провокатором, она не фигурировала бы на суде как один из руководителей подпольной организации «Интернациональный союз»: немцы умели быть благодарными по отношению к лицам, сотрудничающим с ними. Тот же Константин Задкевич, организатор «Интернационального Союза», совести которого приписывают арест подпольщиков, проходил под номером первым среди обвиняемых. Он был также приговорён к высшей мере

наказания – смерть через гильотину. Скорее всего, провал «Интернационального союза», как и «Европейского союза», является заслугой германской тайной полиции – гестапо.

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОСВОБОЖДЁННОМ ДНЕПРОДЗЕРЖИНСКЕ

**«Господь мне помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек?»
Послание к Евреям 13. 6.**

Через два года и два месяца – 25 октября 1943 года – Днепродзержинск был освобождён от немецко-фашистских захватчиков. Практически вместе с передовыми частями Красной Армии в город вошли оперативные отделы войск НКВД, контрразведка «Смерш», а также местные органы НКВД и МГБ. Каждая карательная организация работала сама по себе, осуществляя свою задачу.

Наряду с традиционными обвинениями в антисоветской и контрреволюционной деятельности и агитации, одно за другим возникали дела, присущие лишь послевоенному периоду. Это сотрудничество с немецкими оккупационными войсками, пособничество немецкой оккупационной власти, регистрация в качестве фольксдойч, прославление жизни во время фашистской оккупации, антисоветская деятельность во время оккупации, обвинения в добровольном выезде в Германию, предательское поведение в плену у немцев, обвинения в дезертирстве из Красной Армии и службе у немцев, обвинения в публикации в газете оккупантов антисоветских писем, уклонение от возвращения в СССР по репатриации и другое. За все эти преступления можно было получить 10 лет лагерей. С момента освобождения города и по май 1945 года по политическим и религиозным мотивам были осуждены 88 днепродзержинцев.

31 марта 1944 года Военным трибуналом войск НКВД была обвинена в антисоветской агитации и осуждена к 10 годам лагерей работница завода Дзержинского Тимофеева Ольга Павловна. Беспартийная, образование начальное, замужем, имела двоих детей.

25 апреля 1944 года Военным трибуналом войск НКВД обвинён в сотрудничестве с немецкими оккупантами и приговорен к 10 годам лагерей Савин Владимир Никанорович. На момент ареста он был безработным, женат, имел двоих сыновей.

10 мая 1944 года Военным трибуналом войск НКВД обвинён в антисоветской агитации и приговорен к 10 годам лагерей Жолудев Иван Викторович, начальник финансовой части завода Дзержинского. Русский, беспартийный, образование среднее, он был женат и имел двоих детей.

15 июля 1944 года постановлением Особого совещания НКВД СССР обвинён в измене родине Сокуренок Борис Никифорович, 1897 года рождения. Ветеринарный санитар романковского колхоза «Друга більшовицька весна», отец десяти детей был приговорён к пяти годам лагерей.

По обвинению Военного трибунала войск НКВД Днепропетровской области от 21 августа 1944 года, что «во время оккупации работал редактором профашистской газеты «Кам'янські

вісті» был расстрелян И. М. Куменко [32]. Иван Михайлович Куменко, из семьи служителей культа, родился в 1900 году в селе Лисковцы Орининского района Каменец-Подольской области, по национальности украинец, образование высшее, беспартийный, женат, имел сына. После освобождения Днепродзержинска стал священником Саксаганского прихода Пятихатского района Днепропетровской области, где его и арестовали.

Приговором Военного трибунала войск НКВД от 2 июня 1945 года десять лет лагерей плюс пять лет поражения в правах с конфискацией имущества получил директор и режиссёр Каменского театра Фёдор Дмитриевич Гладков. Его обвинили, что во время оккупации ставил на сцене Каменского театра антисоветские постановки. По тому же приговору за антисоветскую агитацию во время оккупации получил семь лет лагерей и три года поражения в правах с конфискацией имущества актёр театра Леонид Семёнов [33].

К пяти годам исправительно-трудовых лагерей приговорена жительница Днепродзержинска Фолькевич Казимира Карловна. Она родилась в Варшаве в 1894 году, во время оккупации Днепродзержинска зарегистрировалась в качестве фольксдойч, за что и была покарана постановлением Особого совещания НКВД от 13 мая 1944 года. По тому же обвинению в принадлежности к фольксдойч Особым совещанием НКГБ от 28 февраля 1945 года была посажена на 5 лет М. Л. Туробойская. Во внимание не был принят тот факт, что 53-х летняя Мария Людвиговна была вдовой, домохозяйкой, имела ребёнка, а по национальности являлась полькой!

Несравненно более суровому наказанию подверглась другая 53-х летняя жительница Днепродзержинска М. М. Колесникова. 13 февраля 1945 года трибуналом войск НКВД Днепропетровской области её обвинили в сотрудничестве с немецкими оккупантами и приговорили к 20 годам каторжных работ. Судьи из НКВД не сочли смягчающим обстоятельством факт, что Мария Михайловна являлась инвалидом второй группы. Трудно себе представить, как инвалид второй группы мог отбывать двадцатилетнее наказания не где-нибудь, а на каторге...

Особенное внимание уделялось поискам «бандеровцев и националистов». В записке «О выявлении и ликвидации контрреволюционного элемента» от 17.10.44, которую составил областной отдел НКВД, сказано: «Выявлено и взято на оперативный учёт участников ОУН: во 2-ом квартале 1944 г. – 711, в 3-м квартале – 744». Из этих «выявленных» 1455 человек – 111 жители Днепродзержинского района.

Уже 29 декабря 1943 года, через два месяца после освобождения города, Военный трибунал войск НКВД вынес первый приговор в отношении жителя Днепродзержинска, связанный с оккупационным периодом. По обвинению в принадлежности к ОУН осуждена к 15 годам каторжных работ заведующая производством столовой завода им. Дзержинского Цилина Елена Марковна.

Странно (а может и совершенно естественно), но сроки заключения – каторги либо исправительно-трудовых лагерей – для членов ОУН, то есть, людей, которые противостояли гитлеровскому нашествию, в массе своей превышали сроки для полицаев и лиц, сотрудничающих с оккупационным режимом. В числе осужденных членов ОУН значительную часть составили женщины и подростки – практически дети. Так семнадцатилетний Владимир Рапацкий приговорён к 15 годам каторжных работ, а его сверстница Мария Яловая – к 10 годам лагерей.

Всего за период от освобождения города и до окончания Второй мировой войны в Днепродзержинске было выявлено и осуждено 34 человек по принадлежности к членам ОУН или националистической деятельности. Особенно урожайным выдался июль 1944 года, когда пред Военным трибуналом Днепропетровского гарнизона предстали 11 жителей Днепродзержинска и прилегающего к нему села Тритузное. Так, Иван Самаренко приговором Военного трибунала войск МГБ Днепропетровской области от 17 июля 1947 года был обвинён в участии в ОУН и осужден к 10 годам ИТЛ. Любопытно, что это был его второй, а точнее, даже третий срок заключения. Ещё в 1928 году, когда И. Самаренко отбывал заключение в Каменском концлагере, его обвинили в участии в контрреволюционной организации и осудили к 5 годам ИТЛ.

Поиски членов ОУН активно продолжались и после окончания Второй мировой войны, считая этой датой 2 сентября 1945 года, когда был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Японии.

Последний процесс по делу днепродзержинских оуновцев состоялся в Днепропетровске 13 сентября 1949 года. В этот день приговором Военного трибунала войск НКВД были осуждены пятеро днепродзержинцев: Яков Лях, Николай Кашуба, Анатолий Косенко, Таисия Косенко, Ольга Поддубная. Все они получили по 25 лет лагерей, за исключением Николая Кашубы, «отделавшегося» десятью годами ИТЛ.

МОСКОВСКИЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПОЛЬСКОГО ПОДПОЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

**«...как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями – взять Меня».
Евангелие от Матфея 26. 55.**

С 18 по 21 июня 1945 года в Москве Военной Коллегией Верховного Суда СССР проводился показательный процесс по делу руководителей польского подпольного правительства или «Дело шестнадцати». Генеральным режиссёром международного судебного фарса выступил лично Сталин. Согласно обвинительного акту главными подсудимыми предстали: вице-премьер и делегат лондонского эмигрантского правительства в Польше Ян-Станислав Янковский, главнокомандующий Армией Крайовой генерал Леопольд Окулицкий, министры подпольного правительства Адам Бень и Станислав Ясюкович, детские годы которого прошли в селе Каменское Екатеринославской губернии.

.....
Станислав Ясюкович, сын Игнатия и Брониславы Лабунской родился 8 декабря 1882 года в Петербурге. Род потомственных дворян Ясюковичей, поселившихся в Литве ещё в семнадцатом веке, принадлежал к известным семействам Ковенской части Литвы. Отец Станислава – Игнатий Игнатьевич Ясюкович – окончил Технологический институт в Петербурге и посвятил себя работе в промышленности. С течением времени он занял ведущее место среди предпринимателей Российской Империи. Венцом его деятельности стали известные во всей Европе Днепровские предприятия, сердцем которых являлся Днепровский завод в селе Каменском. Для многих Игнатий Ясюкович стал примером гражданина-предпринимателя, мудрого и заботливого опекуна, гуманная позиция которого и широкая общественная деятельность вызывали повсеместное уважение и признание.

Ввиду деятельности отца на поприще промышленности, в течение пятнадцати лет (1888 – 1903 годы) проходившей непосредственно на Днепровском заводе, Станислав Ясюкович свои юные годы провёл в Каменском. Здесь семья Ясюковичей (отец, мать и четверо сыновей – Станислав, Ян, Игнатий и Павел) проживали в так называемом «директорском доме», находившемся в районе заводского поселения Верхняя колония. В начале 1890-х годов Станислава Ясюковича определяют в Екатеринославскую мужскую гимназию, которую он окончил с золотой медалью в 1901 году. Поэтому с полным основанием мы можем считать, что «малой родиной» Станислава Ясюковича в течение тринадцати лет было село Каменское.

После получения аттестата зрелости, Станислав, решая идти по стопам отца, подаёт документы в Петербургский Технологический институт. Здесь, в среде польской студенческой колонии, он вступает в контакт с тайными организациями и находит себя в рядах «Союза Польской Молодёжи», известного под конспиративным названием «ZET». «Союз Польской Молодёжи», играя важную роль в жизни молодого поколения поляков, выдвинул из своей среды немало выдающихся политиков и общественных деятелей, в том числе и Станислава Ясюковича.

Техническое образование, однако, не отвечало темпераменту и интересам молодого Ясюковича. И после сдачи полудиплома (соответствовало современному понятию бакалавр) он оставил Технологический институт и переехал в Мюнхен, где поступил на экономическое отделение местного университета. В 1911 году по окончании университета Станислав Ясюкович защищает диссертацию на основе обширного труда о «Кредитном Земском Обществе в Царстве Конгрессовом в 1825 – 1910 годах». Эта ценная работа составила важную веху в развитии польской экономической и общественной мысли [73].

После защиты диссертации С. Ясюкович вернулся на родину в Польшу и оседает в Ходове, имении своего отца, расположенного вблизи города Кутно. Здесь он вступает в Народно-Демократическую партию и начинает общественную и политическую деятельность. Однако в 1913 году, ввиду болезни отца Игнатия Игнатьевича Ясюковича и необходимости принятия его обширных интересов, Станислав Ясюкович выезжает в Петербург, где входит в руководство Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества. Осенью 1916 года в качестве члена правления ЮРДМО он посетил Днепровский завод в Каменском, где прошло его детство.

Будучи одним из троих сопредседателей Правления ЮРДМО Ясюкович обладал правом подписи на акциях Общества. В частности подпись «Ст. Ясюкович», как члена Правления Общества стоит на Временном Свидетельстве на предъявителя на 10 штук сполна оплаченных акций, нарицательной стоимостью 250 рублей каждая седьмого дополнительного выпуска на 11.250.000 рублей нарицательных, разрешённых Правительством 12 февраля 1917 года.

После победы большевистской революции Станислав Ясюкович выехал в Стокгольм с целью перебраться оттуда на родину. Он приехал в Ходов осенью 1918 года ещё перед завершением действий Первой мировой войны и принял участие в разоружении немецких частей в Кутно. И безотлагательно приступил к политической работе по восстановлению суверенности Польши. В 1919 году Ясюкович женился на Марии Бышевской. От этого брака родились сын и две дочери. Основав семью и осев в деревне, Станислав Ясюкович не прервал связи с общественной и политической работой. Будучи депутатом Сейма и входя в руководство

Народно-Демократической партии, он играл важную и действенную роль, выдвинувшись в лидеры в области экономических проблем, в которых являлся непререкаемым авторитетом. Его мнение о необходимых реформах было пронизано интересами народа и государства. Как и его великий покойный отец, Станислав Ясюкович был далёк от подхода к общественным и экономическим делам под углом личного или группового интереса.

Начало Второй мировой войны застало Станислава Ясюковича в имении Ходов. После вступления немцев, усадьба Ходов, находящаяся при главном стратегическом шоссе, становится постоянным местом неприятельских штабов. Ясюкович сохраняет в присутствии оккупантов поведение, полное достоинства. При попытках высших немецких офицеров установления с ним дружеских отношений, отвечает гордым молчанием и избегает всяческих контактов с завоевателями. В марте 1940 года наступает всеобщая конфискация имений. Владельцы поместий за 20 унижительных злотых, получают «возмещение» по потере собственности и одновременно суровый запрет на выезд из уезда. Однако, Ясюкович, введя в заблуждение немецкую бдительность, покидает дом и добирается до Варшавы. Здесь он начинает конспиративную деятельность в польской Национальной партии, но в январе 1942 года был арестован гестапо и просидел в тюрьме до апреля того же 1942 года.

Ряды руководителей польского народного движения во время немецко-фашистского террора быстро редели. Гибли одни за другим председатели Центрального Правления и выдающиеся провинциальные деятели. Оставшиеся на свободе, работали за двоих и троих, чтобы справиться с нарастающими задачами. Станислав Ясюкович, освобождённый из застенков, вновь стал в их ряды и был назначен польским Правительством в изгнании (находящимся в Лондоне) министром и заместителем Представителя Правительства, и в качестве вице-премьера руководил организующейся подпольной государственной администрацией. Польское подпольное правительство – уникальное образование времён Второй мировой войны. На захваченной немцами территории действовала подпольная государственная структура, охватывающая практически все стороны хозяйственной, политической и военной деятельности общества. Ясюковичу были наданы хозяйственные департаменты Представительства Правительства. Под его опекой находились департаменты: финансов, сельского хозяйства, промышленности и торговли, а также департамент ликвидации последствий войны.

Ясюкович с энтузиазмом включился в возложенную на него работу. Отказавшись от семейной жизни, переезжая с места на место, пребывая в постоянно изменяющихся конспиративных квартирах, он тяжело работал, не щадя самого себя. В ходе этих трудов наступили решающие для подполья события. Началось Варшавское восстание, которое отрицательно сказалось всеми своими последствиями на дальнейшей конспиративной борьбе. Уже давно в польском эмигрантском правительстве в Лондоне, как и гражданской и военной власти подполья, задумывались над использованием немецкого поражения от Красной Армии на дело освобождения страны. Преобладало убеждение о необходимости активных действий по отношению к факту крушения немецкого фронта и непрерывно продолжающегося отступления. Выразителем этого мнения стал совместно разработанный в Лондоне и Польше план сопротивления под грифом «Буря», предусматривающий удар в спину отступающим из Польши оккупационных немецких вооружённых сил. «Буре» должно было сопутствовать проявление государственной власти подполья и провозглашения государственности перед лицом входящими в страну частями Красной Армии.

Эти планы осложняла, однако, позиция Советского правительства и действия Красной

Армии. Сталин намеревался решить «польский вопрос» по своему усмотрению. В планах этих не только присутствовал захват восточных польских воеводств, но и подчинение остальной части польской территории советской гегемонии. Согласно сталинским указаниям, СССР готовился к освобождению Польши присущим себе способом. Порвав дипломатические отношения с легальным польским правительством в Лондоне, Советский Союз развязал себе руки на международной арене. Одновременно шла подготовка коммунистического правительства для Польши из сбежавших в Россию членов компартии и левых оппортунистических кругов. Попытки польского подполья найти общий язык с Красной Армией и сотрудничеству с нею в борьбе с немцами ни к чему не привели. Подразделения польской Армии Крайовой, которые атаковали отступающих немцев, облегчая, таким образом, задачу Красной Армии, были ею же и уничтожаемы. Командиры этих подразделений подлежали аресту, расстреливались, а соединения разоружались и депортировались в СССР.

Но окончательно прояснить ситуацию, по мнению подполья, должно было взятие Красной Армией Варшавы. Командование Армии Крайовой приняло решение выйти в таком случае из конспирации и атаковать отступающего из Варшавы неприятеля. После чего провозгласить Красной Армией своё моральное право хозяина страны. В планах польского правительства, как и в планах верховного главнокомандования, не присутствовал план поднятия восстания в Варшаве, что обрекало миллионный город на уничтожение. Однако, не смотря на это, восстание вспыхнуло.

Станислав Ясюкович не знал о решении начать восстание. Он не принимал участия в совещаниях делегатов правительства со штабом Армии Крайовой, предшествовавших этому решению. Героические и кровавые события Варшавского восстания августа 1944 года являют собой особую картину в истории возрождённого польского государства. Брошенная всеми, борющаяся в одиночестве Варшава, перед лицом зверства фашистов и огромного превосходства неприятеля, в течение длительных недель давала всему миру свидетельства мужества поляков и их преданности Свободе. Красная Армия, подойдя к Висле, ожидала, пока немцы не перебьют восставших поляков.

После капитуляции Варшавы в жизни подполья начались труднейшие времена. Были это, наверное, и самые трудные часы в жизни Станислава Ясюковича. Организация проваливалась. Советский Союз собирался господствовать в Польше при помощи коммунистического правительства. Западные союзники всё более отказывались от своих обязательств относительно Польши. Одновременно возрастал коммунистический террор. Армия Крайова была ликвидирована.

В это время пришло предложение со стороны Советов о встрече членов руководителей подпольного польского правительства с представителями советского военного командования в штабе Жукова. Слово чести советского офицера, гарантирующего безопасность представителям польской стороны, давали полковник госбезопасности Пименов и генерал Иванов. Однако со стороны советского командования это было лишь обманом, призванным ликвидировать польское сопротивление и окончательно деконспирировать его руководителей.

29 марта 1945 года шестнадцать руководителей подполья были коварно арестованы в польском городке Прушков, вывезены в Москву и заключены в застенках НКВД на Лубянке. Однако только 5 мая Советское руководство официально заявило об аресте и доставке в

Москву членов подпольного польского правительства. Сталин готовил показательный процесс, имея целью скомпрометировать польское сопротивление, инсинуируя ему сотрудничество с немцами и вражеское отношение с борющейся с гитлеровцами Красной Армией. Кроме того, этот процесс должен был запугать польское общество и показать ему воочию бессмысленность борьбы с Советским Союзом, а также необходимости соглашения с его протекторатом, воплощаемым в жизнь в Польше, в виде «народной демократии».

25 мая 1945 года в Москву прибыл посланник американского президента Гарри Трумэна Хопкинс. Во время встречи со Сталиным он осведомился о судьбе арестованных. Сталин, с присущим ему лицемерием, проинформировал американского представителя, что они будут осуждены, но приговор не станет суровым [74]. В отношении подсудимых на Лубянке применялся суровый режим заключения, при помощи которого чекисты стремились сломать волю заключённых. Допросы проводились исключительно ночью, во время, предназначенное ко сну. Однако физическое воздействие не применялось. В конце апреля 1945 года арестованные получили обвинительное заключение.

Судебное разбирательство осуществлялось Военной Коллегией Верховного Суда СССР и длилось с 18 по 21 июня 1945 года. В состав Коллегии вошли: генерал-полковник службы безопасности В. Ульрих (председатель коллегии), и члены коллегии – генерал-майор службы безопасности Л. Дмитриев и полковник службы безопасности И. Дейтистов. Обвинение поддерживали прокуроры Руденко и Афанасьев [75].

Согласно обвинительного акту главными подсудимыми предстали: вице-премьер и делегат лондонского правительства в Польше Ян-Станислав Янковский, министры Станислав Ясюкович и Адам Бень, а также главнокомандующий Армией Крайовой генерал Леопольд Окулицкий. Они обвинялись в следующем. «Осуществляя руководство созданной польским эмигрантским правительством в Лондоне на временно оккупированной фашистской Германией территории западных областей Украинской и Белорусской ССР, в Литве и Польше нелегальной военной организацией «Армия Крайова» («АК»), после освобождения этой территории не выполнили приказов советского военного командования о роспуске «АК» и сдаче ею оружия, материальных средств и являлись организаторами и руководителями польского подполья, проводившего активную вражескую деятельность против СССР в тылу Красной Армии. Вооружённые отряды и группы «АК» в 1944 – 1945 годах совершали террористические акты в отношении советских военнослужащих, диверсии на коммуникациях Красной Армии, нападения на военные и гражданские учреждения, в результате которых были убиты и ранены военнослужащие Красной Армии. Местные организации «АК» при непосредственном руководстве Окулицкого занимались сбором в тылу Красной Армии и передачей польскому эмигрантскому правительству в Лондоне шпионских сведений о советских войсках» [76]. К этим главным обвинениям присоединялись дополнительные, среди которых обвинения в организации после формального роспуска Армии Крайовой новой конспиративной военно-политической организации под названием «Независимость» с целью подготовки военного выступления в союзе с немцами против Советского Союза. Защитником Ясюковича и Бень назначили адвоката Брауде.

Режиссура процесса, законность которого вызывала множество возражений, отличалась большой точностью и старательностью, ибо была рассчитана воздействовать на международное общественное мнение. За кулисами процесса работал исправный и опытный аппарат советского следствия, призванный уменьшить волю подсудимых к борьбе и обороне. По воспоминаниям одного из осуждённых по «Делу шестнадцати» Казимира Багинского,

«нас подкормили, выгладили одежду, выстирали бельё, в котором приехали, побрили, употребив даже одеколон и пудру».

Ситуация подсудимых и без того была очень тяжёлой. Они предстали пред крахом того дела, которому служили долгие годы жизни. Западные союзники, которым они доверяли, обманули Польшу, бросив её в трудную минуту. Циничный московский процесс происходил при полном безразличии западных правительств и злобных выпадах советской прессы, которая каждое сопротивление против указаний организаторов судилища расценивала, как направленный сговор. Кроме того, подсудимые были смертельно измученные люди. Каждый имел за плечами пять лет тяжёлой борьбы с захватчиками, проводимой в несказанно трудных условиях подполья. Пять лет, в которых не имели минуты покоя и отдыха, неся на своих плечах ответственность за течение этой борьбы и её результаты. Защищали святое дело, когда пятая часть населения Польши была уничтожена. Горечь этих событий и чёрная туча, которая надвигалась на будущую судьбу народа, угнетала этих людей, влияя на их моральное состояние.

Ясюкович не отказывался от ответственности за действия Подпольного Правительства. Он признавал, что столкновения Красной Армии и Армии Крайовой вредили общему делу союзников, не отказывался от депеш, идущих в Лондон, с недоброжелательной для Советов информацией. Он не отрицал, что передаваемая информация могла слишком сгущать краски, а временами быть просто ложной. Это было следствием условий, в которых действовало Подпольное Правительство, а также действий Советского военного командования, которое не хотело иметь нормальных отношений с Подпольем.

Во время процесса обвиняемый Ясюкович признал: «Создание этой организации (то есть конспиративной военно-политической организации «Независимость» – авт.) имело две цели. Во-первых, на случай необходимости иметь ядро, на основе которого можно было быстро развивать большие военные силы, и, во-вторых, в лице этой организации иметь орган, который в определённый момент смог бы заменить представителей подполья».

В последнем слове Станислав Ясюкович отметил, что смысл событий постиг только в заключении и пришёл к убеждению, что польская политика времён войны была неоднократно ошибочной. Однако не просил о смягчении наказания, добавив, что «приговор примет со спокойствием».

Необходимо понять это состояние. Оторванный от ежедневной борьбы и связанных с нею переживаний, он мог постичь в одиночестве совокупность пройденной дороги и ещё раз обдумать, опираясь на опыт долгих лет пройденного, следствия польской политики. В свете этих результатов, Станислав Ясюкович пришёл к выводу, что поставленная цель не была достигнута [73].

По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 21 июня 1945 года осужден «Ясюкович Станислав Игнатьевич, 1882 года рождения, уроженец г. Ленинграда (так в тексте приговора – авт.), поляк, гражданин Польши, член президиума партии национал-демократов «Стронництво народове», с 1943 года министр подпольного польского правительства на основании ст.ст. 58-8, 58-9 и 58-11 УК РСФСР к лишению свободы в ИТЛ сроком на 5 лет». Бригадный генерал Леопольд Окулицкий получил 10 лет лишения свободы. Заместитель премьер-министра польского лондонского правительства с пребыванием в Польше, руководитель подпольного польского правительства Ян-Станислав Янковский осужден к 8

годам лишения свободы. Заместитель председателя подпольного Совета министров Польши Адам Бень приговорен к 5 годам лишения свободы в ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь).

Этот мягкий в советском понимании срок, вынесенный вместо смертной казни (прокурор Афанасьев выступил с предложением изменить высшую меру наказания на меру лишения свободы), должен, по мнению руководства СССР, означать «новую эру польско-советских отношений, эру доброжелательности, братства и великодушия».

Разумеется, приговор по делу руководителей польского подпольного правительства был воспринят советским обществом «с облегчением и восторгом». Московская «Правда» в номере от 22 июня 1945 года писала: «Советский народ с удовлетворением приветствует приговор Советского суда, приговор в равной степени справедливый и великодушный. Не может подлежать сомнению, что прогрессивные круги всего человечества с удовлетворением приветствовали этот приговор, поскольку удар, нанесенный польскому нелегальному движению, является ударом по планам и намерениям всех врагов мира между народами, врагов всеобщей безопасности» [74].

Впоследствии польский поэт Казимир Вержинский в стихотворении «На Московский процесс» писал:

**Обвиняйте нас всех, не только шестнадцать.
Судите лежащих в гробах – они также виновны!**

Московский процесс и глухой приговор завершили период публичной деятельности Станислава Игнатьевича Ясюковича. После окончания процесса и вынесения приговора Станислав Ясюкович содержался вместе с вице-премьером Яном Янковским, министром Адамом Бенем и А. Пайдаком в Лубянской тюрьме в камере №63.

В заключении, как свидетельствует письмо Станислава Ясюковича жене Марии Бышевской от 15 июля 1945 года, он тосковал по семейной жизни, которой лишила его большая политика. Отношения же между самими осужденными были непростыми. В особенности это проявлялось между богатым землевладельцем Станиславом Ясюковичем и представителем Народной партии Адамом Бенем, родом из деревни Осала, что под Сандомиром. Разница в возрасте, воспитании, традиций быта стали барьером между двумя бывшими министрами [77]. По воспоминаниям Адама Бени, Станислав Ясюкович «представитель мощного общественно-политического движения, не представлял себе Польши иначе, как национально-демократической страной. Как человек – был надменный, богатый, порядочный аристократ-помещик, хорошо знающий из личного опыта высший свет и курорты, отели и концертные залы всей Европы. Ясюкович пренебрежительно относился к крестьянам и боялся их, опасаясь, что крестьяне после прихода к власти могут вступить в союз с коммунистами» [75]. Однако совместная тяжёлая судьба изгладилла противоречия между Ясюковичем и Бенем.

Долгое время дальнейшая судьба Станислава Игнатьевича Ясюковича была неизвестна: многие считали, что один из главных подсудимых московского «Процесса шестнадцати» был тайно вывезен в Польшу, где умер в какой-то из тюрем. Другие исследователи полагали, что он был казнён в советских лагерях. Из достоверной информации была лишь та, что в июне 1946 года охрана вывела Ясюковича из камеры №63 Лубянской тюрьмы.

Однако доктор политэкономии Станислав Ясюкович не был казнён. Его, что называется, довели условиями содержания на Лубянке, откуда по состоянию здоровья перевели в

больницу Бутырской тюрьмы, где он и окончил свои дни в возрасте 64-х лет.

АКТ

22 октября 1946 года в 17 часов 45 минут в стационаре Бутырской тюрьмы умер з\к Ясюкович Станислав Игнатьевич 1882 года рождения. З\к Ясюкович С. И. поступил в больницу 1 июня 1946 года с диагнозом: атеросклероз, простатит, хронический цистит (воспаление мочевого пузыря), старческая дряхлость. Больной умер при упадке сердечной деятельности.

22/Х-46. Деж. Врач /подпись/

.....
Государственная архивная служба России прислала бывшему Генеральному консулу Польши в Российской Федерации г-ну Михаилу Журавскому справку, в которой указано, что «прах кремированных польских граждан Леопольда Окулицки и Станислава Ясюковича как невестребованный согласно практике тех лет подлежал захоронению в могиле №3 на территории Московского городского крематория» (ныне Донское кладбище Москвы).

19 апреля 1990 года Пленум Верховного Суда СССР под председательством В. Смоленцова рассмотрел протест и.о. Генерального прокурора СССР по делу Окулицкого Л. Б., Янковского Я. И., Беня А. В., Ясюковича С. И. и других. В протесте ставился вопрос об отмене приговора в отношении всех осужденных за отсутствием в их действиях состава преступления. В частности, Янковский, Беня и Ясюкович заявили в суде, что в отношении «Армии Крайовой» они не имели никаких полномочий. Командование этой организацией подчинялось непосредственно главнокомандующему польскими вооружёнными силами в Лондоне и решений о создании вооружённых отрядов в тылу Красной Армии они не принимали. Пленум Верховного Суда СССР постановил: приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 21 июня 1945 года отменить и дело осужденных прекратить за отсутствием состава преступления.

КИЕВСКИЙ НЮРНБЕРГ

«...ты носишь имя, будто жив, но ты мёртв».
Откровение 3. 1.

Еще в апреле 1943-го Президиум Верховного Совета СССР принял указ о мерах наказания для нацистских преступников, «виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев», и для их пособников – «изменников Родины из числа советских граждан». Для них предусматривалась позорная смерть через повешение. Осенью того же года была оглашена декларация за подписями «большой тройки» – Рузвельта, Сталина, Черчилля. В ней говорилось, что гитлеровцы должны быть наказаны за жестокие злодеяния и что преступников, задержанных, где бы то ни было, надлежит отправлять туда, где они провинились, дабы их карали по местным законам.

В 1946 году, пока в Нюрнберге шел длительный международный судебный процесс, в нескольких советских городах, особенно пострадавших от немецких оккупантов (в том числе Киеве), состоялись локальные «нюрнберги» – показательные суды над захваченными в плен гитлеровцами. Следствие велось в Москве, а суд состоялся в Киевском Доме Красной армии с 17 по 28 января 1946 года. Перед трибуналом Киевского округа предстали 15 гитлеровцев, среди которых Вильгельм Геллерфорт – бывший начальник гестапо в оккупированном

Днепродзержинске.

СОСТАВ СУДА

Председательствующий – полковник юстиции Сытенко.

Члены – полковник Юстиции Жлобин, подполковник юстиции Индыченко.

Обвинение поддерживали государственные обвинители: заместитель Главного военного прокурора Красной Армии генерал-майор юстиции Чепцов и помощник Главного военного прокурора Красной Армии полковник юстиции Кульчицкий.

Подсудимых защищали адвокаты. В частности, Геллерфорта защищал адвокат Железовский. Свидетелями против обершарфюрера СД Геллерфорта предстали Воловская Ванда Антоновна, Огурцов Павел Минаевич, Дуракова Тамара Устиновна, Пайкерт Иоганн Иоганн.

Суд определил установить следующий порядок ведения судебного следствия: вначале допросить подсудимых, потом свидетелей, затем исследовать документы.

.....

Процессу предшествовало следствие – на скамью подсудимых усадили именно тех, против кого нашли конкретные обвинительные документы или живых свидетелей преступлений. Некоторые сами вынуждены были признать свою вину. В то же время проявлялась и специфика советской судебной практики, когда от подсудимых требуют признаться не только в содеянном, но и во всём, что скажут. Это было особенно заметно на некоторых «судебных сбоях». Так, генералу Паулю Шееру, руководившему охранной полицией и жандармерией в оккупированном Киеве, явно было указано уличить немцев во взрыве Киево-Печерской Лавры. Но тот «подвёл» обвинение. По его словам, во время взрыва в Лавре работала так называемая «команда Розенберга», занимавшаяся вывозом культурных ценностей в Германию – резона немцам разрушать памятник тогда не было никакого. По всему выходило, за взрывом стояли советские подпольщики, но эта версия была уж больно скандальной, и потому сам Шеер поспешил уверить, что в неё не верит, поскольку «не допускал, чтобы партизаны могли прибегнуть к уничтожению своего национального культурного памятника». А почему бы и нет? Ведь в 1941 году при отступлении из Киева по приказу Советского командования был взорван Крещатик вместе с тысячами оставшихся в домах мирных жителей! Так что там какая-то Лавра. Но в целом в ходе процесса выяснились жуткие подробности жизни киевлян в оккупации и немецкой неволе, событий в Бабьем Яру, в Сырецком концлагере и масса других страшных фактов преступлений нацистов против украинского народа.

Вообще же, практически каждый обвиняемый пытался найти какие-то смягчающие обстоятельства своим злодеяниям. Чаще всего, это была ссылка на то, что они «выполняли приказ», но сожалеют о содеянном, а посему степень их виновности не столь абсолютна.

Так, подсудимый лейтенант Иогшат рассказал, что при эвакуации Артёмовска приказал расстреливать местных жителей, не выполняющих распоряжения об эвакуации. Признал, что дети тоже расстреливались, и объяснил это очень трогательно: «Ведь они оставались без родителей. Не было ни отца, ни матери, и им трудно было бы существовать без родителей». Вот такой нацистский «гуманист»...

Среди допрошенных был и обершарфюрер СД Геллерфорт. Ещё в ноябре-декабре 1943 года в Днепродзержинске была создана комиссия в составе секретаря горкома партии К. Аксёнова, председателя горисполкома А. Гриша, священника Б. Беленького и других. Комиссией был

составлен акт о зверствах и злодеяниях, чинимых немецкими оккупантами и их пособниками из числа советских граждан за период оккупации города с 22 августа 1941 года по 25 октября 1943 года. Первым в списке семи главных ответственных за зверства и злодеяния стоял шеф гестапо Геллерфорт. На суде он сообщил о себе следующее: «Геллерфорт Вильгельм Вильгельм, 1908 года, г. Гельзенкирхен, немец, окончил народную школу, полицейскую школу, беспартийный, фельдфебель, взят в плен 5 сентября 1944 года около Франкштадта в Румынии».

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА подсудимого Геллерфорта

Прокурор Кульчицкий: Скажите, подсудимый, когда вы прибыли на Украину и в составе какой части?

Геллерфорт: Я прибыл на Украину в конце июня 1942 года в составе команды, которая была организована в Берлине. Приехал я в г. Киев в управление начальника полиции безопасности доктора Томаса. Нас было около 15 человек, нас предназначали для отправки в Днепропетровск. Я прибыл в Днепропетровск в конце июня 1942 года. В документе, который мне дали, было указано, что меня откомандировывают в штаб начальника полиции СС полковника Никкельса для представления интересов полиции безопасности, то есть, уполномоченным СД.

Прокурор: Что вы делали в Днепродзержинском районе?

Подсудимый: Там я выполнял поставленные передо мной задачи. За всё время было арестовано 300 человек, среди них партизаны, коммунисты, убийцы и воры. Таким образом, я ничего не делал такого, о чём здесь рассказывают подсудимые. Все политические происшествия, касающиеся партизан и коммунистов, как и тяжёлые случаи убийств и краж, передавались в ведение СД, то есть, мне. Частично эти люди допрашивались раньше, частично нет. Если они были допрошены, я соответствующие дела направлял в Днепропетровск, и штурмбанфюрер Мульде выносил соответствующий приговор, и мне направлял дела. Если потом набиралась группа в 10-15 человек, я их вместе с делами отправлял в Днепропетровск. Из Днепропетровска возвращались дела с резолюциями: частично смертные приговоры, частично трудовые лагеря, но были случаи и освобождения из-под стражи.

Прокурор: Вы имели своих тайных агентов?

Подсудимый: Да, я имел 11 тайных агентов и через них собирал все материалы. Я лично не принимал участия в расстрелах. Но все организационные вопросы были возложены на меня. Это доставка автомашин, сообщения о выполнении приговоров в Днепропетровске, заявки на команду и так далее.

Прокурор: Каким образом вы производили аресты коммунистов?

Подсудимый: Это относится к мероприятиям 1943 года. Точную дату я не помню, это было в июне или июле, когда я получил копию телеграммы доктора Томаса и штурмбанфюрера Мульде о том, что в определённое время нужно будет провести эту операцию под лозунгом «Молния». Ту же телеграмму получил полковник Никкельс с указанием провести эту операцию совместно со мной. Полковник Никкельс должен был представить команды для арестов, а армия – необходимые машины. Были распределены команды, состоящие из 2 – 3 немецких и нескольких украинских полицейских, и им были даны грузовые автомашины. На основании имеющихся списков эти команды ездили в отдельные районы города и арестовывали коммунистов. Их было 250 – 300 человек. Я организовал их регистрацию. На станции Тутусная (очевидно, Тритузная – авт.) стояли 3 – 4 вагона, в которые их погрузили и отправили в Днепропетровск, в рабочий лагерь безопасности. Это было превентивное мероприятие, так как в случае отступления эти коммунисты могли участвовать в

партизанском движении.

Прокурор: Сформулируйте коротко, в чём вы признаёте себя виновным.

Подсудимый: Я признаю себя виновным по нескольким пунктам, но отвергаю уголовную ответственность за свою вину, так как я себя чувствую как солдат, который лежит за пулемётом и стреляет по наступающему врагу. Во многих случаях партизан, который были пойманы с оружием в руках, я спас от смерти тем, что в делах или вообще умалчивал об этих случаях, или уменьшал происшествие (*в зале смех*). Я сообщал в Днепропетровск только о самых срочных делах, о которых не мог умалчивать без опасности для себя, так как мог сам подвергнуться расстрелу. Я могу указать достаточное количество людей из данной группы, которые были пойманы с оружием в руках и не были расстреляны. Я сожалею сегодня, что выполнял те приказы, которые нам тогда давались.

Председательствующий: Подсудимый, вы арестовывали, потом давали материалы, по этим материалам соответствующие люди накладывали резолюции «экс». Вы же таким образом участвовали в уничтожении людей.

Подсудимый: Это так. Но я в чине фельдфебеля под наблюдением стольких офицеров, и не мог действовать так, как мне хотелось.

ПОКАЗАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ

Дуракова Тамара Устиновна: В период оккупации я жила в Днепропетровске. Геллерфорта я знаю. Он арестовывал меня. Я была в подполье, а служила переводчицей в отделе водной трассы. 25 января 1943 года часов в 5 вечера в отдел водной трассы пришёл Геллерфорт со своим переводчиком Робертом и собакой. Они предварительно спросили у сотрудников мою фамилию, узнали, почему я знаю немецкий язык, и сказали мне, что я арестована.

Прокурор: Подсудимый Геллерфорт, вы знаете свидетеля Дуракову? Вы её избивали?

Подсудимый: Да, я знаю её, и приказывал бить её.

Свидетель: В этот вечер Геллерфорт меня долго допрашивал у себя в кабинете. Он говорил мне, что если я расскажу подробно об организации и о связи с Казимиром Ляудес, с членами подпольной организации, я буду помилована.

Я ночевала в дежурной. Он приказал отправить меня в следственную камеру. На следующий день Геллерфорт снова допрашивал меня, но я продолжала всё отрицать. Он приказал отвести меня в тюрьму. В продолжении недели он ежедневно меня допрашивал по 2 – 3 – 4 часа, но я всё отрицала.

Однажды вечером, часов в 9, вызвали меня на допрос. Геллерфорт встретил меня и сказал: «Вы сегодня расскажете мне всё» и снова задал те же вопросы. Я ответила «нет, не знаю», как и всегда. Тогда он приказал Роберту позвать двух агентов. Они меня насильно положили на диван; один из агентов держал руки, Роберт ноги, а Геллерфорт поднял платье и стал меня сечь плетью со свинцовым наконечником. Он бил меня долго. Сначала я считала и насчитала 35 ударов, а потом потеряла сознание. Когда я пришла в себя, Геллерфорт снова начал меня допрашивать, но я по-прежнему всё отрицала, тогда он крикнул «вег» и приказал меня вывести.

На каждом последующем допросе он меня бил. Так продолжалось долго, но я всё отрицала. В моей камере была ещё Свительская Полина Кирилловна, подпольщица, ей было 58 лет. Её избивали так сильно, что вносили в камеру совершенно без сознания, всю окровавленную, в синих рубцах, и после этого на протяжении нескольких часов приводили её в сознание. По её словам, её били Геллерфорт и Роберт.

10 июня ночью, примерно в 2 часа, по тюрьме вдруг включили свет и забежали дежурные: стали кричать, чтобы вставали и одевались (то есть, по словам Тамары Дураковой, она к тому времени находилась в заключении четыре с половиной месяца и после ежедневных

допросов не проронила ни слова – авт.). Дверь нашей камеры открыл начальник тюрьмы Пуль. Недалеко от него стоял Геллерфорт с автоматом в руках. Пуль вызвал Свитальскую и других в количестве 27 человек и увёл их. На следующее утро привезли одежду этих людей. В конце июня начались аресты. Тюрьма переполнилась, и в камерах было так тесно, что негде было сесть. В начале августа нас отправили в лагерь на Игрень. Здесь мы были недолго. В это время Красная Армия наступала, чувствовалась близость наших. 23 сентября нас переправили на правый берег Днепра, а 27-го под строгим конвоем усадили в вагоны-клетки и отправили в Германию. В камере был разговор о том, что он расстрелял четырёх женщин, а позже ещё 27 человек. Многих евреев в это время забирали в городе и всех расстреливали. Меня отправили в Австрию, потом в лагерь Освенцим, куда я прибыла в начале сентября 1943 года. Там были ужасные условия; не знаю, как выжила.

РЕЧЬ ПРОКУРОРА

На скамье подсудимых держит ответ перед советским судом бывший начальник СД в Днепродзержинском районе подсудимый Геллерфорт. Свидетели Огурцов и Дуракова воспроизводят картину страшных пыток, которые применял Геллерфорт. Огурцов показал, что в кабинете Геллерфорта его подвесили примерно в сантиметрах 60 – 70 от пола. Геллерфорт избивал его нагайкой до тех пор, пока он не потерял сознание, тогда его отвязали и отлили водой. Затем переводчик Роберт вывел его в другой кабинет; там его положили на диван, и Геллерфорт избивал его резиновым шлангом с насыпанным песком, шомполом, нагайкой и дубовой ножкой от стула. Избил он меня до такого состояния, говорит Огурцов, что я был похож на кусок окровавленного мяса. Таким допросам Огурцов подвергался семь раз. Аналогичные показания о застенке, устроенном Геллерфортом, дала здесь на суде свидетель Дуракова. И хотя Геллерфорт ничего не добился от Огурцова и Дураковой, тем не менее, они были заключены в лагерь смерти Освенцим.

Конкретизируя обвинение, я считаю доказанным, что:

Геллерфорт арестовал в период июля 1942 – октября 1943 года свыше 300 ни в чём не повинных советских граждан, подвергал их утончённым пыткам и истязаниям, значительную часть этих арестованных расстрелял, а остальные были им направлены в немецкие концлагеря. Лично организовал и принимал активное участие в расстрелах советских людей. Проводил массовые репрессии против партийного и советского актива. В начале 1943 года арестовал 96 коммунистов и комсомольцев, а в конце мая 1943 года арестовал более 300 коммунистов. Все эти арестованные были истреблены.

Я, представитель государственного обвинения, от имени миллионов замученных жертв, от имени всего советского народа требую подвергнуть всех подсудимых на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года единственной заслуженной ими каре – смертной казни через повешение.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМЫХ

Геллерфорт:

Я своими показаниями не хочу снять полностью с себя вину, а хочу только говорить о смягчающих обстоятельствах. Я стал полицейским чиновником в 1927 году во время демократической власти. В 1933 году на смену пришла новая власть. В партию я не был принят. И позже я не имел этого намерения, потому что вовремя понял предательскую политику Гитлера. В связи с этим я с 1935 года не имел повышения в чинах, и потому сейчас, после 18 лет службы, я нахожусь в самом последнем и самом маленьком чине полиции. В полиции безопасности моё звание обершарфюрера – это звание фельдфебеля.

.....

В скобках заметим разницу между званием и должностью. Геллерфорт служил в чине фельдфебеля, но по должности был начальником гестапо. К примеру, в довоенном днепродзержинском НКВД начальником горотдела были лейтенант Паперман, лейтенант Дараган – не самые высокие звания Красной Армии – авт.

.....

Хотя я прибыл на Украину только в июле 1942 года, однако я знаю, что все те приказы, о которых говорили здесь свидетели о способах уничтожения еврейского населения, о массовых расстрелах, это вовсе не преувеличение. Нам наши пропагандисты говорили о том, что Советский Союз собирается напасть на нас, и представляли нам советских людей в образе ужасных бандитов. Однако, находясь на Украине, я имел возможность убедиться в обратном, и поэтому я решил не следовать приказаниям, не осуществлять полного истребления советского населения.

Я посвятил свою службу только охране и безопасности города, железной дороги, мостов и прочих объектов. Без особых на то оснований мною никто не был задержан, и в сомнительных случаях я решал вопрос в пользу задержанного человека. Название начальника СД ко мне не подходит, потому что я нахожусь в самом последнем чине полиции, и мне никто не подчинялся. Число арестованных и расстрелянных людей относится в равной мере, как ко мне, так и моему товарищу по работе Дрейвингу.

В отношении моей фразы о том, что я не следовал приказаниям, не выполнял приказаний о полном истреблении людей, я хочу сказать следующее. Сразу же по прибытии в Днепродзержинск я отпустил 40 человек, которые были арестованы шубсполицией, обвинённые якобы в том, что они находились в связи с партизанами; но так как это было не доказано, я их отпустил. Эти показания мог бы подтвердить свидетель Пайкерт. Затем я велел не вешать 10 девушек, которые были предназначены к повешению за совершённые ими кражи. Затем я отпустил еврея Герасимова, который был арестован городским комиссаром и должен был быть повешен. Кроме того, 21 октября 1943 года я получил приказ перед отступлением наших войск от моего начальника Мульде о том, что я должен расстрелять 70 человек заключённых. Я тоже этого не сделал, несмотря на то, что у меня было достаточно времени для того, чтобы совершить этот акт, так как я оставил город только 30 октября, и немецкие войска оставили город только в конце октября. (Здесь Геллерфорт что-то путает: он не мог оставить город 30 октября, так как Днепродзержинск уже 25 октября был освобождён – авт.). Кроме того, 12 или 14 человек, которые были предназначены к расстрелу, я посадил в камеру, из которой они потом сбежали. Всё мною сказанное может быть подтверждено свидетелями; вот, например, свидетель Пайкерт тоже мог бы подтвердить это.

Я должен признаться в том, что за полтора года моей службы в Днепродзержинске я арестовал примерно 500 – 600 человек. Соответствует действительности также тот факт, что в январе 1943 года я велел арестовать примерно 50 – 60 человек партизан, из которых большая часть была позже расстреляна. Однако следует заметить, что не все они были расстреляны, – благодаря тому, что я уменьшил степень их виновности, они остались в живых; так, например, Дуракова, Воловская, Огурцов. Мне и об этих лицах было известно, что они принадлежали к партизанскому отряду, и доказательства были для этого. Я скрывал и это не из симпатии к партизанам, а просто из человеческих чувств, потому что общеизвестно, что лица, принадлежащие к партизанскому движению, должны были быть расстреляны и уничтожены по приказанию СД. Отправка людей в лагерь Освенцим не была преднамеренной, я не знал, куда их отправят.

В моей работе я был подчинён полковнику Никкельсу. Он мне отдавал приказания, и я должен был ему рапортовать о сделанном. Основной работой ведал также Мульде, который

находился вместе со мной в Днепродзержинске. Я получал также указания и от различных других учреждений, когда речь шла о политических. Я делал оформление на месте, но потом отправлял в Днепропетровск, где должны были санкционировать. Следовательно, я ничего не мог предпринять самостоятельно, а действовал только на основании указаний и, конечно, не мог отдавать приказы о расстрелах.

40 человек, которые мною были расстреляны, слагаются из следующих отдельных групп: была расстреляна группа партизан, примерно 18 – 20 человек, затем была расстреляна группа партизан в 5 – 7 человек, и остальные обвинялись в кражах и убийствах. В первом случае у 18 или 20 человек, которые были расстреляны, было найдено оружие, гранаты, а у врача Тарасовой был найден яд, которым она должна была отравить пищу на кухне. Вторая группа из 5 – 7 человек имела миномёт и всё необходимое снаряжение и боеприпасы. В других случаях речь шла о кражах, убийствах – это единичные случаи. Арестованные мною две женщины, мать и дочь, обвинялись в совершении убийства. Расстрел этих женщин производил сам Кревинг. Я помогал только закапывать. Больше других случаев расстрелов в это время не было.

Случай ареста 300 коммунистов произошёл в мае на основании непосредственного приказа моего начальника – доктора Томаса. Эти люди не были расстреляны, а были заключены в лагерь. Я не расстреливал ни женщин, ни детей, ни стариков, и мною не были сожжены сёла и другие места. Я не принимал участия в расстрелах евреев, в ограблении населения, в карательных экспедициях. Показания, которые я давал и которые мог бы подтвердить Пайкерт, находятся в явном противоречии с показаниями трёх свидетелей, которые здесь выступали (имеются в виду Огурцов, Дуракова, Воловская – авт.). Но сам факт, что три свидетеля, которые обвинялись в принадлежности к партизанскому движению, сейчас пришли живыми на суд, доказывает, что я не так уж много убивал и расстреливал.

Я признаю, что я по распоряжению моего начальства дал распоряжение избивать Дуракову. Никакого кнута со свинцовым наконечником у меня не было, и вообще самое большее я давал 10 ударов, а не так, как она говорила – 35.

Показания свидетеля Огурцова, которые здесь давались, совершенно неправдоподобны; я никогда его не допрашивал и не избивал. Никогда в моей комнате не подвешивал людей, и на потолке не было даже крюка для этого. И вообще технически, как это указывал свидетель, так подвесить человека невозможно.

Я сомневаюсь также в актах, которые находятся в деле, потому что комната, в которой я работал, ещё и сейчас цела и невредима, и поэтому это можно было бы проверить.

Я признаю себя виновным в том, что арестовал примерно 550 – 600 человек, из которых 40 были расстреляны, большинство отправлены в лагерь, а некоторые отпущены. В это же число входит и 300 коммунистов, которые были все арестованы в один день.

Я признаю себя виновным также в двух случаях избиения, но при этом прошу учесть, что я действовал на основании распоряжения моего начальства.

Я прошу также учесть и то, что преступной воли к уничтожению мирного населения у меня вовсе не было.

В общем и целом я хочу сказать, что признаю себя виновным во всех случаях арестов и расстрелов, о которых здесь было сказано. Я прошу только учесть то, что у меня самый маленький чин в полиции и что невыполнение мною приказов повлекло бы за собой наказание, а может быть, и смертную казнь, и если бы не я, то кто-нибудь другой выполнял бы те же распоряжения и, может быть, ещё более жестоко. Я прошу учесть также и то, что весь немецкий народ и мы, в том числе, уже наказаны тем, что многие из наших близких уже убиты. Вспомните, что в Дрездене в одну ночь во время воздушного нападения было уничтожено 800 000 нашего населения.

Я глубоко сожалею, что выполнял распоряжения моего начальства и о своих действиях, и

прошу смягчить приговор.

.....
Главный обвинитель – генерал-майор юстиции Александр Чепцов – в своей речи потребовал смертной казни для всех подсудимых. В отношении обершарфюрера СД Геллерфорта было сказано:

Геллерфорт Вильгельм, состоя в должности начальника СД Днепродзержинского района Днепропетровской области с июля 1942 года по октябрь 1943 года, арестовал несколько сот мирных граждан, из которых часть была расстреляна, а часть направлена в концентрационные лагеря в Германию. В начале 1943 года Геллерфорт арестовал 96 коммунистов и комсомольцев, а в конце мая того же года арестовал около 300 коммунистов; впоследствии почти все они были истреблены. 10 июня 1943 года Геллерфорт произвёл расстрел 27 советских граждан, содержащихся в тюрьме. В сентябре 1943 года Геллерфорт расстрелял двух арестованных женщин. Арестованных Геллерфорт подвергал на допросах нечеловеческим пыткам и истязаниям.

.....
Выступление главного обвинителя «Киевского Нюрнберга» транслировалось по городскому радио и вызвало шумное одобрение киевлян. Адвокаты добились немногого. В окончательном вердикте трибунала лишь троим из пятнадцати, самым младшим по званиям, виселицу заменили длительными каторжными работами – по 15 и 20 лет. Остальных двенадцать, в том числе и бывшего шефа Каменского гестапо Вильгельма Геллерфорта, присудили к высшей мере наказания [90].

В день казни 29 января 1946 года площадь и прилегающая часть Крещатика, лежавшего тогда в руинах, были запружены народом. Любопытные забрались даже на крыши. Виселица состояла из шести секций, по две петли в каждой. Под эшафот подогнали грузовики с открытыми платформами, на которых стояли осужденные со связанными за спиной руками. Им накинули петли на шеи. Затем прозвучала команда, – и машины отъехали...
Во время приведения приговора в исполнение веревка на шее тучного подполковника Георга Труккенброда оборвалась. Нашли новую верёвку и осужденного вновь повесили.

P.S. Уголовное дело «Киевского Нюрнберга» в 22 томах хранится в Москве в Центральном архиве ФСБ Российской Федерации.

«ПРОГУЛЫ И ДЕЗЕРТИРСТВО ЗНАЧИТЕЛЬНЫ...»

«...если Ты поклонись мне, то всё будет Твоё».
Евангелие от Луки 4. 7.

Ну а в освобождённом Днепродзержинске, несмотря на гигантскую потребность в рабочих руках [34] и громадный объём работ, который предстояло совершить, на предприятиях наблюдалась большая текучесть кадров. Только на металлургическом заводе в январе 1944 года оставили производство 261 человек. Текучка происходила в основном за счёт рабочих, мобилизованных из сельских местностей. Главная причина бегства – неудовлетворительные бытовые условия, одноразовое питание низкого качества. С рынков исчезли продукты, Днепродзержинск стоял на пороге нового голода.

Из информации о ходе восстановительных работ азотно-тукового завода с момента

освобождения до 20 января 1944 года следовало, что «Прогулы и дезертирство значительны. Этому способствует отрыв на полевые работы большого количества людей. Они обратно не возвращаются, а председатели колхозов и некоторые сельсоветы укрывают дезертиров. Для предотвращения подобных случаев на заводе было организовано два показательных процесса. Суд выезжал и в Кринички, где проведены процессы по дезертирам. Из 128 человек дезертиров осуждено к тюремному заключению 15 человек» [35].

Однако сажают не только за дезертирство. Свиридов Владимир Григорьевич, 1925 года рождения, русский, из рабочих, не женатый, образование 7 классов, беспартийный, рабочий завода имени Дзержинского приговором Днепропетровского областного суда от 25 декабря 1946 года был обвинён в антисоветских разговорах. За что и получил 3 года исправительно-трудовых лагерей. А вот Сухой Иван Пантелеймонович, 1924 года рождения, уроженец села Романково Военным трибуналом 20-й танковой дивизии был обвинён в уклонении от возвращения в СССР по репарации, за что 31 октября 1947 года его приговорили к 10 годам исправительно-трудовых лагерей.

АКТ ПРОВЕРКИ РАБОТЫ ПРОКУРАТУРЫ г. Днепродзержинска за январь-август 1947 года

Областной прокуратурой проверкой на заводе Дзержинского выполнение Указов от 26/VI-40 и 26/XII-41 установлено следующее.

На данном заводе дезертирство не снижается, что видно из следующих данных:

В январе месяце дезертировало	277 чел.
В феврале	196 чел.
В марте	411 чел.
В апреле	383 чел.
В мае	221 чел.
В июне	176 чел.
В июле	216 чел.
В августе	214 чел.
Итого:	2094 чел.

Анализируя причины, порождающие дезертирство с данного завода, установлено, что, в основном, самовольно уходят с завода выпускники школы ФЗО (фабрично-заводское обучение) и РУ (ремесленные училища) и добровольно поступившие на завод рабочие вследствие не создания должных материально-бытовых условий. Однако этот вопрос не был поставлен Прокурором Днепродзержинска на обсуждение в советско-партийные органы.

На данном заводе несвоевременно оформляются материалы на самовольно ушедших с завода, не выясняют причины ухода, в отдельных цехах отсутствует точный табельный учёт прихода и ухода рабочих с завода, а также учёта самовольно ушедших. Вследствие этого, на отдельных рабочих-дезертиров материалы вовсе не передаются. Так, в листопрокатном цеху в августе месяце самовольно ушло 14 человек, материалов передано лишь на 9.

СОСТОЯНИЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Наиболее характерными видами преступлений для г. Днепродзержинска за обследуемый

период являлись: особо социально-опасные, растраты и хищения в ОРСах и системе общепита, спекуляция и дезертирство из предприятий, приравненной к обороной промышленности. Количество дезертирства продолжает колебаться в пределах 370 – 380 случаев в месяц. Наряду с этим, количество дезертиров, преданных суду Военного Трибунала колеблется от 1 до 10 в месяц.

ЗАВЕДОМО НЕПРАВИЛЬНЫЕ ОТКАЗЫ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

1) В августе месяце 1946 года Облпрокурор направил Прокурору Днепродзержинска для проверки анонимное письмо о злоупотреблениях во Дворце культуры завода Дзержинского. Тов. Демченко, несмотря на то, что в письме приводилось до десяти отдельных эпизодов, некоторые из которых были связаны с присвоением десятков тысяч рублей, вынес 16 июля 1947 года постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, мотивируя, что «проверкой письма ни один факт не подтвердился». Хотя за всё время им было отобрано лишь одно объяснение и получена одна справка (кстати, подтвердившие один из проверяющихся эпизодов – о покупке Дворцом культуры за 25.000 рублей подержанного аккордеона от там же работавшего бухгалтером Гурфинкеля).

2) 4 сентября 1946 года Облпрокурор направил Прокурору г. Днепродзержинска для проверки неопубликованную заметку из редакции газеты «Известия» о злоупотреблениях начальника торгового отдела ОРСа «Дзержинстроя» Быгеновского, присланную следственным отделом Прокуратуры Союза. В течение 9-ти месяцев тов. Демченко продержал этот материал без движения и отказал в возбуждении уголовного дела.

По данным статистических отчётов горпрокуратуры ущерб государству по делам о хищениях и растратах выражается в сумме 289,4 тысяч рублей. Из указанной суммы возмещено ущерба путём наложения ареста на имущество обвиняемых и изъятия ценностей лишь на 208,4 тысяч рублей. Таким образом, ущерб в сумме 80,5 тысяч рублей остался не возмещённым, что свидетельствует о формальном подходе со стороны следователей к делу реального возмещения ущерба, нанесенного государству расхитителями государственной собственности [36].

.....

В акте комплексной проверки работы прокуратуры нет сведений о борьбе с носителями «религиозного дурмана», но такая борьба велась неуклонно и по всей строгости закона. 20 сентября 1947 года Днепропетровским облсудом была обвинена в принадлежности к контрреволюционной религиозной секте и осуждена к 8 годам ИТЛ работница завода имени Дзержинского Захарова Александра Егоровна, 1922 года рождения.

Ещё более суровому наказанию подверглись члены «антисоветской религиозной секты», осужденные 28 января 1948 года в Днепропетровском облсуде:

- 1) Зайцеву Азу Александровну, учётчицу транспортного цеха завода Дзержинского, 1925 года рождения самый гуманный суд в мире приговорил к 15 годам лишения свободы и ограничения на 5 лет в гражданских правах;
- 2) Загорюлько Марфу Ивановну, работницу завода Дзержинского, 1926 года рождения приговорили к 10 годам лагерей и 5 годам ограничения в правах;
- 3) Загривный Александр Ефремович, 1899 года рождения, без определённых занятий, получил 25 лет лагерей;
- 4) Тихонова-Пальчик Мария Савельевна, 1922 года рождения, секретар директор городского управления водоканала получила свои законные 15 лет лагерей и поражение в правах сроком на 5 лет. После отсидки Судебной коллегией Днепропетровского облсуда 21 июня 1958 года,

как домохозяйка, обвинена в участии в секте иеговистов, осуждена к 10 годам ИТЛ с ограничением в правах на 5 лет.

5) Шуберт Евгения Андреевна, 1924 года рождения, воспитательница детских ясель №2 приговорена к 10 годам лагерей. Отсидев этот срок от звонка до звонка Евгения Шуберт была вновь арестована и по тому же обвинению 21 июня 1958 года вновь посажена на 10 лет в исправительно-трудовой лагерь [98].

Плановик завода Дзержинского И. С. Корячко, хотя и не являлся прямым носителем религиозного дурмана, но был близок к нему. Кто же ещё, как не носитель дурмана, станет писать письмо в ЦК ВКП(б)? Письмо было признано антисоветским, а его 37-летний беспартийный автор 22 ноября 1948 года приговорен Днепропетровским облсудом к 10 годам пребывания на нарах в исправительно-трудовом лагере.

Немногим ранее, а именно 23 июля 1946 года днепродзержинская домохозяйка Вера Кругляк, 1916 года рождения, приговором Военного трибунала войск НКВД Днепропетровской области была обвинена в том, что во время оккупации опубликовала в газете «Кам'янські вісті» письмо антисоветского содержания. За что и была осуждена к 10 годам лагерей. Так что, хоть в ЦК ВКП(б) пиши, хоть в газету оккупантов – одна шана – 10 лет ИТЛ.

АКТ КОМПЛЕКСНОЙ ПРОВЕРКИ работы прокуратуры г. Днепродзержинска за 9 месяцев 1950 года

(Всего в проверяемом периоде в производстве следователей было 289 дел)

Работа по борьбе со спекуляцией

По сравнению с данными 1949 года работа Прокурора Днепродзержинска значительно ослабела. Если за 9 месяцев 1949 года Прокуратурой было расследовано 27 дел, по которым было привлечено к уголовной ответственности 29 человек, то в проверяемом периоде расследовано 15 дел на 20 человек. Снижение количества дел о спекуляции идёт не за счёт уменьшения этих преступлений, а скорей, за счёт снижения эффективности борьбы с этими видами преступлений.

.....

Но и находясь в местах не столь отдалённых, очень легко было схлопотать себе новый срок. Так, 11 февраля 1949 года Алексей Тимофеев, 55-летний заключённый днепродзержинского отдельного лагерного пункта №3 Управления ИТЛ строительства МВД СССР, специальным лагерным судом ИТЛ и колоний МВД УССР был обвинён в антисоветской агитации и на этом основании получил 10 дополнительных лет лагерей.

.....

Растраты и хищения

Проанализированы следующие данные по пяти основным торгующим организациям: Трест столовых, ОРС ДДГРЭС, Смешторг, ОРС завода Дзержинского, ОРС азотно-тукового комбината. За 1949 год (первые 9 месяцев) и 1950 год этим организациям в результате растрат и хищений был нанесен материальный ущерб в сумме 296.643 рубля. Если добавить кражи и грабежи в Смешторге и Тресте столовых (68.369 руб.), то общий ущерб в результате растрат, недостач, краж и грабежей только по перечисленным организациям составил 365.012 руб. Одни из крупнейших ограблений подвергся магазин №61 Смешторга, где преступники похитили материальных ценностей на сумму 7123 руб. (август 1949 год).

.....

В скобках дополним анализ комплексной проверки работы Днепродзержинской прокуратуры

следующей информацией: Постановлением Особого совещания МГБ СССР от 6 января 1950 года обвинена в антисоветской агитации и приговорена к 10 годам ИТЛ Фёдорова Мария Антоновна. Русская, из служащих, беспартийная, она родилась в Томске в 1901 году и к моменту ареста была замужем, имела дочь и работала начальником медико-санитарной части Днепродзержинского завода шлаковых удобрений.

26 июля 1950 года Днепропетровским областным судом был вынесен приговор в отношении работницы Днепродзержинской городской конторы по обеспечению топливом Е. Гловы, 1901 года рождения, замужней, матери двоих детей. Ефросинью Васильевну обвинили в контрреволюционных высказываниях и на этом основании отправили её на 25 лет (!) в лагерь. Непонятная, бессмысленная, чудовищная жестокость...

Однако продолжим.

Хулиганство

В 1950 году по сравнению с 1949 годом значительно возросли случаи хулиганских проявлений. Если за первые 3 квартала 1949 года этой категории дел было расследовано 13, по которым привлечено к уголовной ответственности 24 человека, то в 1950 году за этот же период расследовано 53 дела – привлечено 78 человек [37].

.....

Акту проверки областной прокуратуры вторят письма простых горожан.

Из писем Ирмы Бухман своему жениху Юлию Слоневскому в армию

«...это письмо, наверное, придёт к тебе как раз на Октябрьские праздники, и ты, Юленька, обязательно опиши, как ты провёл этот праздник и как вообще в армии встречают праздники. А я заранее могу сказать, что он у меня пройдёт так, как и сегодняшний день, то есть, без всяких изменений. И я, родненький, поздравляю тебя с XXXIV годовщиной Советской власти и желаю тебе самого наилучшего, то есть, скоро-скоро увидеться. А у нас ужас, как сейчас раздевают – только и слышишь об этом. Даже наш дядя (А. И. Кальвасинский – авт.) был очевидец этого». 02.11.1951.

«Дядьку уже сняли с начальника и поставили фабрикатром. Но на другой день, как он оставил должность сменного, в его смене какой-то девушке отрезало обе ноги, и он очень рад, что это (случилось) не при нём. Так как говорит – на этот раз уже б тюрьмы не миновать». 30.05.1952. [38].

.....

В постсоветское время не единожды можно было услышать, что «при социализме был порядок». Однако вчитаемся ещё в один «Акт проверки работы Прокуратуры г. Днепродзержинска за январь-апрель 1958 года»:

«В 1957 году в Днепродзержинске было зарегистрировано 334 уголовных преступлений, в том числе: 4 убийства, 39 разбойных нападений, 32 хищения социалистической собственности, 81 случай краж личного имущества, 13 изнасилований, 135 хулиганств. Из них 1 разбойное нападение, 2 хищения соцсобственности, 4 кражи и 1 изнасилование не раскрыты.

В первом квартале 1958 года совершено 110 уголовных преступлений, в том числе: убийств – 1, разбойных нападений – 18, хищений соцсобственности – 19, краж личного имущества – 18, изнасилований – 4, хулиганства – 37. Из них 1 разбойное нападение, 3 хищения соцсобственности, 1 изнасилование не раскрыты. Особо опасные преступления имеют большое распространение и не снижаются», – делала вывод Областная прокуратура [39].

К «особо опасным» делам относились, разумеется, и политические дела. По приговору Днепропетровского областного суда от 9 февраля 1952 года обвинён в изготовлении антисоветского письма и лишён свободы сроком на 25 лет Васильченко Михаил Сергеевич. К моменту ареста он работал старшим бухгалтером днепродзержинской музыкальной школы, беспартийный, разведенный, украинец. Что правда, постановлением Верховного Суда СССР от 18 ноября 1953 года приговор в отношении М. Васильченко был смягчён до 7 лет.

.....

Начиная с 1953 года, приговоры по делам о контрреволюционных преступлениях были подвергнуты проверке и стали предприниматься меры по восстановлению справедливости. Казалось, пришло время искоренения зла. Наиболее одиозные представители карательных органов понесли наказание. Стала очевидной необходимость создания должных гарантий против повторения тех явлений, которые получили распространение с начала тридцатых годов. Как говорит Священное писание: «пойди спроси беременную женщину, могут ли, по истечению 9-месячного срока, ложесна её удержать в себе плод?» На очереди была реформа права, и, прежде всего – судебная реформа. Она, собственно говоря, началась уже в 1953 году с преобразования законодательства. Формировались новые взгляды судей и работников правоохранительных органов, обновлялся судейский корпус. Органы государственной безопасности были значительно сокращены, освобождены от несвойственных им функций и очищались от людей, повинных в нарушении законов. Чрезвычайные законы 1934 и 1937 годов перестали применяться, но официально их отменили лишь 19 апреля 1956 года.

В феврале 1957 года было установлено, что уголовно-процессуальное законодательство принимают союзные республики, а не Союз ССР. В 1958 – 1961 годах предпринята новая кодификация уголовно-процессуального законодательства. Основы уголовного судопроизводства были приняты 25 декабря 1958 года. Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик принимались в 1959 – 1961 годах. Принятие нового законодательства одновременно означало его реформирование. Оно стало более демократичным. Расширились процессуальные гарантии личности, предусматривалось больше возможностей для ведения состязательного процесса и исправления ошибочных судебных решений. Судебная система организовывалась в соответствии с Основами законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик от 25 декабря 1958 года и законами о судостроительстве союзных республик. Закон о судостроительстве 1938 года утратил силу. Однако на практике исход многих судебных процессов был predetermined заранее.

Так, рабочий днепродзержинского завода шлаковых удобрений Полищук Пётр Владимирович, 1935 года рождения по приговору Спецсуда №14 от 21 октября 1958 года был обвинён в антисоветских настроениях, и за эти несозвучные социалистическому обществу настроения осужден к 7 годам лагерей.

ДИССИДЕНТЫ

«ибо он (праведник) в тягость нам и противится делам нашим, укоряет нас в грехах против закона и поносит нас за грехи нашего воспитания..., он считает нас мерзостью и удаляется от путей наших, как от нечистот».
Книга Премудрости Соломона 2. 12, 16.

Диссиденты (лат. *Dissidens* – несогласный) – термин, который сначала западная, а затем и советская печать с середины 70-х годов применяла к лицам, открыто спорившим с официальными доктринами в тех или иных областях общественной жизни СССР. Само явление зародилось значительно раньше, благодаря ослаблению террора после смерти Сталина, в эпоху, непосредственно последовавшую за хрущевской «оттепелью», то есть, в 1964 – 1968 годах. В этот период значительная часть интеллигенции осознала расхождение между своими общественными идеалами и политическим курсом послехрущёвского руководства. Непосредственным толчком к такому осознанию стал суд над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем. В феврале 1966 года Андрей Синявский и Юлий Даниэль, которых считали авторами изданных за границей сатирических произведений, предстали в Москве перед судом. Совершенно не признавая своей вины и не прося прощения, как того требовали неписанные законы монолитного общества, они высказывались за свободу мысли и за право быть непохожими на других. Они оказались в том же положении, что Борис Пастернак или «дикий» поэт Иосиф Бродский, осужденный в Ленинграде за «тунеядство» в марте 1964 года. Этот суд не только способствовал кристаллизации общественного мнения, но и стимулировал первые формы гражданской активности (прежде всего, в виде петиционной кампании в защиту осужденных писателей).

Но для того, чтобы диссидентство стало явлением, нужны были первые «несогласные», в числе которых был многолетний житель Днепродзержинска Николай Кучер. 3 января 1956 года, то есть, за десять лет до процесса по делу А. Синявского и Ю. Даниэля, в Днепропетровском университете произошло неординарное событие. Прямо на лекции сотрудниками МГБ был арестован студент пятого курса историко-филологического факультета Николай Кучер.

Впоследствии в авторском предисловии к книге «Дубравлаг», Н. Кучер писал: «Я народився в селі Широкому Верхньодніпровського району в 1932 році. Батьки мої працювали в колгоспі. Жили ми бідно, але оскільки навколо ніхто не жив у достатку, то нам здавалося, що наше життя і повинно бути таким. Жили в безправ'ї та беззаконні і не мали поняття, що є якісь права і тверді закони, котрі обов'язкові для всіх. Єдині правила, що діяли бездоганно, це накази начальства – голови колгоспу чи голови сільради. Навесні 1933 року, коли посилювався голод, в нашу хату прийшли сільські активісти на чолі з головою колгоспу Клименком і забрали половину нашої картоплі (два відра) і всю квасолю. Наша мама плакала, благала, щоб не брали, бо діти помруть з голоду. На це комуніст Клименко порадив матері не скиглити про голодних дітей, а мужньо, по-більшовицькому долати тимчасові труднощі з харчами. Дехто тепер твердить, що за часів Леніна та Сталіна люди вірили радянській владі і поважали її. Все це брехня. Радянської влади всі боялися, це правда, а про віру і повагу ніколи не йшлося. В голодному 1947 році, щоб вивести весною голодних колгоспників на польові роботи, за вказівкою райкому партії в степу варили обід – суп-бовтьоху, котру в селі охрестили баландою. От в такій атмосфері росло і формувалося моє покоління. За антирадянську пропаганду можна було сміливо саджати в тюрму все село. І посадили б усіх, та от біда: катастрофічно не вистачало тюрем і тюремників» [40].

Никто, разумеется, не объяснил, за что взяли студента, и по аудиториям поползли самые невероятные слухи и догадки. А арестовали Николая Кучера за наивную попытку покритиковать политику Никиты Хрущёва. Эта попытка заключалась в письмах, адресованных на советскую действительность. Разумеется, все послания, в которых студент-филолог высказывал свою точку зрения, были перехвачены и на радиостанцию «Свобода» не попали.

МИКОЛА КУЧЕР: ІСТОРІЯ МОГО ВИРОКУ

«...неужели я сделался врагом вашим, говоря вам истину?»
Послание к Галатам 4. 16.

Почалося це пізнього вечора в січні 1955 року, коли я, тоді студент університету, на коротких хвилях радіоприймача почув заклик закордонної радіостанції писати до них листи. Називалася радіостанція привабливим словом «Освобождение» (потім вона перейменувалась на «Свободу») і вела передачі російською мовою. Мені давно хотілося висловити те, що наболіло за роки, аж тут трапилась слухна нагода.

«А чи дійде мій лист за кордон, – подумав я і почав міркувати. – Раз така солідна радіостанція закликала писати, значить, листи туди доходять. Тим більше, вони зачитували критичні листи з Радянського Союзу». Мені і в голову не приходило, що брешуть не тільки радіостанції комуністичних країн, а й закордонні, де існує свобода слова і панує демократія. Я і зараз не можу зрозуміти, чим керувались журналісти «Свободи», закликаючи наївних слухачів писати до них листи. Невже вони всерйоз вірили, що листи могли дійти до них, подолавши залізну завісу, котрою огородився Радянський Союз від останнього світу? На якийсь час у мені притупився здоровий глузд, найшло затьмарення, і я здав листи на пошту. Так, завдяки провокаційному заклику «Освобождения», я скалічив все своє життя, втратив волю і здоров'я.

3 січня 1956 року я сидів на лекції з основ марксизму-ленінізму, коли якийсь тип у цивільному покликав мене у відділ кадрів. Це мене насторожило, бо до цього відділу студенти не мали відношення. У відділі кадрів натоптуватий блондин з водянистими невиразними очима (це був, як пізніше виявилось капітан Тутик) перепитав моє прізвище і звелів забрати свої речі, бо, мовляв, треба піти дещо вяснити. Мене посадили на заднє сидіння «Победи». З обох боків сіли біля мене чекісти. Всі в цивільному одязі. Блондин, який командував арештом, сказав: «Поїдемо на квартиру». На квартирі блондин показав мені ордер на арешт і обшук. Він був дещо розчарований наслідками обшуку, спонукуючи свого помічника, мовчазливого шибздика в сірому пальті: «Шукай квитанції на відправлені листи, перелистай всі книги».

Після обшуку мене відвезли в обласне управління МГБ. Внутрішня тюрма знаходилась в підвальних приміщеннях, схована від людського ока високим кам'яним муром. Опасистий старшина, зодягнений в добротну зелену форму, перепоясаний новенькими блискучими пасками, прискіпливо обшукав мене, промацуючи пальцями кожний рубець в моєму одязі. Опісля примусив закласти руки за спину і, взявши мене під лікоть, повів довгим вузьким коридором, освітленим слабким світлом. Біля одних дверей, оббитих залізом, зупинився, відімкнув замок і звелів зайти до середини. Я переступив поріг і опинився в пустій тюремній камері. Тут мені довелося пробути близько двох місяців.

Судили мене голова Дніпропетровського обласного суду комуністка Богданова «сотоварищи» (прокурор і засідателі – капеесесовці). Судили закритим судом. На моє питання, чому суд закритий, суддя відповіла:

- Скажите спасибо, что суд закрытый. Если бы мы пустили людей с улицы, они разорвали бы вас в клочья, узнав о ваших преступлениях. И конвой вас бы не спас!»

Прокурор Волошин, плюгавенький чоловічок з рідким вицвілим волоссям на голові, запам'ятався своїм виступом на засіданні.

- Як свідчать матеріали судової справи, – наголосив він, – у підсудного Кучера антирадянські погляди глибоко запали в голову, пустили глибоке коріння, а тому аби викоринити їх, зробити з нього повноцінного громадянина, потрібний великий час, і тому я прошу суд засудити підсудного Кучера на максимальний строк ув'язнення в місцях позбавлення волі.

Голова обласного суду. набурмосена партійна дама Богданова. прохання прокурора-чекіста вдовольнила на всі сто відсотків [55. 56].

Міністерство Юстиції Української РСР

Справа №1-56
1956 р.

ВИРОК

Ім'ям Української Радянської Соціалістичної Республіки

1956 року фебруаля 20 дня судова колегія в кримінальних справах Дніпропетровського обласного суду в складі

Головуючого Богданової

Народних засідателів тов. Булашової, Кріпак

При секретарі тов. Афанасьєві

З участі прокурора тов. Волошина

Адвоката Полеводи

Розглянула у закритому судовому засіданні в м. Дніпропетровське справу про обвинувачення Кучер Миколая Івановича 1932 р. народження, українця, громадянина СРСР, холост, из крестьян колхозников, уроженец с. Широкое Криничанского района Днепропетровской области, до ареста член ВЛКСМ, исключён из членов ВЛКСМ в связи с настоящим делом, несудимого, проживавшего до ареста в г. Днепропетровске ул. Центральная дом №12 кв. 12, учился на 5 курсе историко-филологического факультета Днепропетровского университета по статьям 16-54-4, 54-10 ч. 1 УК УССР.

В судебном заседании путём допроса подсудимого и проверки материалов предварительного следствия установлено, что подсудимый Кучер, будучи враждебно настроенным по отношению советской власти, в январе и феврале 1955 года лично изготовил четыре письма антисоветского содержания, в которых возводил злобную клевету на руководителей коммунистической партии и советской власти – советского правительства, на проводимую советским правительством внешнюю политику, опошлял её и дискредитировал, призывая к свержению советского правительства.

В своих письмах подсудимый Кучер клеветал на советскую действительность, на положение трудящихся в Советском Союзе, клеветал на советскую интеллигенцию и других работников государственных учреждений, приводил в своих письмах вымышленные факты, дискредитирующие советскую действительность, причём утверждал, что вымышленные сведения, которые он излагал в своих письмах, ему достоверно известны.

Изготовленные письма подсудимый Кучер адресовал работникам радиовещательной станции, действующей под названием «Освобождение», которая является антисоветской организацией и свою деятельность проводит против Советского Государства и Советского народа, действует в интересах буржуазии, органом которой является.

Изготовив письма антисоветского содержания, подсудимый Кучер два из них 2/11-55 года направил из города Днепродзержинска в Западную Германию через подставной адрес:

Берлин, почтовый ящик 250, Шульц Шларе. В своих письмах подсудимый Кучер давал советы работникам той контрреволюционной организации – радиостанции «Освобождение», как лучше вести пропаганду и агитацию в своих передачах против Советской власти и просил содержание его писем передать по радио. Одно письмо такого же содержания подсудимый Кучер отправил 16/11-1955 года из Новомосковска и 24/11-1955 года из Никополя по тому же адресу. Письма подсудимый не подписывал своим именем, а подписывал вымышленными фамилиями и указывал вымышленные адреса отправителя писем. В одном из писем, адресованному руководству Партии и Правительства говорится:

«Мене дивує той факт, що західні уряди, вільно обрані своїми народами, визнають вас рівними собі, визнають вас, що прийшли до влади шляхом насильства над демократією, які будували свою політику на масових вбивствах і поневоленні народів, країн, на знущанні над людською культурою, визнають вас, що в 20-му столітті правлять народами так, як це робив Чінгіз-хан у XIII-му столітті. З марксизму-ленінізму ви зробили своєрідну релігію, що прищеплюється в обов'язковому порядку... різниця тільки в тому, що людина в справедливості релігійних догматів може сумніватись, щодо марксизму-ленінізму такого права немає... З фанатизмом і жорстокістю справжніх інквізиторів ви знищите і гноїте у в'язницях всіх інакомислячих, всіх, хто хоч словом натякнув правлячій ієрархії, що здійснює своє гасло: «Хто не з нами – той проти нас»... Ми хочемо бачити Росію без Романових і Сталіних, без капіталістів і без комуністів...»

Подсудимый Кучер виновным себя признал в изготовлении четырёх писем антисоветского содержания, которые отправил в адрес контрреволюционной организации радиовещательной станции «Освобождение» и суду объяснил, что он был не согласен по ряду вопросов проводимой Советским правительством внешней политики и мероприятий, проводимых правительством внутри страны, но сейчас он понял, что он заблуждался.

Кроме признания подсудимым своей вины, виновность его доказана имеющимися в деле письмами, которые были составлены подсудимым Кучер и были сданы на почту для отправки их в Западный Берлин. Кроме того, произведенной экспертизой графической, которая установила, что письма действительно изготовлены подсудимым Кучер.

На основании изложенного суд находит доказанным предъявленное обвинение подсудимому Кучер в изготовлении четырёх писем антисоветского содержания, в которых призывал к свержению Советской власти и к ослаблению её мощи, а также в покушении оказать контрреволюционной организации помощь в её борьбе против Советского Союза и его правительства. Преступление квалифицировано правильно.

Отправленные Кучер письма не были получены и использованы этой контрреволюционной радиостанцией по независящим от подсудимого причинам.

Учитывая степень опасности совершенного подсудимым преступления, руководствуясь ст. 296, 297 УПК УССР, суд

ПРИГОВОРИЛ

Кучер Николая Ивановича 1932 года рождения по статьям 16-54-4; 54-10 ч. 1 УК УССР по совокупности совершённых преступлений к лишению свободы с отбыванием в исправительно-трудовых лагерях сроком на десять лет с поражением в правах по пунктам «а, б, в» ст. 29 УК ЧССР на пять лет с конфискацией принадлежащего ему имущества.

Меру пресечения до вступления приговора суда в силу подсудимому Кучер оставить содержание под стражей, засчитав предварительное заключение с 3 января 1956 года.

Взыскать с осужденного Кучер за участие адвоката в судебном заседании сто рублей в пользу юридической консультации. Приговор может быть обжалован в Верховный суд УССР на

протяжении пяти дней со дня вручения осужденному копии приговора.
Председательствующий Богданова
Народные заседатели: Булашова, Крипак.

.....

Конфискованное личное имущество осужденного Кучера составило старые наручные часы и 2 рубля 45 копеек деньгами. Отбывать наказание – от звонка до звонка! – бывшему студенту пришлось в далёкой Мордовии. Летом 1956 года московским спецэтапом Николай Кучер прибыл в мордовскую сеть лагерей под условным названием «Дубравлаг».

Справка: Дубравлаг или Дубравное лагерное управление с центром в посёлке Явас Zubово-Полянского района Республики Мордовия. В разное время также назывался Дубравный лагерь, Особый лагерь №3, Особлаг №3, Дубравный ИТЛ. Представляет собой комплекс исправительных учреждений. Кодовое название – ЖХ-385. В настоящее время входит в УФСИН по Республике Мордовия. В 1960 – 1980-е годы в Дубравлаг входили колонии для осуждённых по «политическим» статьям. Подчинён ГУЛАГ с 28 февраля 1948, ГТУ МВД с 28 марта 1953, ГУЛАГ МВД с 8 февраля 1954, УИТЛК МВД РСФСР с 10 февраля 1956. В 1954 году Дубравлаг реорганизован в Исправительно-трудовую колонию (ИТЛ).

.....

Спецвагон отцепили на станции Потьма и повезли дубравлаговской узкоколейкой в глубь негустых мордовских лесов. Остановились около села Сосновка, где рядом друг с другом находились первый и седьмой лагпункты или зоны, как их чаще называли. Колонну под лай овчарок погнали в огромную первую зону, высоченный забор которой был опутан колючей проволокой. Позднее один из эзков, который прибыл в «Дубравлаг» ещё в 1948 году, рассказывал, что над воротами четырнадцатого лагпункта можно было прочесть такую надпись: «Труд облагораживает человека. М. Горький».

Поселили вновь прибывших в бараке, поделенном на большие секции, заставленные двухъярусными нарами. На второй день Николаю Кучеру показали старого человека с бородкой, сидевшего на нижних нарах и тихо разговаривающего с такими же пожилыми эзками. Это был митрополит Иосиф Слепой из Львова. Его осудили за «ошибки». Митрополит утверждал, что Бог сущий на небесах, а ему указали, что всевышний живёт в Кремле. Позднее, уже в 60-х годах, по ходатайству Ватикана Иосиф Слепой был освобождён и выпущен за границу, где он возглавил украинскую зарубежную церковь Греко-католического обряда.

.....

В 1968 – 1969 годах под влиянием продолжающихся политических процессов (дело А. Гинзбурга – Ю. Галанскова, январь 1968 г.) гражданская активность части «инакомыслящих» стала приобретать признаки общественного движения. Специфика диссидентского движения определяется тем, что диссидентство как целое никогда не стремилось стать ни политической оппозицией, ни, тем более, политической партией. Общей являлась гражданская и нравственная позиция, видимым следствием которой становилась общественная активность, противопоставленная господствующему конформизму. В условиях почти полного отсутствия гражданского общества «отщепенчество» становилось единственной формой реализации личности в сфере общественной жизни. Практика заключения диссидентов в психиатрические больницы показала, в чём состоит их истинная сила. Чтобы быть опасным,

диссидентству не нужно ни оружия, ни программы, ни даже большого количества сторонников, – ему достаточно существовать, так как уже это ставит под сомнение правомерность однопартийной системы.

.....

В декабре 1959 года Николая Кучера освободили. После десятилетней отсидки и возвращения из «Дубравлага», Николай Кучер работал в школах Петропавловского и Верхнеднепровского районов учителем украинской литературы и иностранных языков (немецкий, английский). В 1964 году переехал в Днепродзержинск, работая в вечерней школе учителем украинской литературы. Изредка писал юмористические рассказы и публиковал их в Киевской и местной прессе. Но чекисты не бросили вчерашнего зека на произвол судьбы. В течение двадцати лет они (майор Пивак, майор Бондарь, майор Ярёмченко, оперуполномоченный Чистокаляный и другие) присматривали за Николаем Кучером, приглашая его в органы «для беседы», устраивали всяческие проверки и провокации. Под их воздействием местная газета «Дзержинец» не только прекратила печатать рассказы Н. Кучера, но даже не вспоминала его имени, когда шла речь о литературной жизни Днепродзержинска [55]. Так продолжалось до горбачёвской перестройки, когда челюсти КГБ начали понемногу размыкаться, и всем стало легче дышать. В 1988 году Николай Кучер становится членом Союза писателей Украины, и вместе со своими единомышленниками возродил в городе местное отделение общества «Просвіта». Умер Николай Иванович Кучер 4 сентября 1999 года.

ВЛАДИМИР СИРЕНКО. ПОЛИТИЧЕСКОЕ И НРАВСТВЕННОЕ ПРОЗРЕНИЕ

**«О сем надлежало бы нам говорить много; но трудно истолковать, потому что вы
сделались неспособны слушать».
Послание к Евреям 5. 11.**

Другим примером инакомыслия, политического и нравственного прозрения, можно назвать жизненный путь днепродзержинского поэта, писателя и журналиста Владимира Сиренко. В ноябре 1990 года Владимир Иванович Сиренко писал:

«Тридцять чотири роки тому, перебуваючи в армії, я вступив у КППРС. Цей крок зробив не з якихось своєкорисних міркувань, а за твердим ідейним переконанням. Вихований батьком – активістом радянської влади, комсомолом, всеохоплюючою марксистсько-ленінською пропагандою, я свято вірив, що Комуністична партія веде народ до щасливого життя і духовної свободи, а тому вважав за обов'язок громадянина бути в її лавах.

Повернувшись з армії, я пішов працювати в багатотиражку великого металургійного заводу. Тут почалося моє прозріння. Я почав бачити, що вся партійна ідеологія, її гучні гасла розходяться з дійсністю, що партія живе своїм життям, а народ своїм, що вона морально розкладає людей, робить їх байдужими до результатів праці, до так званої соціалістичної власності, до всього, що діється в країні, випатрошує з їхніх душ все святе від діда-прадіда і в першу чергу національне. Особливо обурювали мене життя і поведінка партюкратів, які закликали народ до чесності, високої свідомості, а самі розкрадали країну, розкошували у привілеях. Тих, хто намагався подати голос правди, вони за допомогою КДБ позбавляли шматка хліба, гноїли у тюрмах і концтаборах.

Ще більше розкрило мені очі викриття культу особи Сталіна, а за ним поява нових культів Хрущова та Брежнєва. Почала хоч трохи прориватись до народу правда, і я побачив, що політика партії, починаючи з дня її створення, – це безкінечний ряд злочинів проти своїх співвітчизників, що культ особи, як і культ однієї партії, приводить до найжорстокішого, найцинічнішого тоталітаризму.

Як чесний член партії, громадянин своєї Вітчизни, я не міг мовчати, бо усвідомив, що мовчання – завжди рабство. Всі мої болі, переживання вилилась у вірші, вірніше у книжку віршів «Остається народ!» Наївний, я гадав, що, показуючи наші болячки, викриваючи злочинних функціонерів, я допоможу партії та суспільству глянути на себе збоку, присоромитись і хоч щось змінити в своєму житті. Партія глянула, але не на себе і на нашу дійсність, а на мене. За читання цих віршів під час письменницьких зустрічей з читачами вона 1967 року виключила мене із своїх лав і на двадцять років кинула у ціпкі кігті своїх охоронців-кадебістів. У мене було відібрано все – робота за фахом, можливість друкуватись і читати свої вірші, навіть спілкування з людьми. Дійшло до того, що за мою непокору мене уже у 1985 році засудили, сфабрикувавши за ініціативою партократів та кадебістів карну справу»[62].

.....
Причина фабрикації судового дела, о котором упомянул В. Сиренко, раскрыта в письме начальника управления службы безопасности по Днепропетровской области В. Слободенюка.

Члену Спілки письменників України Сиренко В. І.

322610, м. Дніпродзержинськ,
вул. Локтюхова, б. 8, кв. 39.

Шановний Володимир Іванович!

Починаючи із 1966 року, Ви знаходились в полі зору Управління КДБ в зв'язку із своїми політичними поглядами, які на той час вважались ідеологічно шкідливими. Працівниками Управління КДБ неодноразово приймались спроби тиску з метою впливу на Ваші політичні переконання. По інформації Управління КДБ, Дніпродзержинський МК Компартії України в 1967 році виключив Вас з КППС та звільнив з роботи головного редактора багатотиражної газети «Вагонопрацівник». На Вашій квартирі неодноразово робились обшуки з участю співробітників Управління КДБ. В 1985 році Ви були незаконно засуджені за ст. ст. 84, ч. 1, 165 ч. 1, 172 і реабілітовані в 1986 році у зв'язку з відсутністю складу злочину.

Всі ці факти свідчать про те, що за свої політичні погляди Ви переслідувались органами КДБ, починаючи із 1966 року.

Шановний Володимир Іванович! Управління СБ України іще раз приносить Вам своє вибачення за ті страждання, які були Вам причинені з боку органів КДБ.

Начальник Управління

В. М. Слободенюк

.....
Но чтобы получить такое «покаянное письмо», Владимиру Сиренко пришлось в течение долгих лет находиться под неусыпным надзором и непрерывным давлением службы безопасности. Официальная версия осуждения В. Сиренко казалась бы смешной, если б не была такой жестокой: «в январе 1984 года, работая старшим инженером в Днепропетровском отделении института минеральных ресурсов, злоупотребляя своим служебным положением, похитил электронно-вычислительную машинку «Электроника Д-3» стоимостью 336 рублей 43 коп, которую подарил своему знакомому гр. Пузырю В. И.»

И Амур-Нижнеднепровский районный суда г. Днепропетровска, состоявшийся 23 мая 1985

года под председательством судьи В. Притуляка, огласил приговор. «Сиренко Владимир Иванович, 7 декабря 1931 года рождения, украинец, с высшим образованием, женат, ранее не судимый – осужден по ст. 84 ч. 1 УК УССР на 2 года 6 месяцев лишения свободы, по ст. 165 ч. 1 УК УССР на 1 год 6 месяцев лишения свободы, по ст. 172 УК УССР на 1 год лишения свободы. На основании статьи 42-й Уголовного кодекса УССР окончательно назначить наказание с применением статьи 25-й, часть первая Уголовного кодекса УССР два года и шесть месяцев лишения свободы условно с обязательным привлечением к труду в местах определённых органами, ведающими исполнением приговоров».

Определением судебной коллегии по уголовным делам Днепропетровского областного суда от 11 июля 1985 года данный приговор оставлен без изменения. В Баглейском райотделе внутренних дел города Днепродзержинска Владимира Ивановича известили, что «обязательное привлечение к труду» будет осуществлено в Астрахани на строительстве газоконденсатного завода. По приезду, Сиренко перенаправили в глухой городок Камизяк.

Но началась оттепель и в его деле. В конце сентября 1985 года В. Сиренко, находясь в камизяцкой больнице, ознакомился с определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда УССР, которая рассмотрела 17 сентября 1985 года в г. Киеве его дело по протесту заместителя прокурора УССР.

Это определение было будто специально кем-то написано, дабы облегчить диссиденту борьбу за справедливость. И, в конце концов, «в соответствии со ст. 217 УПК УССР сообщаю, что уголовное дело в отношении Сиренко В. И. прекращено на основании ст. 6 п. 2 УПК УССР, то есть, за отсутствием в его действиях состава преступления». 26. 08 1986. №44/8568. Прокурор Городецкий.

После этого В. Сиренко получил право через суд восстановиться на работу в институт и получить денежную компенсацию. Также Владимир Иванович Сиренко получил официальную справку о реабилитации, подписанную начальником управления СБУ по Днепропетровской области В. Слободенюком.

«ДНЕПРОДЗЕРЖИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» 1972 года

«Каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить».
Евангелие от Матфея 7. 2.

День Молодёжи 25 июня 1972 года вошёл в местную историю, как «днепродзержинская революция». Впрочем, такое название происшедших событий, многими не воспринимается. Тогда, в течение нескольких часов, власть в городе принадлежала его жителям, – в основном, молодёжи. Милиция и органы власти оказались бессильными перед выступлением десятков тысяч днепродзержинцев.

С ЧЕГО НАЧАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ

Утро воскресенья 25 июня 1972 года не предвещало ничего экстраординарного. В жаркий выходной день многие отдыхали на городском пляже или турбазах, намереваясь возвратиться в город, когда зной уже спадёт. Кто-то предпочёл пересидеть неблагоприятные часы дома, а иные веселились на шумных и многолюдных свадьбах. К числу последних относились

граждане С. Куропятник, П. Майоренко и В. Ланин. Отгуляв второй день свадебного застолья, они навеселе возвращались домой, поддерживая настроение песнями под аккомпанемент гармошки. Естественно, они не могли не стать объектом внимания со стороны милиционеров, работников медвытрезвителя. Патрулируя город в автомобиле спецмедслужбы, милиционер Л. Виноград и шофер-милиционер Ю. Колесник задержали подвыпивших мужчин и, «пригласив» их в салон ГАЗ-51 №49-43, повезли по проспекту Ленина в вытрезвитель. Это было около трёх часов пополудни.

В нарушение Положения о медицинских вытрезвителях при органах внутренних дел милиционер Л. Виноград, оставив в салоне задержанных, пересел в кабину водителя. Так-то веселее! Шофер-милиционер Ю. Колесник, в свою очередь, пренебрегая всякими правилами транспортировки людей, перевозил в закрытом на замок салоне машины канистру с бензином. Но как говорил А. П. Чехов, если в первом акте на стене висит ружьё, то в третьем акте оно должно выстрелить.

И действительно, во время движения автомобиля спецмедслужбы по проспекту Ленина, в замкнутом салоне, где находились недавние гости свадьбы, от загорания паров бензина произошёл пожар. Трудно сказать, что послужило тому причиной: то ли случайная искра, то ли попытка кого-то из пассажиров закурить папиросу. Мгновенно салон превратился в бушующий огненный ад, из которого не было выхода. Машина остановилась, но... было поздно. К месту происшествия сбежались прохожие, которые помогли извлечь тела пострадавших. Оказалось, что Куропятник и Ланин от полученных ожогов погибли сразу, а Майоренко в тяжёлом состоянии на попутке отправили в больницу, где он скончался на следующий день.

Вокруг автомобиля спецмедслужбы собралась толпа. Последствия преступной халатности работников вытрезвителя были так красноречиво ужасны, что, опасаясь самосуда разгневанных людей, милиционеры бросились наутёк. Число народа всё увеличивалось, новоприбывшим рассказывали о подробностях происшедшего, и когда негодование достигло критической массы, выступления против беспредела милиции и власти вообще приняли самоорганизующийся характер. То, что накапливалось годами, теперь выплёскивалось наружу. Власть, что называется, дошутилась с огнём.

ХРОНИКА ПИКЕТИРУЮЩИХ СОБЫТИЙ

Несколько часов на месте трагедии бушевал спонтанный митинг, лидеры которого воспрепятствовали появившимся работникам милиции отбуксировать обгоревший автомобиль спецмедслужбы. Он уже стал главным объединительным элементом выступления. После чьего-то призыва, машину опрокинули и, облив бензином, подожгли. Когда к месту возгорания прибыла пожарная автоцистерна, пожарников не допустили к тушению горящего автомобиля, сорвали пожарные шланги, при помощи которых вновь поставили на колёса автомашину вытрезвителя.

Людей сконцентрировалось так много, что движение городского транспорта приостановилось, а находящиеся на улице милиционеры подвергались опасности избиения лишь за принадлежность к правоохранительным органам. Когда работники Госавтоинспекции подогнали автомобиль ГАЗ-51 № 37-55 ДНС, чтобы отбуксировать машину вытрезвителя, активные участники нарастающих волнений остановили грузовик и оттолкали его к магазину «Дружба». А затем под призыв «На горком!» заставили шофера того же грузовика Инноченцы О.П. буксировать сгоревшую автомашину по проспекту

Ленина к площади Дзержинского. Здесь уже колыхалось море голов.

Перед главным административным заданием города, в противоположных крыльях которого располагались горком и горисполком, возбуждённая толпа опрокинула машину. Из толпы полетели в сторону горкома камни, палки и другие предметы. Каждое разбитое окно сопровождалось восторженными криками. Вскоре целых окон осталось лишь считанное количество. Некоторые из активных участников беспорядков ворвались в здание. Власть была парализована. Кто-то из партийных руководителей пытался из окна поговорить с народом, но, освистанный, скрылся в проёме. Возбуждение стало всеобщим, шум и крики, производимые десятками тысяч людей, напоминали финал Суперкубка футбольного поединка. Народ скандировал: «Позор!» Кто-то призывал сжечь преступников-милиционеров на костре. И никто не обращал внимания на мужчин в штатском, фотографировавших происходящее. Характерно, что погромные настроения распространялись лишь на учреждение власти. Расположенные рядом Центральный универмаг и другие магазины оставались в полной неприкосновенности.

Со стороны городского парка, примыкающего к горисполкому, появились рабочие в касках. Директор металлургического завода Н. Волобуев, легендарный командир партизанского отряда под блокадным Ленинградом, снял людей с производства и, возглавив колонну, привёл её лично к горкому, чтобы утихомирить демонстрацию. Прибыли также солдаты местного гарнизона, которые совместно с сотрудниками милиции и дружинниками несколько оттеснили толпу от здания. К рабочим и солдатам со стороны выступающих отношение было если не дружелюбным, то вполне лояльным.

Волобуев вышел из шеренги, чтобы попытаться установить контакт с возбуждённой массой людей. Его оппонентом стал немолодой мужчина. Диалог двух ветеранов был удивительным! Каждый из разведённых по разные стороны баррикад считал себя представителем и защитником народа, и отстаивал свою правду. Когда аргументы исчерпались, мужчина сорвал с себя футболку: его спина и грудь были сплошь в шрамах. «Гляди! – крикнул ветеран. – Ты знаешь, где я это получил?» «Знаю! – эхом отозвался Волобуев. – Там же, где и я!». И скинул свою рубашку. Его тело покрывали такие же страшные рубцы.

А события развивались дальше. Возбуждённая толпа, призываемая своими неформальными лидерами, разделилась на две части: одна осталась громить горком партии, а другая направилась к зданию городского отдела внутренних дел на улице Ленинградскую. Стихийное выступление превращалось в бунт – бессмысленный и беспощадный. Никто не выдвигал никаких требований (разве что сурово наказать сотрудников спецмедслужбы), это была дикая, неистовая, безудержная акция протеста, демонстрировавшая власти, что на самом деле думает о ней народ.

Окружив здание ГОВД, молодёжь начала бить камнями стёкла в окнах здания, свалила деревянный забор 9-й городской больницы и, разобрав его на доски, атаковала горотдел. Многие считали, что в камерах городского отдела милиции находятся арестованные, которых следовало освободить. Группе нападавших удалось ворваться во двор, стоявшие там автомашины подверглись повреждению. Милиция ответила лимонками со слезоточивым газом. Они взрывались с сухим хлопком, и белый дым растекался над землей. Отдельные смельчаки, прикрывая лицо носовыми платками, хватали лимонки и перебрасывали их в ряды милиционеров.

Стемнело. Революционный запал стихал. Пар был выпущен из котлов, и теперь моральное преимущество переходило к органам внутренних дел. К тому же в город вошли войска. Армейские автомашины с находящимися в них солдатами направлялись по улице Ленинградской к горотделу. Грузовики ехали против хода движения транспорта со стороны 9-й горбольницы. Солдаты, выставив над деревянными бортами стволы автоматов, стреляли холостыми патронами по сторонам. Это было по-настоящему страшно. Мятежники разбежались по домам. Революция кончилась.

Начались аресты. Кто-то был схвачен тут же на месте происшествия, другие – буквально наутро 26 июня. Агенты спецслужб проявили плёнки и по фотографиям искали наиболее активных зачинщиков беспорядков. Автор данной публикации был свидетелем того, как возле Центрального универмага задержали молодого человека. Он, разговаривая со своим товарищем, поднял руку и указал в сторону исполкома и горкома партии. Там за ночь уже вставили окна, а горы битого стекла вывезли грузовиками. (Исполкому был причинен ущерб в размере 5795 рублей – по тем временам немалая сумма!) Словно из-под земли выросли двое в штатском, скрутили юношу, втолкнули того в «Жигули» и увезли. Его опешивший друг в испуге поспешил покинуть опасное место.

СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

1972 года августа 30 дня Судебная коллегия по уголовным делам Днепропетровского областного суда в составе председательствующего Буркуна В. В., народных заседателей Белозерова Г. З., Курбатенко К. А. при секретаре Радивиловой Г. Я. С участием прокурора Оберемок М. С. И девяти адвокатов рассмотрела в открытом судебном заседании в городе Днепропетровске дело № 2-90 по обвинению по статье 71 УК УССР, то есть, в массовых беспорядках.

По данному делу проходили 9 человек: Лысенко Г. Я., Сулим В. Я., Скобликов А. И., Коваленко В. М., Вирко А. Н., Чукань В. М., Мацыкян В. Г., Боженко С. В. И Прусов И. В.

Как видим, следствие было недолгим. От момента задержания последнего обвиняемого Скобликова А.И. (11 июля 1972 года) до начала судебного заседания прошло чуть более полутора месяцев. Обвиняемые были самыми разными людьми. Старшему из них Григорию Лысенко исполнилось 38 лет, Сергею Боженко – едва 18. Беспартийные и комсомольцы, прежде судимые и нет, работающие и не работающие, женатые и холостые, все они сейчас были связаны общим обвинением, как активные участники и подстрекатели массовых беспорядков. 36-летний Александр Скобликов, имевший патент фотографа, содержал на иждивении троих малолетних детей, 20-летний Виктор Чукань – инвалид второй группы не имел правой руки, а Василий Сулим, хотя и являлся гражданином СССР, по национальности был аргентинцем, уроженцем провинции Чако южноамериканского государства.

Судебная коллегия установила, что преступные действия каждого из подсудимых состояли в следующем:

Лысенко. С целью учинения массовых беспорядков, произносил в адрес милиции оскорбительные слова, призывал толпу избивать работников милиции. С этой целью стащил с подножки автомобиля работника милиции Мельника В.Т., требовавшего, чтобы толпа отошла от автомобиля медвытрезвителя. Затем Лысенко требовал вызова руководящих работников и корреспондентов. Прибывшему на место происшествия председателю горисполкома Н. Ктитареву, Лысенко бросил в лицо горящий окурочок папиросы, угрожал ему

смещением с должности.

Сулим. Вместе с другими опрокинул автомашину медвытрезвителя, а когда работник милиции майор Глущевский попытался утихомирить толпу и сделал Сулиму замечание, он сорвал погон с его форменной одежды, и тут же кто-то сорвал второй погон. Также требовал прибытия к месту происшествия начальства из Киева и Москвы. При задержании от него слышался резкий запах алкоголя.

Скобликов. Находясь среди бесчинствующей толпы на проспекте Ленина, куда прибыл около 17 часов 15 минут, взобрался на забор и фотографировал происходящие события. С циничной развязностью пытался сфотографировать председателя горисполкома, выкрикивал свои неуместные претензии, чем подстрекал толпу.

Коваленко. Призывал толпу к учинению массовых беспорядков, участвовал в опрокидывании автомашины вытрезвителя. После того, как машина была перекинута, Коваленко взял в салоне канистру с бензином и, облив им машину, вместе с другими поджёг её. (На одном из фотоснимков, сделанных на проспекте Ленина, заснят Коваленко в тот момент, когда он из канистры обливал автомашину бензином (л.д. 16 тома 1).

Вирко. Выкрикивал угрозы в адрес работников милиции, срывал шланги с пожарной машины. Призывая толпу двигаться к административному зданию на площадь Дзержинского, Вирко, взобравшись вместе с другими в кузов грузовика ГАЗ-51, размахивал обгоревшей гармошкой, принадлежащей одному из потерпевших, вместе с другими скандировал «Позор!»

Чукань. Находясь среди бесчинствующей толпы на проспекте Ленина около 19 часов 30 минут, совместно с другими опрокидывал сгоревшую автомашину вытрезвителя, которую затем по призыву Чуканя и других стали буксировать к зданию горисполкома и горкома. Чукань призывал толпу идти к городскому отделу внутренних дел с целью учинения погрома и расправы над работниками милиции, кричал «Позор!». Возле здания ГОВД Чукань бросал камни в окна, выкрикивал нецензурные слова, призывал к погрому служебных помещений. По его примеру был сломан забор возле 9-й горбольницы, и хулиганы стали вооружаться палками, и Чукань их подбадривал к проведению беспорядков.

Мацькян. Появившись на проспекте Ленина среди бесчинствующей толпы около 17 часов, организовал опрокидывание автомашины медвытрезвителя. Для этого Мацькян сел за руль этой машины, вывернул колёса и подал команду, чтобы толпа опрокидывала машину вместе с ним.

Боженко. Принимал участие в избиении работников милиции на проспекте Ленина. Бил ногами стёкла фар, снимал с задних фонарей лампочки. На площади им. Дзержинского Боженко вооружился палкой и бегал перед административным зданием.

Прусов. Первый побежал к входной двери административного здания, сорвал дверь и вместе с другими проник в помещение, где был учинен погром. Кричал «Позор! К горкому!»

Все подсудимые признали свою вину частично, за исключением Скобликова, который виновным себя в судебном заседании не признал. Он пояснил, что не призывал к учинению массовых беспорядков, а только фотографировал; на козырёк административного здания

взобрался тоже с целью сделать снимок. Не отрицает, что в толпе обращался к председателю горисполкома и вёл с ним разговор о квартире.

Однако судебная коллегия объяснения Скобликова признала неправдоподобными и опровергающимися материалами дела. Так, свидетель Михайлюта показала суду, что во время массовых беспорядков мужчина (Скобликов), стоящий на заборе, кричал, обращаясь в грубой форме к председателю горисполкома, чтобы тот смотрел на него, а он будет его фотографировать. Свидетель Терещук показал, что когда к председателю горисполкома подошёл фотограф Сашка (то есть, подсудимый Скобликов), он начал громко говорить толпе, что приходил к председателю и просил квартиру, но ему отказали. После этого все начали свистеть. Свидетель Тараненко пояснила в суде, что она видела на козырьке парадного входа подсудимого Скобликова, которого хорошо знает по работе в одном цехе. Он размахивал руками и что-то кричал. А когда Скобликов приблизился к ней, и она сделала ему замечание, подсудимый в ответ обругал её нецензурно и стал кричать: «Вы по двадцать лет работаете, привыкли подчиняться, а я не боюсь...»

Содеянное подсудимыми по определению судебной коллегии свидетельствовало о том, что все они действовали умышленно, сознавая, что своим поведением и активным участием склоняли массу людей к совершению погромов, разрушений, поджогов, к сопротивлению власти с применением физического насилия. Поэтому их действия были квалифицированы по ст.71 УК УССР, как массовые беспорядки.

Судебная коллегия приговорила:

Лысенко и Сулима – сроком на 15 лет каждого.

Чуканя и Скобликова – сроком на 12 лет каждого.

Коваленко – сроком на 10 лет.

Прусова и Вирко – сроком на 7 лет каждого.

Мацькяна – сроком на 6 лет.

Боженко – сроком на 5 лет.

Отбывание наказания осужденным определили в исправительно-трудовых колониях:

Лысенко, Вирко, Чуканю, Прусову, Мацькяну и Боженко – усиленного режима; Сулиму, Скобликову и Коваленко – строгого режима.

Даже сейчас по прошествии стольких лет нелегко однозначно ответить на вопрос, кто были эти люди – правонарушители, герои, мученики, жертвы обстоятельств или репрессированные тоталитарной системой. Но получить пятнадцать лет колонии усиленного режима за окурки, брошенный в лицо председателя горисполкома, кажется невероятным и непомерным по своей жестокости. Впрочем, возможно, мы просто уже живём в другом времени и не помним судилищ тридцатых годов...

Кроме настоящего процесса, в Днепродзержинске и Днепропетровске прошли аналогичные судебные разбирательства, все осужденные отбывали сроки наказания по украинским колониям.

А что же милиционеры Виноград и Колесник, преступная халатность которых привела к мученической гибели троих людей, что послужило толчком к массовым выступлениям днепродзержинцев? По определению судебной коллегии их действия квалифицированы, как «допущенные нарушения при исполнении служебных обязанностей». За эти допущенные

нарушения Виноград и Колесник привлечены к уголовной ответственности и осуждены по другому делу. Тяжесть наказания автору настоящего исследования не известна.

В заключение можно добавить, что средства массовой информации полностью обошли молчанием события 25 июня. И только радиостанция «Свободная Европа» выступила с сообщением, что в Днепродзержинске произошли массовые антиправительственные выступления молодёжи, которые были жестоко подавлены.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

«...не проворным достается успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым хлеб, и не у разумных – богатство».
Екклесиаст 9. 11.

Разумеется, представленные в данной работе материалы, не исчерпывают всего спектра дел, относящихся к судебным процессам и преступности в Каменском-Днепродзержинске. Автор практически избегал описания уголовных дел и ситуации в этой сфере. Многие перипетии ушедших лет достаточно подробно освещены в других источниках. Это, к примеру, события, относящиеся к периоду Гражданской войны, голода 1932 – 1933 годов, гонения на религию, репрессии 1937 – 1938 годов по отношению к руководящим работникам Днепродзержинска и ряд других. Одновременно некоторые материалы о судебных процессах были представлены вторично для соблюдения хронологии. Многие ещё скрыты в архивах и ждёт своего исследователя. А сколько судеб таится в памяти народной! И в этом отношении автор в очередной раз сделал вывод о необходимости спешить встречаться с людьми. Ибо, как быстро уходят они из жизни. А вместе с ними совершенно уникальные знания о событиях, свидетелями которых они были.

Днепродзержинск, 2010 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

«ты не любопытствуй более, как нечестивые будут мучиться, но исследуй, как спасутся праведные».
3 книга Ездры 9.13.

ИМЕНА ПОВЕШЕННЫХ ЧЕХОВ и СЛОВАКОВ в ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ

6 июня 1918 года

(«ЮРИДИЧЕСКОЕ УБИЙСТВО»)

- 1) Дворжак Эдуард, уроженец Моравии, из Простейова.
- 2) Холечек Альберт, чех.
- 3) Мелихаржек Йоганн, валашец.
- 4) Шимечик Йозеф, валашец.
- 5) Холечек Йозеф, чех.
- 6) Зрачек Якуб, уроженец Моравии, из Простейова.

- 7) Воборжил Йозеф, чех из Пардубице.
- 8) Леффлер Вацлав, из Кладно.
- 9) Черны Йозеф, уроженец Моравии, из Ямисловице.
- 10) Блажек Йозеф, чех из Пардубице.
- 11) Бувиянек Йозеф, чех.
- 12) Гануш Йозеф, чех.
- 13) Пентлик Дозаберт, уроженец Моравии, из Кийце.
- 14) Черны Эмиль, уроженец Моравии, из Ямисловице Бродек.
- 15) Гржебик Антон, чех из Праги.
- 16) Жампах Виктор, уроженец Моравии.
- 17) Шкрован Мартин из Вены.

**СПИСОК РЕПРЕССИРОВАННЫХ ПО ДЕЛУ «ТРАНСПОРТНИКОВ»
ДНЕПРОВСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА им. ДЗЕРЖИНСКОГО
(П-7656 от 17.08.1937)**

- 1) Астреинов Леонид Иванович, 1910 г., инженер техбюро транспортного цеха.
- 2) Беспалов Борис Иосифович, 1898 г., начальник вагонной службы транспортного цеха.
- 3) Базыкин Григорий Дмитриевич, 1888 г., начальник паровозного депо.
- 4) Евсиенко Никифор Фёдорович, 1885 г., начальник отдела отгрузки транспортного цеха.
- 5) Космач Макар Григорьевич, 1882 г., начальник эксплуатации транспортного цеха.
- 6) Кункель Агнесса Филипповна, 1918 г., учётчица вагонов транспортного цеха.
- 7) Курилко /Курипко/ Леонид Антонович, 1900 г., диспетчер транспортного цеха.
- 8) Курилко /Курипко/ Демид Антонович, 1900 г., старший диспетчер транспортного цеха.
- 9) Прилепко Георгий Яковлевич, 1905 г., начальник депо.
- 10) Резниченко Николай Григорьевич, 1907 г., диспетчер транспортного цеха.
- 11) Рожков Михаил Хрисанфович, 1886 г., ревизор движения и начальник техбюро транспортного цеха.
- 12) Талюра Николай Никандрович, 1899 г., начальник службы пути транспортного цеха.
- 13) Чмыхов Пётр Дмитриевич, 1887 г., зам. начальника службы пути транспортного цеха.
- 14) Шагов Филипп Фёдорович, 1886 г., начальник станции транспортного цеха.
- 15) Шкловер Борис Моисеевич, 1902 г., инженер-нормировщик транспортного цеха.
- 16) Голоборотько Х.П., 1901 г., работник транспортного цеха.
- 17) Мищенко З.П., 1896 г., начальник транспортного цеха.

Постановлением тройки УНКВД по Днепропетровской обл. от 17.08.1937 г., подписанного комендантом УНКВД Гурбовским, прокурором Собко и помощником прокурора Липовым, все вышеперечисленные лица обвинены в принадлежности к контрреволюционной организации и расстреляны, за исключением А. Ф. Кункель, получившей 10 лет ИТЛ. Реабилитированы Военным трибуналом Киевского Военного Округа 28.06.1957 г.

**СПИСОК РЕПРЕССИРОВАННЫХ ПО ДЕЛУ «ПОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ВОЙСКОВОЙ»**

Постановлением тройки УНКВД по Днепропетровской области от 27 сентября и 3 октября 1938 года по сфабрикованному политическому процессу о контрреволюционной

деятельности был вынесен приговор следующим днепродзержинцам:

- 1) Орловский Владислав Францевич, 1908 г., поляк, до ареста работал заведующим поликлиникой азотно-тукового комбината (расстрелян).
- 2) Студзинский Генрих Генрихович, 1909 г., поляк, член партии с 1931 года, до ареста работал техником-плановиком отдела главного механика завода им. Дзержинского (расстрелян).
- 3) Новогурский Иван Иванович, 1889 г., поляк, до ареста работал котельщиком на заводе им. Дзержинского (расстрелян).
- 4) Радомский Франц Семёнович, 1902 г., поляк, женат, беспартийный, до ареста работал охранником на Днепродзержинской ГРЭС (расстрелян).
- 5) Горшкевич Фаддей Михайлович, 1905 г., поляк, до ареста работал токарем на заводе им. Дзержинского (расстрелян).
- 5) Башинский Казимир Иванович, 1910 г., поляк, до ареста работал инструктором механического цеха завода им. Дзержинского (расстрелян).
- 6) Гриневич Анатолий Константинович, 1911 г., белорус, до ареста работал мастером электроцеха азотно-тукового комбината (расстрелян).
- 7) Бадер Антон Иванович, 1903 г., поляк, до ареста работал главным бухгалтером азотно-тукового комбината (расстрелян).
- 8) Байдов Александр Семёнович, 1889 г., белорус, до ареста работал маляром на заводе им. Дзержинского (расстрелян).
- 9) Шут Трофим Иванович, 1878 г., украинец, до ареста работал сторожем на Аульском каменном карьере (расстрелян).
- 10) Рыбка Богдан Станиславович, 1919 г., поляк, до ареста работал токарем на заводе им. Дзержинского (расстрелян).
- 11) Зависляк Иосиф Иванович, 1892 г., поляк, до ареста работал разметчиком на заводе им. Дзержинского (расстрелян).
- 12) Завул Станислав Казимирович, 1891 г., поляк, до ареста работал мастером на заводе им. Дзержинского (расстрелян).
- 13) Засада Франц Иванович, 1895 г., поляк, до ареста работал бригадиром на заводе им. Дзержинского (расстрелян).
- 14) Глинский Марьян Людвигович, 1889 г., поляк, до ареста работал правильщиком в листопрокатном цехе завода им. Дзержинского (расстрелян).
- 15) Марковский Михаил Францевич, 1912 г., поляк, до ареста работал механиком на азотно-туковом комбинате (расстрелян).
- 16) Бредис Станислав Константинович, 1904 г., поляк, член партии с 1931 года, служащий, до ареста работал директором парка им. Шевченко [87] (расстрелян).
- 17) Бредис Болеслав Константинович, 1905 г., поляк, до ареста работал автогенщиком на заводе им. Дзержинского (расстрелян).
- 18) Иванский Владислав Иосифович, 1886 г., поляк, член партии с 1932 года, до ареста работал помощником начальника жилищно-коммунального отдела завода им. Дзержинского (расстрелян).
- 19) Орловецкий Иван Прокопьевич, 1910 г., поляк, до ареста работал токарем автобазы завода им. Дзержинского (расстрелян).
- 20) Булько Станислав Петрович, 1882 г., белорус, до ареста работал на вагоностроительном заводе им. газеты «Правда» (расстрелян).
- 21) Немчик Мечислав Томашевич, 1902 г., поляк, до ареста работал инспектором школ ФЗО г. Днепродзержинска (расстрелян).
- 22) Новицкий Владислав Иванович, 1897 г., поляк, до ареста работал слесарем на заводе им.

Дзержинского (расстрелян).

23) Ледвиг Роман Иванович, 1912 г., поляк, до ареста работал сверловщиком механического цеха завода им. Дзержинского (расстрелян).

24) Ледвиг Владислав Иванович, 1907 г., поляк, до ареста работал слесарем машинного зала днепродзержинской электростанции (расстрелян).

25) Кальвасинский Иосиф Иванович 1896 г., поляк, до ареста работал инструктором механического цеха завода им. Дзержинского (расстрелян).

26) Кальвасинский Бронислав Иванович, 1890 г., поляк, до ареста работал на заводе им. Дзержинского слесарем цеха металлоконструкций (10 лет ИТЛ, попал в отдельное делопроизводство).

27) Камасинский Григорий Францевич, 1913 г., поляк, до ареста работал слесарем на заводе им. Дзержинского (расстрелян).

28) Котовский Пантелей Васильевич, 1910 г., украинец, до ареста работал арматурщиком управления «Гражданстрой» (расстрелян).

29) Шимборский Леонтий Иванович, 1899 г., поляк, до ареста работал токарем на заводе им. Дзержинского (расстрелян).

30) Блонский Станислав Иосифович, 1909 г., поляк, до ареста работал токарем на заводе им. Дзержинского (расстрелян).

31) Блонский Казимир Иосифович, поляк, до ареста работал на заводе имени Дзержинского (сведений о приговоре нет).

32) Билецкий Пётр Артёмович, 1873 г., поляк, до ареста работал токарем на заводе им. Дзержинского (расстрелян).

33) Буковский Генрих Вячеславович, 1904 г., поляк, до ареста работал заведующим конторой доменного цеха завода им. Дзержинского (расстрелян).

34) Бухман Густав Павлович, 1903 г., немец, до ареста работал токарем автогаража завода им. Дзержинского (расстрелян).

35) Бухман Александр Павлович, 1905 г., немец, до ареста работал нормировщиком на электростанции завода им. Дзержинского (расстрелян).

36) Васильковский Леонид Иванович, 1899 г., поляк, до ареста работал машинистом-наставником на вагоностроительном заводе им. газеты «Правда» (расстрелян).

37) Висловский Антон Иванович, 1913 г., поляк, до ареста работал грузчиком на заводе им. Дзержинского (10 лет ИТЛ).

38) Волков Георгий Иванович, 1906 г., русский, до ареста работал диспетчером на заводе им. Дзержинского (расстрелян).

39) Владарчук Иосиф Степанович, 1906 г., поляк, до ареста работал сталеваром на заводе им. Дзержинского (расстрелян).

40) Жонголович Иван Францевич, 1906 г., поляк, до ареста работал столяром на заводе им. Дзержинского (расстрелян).

41) Жулинский Иван Вячеславович, 1906 г., поляк, до ареста работал на вагоностроительном заводе им. газеты «Правда» (10 лет ИТЛ).

42) Вильчинский Константин Фёдорович, 1901 г., украинец, до ареста работал плотником на вагоностроительном заводе им. газеты «Правда» (расстрелян).

43) Кранковский Михаил Михайлович, 1890 г., поляк, до ареста работал на заводе им. Дзержинского (расстрелян).

44) Кранковский Болеслав Михайлович, 1902 г., поляк, до ареста работал вальцовщиком на заводе им. Дзержинского (расстрелян).

45) Москаль Вацлав Михайлович, 1907 г., поляк, до ареста работал мастером на заводе им. Дзержинского (расстрелян).

46) Муравский Владимир Эдуардович, 1887 г., поляк, до ареста работал главным механиком

треста «Теплоэнергострой» (расстрелян).

47) Храповицкий Бронислав Иосифович, 1906 г., поляк, член партии с 1928 года, до ареста работал ревизором эксплуатации транспортного цеха завода им. Дзержинского (расстрелян).

48) Мрочек Казимир Михайлович, 1910 г., поляк, до ареста работал слесарем в механическом цехе завода им. Дзержинского (расстрелян).

49) Бояров Станислав Францевич, 1897 г., белорус, член ВКП(б), до ареста жил и работал в г. Днепродзержинске (расстрелян).

50) Бабич Франц Яковлевич, 1901 г., поляк, до ареста работал на коксохимическом заводе (расстрелян).

51) Кедо Эдуард Иванович, 1898 г., литовец, до ареста работал на вагоностроительном заводе им. газеты «Правда» (расстрелян).

52) Бутылин Максим Ефремович, 1885 г., белорус, до ареста работал на заводе им. Дзержинского (расстрелян).

53) Вансевич Франц Мартинович, 1900 г., поляк, до ареста работал охранником на азотно-туковом комбинате (расстрелян).

54) Галадис Игнатий Иосифович, 1878 г., литовец, до ареста работал на заводе им. Дзержинского (расстрелян).

55) Галинзовский Станислав Константинович, 1905 г., поляк, до ареста работал мастером-сантехником Днепродзержинского управления «Сантехстрой» (расстрелян).

56) Ранник Франц Теофильевич, 1902 г., поляк, до ареста работал на заводе им. Дзержинского (расстрелян).

57) Журек Леон Иванович, 1902 г., поляк, до ареста работал машинистом крана в мартеновском цехе №3 завода им. Дзержинского (10 лет ИТЛ).

58) Славинский Мечислав Иванович, 1899 г., поляк, до ареста работал на заводе им. Дзержинского (расстрелян).

59) Космальский Владимир Францевич, 1909 г., поляк, до ареста работал в горпищеторге (расстрелян).

60) Сидорович Александр Иосифович, 1884 г., белорус, до ареста работал на заводе им. Дзержинского (расстрелян).

61) Хржонщевский Алексей Иосифович, 1882 г., поляк, до ареста находился на пенсии, бывший вальцетокарь на заводе имени Дзержинского (расстрелян).

62) Рябцев Макар Максимович, 1900 г., белорус, до ареста работал на заводе им. Дзержинского (расстрелян).

63) Ходоровский Франц Аполинарьевич, 1904 г., поляк, до ареста работал начальником автобазы завода им. Дзержинского (расстрелян).

64) Цихонь Станислав Юзефович, 1890 г., поляк, до ареста работал на заводе им. Дзержинского (расстрелян).

65) Роля Адольф Станиславович, 1898 г., поляк, до ареста работал вальцовщиком на заводе им. Дзержинского (расстрелян).

66) Роля Бронислав Станиславович, 1892 г., поляк, до ареста жил и работал в Днепродзержинске (расстрелян).

67) Лищинский Станислав Иосифович, 1911 г., поляк, до ареста жил и работал в г. Днепродзержинске (10 лет ИТЛ).

68) Каминский Борис Маркович, 1908 г., поляк, до ареста работал вторым секретарём парткома завода им. Дзержинского (расстрелян).

69) Моргун Сергей Григорьевич, 1896 г., украинец, до ареста работал слесарем в днепродзержинской артели «Красный гвоздильщик» (расстрелян).

70) Сосновский Иван Григорьевич, 1878 г., украинец, до ареста работал слесарем на заводе им. Дзержинского (расстрелян).

- 71) Парадня Иван Юлианович, 1907 г., поляк, до ареста работал слесарем на Днепродзержинской электростанции (расстрелян).
- 72) Подлесный Фёдор Петрович, 1895 г., украинец, до ареста работал комендантом Днепродзержинского горпищеторга (расстрелян).
- 73) Пшедлянский Чеслав Людвигович, 1911 г., поляк, до ареста работал токарем на заводе им. Дзержинского (расстрелян).
- 74) Григас Антон Адамович, 1905 г., поляк, член партии с 1926 года, до ареста работал техником-калькулятором механического цеха завода им. Дзержинского (расстрелян).
- 75) Ивашкевич Владислав Ромуальдович, 1908 г., поляк, кандидат в члены партии с 1930 года, до ареста работал техником в контрольной лаборатории завода им. Дзержинского (расстрелян).
- 76) Ивашкевич Сигизмунд Рафаилович, 1893 г., поляк, мастер вагоностроительного завода им. газеты «Правда» (расстрелян).
- 77) Рачинский Эдуард Викентьевич, 1899 г., поляк, до ареста работал бухгалтером на заводе им. Дзержинского (расстрелян).
- 78) Девятковский Александр Бонифатьевич, 1908 г., поляк, до ареста работал диспетчером водного транспорта завода им. Дзержинского (расстрелян).
- 79) Денисенко Илья Семёнович, 1891 г., украинец, до ареста работал в горпромторге (расстрелян).
- 80) Домерацкий Томаш Иванович, 1877 г., поляк, до ареста работал машинистом прокатного цеха завода им. Дзержинского (расстрелян).
- 81) Домерацкий Адам Александрович, 1897 г., поляк, до ареста работал машинистом на заводе им. Дзержинского (расстрелян).
- 82) Жуковский Константин Константинович, 1892 г., литовец, кандидат в члены партии с 1934 года, до ареста работал обер-мастером рельсобалочного цеха завода им. Дзержинского (расстрелян).
- 83) Шкула Степан Павлович, 1898 г., поляк, до ареста работал в доменном цехе завода им. Дзержинского (расстрелян).
- 84) Шукис Владимир Иванович, 1903 г., латыш, до ареста работал на вагоностроительном заводе им. газеты «Правда» (24.01.1939 дело прекращено, освобождён из-под стражи).
- 85) Малиновский Гвидон Петрович, 1903 г., поляк, до ареста работал в доменном цехе завода им. Дзержинского (расстрелян).
- 86) Порванчук Владимир Юрьевич, 1907 г., русский, до ареста работал на заводе им. Дзержинского (расстрелян).
- 87) Обухович Франц Станиславович, 1910 г., поляк, член партии с 1931 года, до ареста работал заместителем начальника азотно-тукового комбината, заместителем секретаря СПК (расстрелян).
- 88) Ковальский Теодор Францевич, 1910 г., поляк, член партии с 1932 года, до ареста работал инструктором РПК КП(б)У завода им. Дзержинского (расстрелян).
- 89) Коваль Вацлав Теодорович, 1893 г., поляк, до ареста работал грузчиком на заводе им. Дзержинского (расстрелян).
- 90) Синкевич Викентий Адамович, 1899 г., литовец, до ареста работал бухгалтером на заводе им. Дзержинского (расстрелян).
- 91) Коловский Иосиф Феликсович, 1891 г., поляк, до ареста работал сторожем на заводе им. Дзержинского (расстрелян).
- 92) Кублицкий Василий Михайлович, 1910 г., поляк, член партии с 1931 года, до ареста работал редактором газеты «Знамя Дзержинки» (расстрелян).
- 93) Янковский Болеслав Никодимович, 1909 г., поляк, до ареста работал на заводе им. Дзержинского (расстрелян).

- 94) Ливинский Станислав Николаевич, 1910 г., поляк, до ареста работал арматурщиком треста «Теплоэнергострой» (расстрелян).
- 95) Лисицкий Станислав Францевич, 1911 г., поляк, до ареста работал в транспортном цехе завода им. Дзержинского (расстрелян).
- 96) Лозовский Борис Иосифович, 1900 г., поляк, до ареста работал машинистом на заводе им. Дзержинского (расстрелян).
- 97) Темидович Егор Порфентьевич, 1888 г., белорус, до ареста работал в мартеновском цехе завода им. Дзержинского (расстрелян).
- 98) Шимковский Ян Войцехович, 1884 г., поляк, до ареста работал бухгалтером днепродзержинского горпищеторга (расстрелян).
- 99) Утикалов Фёдор Карпович, 1908 г., немец, до ареста работал на вагоностроительном заводе им. газеты «Правда» (расстрелян).
- 100) Якушин Иван Францевич, 1908 г., поляк, до ареста работал электрослесарем цементного завода (расстрелян).
- 101) Грозовский Василий Дмитриевич, до ареста работал на заводе им. Дзержинского (сведений о приговоре нет).
- 102) Филиппов Фёдор Кириллович, до ареста работал на заводе им. Дзержинского (сведений о приговоре нет).
- 103) Збицкий Терентий Павлович, до ареста работал шофером автогаража завода им. Дзержинского (сведений о приговоре нет).
- 104) Шуберт Андрей, до ареста работал на заводе им. Дзержинского (сведений о приговоре нет).
- 105) Баласевич Юрий Юрьевич, до ареста работал токарем силовой мастерской завода им. Дзержинского (сведений о приговоре нет).
- 106) Ольшевский Генри, до ареста работал конструктором отдела главного механика завода им. Дзержинского (сведений о приговоре нет).
- 107) Квач Александр Филиппович, до ареста работал на заводе им. Дзержинского (сведений о приговоре нет).
- 108) Игнатович Михаил Михайлович, до ареста работал мастером по ремонту столовых завода им. Дзержинского (нет сведений о приговоре).
- 109) Осташкевич Илья Антонович, до ареста работал инженером на заводе Запорожсталь (сведений о приговоре нет).
- 110) Деминский, до ареста работал главным бухгалтером горпищеторга (сведений о приговоре нет).
- 111) Славиковский Пётр Адольфович, до ареста работал инженером на заводе им. Дзержинского (из-под стражи освобождён).

Всего по данным архива СБУ в Днепропетровской области по делу «Польской Организации Войсковой» в Днепродзержинске проходило 113 человек: 47 человек по первому слушанию и 66 человек по второму слушанию; 15 арестованных перевели в отдельное делопроизводство.

Президиум Днепропетровского областного суда, рассмотрев на заседании 27 июня 1956 года протест прокурора области по материалам данного процесса, постановление особой тройки НКВД в отношении вышеперечисленных лиц и дело за отсутствием состава преступления на основании статьи 4 п. «Д» УПК УССР отменил. На основании ст. 1 Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий в Украине» от 17.04.1991 года все лица несуществующей «Польской Организации Войсковой» являются реабилитированными.

АРХИВНО-СЛЕДСТВЕННОЕ «ДЕЛО СВЯЗИСТОВ»: П-12474 в ГАДО.

- 1) Ананченко Борис Дмитриевич, 1881 г., конюх Днепродзержинского городского узла связи.
- 2) Бука Дмитрий Степанович, 1909 г., зав. гаража Днепродзержинского отделения связи.
- 3) Деркач Филипп Трофимович, 1876 г., почтальон Днепродзержинского городского отделения связи.
- 4) Дощенко Пётр Феофанович, 1893 г., конюх Днепродзержинского городского отделения связи.
- 5) Великий Фома Григорьевич, 1897 г., кладовщик Днепродзержинского районного отделения связи.
- 6) Билык Яков Кузьмич, 1882 г., конюх Днепродзержинского городского отделения связи
- 7) Бобровский Даниил Иванович, 1910 г., шофер Днепродзержинского городского отделения связи.
- 8) Бойко Ефим Фёдорович, 1899 г., зав. канцелярией Днепродзержинского городского отделения связи.
- 9) Гусар Григорий Федотович, 1907 г., бухгалтер Днепродзержинского городского отделения связи.
- 10) Данилейко Григорий Михайлович, 1900 г., начальник отделения связи Днепродзержинского азотно-тукового комбината.
- 11) Дудник Тимофей Тимофеевич, 1886 г., начальник отделения связи в с. Николаевка Днепродзержинского р-на.
- 12) Палагута Кузьма Мефодьевич, 1901 г., начальник Днепродзержинского городского отделения связи №4.
- 13) Массалов Анисим Антонович, 14.02.1898 р., начальник Романковского сельского отделения связи Днепродзержинского горсовета.
- 14) Щербань Иван Кириллович, 1895 г., начальник отделения связи Днепродзержинского почтампа.
- 15) Черевко Устим Матвеевич, 1892 г., завхоз Днепродзержинского городского отделения связи.
- 16) Иванов Анатолий Дмитриевич, 1891 г., бухгалтер Днепродзержинского городского радиоузла.
- 17) Мельник Павел Петрович, 1886 г., почтальон Днепродзержинского городского отделения связи.
- 18) Цыпа Аким Петрович, 1892 г., извозчик Днепродзержинского отделения связи.
- 19) Романченко Павел Фёдорович, 1884 г., начальник 2-го отделения связи г. Днепродзержинска.
- 20) Новоселецкий Андриан Антонович, 1881 г., начальник отделения связи на станции Баглей Сталинской железной дороги.
- 21) Тонконог Сергей Данилович, 1886 г., сортировщик городского узла связи.

Все вышеназванные лица постановлением тройки УНКВД по Днепропетровской обл. от 03.10.1938 года обвинены в принадлежности к контрреволюционной и антисоветской организации и расстреляны. Реабилитированы постановлением Военного трибунала Киевского Военного Округа от 04.03.1958 года.

ЖЁНЫ, ДЕТИ и ЧЛЕНЫ СЕМЕЙ «ВРАГОВ НАРОДА»

- 1) Егудис Марьям Эдидовна, бухгалтер днепродзержинской лакофабрики, имела дочь. Постановлением Особого совещания НКВД СССР от 02.10.1937 г. как жена репрессированного, приговорена к пяти годам исправительно-трудовых лагерей.
- 2) Меркушина Агафья Алексеевна, учительница днепродзержинской СШ№9, мать двоих детей, 02.11.1937 г. как жена репрессированного приговорена к 5 годам лагерей.
- 3) Шевченко Евдокия Даниловна, уборщица на заводе им. Дзержинского, 02.11.1937 г. как жена репрессированного приговорена к 8 годам лагерей.
- 4) Нестеренко Евдокия Павловна, домохозяйка, мать двоих дочерей, 02.11.1937 г. как жена репрессированного приговорена к 5 годам лагерей.
- 5) Белокобыльская Ульяна Сергеевна, домохозяйка, мать двоих детей, 02.12.1937 г. как жена репрессированного приговорена к 5 годам лагерей.
- 6) Маева Мария Ивановна, домохозяйка, мать двоих детей, 04.12.1937 г. как жена репрессированного приговорена к 5 годам лагерей
- 7) Вельк Мальвина Мартыновна, домохозяйка, мать двоих детей, 16.12.1937 г. как жена репрессированного приговорена к 5 годам лагерей.
- 8) Жданова Ольга Степановна, домохозяйка, мать двоих детей, 16.12.1937 г. как жена репрессированного приговорена к 5 годам лагерей.
- 9) Генних Елизавета Ивановна, домохозяйка, сын 10 лет, 16.12.1937 г. как жена репрессированного приговорена к 5 годам лагерей.
- 10) Кириллова Мария Онуфриевна, домохозяйка, 1 сын, 16.12.1937 г. как член семьи репрессированного приговорена к 8 годам лагерей.
- 11) Печерная Неонила Ивановна, заведующая библиотекой курсов мастеров завода им. Дзержинского, мать троих детей, 16.12.1937 г. как жена репрессированного приговорена к 8 годам лагерей.
- 12) Киященко Наталья Павловна, домохозяйка, вдова, мать двоих детей. 02.03.1938 г. как жена репрессированного лишена права проживания в 15 пунктах СССР на 5 лет.
- 13) Ржечковская Александра (Ольга) Станиславовна, домохозяйка, мать двоих детей, 02.06.1938 г. как жена репрессированного отправлена в ссылку на 5 лет.
- 14) Шкода Елена Лукашевна, домохозяйка, мать двоих детей, 02.06.1938 г. как социально-опасный элемент выслана в Казахстан на 5 лет.
- 15) Добржинская Софья Антоновна, модистка швейной фабрики им. Чубаря, мать двоих сыновей, 21.06.1938 г. как жена репрессированного приговорена к 8 годам лагерей.
- 16) Дудченко Мотрона Платоновна, домохозяйка, 21.06.1938 г. как жена репрессированного приговорена к 5 годам лагерей.
- 17) Сурина Вера Васильевна, инспектор днепродзержинской электростанции, мать двоих дочерей, 21.06.1938 г. как жена репрессированного приговорена к 8 годам лагерей.
- 18) Бедынская Мария Францевна, домохозяйка, 02.07.1938 г. как жена репрессированного выслана в Казахстан на 5 лет.
- 19) Бышевская Анна Макаровна, домохозяйка, мать пятерых детей, 02.07.1938 г. как жене репрессированного запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 20) Бржезовская Авдотья Алексеевна, чернорабочая кирпичного цеха завода им. Дзержинского, мать троих дочерей, 02.07.1938 г. как «социально опасному элементу» запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 21) Скрушинская Каролина Феликсовна, учительница днепродзержинской НСШ №4, 1 сын, 02.07.1938 г. как «социально опасный элемент» выслана в Казахстан на 3 года.
- 22) Варяница Фекла Григорьевна, учительница младших классов школы №22, сын 8 лет, дочь

- 6 лет, 02.07.1938 г. как жене репрессированного запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 23) Владарчик Станислава Викторовна, домохозяйка, сыновья 14 и 11 лет, дочь 22 года, 02.07.1938 г. как жена репрессированного приговорена к 5 годам лагерей.
- 24) Волянская Анна Филипповна, учительница днепродзержинской школы №22, одна дочь, 02.07.1938 г. как жене репрессированного запрещено проживание в 15 городах СССР.
- 25) Балла Феодосия Назаровна, прачка днепродзержинского детского дома, сын 25 лет, 02.07.1938 г. как жена репрессированного выслана в Казахстан на 5 лет.
- 26) Бабярж Мальвина Игнатъевна, модистка днепродзержинского ателье мод, дети 17 и 13 лет, 02.07.38 г. как жена репрессированного выслана в Казакстан на 5 лет.
- 27) Смоляр Анна Тихоновна, домохозяйка, 02.07.1938 г. как члену семьи репрессированного запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 28) Фишман Сара Исааковна, врач 4-й рабочей поликлиники г. Днепродзержинска, 02.07.1938 г. как жене репрессированного запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 29) Баумер Прасковья Афанасьевна, домохозяйка, 1 дочь, 02.07.1938 г. как жене репрессированного запрещено проживание в 15 городах СССР.
- 30) Гервазюк Мария Филипповна, заведующая котельной Днепродзержинского азотно-тукового комбината, 02.07.1938 г. как жене репрессированного запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 31) Град Анна Антоновна, работница завода им. Дзержинского, сын 10 лет, 02.07.1938 г. как жене репрессированного запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 32) Гузеева Любовь Петровна, домохозяйка, мать четверых детей, 02.07.1938 г. как члену семьи репрессированного запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 33) Петруха Мария Васильевна, домохозяйка, мать двоих детей, 02.07.1938 г. как члену семьи репрессированного запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 34) Романюк-Дьячковская Надежда Арсентьевна, чернорабочая на швейной фабрике им. Чубаря, мать четверых детей, 02.07.1938 г. как жена репрессированного выслана в Казахстан сроком на 5 лет.
- 35) Дранчук Екатерина Семёновна, домохозяйка, 1 сын, 02.07.1938 г. как жене репрессированного запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 36) Глущенко-Нейман Александра Дмитриевна, домохозяйка, 02.07.1938 г. как жене репрессированного запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 37) Гроднер Ирина Васильевна, работница завода им. Дзержинского, сын 14 лет, 02.07.1938 г. как члену семьи репрессированного запрещено проживание в 15 городах СССР.
- 38) Доморацкая Александра Матвеевна, находилась на содержании мужа, мать двоих детей, 02.07.1938 г. как жене репрессированного запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 39) Кошелькова Анна Парфёновна, домохозяйка, мать троих детей, 02.07.1938 г. как жене репрессированного запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 40) Кржевицкая Анелия Онуфриевна, домохозяйка, мать двоих дочерей, 02.07.1938 г. как жена репрессированного выслана на 5 лет в Казахстан.
- 41) Кузнецова Нина Ивановна, домохозяйка, 1 сын, 02.07.1938 г. как жене репрессированного запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 42) Курек (Куряк) Татьяна Сергеевна, домохозяйка, мать двоих дочерей, 02.07.1938 г. как жена репрессированного выслана в Казахстан сроком на 5 лет.
- 43) Пекач Анастасия Григорьевна, домохозяйка, 02.07.1938 г. как жене репрессированного запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 44) Пидтероб Серафима Ивановна, домохозяйка, мать троих детей, 02.07.1938 г. как жена репрессированного выслана в Казахстан сроком на 5 лет.

- 45) Прожедляцкая Михайлина Людвиговна, счетовод института охраны матери и ребёнка, 1 сын, 02.07.1938 г. как жена репрессированного выслана в Казахстан сроком на 5 лет.
- 46) Селяник Екатерина Дементьевна, домохозяйка, мать двоих детей, 02.07.1938 г. как жене репрессированного запрещено проживание в 15 городах СССР.
- 47) Стельмах Анна Игоревна, находилась на содержании мужа, 1 сын, 02.07.1938 г. как жене репрессированного запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 48) Стрижечковская Янина Ивановна, домохозяйка, 1 дочь, 02.07.1938 г. жена репрессированного выслана в Казахстан сроком на 5 лет.
- 49) Хилько-Шнитко Евгения Павловна, помощник повара на фабрике-кухне, 02.07.1938 г. как жене репрессированного запрещено проживание в 15 горподах СССР сроком на 5 лет.
- 50) Якимчук Мария Васильевна, пенсионерка, двое детей, 02.07.1938 г. как жена репрессированного выслана в Казахстан сроком на 5 лет.
- 51) Ковтун Прасковья Павловна, домохозяйка, вдова, 02.07.1938 г. как члену семьи репрессированного запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 52) Евтух Елизавета Васильевна, находилась на содержании мужа, 1 сын, 02.07.1938 г. как социально-опасный элемент выслана в Казахстан сроком на 5 лет.
- 53) Кива Анисья Иосифовна, домохозяйка, вдова, мать троих детей, 02.07.1938 г. как социально-опасному элементу запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 54) Косовская Владислава Станиславовна, домохозяйка, вдова, мать двоих дочерей, 02.07.1938 г. как социально-опасный элемент приговорена к 3 годам лагерей.
- 55) Кубяк Эмилия Вильгельмовна, домохозяйка, 1 дочь, 02.07.1938 г. как социально-опасный элемент выслана в Казахстан сроком на 5 лет.
- 56) Лавровская Мария Филипповна, браковщица металла фасонно-литейного цеха завода им. газеты «Правда», 1 дочь, 02.07.1938 г. как социально-опасному элементу запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 57) Салтисьяк Янина Иосифовна, счетовод завода им. Дзержинского, 1 дочь, 02.07.1938 г. как социально-опасный элемент выслана в Казахстан сроком на 5 лет.
- 58) Шимяткина Лидия Васильевна, домохозяйка, 02.07.1938 г. как социально-опасный элемент приговорена к 3 годам лагерей.
- 59) Эндржейчик Елизавета Алексеевна, домохозяйка, вдова, дочь 19 лет, 02.07.1938 г. как социально-опасному элементу запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 60) Кальвасинская Теодора Войцеховна, домохозяйка, 02.07.1938 г. Как социально-опасный элемент выслана в Казахстан сроком на 5 лет.
- 61) Маньковская Валентина Даниловна, уборщица главной конторы завода им. Дзержинского, мать двоих детей, 02.07.1938 г. Как социально-опасный элемент выслана в Казахстан сроком на 5 лет.
- 62) Сидорович Надежда Ивановна, домохозяйка, 1 сын, 02.07.1938 г. Как социально-опасному элементу запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 63) Рогуцкая Станислава Ивановна, домохозяйка, 02.07.1938 г. обвинена в антисоветской деятельности, выслана в Северный край сроком на 3 года.
- 64) Глезмер Ванда Эдуардовна, домохозяйка, 1 дочь, 08.07.1938 г. как член семьи репрессированного приговорена к 5 годам лагерей.
- 65) Ланг (Ланге) Софья Захаровна, домохозяйка, вдова, 1 сын, 08.07.1938 г. как член семьи репрессированного приговорена к 5 годам лагерей.
- 66) Манаенкова Мария Степановна, председатель женсовета завода им. Дзержинского, мать троих детей, 08.07.1938 г. как жена репрессированного приговорена к 5 годам лагерей.
- 67) Соболева Вера Антоновна, домохозяйка, 08.07.1938 г. как жена репрессированного приговорена к 3 годам лагерей.
- 68) Белокобыльская Мария Васильевна, домохозяйка, мать четверых детей, 20.07.1938 г. как

- социально-опасному элементу запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 69) Макеева-Грейс Рахиль Лазаревна, кассир городской столовой №10, 1 дочь, 21.07.1938 г. как жена репрессированного приговорена к 5 годам лагерей.
- 70) Гаврищук Анастасия Ивановна, стрелочница транспортного цеха завода им. Дзержинского, 21.07.1938 г. как жена репрессированного выслана в Казахстан сроком на 5 лет.
- 71) Касьянова Екатерина Алексеевна, домохозяйка, мать троих детей, 21.07.1938 г. как жена репрессированного отдана под гласный надзор на 2 года по месту жительства (г. Днепродзержинск).
- 72) Ключко Феликса Александровна, домохозяйка, мать двоих дочерей, 21.07.1938 г. как жена репрессированного приговорена к 5 годам лагерей.
- 73) Добржинский Ричард Викентьевич, ученик средней школы, 21.07.1938 г. как социально-опасный элемент приговорен к 5 годам лагерей.
- 74) Михальчук Бронислава Иосифовна, домохозяйка, мать двоих детей, 02.08.1938 г. как социально-опасный элемент выслана в Казахстан на 3 года.
- 75) Чернецкая-Христофорова Юзефа Степановна, работница швейной мастерской, мать двоих детей, 02.08.1938 г. как социально-опасному элементу запрещено проживание в 15 городах СССР сроком на 5 лет.
- 76) Левицкая Мотрона Трофимовна, домохозяйка, 02.08.1938 г. как жене репрессированного запрещено проживание в 15 городах СССР.
- 77) Савина Тамара Фёдоровна, счетовод Днепропетровского треста лёгкой промышленности, одинокая, проживала в Днепродзержинске, 17.02.1945 г. как социально-опасный элемент выслана на 5 лет.
- 78) Кригина Евдокия Фёдоровна, домохозяйка, замужем, мать двоих детей, 24.09.1945 г. как член семьи репрессированного выслана на 5 лет в Талды-Курганскую область.
- 79) Колода Анна Никитична, домохозяйка, мать двоих детей, 26.12.1945 г. как жена репрессированного выслана на 5 лет в Казахстан.
- 80) Сокол Мария Савельевна, секретарь учебной части ремесленного училища, 23.08.1947 г. как жена репрессированного выслана на 5 лет в Казахстан.

Все вышеназванные лица реабилитированы постановлениями соответствующих судов или прокуратур.

ПОСТРАДАВШИЕ ЗА ВЕРУ

1) Мицкевич Игнатий (1864 – 1935)

Место рождения: Польша, поляк, беспартийный, образование высшее, настоятель Каменского костёла св. Николая, место проживания: г. Каменское, дом священника при костёле, не женат. 18.06.1919 г. арестован Каменской ЧК, приговорен к расстрелу, убежал из-под стражи, эмигрировал в Польшу.

2) Томашевский Константин Теофильевич, 1883 г.

Место рождения: Польша, поляк, беспартийный (сочувствующий христианской социал-демократической партии), образование высшее, настоятель Каменского костёла св. Николая, место проживания: г. Каменское, дом священника при костёле, не женат. 19.05.1921 г. арестован Каменской ЧК по обвинению в дискредитации Советской власти и Компартии. Освобождён 19.05.1921 г. согласно резолюции председателя Каменского исполкома Лихоманова. В 1925 г. в связи с угрозой ареста покинул Каменское.

3) Розенбах Яков, 1885 г.

Немец из колонистов, беспартийный, образование высшее, настоятель Каменского костёла св. Николая, место проживания: г. Каменское, дом священника при костёле, не женат.

Арестован 12.10.1929 г. В 1930 г. спецколлективом Днепропетровского облсуда приговорён по ст. 54-10, 170, 111 УК УССР к 5 годам ИТЛ на Соловках. Освобождён в ноябре 1933 г. без права проживания в 12 городах СССР. В 1937 г. арестован в г. Курске, по обвинению в шпионаже в пользу Польши и Германии и участия в фашистско-шпионской организации.

Расстрелян в г. Орёл 10.04.1938 г.

4) Позняков Иван Харитонович, 1877 р.

Место рождения: с. Кринички Екатеринославской губ., украинец, из мещан, беспартийный, образование среднее, священник Вольнянской церкви, место проживания: с. Вольные Хутора Верхнеднепровского р-на, женат. Решением тройки ГПУ УССР от 03.11.1929 г. обвинён в антисоветской агитации, заключён в концлагерь на 5 лет.

5) Овчаренко Михаил Феокистович, 1906 г.

Место рождения: г. Александровск Северного Кавказа, русский, из служителей культа, беспартийный, образование начальное, мастер сварочных работ Каменского вагоностроительного завода им. газеты «Правда», место проживания: г. Каменское, женат. Особым совещанием ГПУ УССР 27.07.1933 г. обвинён в распространении к/рев. листовок, заключён в ИТЛ на 3 года.

6) Павловский Фёдор Михайлович, 1881 г.

Место рождения: с. Владимировка Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губ., украинец, священник Криничанской церкви, место проживания: с. Кринички Днепропетровской обл. от. 15.09.1937 г. обвинён в к/рев. агитации, заключён в ИТЛ на 8 лет.

7) Беспалов Александр Дмитриевич, 1908 г.

Место рождения: с. Малая Лепетиха Великолепетиского р-на Николаевской обл., украинец, из селян, беспартийный, образование начальное, помощник бухгалтера Днепропетровского пивного склада, место проживания: г. Днепропетровск, женат, 2 сына. Постановлением тройки УНКВД по Днепропетровской обл. от 22.09.1937 г. обвинён в принадлежности к к/рев. организации баптистов, заключён в ИТЛ на 10 лет.

8) Коробко Гурий (Григорий) Давидович, 1901 г.

Место рождения: с. Пашена Балка Днепропетровского р-на, украинец, из селян, беспартийный, образование начальное, рабочий Днепропетровского цементного завода, место проживания: г. Днепропетровск, женат, 3 дочери. Постановлением тройки УНКВД по Днепропетровской обл. от 22.09.1937 г. обвинён в участии в религиозной секте баптистов, заключён в ИТЛ на 10 лет.

9) Линецкий Пётр Григорьевич, 1882 г.

Место рождения: с. Лиховка Верхнеднепровского р-на, украинец, из селян, беспартийный, образование среднее, священник Козинской сельской церкви, место проживания: с. Козинка Днепропетровского р-на, женат. Решением тройки УНКВД по Днепропетровской обл. от 02.11.1937 г. обвинён в антисоветской агитации, заключён в ИТЛ на 10 лет.

10) Максимов Иван Сергеевич, 07.01.1888 г.

Место рождения: с. Мгар Лубенского р-на Полтавской обл., украинец, из семи служителей культа, беспартийный, образование начальное, рабочий утильцеха завода им. Дзержинского, место проживания: с. Карнауховка Днепропетровского р-на, женат, 2 детей.

Постановлением тройки УНКВД по Днепропетровской обл. от 02.11.1937 г. обвинён в антисоветской агитации, заключён в ИТЛ на 10 лет.

11) Новиков Андрей Филиппович, 1880 г.

Место рождения: с. Малый Рай Мстиславского р-на Московской обл., русский, из селян,

беспартийный, образование среднее, священник Карнауховской церкви, место проживания: с. Карнауховка Днепродзержинского р-на, женат. Тройкой УНКВД Днепропетровской обл. 02.11.1937 г. обвинён в антисоветской агитации, заключён в ИТЛ на 8 лет.

12) Сквирецкий Викентий Антонович, 1880 г.

Место рождения: с. Посваль Паневежского уезда (Литва), поляк, из селян, беспартийный, образование высшее, настоятель Днепродзержинского католического костёла, место проживания: г. Днепродзержинск, не женат. Особым совещанием НКВД СССР 09.11.1937 г. обвинён в антисоветской агитации, расстрелян.

13) Башак Фёдор Степанович, 09.02.1882 р.

Место рождения: с. Сказинцы Ярмолинецкого р-на Винницкой обл., украинец, из селян, беспартийный, малограмотный, служитель религиозного культа в г. Днепродзержинске, место проживания: г. Днепродзержинск, женат, 4 детей. Решением НКВД и Прокурора СССР от 10.11.1937 г. обвинён в шпионаже, расстрелян 20.11.1937 г.

14) Дашков Павел Кириллович, 02.11.1893 г.

Место рождения: г. Екатеринослав, украинец, из семьи служителей культа, беспартийный, образование среднее, комендант коммунального отдела управления “Энергострой” г. Днепродзержинска, место проживания: г. Днепродзержинск, женат, 2 детей. Постановлением тройки УНКВД по Днепропетровской обл. от 30.11.1937 г. обвинён в к/рев. деятельности; 08.12.1937 г. расстрелян.

15) Зубов Владимир Григорьевич, 1916 г.

Место рождения: с. Кринички Днепропетровской обл., украинец, из семьи служителей культа, беспартийный, образование неполное среднее, радиотехник завода им. Дзержинского, место проживания: г. Днепродзержинск, одинокий. Постановлением Особого совещания НКВД СССР от 08.12.1937 г. обвинён в принадлежности к к/рев. шпионской организации, расстрелян.

16) Лях Фёдор Николаевич, 1885 г.

Место рождения: х. Ляхи-Лесные Кобыляцкого р-на Полтавской обл., украинец, из селян, беспартийный, малограмотный, без определённого места работы, место проживания: г. Днепродзержинск, женат, 1 ребёнок. Постановлением тройки УНКВД УССР по Днепропетровской обл. от 26.12.1937 г. обвинён в участии в религиозной секте, расстрелян 28.12.1937 г.

17) Беззабава Георгий Николаевич, 03.04.1874 г.

Место рождения: с. Катериновка Анастасьевского р-на Ростовской обл., украинец, из семьи священника, беспартийный, образование среднее, священник Днепродзержинской церкви, место проживания: г. Днепродзержинск, женат. Приговором Днепропетровского облсуда от 26.01.1938 г. обвинён в к/рев. агитации, осужден к 5 годам ИТЛ.

18) Беленький Борис Иванович, 02.05.1868 г.

Место рождения: с. Ущепье Суразского р-на Черниговской обл., украинец, из служащих, беспартийный, образование высшее, служитель культа в г. Днепродзержинске, место проживания: г. Днепродзержинск, женат, 2 детей. Приговором Днепропетровского облсуда от 26.01.1938 г. обвинён в антисоветской агитации, осужден к 3 годам ИТЛ.

19) Троицкий Василий Петрович, 1902 г.

Место рождения: г. Урда (Казахстан), русский, из священников, беспартийный, образование среднее, бухгалтер завода им. Дзержинского, место проживания: г. Днепродзержинск, женат, 1 ребёнок. Решением НКВД и Прокурора СССР от 27.01.1938 г. обвинён в шпионаже, расстрелян 08.02.1938 г.

20) Надемский Александр Иванович, 1874 г.

Место рождения: с. Глеваха Васильковского р-на Киевской обл., украинец, из семьи священника, беспартийный, образование среднее, сторож Днепродзержинского управления “Водострой”, место проживания: г. Днепродзержинск, женат, 2 детей.

Днепропетровским облсудом 26.01.1938 г. обвинён в к/рев. агитации, осужден к 3 годам ИТЛ.
21) Горбачевич Леонид Евгеньевич, 1900 г.

Место рождения: г. Лельчицы Мозырского р-на (Белорусия), белорус, из семьи служителей культа, беспартийный, образование среднее, заместитель главного бухгалтера Днепродзержинского вагоностроительного завода им. газеты “Правда”, место проживания: г. Днепродзержинск, женат, дочери 16 лет. Постановлением тройки УНКВД по Днепропетровской обл. от 25.03.1938 г. обвинён в принадлежности к к/рев. организации, расстрелян.

22) Рубанистый Григорий Васильевич, 1864 г.

Место рождения: с. Романково Екатеринославской губ., украинец, беспартийный, образование среднее, бесприходный священник, место проживания: с. Романково Днепродзержинского р-на, вдовец. Приговором Днепропетровского облсуда от 03.04.1938 г. обвинён в к/рев. агитации, осужден к 5 годам ИТЛ.

23) Рубанистый Николай Васильевич, 1866 г.

Место рождения: с. Богдановка Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губ., украинец, из семьи священника, беспартийный, образование высшее, священник Днепродзержинской церкви, место проживания: г. Днепродзержинск, женат. Приговором Днепропетровского облсуда от 03.04.1938 г. обвинён в к/рев. агитации, осужден к 5 годам ИТЛ.

24) Перец Фёдор Яковлевич, 1871 г.

Место рождения: с. Николаевка Новомосковского р-на, украинец, из селян, беспартийный, образование духовная семинария, священник Днепродзержинской церкви, место проживания: г. Днепродзержинск, женат, 2 детей. Постановлением тройки УНКВД по Днепропетровской обл. от 11.04.1938 г. обвинён в участии в к/рев. организации, расстрелян.

25) Милевский Александр Матвеевич, 1870 г.

Место рождения: г. Жихлин (Польша), поляк, из мещан, беспартийный, образование начальное; до 1929 года староста костёла св. Николая, пенсионер, место проживания: г. Днепродзержинск, ул. Тупая 6-1, вдовец, 2 дочери: Фелиция и Янина. Тройкой УНКВД Днепропетровской обл. 14.10.1938 г. обвинён в к/рев. деятельности, расстрелян 14.11.1938 г.

26) Яновский Владимир Михайлович, 1892 г.

Место рождения: с. Каменское Екатеринославской губ., украинец, из священников, беспартийный, образование среднее, священник церкви в с. Петриковка. Место проживания: с. Колгосповка Петриковского р-на Днепропетровской обл., женат, 2 дочери. Приговором Днепропетровского облсуда от 27.08.1939 г. обвинён в к/рев. агитации, приговорён к 7 годам ИТЛ.

27) Губский Георгий Прокофьевич, 1899 г.

Место рождения: с. Каменское Екатеринославской губ., украинец, из рабочих, беспартийный, малограмотный, рабочий завода им. Дзержинского, место проживания: г. Днепродзержинск, женат. Приговором Днепропетровского облсуда от 26.04.1941 г. обвинён в антисоветской сектантско-религиозной деятельности, осужден к 10 годам ИТЛ.

28) Корев Фёдор Фёдорович, 1897 г.

Место рождения: с. Миренки Кувакинского р-на Чувашской АССР, русский, из селян, беспартийный, малограмотный, рабочий доменного цеха завода им. Дзержинского, место проживания: м. Днепродзержинск, женат. Приговором Днепропетровского облсуда от 26.04.1941 г. обвинён в антисоветской сектантско-религиозной деятельности, осужден к 10 годам ИТЛ.

29) Крутенко Николай Кузьмич, 1920 г.

Место рождения: с. Красноивановка Пятихатского р-на, украинец, из селян, беспартийный, малограмотный, машинист камнедробилки Днепродзержинского цементного завода, место проживания: г. Днепродзержинск, не женат. Приговором Днепропетровского облсуда от 26.04.1941 г. обвинён в антисоветской сектантско-религиозной деятельности, осужден к 8 годам ИТЛ с ограничением прав на 3 г.

30) Ребристый Марк Савельевич, 1885 г.

Место проживания: с. Вольные Хутора Верхнеднепровского р-на, украинец, из селян, беспартийный, малограмотный, стрелочник ст. Баглей Сталинской ж/д, место проживания: г. Днепродзержинск, женат. Приговором Днепропетровского облсуда от 26.04.1941 г. обвинён в антисоветской сектантско-религиозной деятельности, осужден к 10 годам ИТЛ с ограничением прав на 5 лет.

31) Ребристый Николай Маркович, 1913 г.

Место проживания: с. Вольные Хутора Верхнеднепровского р-на, украинец, из селян, беспартийный, малограмотный, электросварщик Днепродзержинской электростанции, место проживания: г. Днепродзержинск, женат. Приговором Днепропетровского облсуда от 26.04.1941 г. обвинён в антисоветской сектантско-религиозной деятельности, осужден к 5 годам ИТЛ с ограничением прав на 2 года.

32) Терешкун Платон Тарасович, 1893 г.

Место рождения: с. Хайча Овруцкого р-на Житомирской обл., украинец, из селян, беспартийный, образование начальное, бухгалтер Днепродзержинской конторы «Союзхиммонтаж», место проживания: г. Днепродзержинск, женат. Приговором Днепропетровского облсуда от 26.04.1941 г. обвинён в антисоветской сектантско-религиозной деятельности, осужден к 10 годам ИТЛ с ограничением прав на 5 лет.

33) Чуприна Иван Степанович, 1900 г.

Место рождения: с. Романково Днепродзержинского р-на, украинец, из селян, беспартийный, малограмотный, рабочий совхоза «Зеленый Гай», место проживания: х. Зеленый Гай Криничанского р-на, женат. Приговором Днепропетровского облсуда от 26.04.1941 г. обвинён в антисоветской сектантско-религиозной деятельности, осужден к 10 годам ИТЛ.

34) Хорольский Иван Максимович, 1887 г.

Место рождения: с. Попельнастое Александровского р-на Днепропетровской обл., украинец, из селян, образование начальное, пенсионер, место проживания: г. Днепродзержинск, женат, 2 детей. Днепропетровским облсудом от 02.08.1941 г. обвинён в участии в антисоветской религиозной общине, осужден к 10 годам ИТЛ.

35) Курика Терентий Арсентьевич, 1913 г.

Место рождения: г. Копаткевичи Гомельской обл., белорус, из служащих, беспартийный, образование среднее, безработный, место проживания: г. Днепродзержинск, не женат. Приговором Военного трибунала войск НКВД Днепропетровской обл. от 13.08.1941 г. обвинён в участии в секте иеговистов и к/рев. агитации, осужден к 10 годам ИТЛ.

36) Балашов Григорий Васильевич, 1902 г.

Место рождения: с. Компанеевка Компанеевского р-на Кировоградской обл., украинец, из селян, беспартийный, образование начальное, рабочий завода им. Дзержинского, место проживания: г. Днепродзержинск, женат. Приговором Днепропетровского облсуда от 22.08.1941 г. обвинён в участии в антисоветской религиозной общине, расстрелян.

37) Борисов Александр Дмитриевич, 1893 г.

Место рождения: г. Кременчук Полтавской обл., украинец, из рабочих, образование начальное, без определённого места работы, место проживания: г. Днепродзержинск, женат, 4 детей. Приговором Днепропетровского облсуда от 22.08.1941 г. обвинён в участии в антисоветской религиозной общине, расстрелян.

38) Гамин Георгий Иванович, 1892 р.

Место рождения: с. Песочное Черепетского р-на Московской обл., русский, из селян, беспартийный, образование начальное, рабочий стройконторы Днепродзержинского горкоммунхоза, место проживания: г. Днепродзержинск, женат. Приговором Днепропетровского облсуда от 22.08.1941 г. обвинён в участии в антисоветской религиозной общине, расстрелян.

39) Горбач Яков Степанович, 1917 г.

Место рождения: с. Богодухов Чернобаевского р-на Полтавской обл., украинец, из селян, беспартийный, образование начальное, рабочий завода им. Дзержинского, место проживания: г. Днепродзержинск, не женат. Приговором Днепропетровского облсуда от 22.08.1941 г. обвинён в участии в антисоветской религиозной общине, расстрелян.

40) Олифер Феодосия Ивановна, 1872 г.

Место рождения: г. Берёза-Картузкая Пружанского уезда Минской губ., украинка, образование начальное, домохозяйка, место проживания: г. Днепродзержинск, замужем, 5 детей. Приговором Днепропетровского облсуда от 22.08.1941 г. обвинена в участии в антисоветской религиозной общине, расстреляна.

41) Журавель Иван Антонович, 1903 г.

Место рождения: с. Якимовка Верхнеднепровского р-на, украинец, из селян, беспартийный, малограмотный, кассир Днепродзержинского трамвайного управления, место проживания: г. Днепродзержинск, женат. Приговором Днепропетровского облсуда от 26.04.1944 г. обвинён в антисоветской сектантской религиозной деятельности, осужден к 10 годам ИТЛ с ограничением в правах на 5 лет.

42) Куменко Иван Николаевич, 1900 г.

Место рождения: с. Лискивцы Орининского р-на Каменец-Подольской обл., украинец, из служителей культа, беспартийный, образование высшее, священник Саксаганского прихода, место проживания: с. Саксагань Пятихатского р-на Днепропетровской обл., женат, 1 сын. Военным трибуналом войск НКВД Днепропетровской обл. от 21.08.1944 г. обвинён в том, что во время оккупации работал редактором профашистской газеты “Кам’янські вісті”, расстрелян.

43) Семёнов Леонид Павлович, 1914 г.

Место рождения: с. Каменское Екатеринославской губ., украинец, из служителей культа, беспартийный, образование 7 классов, актёр Уманского музыкально-драматического театра Киевской обл., место проживания: Киевская обл., г. Умань, женат. Приговором Военного трибунала войск НКВД Днепропетровской обл. от 02.06.1945 г. обвинён в антисоветской агитации во время немецкой оккупации, осужден к 7 годам ИТЛ.

44) Захарова Александра Егоровна, 1922 г.

Место рождения: с. Гакукса Пудожского р-на Карело-Финской АССР, русская, из рабочих, беспартийная, образование начальное, рабочая завода им. Дзержинского, место проживания: г. Днепродзержинск. Днепропетровским облсудом 20.09.1947 г. обвинена в принадлежности к к/рев. религиозной секте, осуждена к 8 годам ИТЛ.

45) Загорулько Марфа Ивановна, 1926 г.

Место рождения: г. Каменское Екатеринославской губ., украинка, из рабочих, беспартийная, малограмотная, рабочая завода им. Дзержинского, место проживания: с. Романково Днепродзержинского горсовета, замужем, бездетная. Приговором Днепропетровского облсуда от 28.01.1948 г. обвинена в принадлежности к антисоветской религиозной секте, осуждена к 10 годам ИТЛ с ограничением в правах на 5 лет.

46) Загривный Александр Ефремович, 1899 г.

Место рождения: с. Святославка Ижморского р-на Кемеровской обл., русский, из селян, беспартийный, малограмотный, без определённого рода занятий, место проживания: г.

Днепродзержинск, женат, 4 сына. Приговором Днепропетровского облсуда от 28.01.1948 г. обвинён в принадлежности к антисоветской религиозной секте, осужден к 25 годам ИТЛ.

47) Зайцева Аза Александровна, 1925 г.

Место рождения: с. Переваловка Кишеньковского р-на Полтавской обл., украинка, из рабочих, беспартийная, образование 7 классов, учётчик транспортного цеха завода им. Дзержинского, место проживания: г. Днепродзержинск, замужем, бездетная. Приговором Днепропетровского облсуда от 28.01.1948 г. обвинена в принадлежности к антисоветской религиозной секте, осуждена к 15 годам ИТЛ с ограничением в правах на 5 лет.

48) Тихонова-Пальчик Мария Савельевна, 1922 г.

Место рождения: с. Калеберда Кременчукского р-на Полтавской обл., украинка, из селян, беспартийная, образование среднее, секретарь директора Днепродзержинского городского управления водоканала, место проживания: г. Днепродзержинск, замужем. Приговором Днепропетровского облсуда от 28.01.1948 г. обвинена в принадлежности к антисоветской религиозной секте, осуждена к 15 годам ИТЛ с ограничением в правах на 5 лет. Судебной коллегией Днепропетровского облсуда 21.06.1958 г., как домохозяйка, обвинена в участии в секте иеговистов, осуждена к 10 годам ИТЛ с ограничением в правах на 5 лет.

49) Шуберт Евгения Андреевна, 1924 г.

Место рождения: с. Зарубинцы Немировского р-на Винницкой обл., украинка, из селян, беспартийная, образование 7 классов, воспитательница детских ясель №2 г. Днепродзержинска, место проживания: с. Романково Днепродзержинского р-на, замужем. Приговором Днепропетровского облсуда от 28.01.1948 г. обвинена в принадлежности к антисоветской религиозной секте, осуждена к 10 годам ИТЛ. 21.06.1958 г. по тому же обвинению осуждена к 10 годам ИТЛ.

50) Субачова Лидия Михайловна, 1925 г.

Место рождения: г. Каменское Днепропетровского окр., украинка, из рабочих, беспартийная, образование 6 классов, работница детских ясель Днепродзержинского коксохимзавода, место проживания: г. Днепродзержинск, не замужем. Приговором Днепропетровского облсуда от 10.03.1948 г. обвинена в участии в религиозной секте, осуждена к 10 годам ИТЛ.

51) Шепель Владимир Саввич, 1917 г.

Место рождения: с. Пушкарёвка Верхнеднепровского р-на, украинец, из селян, беспартийный, образование начальное, без определённого места работы, место проживания: г. Днепродзержинск, женат, 2 детей. Приговором Днепропетровского облсуда от 31.05.1957 г. обвинён в принадлежности к секте пятидесятников, осужден к 8 годам ИТЛ.

52) Скорик Иван Демянович, 1893 г.

Место рождения: с. Благовещенка Днепродзержинского р-на, украинец, из селян, беспартийный, образование среднее, священник Шульговской церкви, место проживания: с. Шульговка Петриковского р-на, женат, 2 детей. Тройкой УНКВД по Днепропетровской обл. 15.09.1937 г. обвинён в антисоветской агитации, осужден к 8 годам ИТЛ.

53) Волошинов П. Ф.

Служитель религиозного культа, место проживания: г. Днепродзержинск. Арестован органами НКВД, как враг народа, вероятно в 1938 г.

Примечание:

1) Место рождения осужденных здесь и далее даётся в том виде, как обозначено в архивно-следственных делах.

2) Место проживания и работы указаны на момент ареста.

2) Все вышеназванные (осужденные) лица реабилитированы постановлениями соответствующих судов или прокуратур.

ЧЛЕНЫ «ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО СОЮЗА»

(из Обвинительного акта Главного имперского прокурора, оглашённого в Первом сенате при Берлинском трибунале от 18 февраля 1944 года)

1) Константин Задкевич.

Подданный Чешского протектората. Родился в 1910 году в городе Орёл в семье тогдашнего прокурора. В 1920 году он вместе с родителями, спасаясь от преследований большевиков, бежал в Константинополь. В конце 1921 года переехал в Прагу, учился во французской школе, а до 1928 года – в русской гимназии. Изучал химию и физику в Бивенском университете в Бельгии и Парижском университете. В 1939 году был допущен к сдаче докторского экзамена. В начале 1940 года выезжает на работу в Германию. Работал химиком при фирме доктора Шнебеля в Берлине. Разведен. Ни к какой политической организации не принадлежал.

2) Владимир Бойслер (по другой транскрипции Буаселье).

Родился в 1907 году в Москве, где его родители имели фабрику санитарного оборудования. В 1919 году вместе с родителями эмигрировал во Францию. Окончил техническую школу. Электротехник. Служил в инженерной части французской армии. В конце октября 1942 года выехал в Германию, работал электриком на испытании телефонных аппаратов фирмы «Ларенс АУ» в Берлине-Темпельгоф. Оклад 260 имперских марок в месяц. Политически нейтральный.

3) Жан Кошон.

Родился в 1916 году в Женъасе, департамент Шараита, Франция. Женат. Техник. Работал в лаборатории электроприборов. Два года служил во французской армии. В октябре 1942 года добровольно выехал в Германию. Электрик при фирме «Ларенс АУ» (Берлин-Темпельгоф) с окладом 300 рейхсмарок в месяц. Ни к какой политической партии не принадлежал.

4) Жаме Фришо.

Родился в 1918 году. Город Шаврос, Франция. Электрик. Учился в Версальском лицее, затем в школе радио- и электротехники. Находился на службе во французской армии. После армии вернулся к своей старой профессии. С октября 1942 года – на фирме «Ларенс АУ» в Берлин-Темпельгоф. Месячный оклад составлял 240 рейхсмарок в месяц. Жил в барачном лагере. К политическим партиям не принадлежал.

5) Николай Романенко.

Родился в 1911 году в Блакитном Херсонской области. Сын украинского крестьянина. В 1937 году арестован как сын кулака и 18 месяцев пробыл в заключении. Во время транспортировки в Сибирь сбежал. Женат. В 1941 году призван в армию, попал в спецразведотряд. В ноябре 1942 года вместе с другими товарищами сдался в плен. Был отправлен в Германию, где вначале работал в городе Вильдау на фабрике фирмы «Шварцкопф», а затем старостой лагеря этой фирмы.

6) Галина Романова.

Родилась в 1918 году в с. Романково Днепропетровской области, в семье кузнеца. Незамужняя. Посещала школу 7 лет, затем 3 года – медицинский техникум, и 5 лет – медицинский институт в Днепропетровске. Получила диплом врача в 1942 году. 1 июля 1942 года прибыла в Германию вместе с большой группой русских врачей. В школьные годы Романова была членом пионерской организации. После ареста отца в 1937 году, произведенного НКВД, её исключили из этой организации. (Скорее всего, здесь допущена ошибка. В 1937 году Романовой было 19 лет, и исключали её из комсомольской организации, а не пионерской – авт.)

7) Александр Хомлов.

Родился в 1919 году на станции Попасная на Украине. Сын кладбищенского сторожа. Фельдшер. Женат. Служил в санчастях Красной Армии. В начале войны был ранен. Попал в плен в Минске. В мае 1942 года добровольно уезжает на работу в Германию. Работал в лагере для «остарбайтер» фирмы «Кайзер» в Ораниенбурге. К Коммунистической партии не принадлежал.

8) Пётр Зозуля.

Родился в 1912 году в Гоголеве Киевской области. Учитель. В 1940 году служил в 131 стрелковой дивизии в Новоград-Волыньске. В 1941 году попал в окружение, и, чтобы избежать плена, вернулся на родину, которая уже была оккупирована немцами. В апреле 1942 года добровольно выехал в Германию на работу. В лагере в Ораниенбурге работал точильщиком и санитаром. Женат, имел ребёнка. Ни к каким партиям не принадлежал.

9) Иван Лесик.

Родился в 1912 году в селе Плоски Киевской области. Сын крестьянина. Женат. Имеет троих детей. В сентябре 1941 года вместе со своим отрядом попал под Киевом в окружение, чтобы избежать плена, вернулся домой. С июня 1942 года – в Ораниенбурге. С апреля 1943 года – староста лагеря. Член ВЛКСМ. В члены Коммунистической партии принят не был, потому что его отец считался кулаком.

10) Михаил Занчаровский (по другой транскрипции Санжаровский).

Родился в 1923 году в Манченках Харьковской области. Сын машиниста. Холост. После окончания ФЗО в Харькове работал фрезеровщиком на заводе. Осужден за недисциплинированность и сослан в занятую Советским Союзом часть Польши, вблизи Перемышля. Остался на территории, завоёванной немцами, и в конце 1942 года добровольно уехал на работу в Германию. Работал при фирме «Гензенгайн» в Берлине. Проживал: Иоганнесхауз, Эккерштрассе, 8.

11) Рудольф Темер.

Родился в 1911 году в Хюнине Пльзенский округ. Подданный протектората Чехия. Служащий-торговец. Холост. Сын чешского помещика-арендатора. Четыре года – в торговой академии. Капрал чехословацкой армии. С весны 1940 года работал лагеристом (Германия), а затем регистратором в отеле «Бристоль». После создания протектората принадлежал к чешской аграрной партии, не выполняя в ней никаких функций.

12) Этьен Эллис Гульбринг.

Родился в 1916 году в Гётеборге, Швеция. Холост. Сын страхового агента. Работал слесарем-мотористом, сдал экзамен на звание мастера. В 1940 году приехал в Германию. До мая 1943 года служил в отеле в Нюрнберге, затем администратором берлинского отеля «Бристоль». Собирался вернуться в Швецию, чтобы пройти на родине военную службу. Ни к какой политической партии не принадлежал [78].

13) Алексей Калениченко.

Советский подданный, остарбайтер из лагеря Ораниенбург. Скончался в тюрьме до начала суда по делу «Интернационального союза» [53].

СПИСОК ЛИЦ, ОБВИНЁННЫХ В ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ОУН И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

1) Цилина Елена Марковна, 1920 г.

Место рождения: с. Ганно-Зачатовка Криничанского р-на. Украинка, из селян, беспартийная,

образование неполное среднее, замужем, заведующая производством столовой завода им. Дзержинского. Место проживания: г. Днепродзержинск. Приговором Военного трибунала войск НКВД от 29.12.1943 г. обвинена в принадлежности к ОУН, приговорена к 15 годам каторжных работ.

2) Мосьпан Алексей Данилович, 1920 г.

Место рождения: с. Тритузное Екатеринославской губ. Украинец, из селян, беспартийный, образование неполное высшее, студент Днепропетровского медицинского института, не женат. Место проживания: с. Тритузное Днепродзержинского р-на. Трибуналом войск МВД Днепропетровской обл. 20.03.1944 г. обвинён в участии в ОУН, приговорён к 10 годам ИТЛ.

3) Евстратенко Анна Карповна, 1922 г.

Место рождения: с. Шостаковое Устиновского р-на Одесской обл. Украинка, из селян, беспартийная, образование среднее, замужем, 1 дочь, учительница Днепродзержинской СШ №9. Место проживания: г. Днепродзержинск. Приговором Военного трибунала Днепропетровского гарнизона от 07.07.1944 г. обвинена в принадлежности к ОУН, осуждена к 10 годам ИТЛ.

4) Коваль Екатерина Ивановна, 1920 г.

Место рождения: с. Комиссаровка Пятихатского р-на. Украинка, из рабочих, беспартийная, образование неполное среднее, не замужем, работница завода им. Дзержинского. Место проживания: г. Днепродзержинск. Приговором Военного трибунала Днепропетровского гарнизона от 07.07.1944 г. обвинена в принадлежности к ОУН, приговорена к 10 годам ИТЛ.

5) Шульга Андрей Иванович, 1907 г.

Место рождения: с. Григорьевка Васильковского р-на Днепропетровской обл. Украинец, из селян, беспартийный, образование высшее, женат, 1 сын, работник Днепродзержинского азотно-тукового комбината. Место проживания: г. Днепродзержинск. Приговором Военного трибунала Днепропетровского гарнизона от 07.07.1944 г. обвинён в участии в ОУН, приговорен к 10 годам ИТЛ.

6) Чёрный Харитон Никитович, 1906 г.

Место рождения: с. Тритузное Екатеринославской губ. Украинец, из селян, беспартийный, образование высшее, женат, 2 дочери, директор Днепродзержинского кинотеатра «Смычка».

Место проживания: с. Тритузное Днепродзержинского р-на.

Приговором Военного трибунала Днепропетровского гарнизона от 07.07.1944 г. обвинён в участии в ОУН, приговорён к 10 годам ИТЛ.

7) Гончар Григорий Петрович, 1925 г.

Место рождения: с. Тритузное Екатеринославского окр. Украинец, из селян, беспартийный, образование начальное, не женат, охранник Днепродзержинского азотно-тукового комбината.

Место проживания: с. Тритузное Днепродзержинского р-на. Трибуналом войск НКВД 14.07.1944 г. обвинён в принадлежности к ОУН, приговорён к 15 годам ИТЛ.

8) Ключко Александра Илларионовна, 1925 г.

Место рождения: с. Тритузное Екатеринославского окр. Украинка, из селян беспартийная, образование неполное среднее, не замужем, домохозяйка. Место проживания: с. Тритузное Днепродзержинского горсовета. Приговором Военного трибунала войск НКВД Днепропетровской обл. от 14.07.1944 г. обвинена в участии в ОУН, приговорена к 10 годам ИТЛ.

9) Крамаренко Владимир Антонович, 1924 г.

Место рождения: с. Тритузное Екатеринославского окр. Украинец, из рабочих, беспартийный, образование 7 классов, не женат, рабочий Днепродзержинского коксохимического завода. Место проживания: с. Тритузное Днепродзержинского р-на. Приговором Военного трибунала войск НКВД Днепропетровской обл. от 14.07.1944 г. обвинён в участии в ОУН, приговорён к 20 годам ИТЛ.

10) Луценко Иван Кириллович, 1924 г.

Место рождения: г. Каменское Екатеринославского окр. Украинец, из рабочих, беспартийный, образование неполное среднее. Место проживания: г. Днепродзержинск. Приговором Военного трибунала войск НКВД Днепропетровской обл. от 14.07.1944 г. обвинён в участии в ОУН, приговорен к 15 годам ИТЛ. Постановлением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 22.05.1948 приговор снижен до 10 лет ИТЛ.

11) Луценко Татьяна Ивановна, 1924 г.

Место рождения: г. Каменское Екатеринославского окр. Украинка, из рабочих, беспартийная, образование неполное среднее, домохозяйка. Место проживания: г. Днепродзержинск. Приговором Военного трибунала войск НКВД Днепропетровской обл. от 14.07.1944 г. обвинена в принадлежности к ОУН, приговорена к 15 годам ИТЛ. Постановлением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 07.02.1945 г. срок наказания снижен до 10 лет ИТЛ.

12) Ступак Николай Емельянович, 1926 г.

Место рождения: с. Тритузное Каменского р-на. Украинец, из рабочих, беспартийный, образование 7 классов, не женат, ученик СШ с. Тритузное. Место проживания: с. Тритузное Днепродзержинского р-на. Военным трибуналом войск НКВД Днепропетровской обл. от 14.07.1944 г. обвинён в участии в ОУН, приговорён к 15 годам ИТЛ. Военным трибуналом войск НКВД Украинского округа 07.02.1945 г. наказание снижено до 10 лет ИТЛ.

13) Ткаченко Галина Константиновна, 1927 г.

Место рождения: г. Каменское Днепропетровского окр. Украинка, из селян, беспартийная, образование неполное среднее, ученица. Место проживания: г. Днепродзержинск. Военным трибуналом войск НКВД Днепропетровской обл. от 14.07.1944 г. обвинена в участии в ОУН, приговорена к 10 годам ИТЛ.

14) Яловая Мария Гавриловна, 1927 г.

Место рождения: г. Каменское Днепропетровского окр. Украинка, из селян, образование неполное среднее, ученица. Место проживания: г. Днепродзержинск. Приговором Военного трибунала войск НКВД Днепропетровской обл. от 14.07.1944 г. обвинена в участии в ОУН, приговорена к 10 годам ИТЛ.

15) Буркаленко Любовь Ивановна, 1918 г.

Место рождения: с. Романково Екатеринославской губ. Украинка, из селян, образование высшее, домохозяйка, замужем, 1 сын. Место проживания: с. Романково Днепродзержинского р-на. Приговором Военного трибунала Днепропетровского гарнизона от 08.09.1944 г. обвинена в участии в ОУН, приговорена к 10 годам ИТЛ.

16) Рапацкий Владимир Георгиевич, 1927 г.

Место рождения: с. Сокиринцы Чемеровецкого р-на Каменец-Подольской обл. Украинец, из селян, беспартийный, не женат, образование 8 классов, ученик Днепродзержинской СШ №20. Место проживания: с. Тритузное Днепродзержинского р-на. Постановлением Военного трибунала войск НКВД Киевской обл. от 13.10.1944 г. обвинён в участии в ОУН, приговорен к 15 годам каторжных работ.

17) Чаус Леонид Тихонович, 1916 г.

Место рождения: с. Каменское Екатеринославской губ. Украинец, из селян, беспартийный, не женат, образование 7 классов, рабочий совхоза «Любомировка». Место проживания: с. Козодуб Криничанского р-на Днепропетровской обл. Приговором Военного трибунала войск НКВД Днепропетровской обл. от 14.10.1944 г. обвинён в участии в ОУН, приговорён к 20 годам каторжных работ.

18) Погребняк Наталья Афанасьевна, 1921 г.

Место рождения: г. Каменское Екатеринославской губ. Украинка, из рабочих, беспартийная, образование среднее, замужем, бухгалтер столовой №8 Днепродзержинского треста столовых. Место проживания: г. Днепродзержинск. Приговором Трибунала войск НКВД от

27.10.1944 г. обвинена в принадлежности к ОУН, приговорена к 15 годам каторжных работ.

19) Печерица Клавдия Семёновна, 1917 г.

Место рождения: г. Каменское Екатеринославской губ. Украинка, из рабочих, беспартийная, образование среднее, замужем, учительница Днепродзержинской школы №13. Место проживания: г. Днепродзержинск. Приговором Трибунала войск НКВД от 04.11.1944 г. обвинена в принадлежности к ОУН, приговорена к 15 годам каторжных работ.

20) Хистная Александра Ефремовна, 1917 г.

Место рождения: г. Каменское, Екатеринославской губ. Украинка, из рабочих, образование среднее педагогическое, беспартийная, не замужем, 1 сын, начальник отдела рабочего снабжения Днепродзержинского коксохимзавода. Место проживания: г. Днепродзержинск, ул. Широкая 48-3. Особым совещанием НКВД СССР от 18.11.1944 г. обвинена в контрреволюционной националистической деятельности, осуждена к 3 годам ИТЛ.

21) Кравец Иван Семёнович, 1904 г.

Место рождения: с. Ярошевка Фастовского р-на Киевской обл. Украинец, из селян, образование начальное, беспартийный, женат, начальник отдела организации труда Днепродзержинского коксохимического завода. Место проживания: г. Днепродзержинск. Постановлением Особого совещания НКВД СССР от 18.11.1944 г. обвинён в контрреволюционной националистической деятельности, осужден к 8 годам ИТЛ.

22) Литвиненко Виктор Савич, 1912 г.

Место рождения: с. Тепливка Божедаровского р-на Екатеринославской губ. Украинец, из служащих, образование высшее, беспартийный, женат, 2 детей, технолог Днепродзержинского коксохимзавода. Место проживания: г. Днепродзержинск. Постановлением Особого совещания НКВД СССР от 18.11.1944 г. обвинён в контрреволюционной националистической деятельности, приговорён к 8 годам ИТЛ.

23) Огийко Татьяна Максимовна, 1918 г.

Место рождения: Карнауховские хутора Екатеринославской губ. Украинка, из селян образование неполное среднее, беспартийная, замужем, колхозница с.х. артели им. Ворошилова. Место проживания: по месту рождения. Постановлением Особого совещания НКВД от 18.11.1944 г. обвинена в принадлежности к ОУН, осуждена к 5 годам ИТЛ.

24) Огийко Фёдор Максимович, 1912 г.

Место рождения: Карнауховские хутора Екатеринославской губ. Украинец, из селян, малограмотный, беспартийный, женат, плотник Баглейского коксохимзавода. Место проживания: г. Днепродзержинск. Постановлением Особого совещания НКВД СССР от 18.11.1944 г. обвинён в принадлежности к ОУН, осужден к 8 годам ИТЛ.

25) Артющенко Дмитрий Яковлевич, 1923 г.

Место рождения: с. Демки Ирклевского р-на Полтавской обл. Украинец, из селян, беспартийный, образование неполное среднее, не женат, без определённого места работы. Место проживания: с. Тритузное Днепродзержинского р-на. Приговором Военного трибунала войск НКВД Днепропетровской обл. от 14.12.1944 г. обвинён в участии в ОУН, осужден к 15 годам ИТЛ. Постановлением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 22.05.1948 г. наказание снижено до 10 лет ИТЛ.

26) Мирошниченко Лука Сергеевич, 1914 г.

Место рождения: с. Александровка Старобешевского р-на Сталинской обл. Украинец, из селян, беспартийный, образование неполное высшее, слесарь Днепродзержинского азотно-тукового комбината. Место проживания: г. Днепродзержинск. Трибуналом войск НКВД Днепропетровской обл. 29.01.1945 г. обвинён в участии в ОУН, приговорён к 15 годам каторжных работ.

27) Пискун Михаил Иосифович, 1911 г.

Место рождения: с. Каменское Екатеринославской губ. Украинец, из рабочих, беспартийный,

образование среднее, не женат, техник Днепродзержинской электростанции. Место проживания: г. Днепродзержинск. Приговором Трибунала войск НКВД от 10.02.1945 г. обвинён в принадлежности к ОУН, приговорён к 15 годам каторжных работ.

28) Бузовская Марфа Ивановна, 1919 г.

Место рождения: с. Саражинка Балтского р-на Одесской обл. Украинка, из селян, беспартийная, образование неполное высшее, не замужем, студентка 4 курса Днепропетровского горуниверситета. Место проживания: г. Днепродзержинск. Приговором Военного трибунала войск НКВД Днепропетровской обл. от 28.02.1945 г. обвинена в антисоветской националистической деятельности, приговорена к 20 годам каторжных работ, позднее мера наказания уменьшена на 10 лет.

29) Печерица Любовь Елисеевна, 1921 г.

Место рождения: г. Каменское, Екатеринославской губ. Украинка, из селян, беспартийная, образование 8 классов, не замужем, домохозяйка. Место проживания: г. Днепродзержинск. Приговором Военного трибунала войск НКВД по Днепропетровской обл. от 28.02.1945 г. обвинена в антисоветской националистической деятельности, осуждена к 20 годам каторжных работ. Позднее мера наказания уменьшена до 10 лет заключения.

30) Штепенко Мотрона Петровна, 1913 г.

Место рождения: с. Тритузное Екатеринославской губ. Украинка, из селян, беспартийная, малограмотная, замужем, член колхоза «Верный путь». Место проживания: с. Тритузное Днепродзержинского р-на. Приговором Военного трибунала войск НКВД Днепропетровской обл. от 11.05.1945 г. обвинена в участии в ОУН, приговорена к 15 годам ИТЛ. Постановлением Военного трибунала Забайкальского военного округа наказание снижено до 10 лет, из-под стражи освобождена.

31) Грицан Вера Никифоровна, 1918 г.

Место рождения: г. Каменское Екатеринославской губ. Украинка, из рабочих, беспартийная, образование высшее, не замужем, учительница Днепродзержинской школы рабочей молодёжи. Место проживания: г. Днепродзержинск. Трибуналом войск НКВД 28.05.1945 г. обвинена в принадлежности к ОУН, приговорена к 10 годам ИТЛ.

32) Береговенко Михаил Трофимович, 1906 г.

Место рождения: с. Красненькое Ситковецкого р-на Винницкой обл. Украинец, из селян, беспартийный, образование 5 классов, женат, 2 детей, слесарь Днепродзержинского азотно-тукового комбината. Место проживания: г. Днепродзержинск. 28.07.1945 г. Военным трибуналом Днепропетровского гарнизона обвинён в принадлежности к ОУН, приговорён к 15 годам ИТЛ. Постановлением Военного трибунала Киевского военного округа наказание уменьшено до 10 лет ИТЛ.

33) Голивец Григорий Сергеевич, 1910 г.

Место рождения: с. Ялинники Лохвицкого р-на Полтавской обл. Украинец, из селян, беспартийный, образование 3 класса, женат, 1 сын, слесарь-монтажник Днепродзержинского азотно-тукового комбината. Место проживания: г. Днепродзержинск. Военным трибуналом Днепропетровского гарнизона 28.07.1945 г. обвинён в участии в ОУН, приговорён к 10 годам ИТЛ. Постановлением Военного трибунала Киевского военного округа дело прекращено, освобождён из-под стражи на свободу.

34) Савенков Никифор Емельянович, 1899 г.

Место рождения: с. Котельниково Обоянского р-на Курской обл. Русский, из селян, беспартийный, малограмотный, женат, 4 детей, слесарь Днепродзержинского азотно-тукового комбината. Место проживания: г. Днепродзержинск. Приговором Военного трибунала Днепропетровского гарнизона от 28.07.1945 г. обвинён в участии в ОУН, приговорён к 5 годам ИТЛ.

Поиски членов ОУН активно продолжались и после окончания Второй мировой войны, считая этой датой 2 сентября 1945 года, когда был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Японии.

35) Крицкая Клавдия Евтихьевна, 1924 г.

Место рождения: г. Каменское, Екатеринославского окр. Украинка, из рабочих, беспартийная, образование среднее, не замужем, студентка Одесского мединститута. Место проживания: г. Одесса. Приговором Военного трибунала войск НКВД Днепропетровской обл. от 15.12.1945 г. обвинена в принадлежности к ОУН, приговорена к 10 годам ИТЛ.

36) Выдря Елена Федотовна, 1924 г.

Место рождения: с. Березоватка Солонянского р-на Днепропетровского окр. Украинка, из селян, беспартийная, образование 7 классов, замужем, работница завода им. Дзержинского. Место проживания: г. Днепродзержинск. Приговором Военного трибунала войск НКВД Днепропетровской обл. от 20.03.1946 г. обвинена в участии в ОУН, приговорена к 10 годам ИТЛ.

37) Король Григорий Иосифович, 1924 г.

Место рождения: г. Каменское, Екатеринославского окр. Украинец, из рабочих, беспартийный, образование неполное среднее, не женат, ученик Днепродзержинского индустриального техникума. Место проживания: г. Днепродзержинск. Приговором Военного трибунала войск НКВД Днепропетровской обл. от 20.03.1946 г. обвинён в участии в ОУН, приговорён к 15 годам каторжных работ.

38) Решетняк Вера Ивановна, 1921 г.

Место рождения: с. Тараса Шевченко Любецкого р-на Черниговской обл. Украинка, из селян, беспартийная, образование начальное, не замужем, работница Днепродзержинского сельхозкомбината. Место проживания: г. Днепродзержинск. Приговором Военного трибунала войск НКВД Днепропетровской обл. от 20.03.1946 г. обвинена в участии в ОУН, осуждена к 10 годам ИТЛ.

39) Стаценко Филипп Евтихьевич, 1903 г.

Место рождения: с. Митница Васильковского р-на Киевской обл. Украинец, из селян, беспартийный, образование начальное, женат, мастер Днепродзержинского азотно-тукового комбината. Место проживания: г. Днепродзержинск. 27.03.1946 г. обвинён в принадлежности к ОУН, приговорён к 5 годам ИТЛ.

40) Самаренко Иван Михайлович, 1901 г.

Место рождения: с. Москалёвка Роменского уезда Полтавской губ. Украинец, из рабочих, беспартийный, образование среднее, заключённый концлагеря, место проживания: г. Каменское, женат, 1 сын. Приговором чрезвычайной сессии Днепропетровского суда 02.11.1928 г. обвинён в участии в к/рев. организации, осужден к 5 годам ИТЛ. Приговором Военного трибунала войск МГБ Днепропетровской обл. от 17.07.1947 г. обвинён в участии в ОУН, осужден к 10 годам ИТЛ.

41) Лях Яков Данилович, 1892 г.

Место рождения: х. Ляхи Кобыляцкого р-на Полтавской обл. Украинец, из селян, беспартийный, женат, 2 детей, счетовод Днепродзержинского ремесленного училища №14. Место проживания: г. Днепродзержинск. Приговором Военного трибунала войск НКВД от 13.09.1949 г. обвинён в принадлежности к ОУН, осужден к 25 годам ИТЛ.

42) Кашуба Николай Васильевич, 1923 г.

Место рождения: г. Каменское Екатеринославского окр. Украинец, из селян, беспартийный, образование неполное среднее, женат, работник завода им. Дзержинского. Место проживания: г. Днепродзержинск. Приговором Военного трибунала войск НКВД от 13.09.1949 г. обвинён в принадлежности к ОУН, осужден к 10 годам ИТЛ.

43) Косенко Анатолий Фёдорович, 1923 г.

Место рождения: с. Акимовка Новомосковского р-на. Украинец, из селян, образование среднее, не женат, работник завода им. Дзержинского. Место проживания: г. Днепродзержинск. Приговором Трибунала войск НКВД от 13.09.1949 г. обвинён в принадлежности к ОУН, осужден к 25 годам ИТЛ.

44) Косенко Таисия Фёдоровна, 1920 г.

Место рождения: с. Акимовка Солонянского р-на Екатеринославской губ. Украинка, из селян, беспартийная, образование среднее, не замужем, старший бухгалтер Днепродзержинского управления парикмахерских. Место проживания: г. Днепродзержинск. Приговором Трибунала войск НКВД от 13.09.1949 г. обвинена в принадлежности к ОУН, осуждена к 25 годам ИТЛ.

45) Поддубная Ольга Васильевна, 1919 г.

Место рождения: г. Каменское Екатеринославской губ. Украинка, из рабочих, беспартийная, образование среднее, замужем, 1 дочь, продавец магазина №17 Днепродзержинского «Смешторга». Место жительства: г. Днепродзержинск. Приговором Трибунала войск НКВД от 13.09.1949 г. обвинена в принадлежности к ОУН, осуждена к 25 годам ИТЛ.

Примечание: Все вышеназванные лица реабилитированы постановлениями соответствующих трибуналов, судов или прокуратур.

СПИСОК НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ, ПРЕДСТАВШИХ ПРЕД СУДОМ В КИЕВЕ («КИЕВСКИЙ НЮРНБЕРГ»)

(17 по 28 января 1946 года)

- 1) Шеер Пауль Альберт – генерал-лейтенант полиции, бывший начальник охранной полиции и жандармерии Киевской и Полтавской областей;
- 2) Буркхардт Карл Карл – генерал-лейтенант полиции, бывший комендант тыла 6-й армии на территории Сталинской (ныне Донецкой) и Днепропетровской областей;
- 3) Фон-Чаммер унд Остен – генерал-майор, бывший командир 213-й охранной дивизии, действовавшей в Полтавской области УССР, а позднее – комендант главной полевой комендатуры №392;
- 4) Хейниш Георг Юзеф – оберштурмфюрер СС, бывший гебитскомиссар (окружной комиссар) Мелитопольского округа;
- 5) Геллерфорт Вильгельм Вильгельм – обершарфюрер СС, бывший начальник СД (служба безопасности) Днепродзержинского района Днепропетровской области;
- 6) Валлизер Оскар Эмиль – капитан, бывший ортскомендант (местный комендант) Бородянской межрайонной комендатуры Киевской области;
- 7) Кноль Эмиль Эмиль – лейтенант, бывший командир полевой жандармерии 44-й пехотной дивизии и комендант лагерей военнопленных;
- 8) Иогшат Эмиль Фридрих – обер-лейтенант, командир подразделения полевой жандармерии;
- 9) Труккенброд Георг Генрих – подполковник, бывший военный комендант городов Первомайска, Коростышева, Коростеня и других населенных пунктов УССР;
- 10) Беккенгоф Фриц Фриц – зондерфюрер, бывший сельскохозяйственный комендант Бородянского района Киевской области;
- 11) Шадель Август Август – обер-ефрейтор, бывший начальник канцелярии Бородянской межрайонной ортскомендатуры Киевской области;

- 12) Лауэр Иоганн Пауль – обер-ефрейтор, военнослужащий 73-го отдельного батальона 1-й немецкой танковой армии;
- 13) Майер Вили Вили – унтер-офицер, бывший командир роты 323-го отдельного охранного батальона;
- 14) Драхенфельс Борис Борис – вахмистр полиции, бывший зам. командира роты полицейского батальона «Остланд»;
- 15) Изенман Ганс Вильгельм – обер-ефрейтор, бывший военнослужащий дивизии СС «Викинг».

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ ПРИГОВОРИЛ:

Лауэра Иоганна Паулевича – к каторжным работам сроком на 20 лет;
Шаделя Августа и Драхенфельса-Кальловери Бориса Бориса Эрнеста Олега – к каторжным работам сроком на 15 лет каждого;
Остальных обвиняемых – к смертной казни через повешение.

Воистину, «если нечестивый будет помилован, то не научится он правде» (Книга пророка Исаии 26. 10)

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора

Судебное право Запорожской Сечи

Бунт в селе Каменское 1761 года

Судебная реформа 1864 года

Каменские разбойники

Тайные кабаки и притоны

Страшное по обстоятельствам преступление

Экономическое преступление на Днепровском заводе

Убийство и самоубийство в Каменском

Забастовка на Днепровском заводе 1916 года

Революция и двадцатые годы

«Юридическое убийство»

Материал по обвинению начальника Каменской милиции Меркушина в связи с белогвардейцами.

Суд над супругами Мороз

Материал по обвинению ксендза Томашевского К. Т. в дискредитации Советской власти и Компартии

Суд по делу инженеров и преподавателей

«Шахтинское дело»

«Промпартия»

Голод 1932-1933 годов

Дело о выселении из занимаемого помещения Каменского «Торгсина»

Дело «Контрреволюционная деятельность польского нацменapparата»

Вторая стройколония Каменского

Украинские националисты

Конституция СССР 1936 года

Антисоветский правотроцкистский блок

«Польский» приказ №00485

Дело №20345 «Польской Организации Войсковой» в Днепродзержинске
Диверсионно-террористические, контрреволюционные, антисоветские подпольные организации

Дело №20349 «Контрреволюционная подпольная эсеровская организация»

Дело №22512 «Жёны врагов народа»

Немецкий приказ, трудармейцы, спецпереселенцы

Трудовая армия

Спецпереселенцы

Вторая мировая война:

Дело генерала Ивана Шепетова

Галина Романова

Репрессивная политика Советской власти в освобождённом Днепродзержинске

Московский процесс по делу руководителей польского подпольного правительства

Киевский Нюрнберг

«Прогулы и дезертирство значительны...»

Диссиденты

- Микола Кучер: Історія мого вироку

- Владимир Сиренко. Политическое и нравственное прозрение

«Днепродзержинская революция» 1972 года

Послесловие автора

Приложения

Личная благодарность за помощь по созданию книги:

Герасюте Татьяне (Днепродзержинск, Украина)

Голуб Ирине (Днепропетровск, Украина)

Гоциридзе Ольге (Днепродзержинск, Украина)

Журавскому Михаилу (Юзефув, Польша)

Квятковской-Павличек Эдуарде (Днепродзержинск, Украина)

Кондратьевой Ирине (Днепродзержинск, Украина)

Кравцу Алексею (Днепродзержинск, Украина)

Крымову Константину (Москва, Россия)

Кучер Людмиле (Днепродзержинск, Украина)

Попко Виктору (Киев, Украина)

Смейкалу Эдуарду (Днепродзержинск, Украина)

Таланкиной Ольге (Днепродзержинск, Украина)

Тихомировой Марине (Днепропетровск, Украина)

Черномору Василию (Днепродзержинск, Украина)

Чуканю Виктору (Днепродзержинск, Украина)

Шапочкиной Ирине (Днепродзержинск, Украина)

Шепетову Юрию (Санкт-Петербург, Россия)

Шленкер-Ясюкович Анне (Растингтон, Англия)

.....

Книга «Судебные процессы и преступность в Каменском-Днепродзержинске» не могла быть опубликована без решающей финансовой поддержки Попко Виктора Леонидовича

(г. Киев). Благодаря его бескорыстной помощи в памяти людей останутся почти забытые имена наших земляков. За что ему искренняя признательность и благодарность.

Отдельная благодарность Государственному Архиву Днепропетровской Области, Управлению СБУ по Днепропетровской области, Музею Днепропетровского медицинского института за предоставленную возможность плодотворной работы с материалами, хранящимися в архивах данных учреждений.

.....

Источники и литература:

1. Н. Буланова «Багряна осінь 1761». «Ведомости» 21.05. 2006.
2. О. Задніпрняний «Дві доби Кам'янської республіки» «Дзержинець» №75 (4518). 24.06.1972.
3. «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Екатеринославская губерния. Составлен генерального штаба капитан В. Павлович». Раздел «Ведомости о числе и роде преступлений в Екатеринославской губернии и градоначальстве» (стр. 257-258). Санкт-Петербург, типография департамента генерального штаба. 1862.
4. «Южная заря». Екатеринослав, 1912.
5. «Южная Заря», 22.02.1912.
6. «Южная заря», 19.01.1913.
7. «Южная Заря», 1913.
8. С. Потураев «Памяти т. Арсеничева». «Звезда» в №2, 1924. Екатеринослав.
9. «Народная жизнь» 12.10.1917. №171. Екатеринослав.
10. Архив Канцелярии Президента Республики Чехия.
11. Л. Яценко, А. Слоневский «Дух ушедшей эпохи». Днепродзержинск. «Издательский дом «Андрей». 2007.
12. В. Старостін «Столиця степового краю». Готелі Катеринослава С. 243. Дніпропетровськ.
13. М. Чабан. Мандрівки старим Кам'янським. Дніпропетровськ: ІМА-прес, 2004.
14. ГАДО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 192. Л. 19.
15. ГАДО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 192. Л. 90, 92.
16. Семейный архив К. Крымова. Москва.
17. ДДГА. Ф. 5854. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.
18. ГАСБУ. Дело №69273-ФП
19. Н. Судак «Как их делали «врагами». Днепродзержинск. Самиздат. 1999.
20. Следственное дело ксендзов. Архив УНКВД г. Архангельска.
21. Семейный архив О. Таланкиной. Днепродзержинск.
22. ГАДО. Ф-1278. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 13.
23. ГАДО Ф. Р. 1520с Оп. 3 Д. 141 стр. 246
24. ГАДО Ф. Р. 1520с Оп. 3 Д. 16
25. Н. Чабан. «Поляки на берегах Днепра». Днепропетровская правда, 02.07.2004.
26. ГАДО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 280.
27. ГАДО Ф. Р1520с. Оп. 3 Д. 141 стр. 222-251.
28. Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока». Москва, 1938.
29. Архив УСБУ в Днепропетровской области. Дело №20345.
30. Дело №20349 (передано УСБУ в ГАДО).
31. Дело №22512 (передано УСБУ в ГАДО).

32. ГАДО. Ф. 19. Оп. 4. Д. 52. Л. 49.
33. Днепропетровское областное управление НКГБ, Днепродзержинский ГО НКГБ. Дело № 3051. Л. 113-114.
34. Партархив Днепропетровской обл. Ф. 33. Оп. 1. Д. 34. Л. 86.
35. Партархив Днепропетровской области. Ф. 33. Оп. 1. Д. 29. Л. 120.
36. ГАДО Ф. Р. 1520 Оп. 1 Д. 8
37. ГАДО Ф. Р. 1520. Оп. 1. Д.45.
38. Семейный архив Слоневских. Днепродзержинск.
39. ГАДО Ф. Р1520 Оп. 1. Д. 174.
40. М. Кучер «Дубравлаг». Дніпропетровськ. ВПОП «Дніпро». 1996.
41. ГАДО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1215. Стенограмма совещания инструктора ЦК ВКП(б) с инженерно-техническим персоналом завода им. Дзержинского 16 июля 1928 года.
42. ГАДО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 928. «Дополнительный список лиц должностей, входящих в I. II и III номенклатуру по Днепропетровскому заводу им. Дзержинского». Составлен по состоянию на 01.01.28.
43. ГАДО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 928. «Список лиц должностей, входящих в I. II и III номенклатуру по Днепропетровскому заводу им. Дзержинского». Составлен по состоянию на 01.01.28.
44. ГАДО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2456. Материал по обвинению начальника Каменской милиции Меркушина в связи с белогвардейцами. Начато 13 марта 1920 года. Окончено 3 апреля 1920 года. На 22-х листах.
45. Л. Плющ «Карнавал истории», Нью-Йорк, 1979, стр. 298.
46. ГАДО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2519. Материал по обвинению Томашевского К. Т. в дискредитации Советской власти и Компартии. Начато 17 мая 1921. Окончено 21 мая 1921.
47. В. Базарянинов «Дзержинка: годы и судьбы». Днепропетровск. «Пороги». 1999 год. Стр. 94-95.
48. ГАДО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 192. Л. 4-6, 17.
49. В. Малюк, Н. Ханіас-Нібо, В. Чумаченко «Дніпродзержинськ. Довідник-путівник». Дніпропетровське книжкове видавництво. 1960.
50. Главная Военная прокуратура РФ, № 7у-37603-42, июнь 2001 г. стр. 76.
51. Ю. Шепетов «Флоссенбург – земля святая. Кровь и пепел под ногами...» М. «Военно-исторический архив» № 1. 2009.
52. Фонды музея Днепропетровского медицинского института.
53. И. Шило «Солдаты «Интернационального союза». Днепропетровская правда. 2, 7 февраля 1965 г.
54. А. Слоневский «Жизнь. Смерть. Воскресение». Издание 2-е исправленное и дополненное. «Пороги». 2009.
55. М. Кучер «Мої чекісти». Рукопис. 1994. Сімейний архів Л. Кучер. Дніпродзержинськ.
56. М. Кучер «Історія мого вироку». Рукопис. 1994. Сімейний архів Л. Кучер. Дніпродзержинськ.
57. А. Герман, А. Курочкин «Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941-1945). М., 1998.
58. О. Мясоед-Крикент «Мои воспоминания о Казахстане». Рукопись, 2009. Семейный архив Крикент. Днепропетровск.
59. ГАДО. Ф.Р. – 6478. Оп. 2. Д. 3460.
60. В. Беляев «Непокорённая». Днепропетровская правда. 19 августа 1964.
61. И. Кондратьева «Немецкий вопрос в Украине». «2000» №49 (345) за 8-14 декабря 2006.
62. В. Сіренко «Велика зона злочинного режиму». Дніпропетровськ. «Пороги». 2005.
63. ГАДО. Ф. 193. Оп. 3. Д. 394. Л. 77. Запись №317.

64. Список домовладельцев с. Каменского Екатеринославского уезда и служащих завода Днепропетровского металлургического общества, занимающих заводские квартиры.– Каменское, 1910.
65. ГАДО. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 98. Л. 22.
66. ГАДО. Ф. 1520. Оп. 3. Д. 2. Л. 160
67. ГАДО. Ф. Р-1520. Оп. 3д. Д. 1. Л. 504
68. А. Плешков «Непокорённый». Днепропетровск. Издательство ДДТУ. 2001.
69. «Отклики жизни» №331 от 24.09.1913
70. Семейный архив Э. С. Квятковской-Павличек. Днепропетровск.
71. В. Луценко. И. Бражник «Днепропетровск». Путеводитель. Днепропетровск «Промінь». 1987.
72. «История Днепропетровского университета». Дніпропетровськ, видавництво ДДУ, 1993.
73. Jasiukowicz M. Jeden z szesnastu sadzonych w Moskwie 18-21 06.1945. Przegląd Powszechny №2/1987. Warszawa.
74. «Proces Moskiewski Przywódców Polskiego Państwa Podziemnego» Warszawa 2000.
75. T. Zieba Chodowski akcent w Moskiewskim procesie «szesnastu» Przegląd Koninski 15.X.1989.
76. Постановление №897-90 Пленума Верховного Суда СССР.
77. M Wisniewska «Ostatni akord» Nowy Swiat. Dodatek niedzielny 28-29. III. 1992
78. Обвинительный акт главного имперского прокурора при Берлинском трибунале. Дело №11/10/1241/43 от 18/02 1944.
79. «Народная жизнь» Екатеринослав. №114 от 29.07.1917
80. Н. Буланова «Седые берега судьбы». Днепропетровск. Металл. 2004.
81. «Дзержинец» м. Дніпропетровськ. 17.02.1971.
82. «Вільне життя» м. Тернопіль. 19,20, 21 лютого 1971 р.
83. Источник: НИПЦ «МЕМОРИАЛ», Москва.
84. ГАДО. Ф.19. Оп. 2. Д. 684.
85. ГАДО. Ф.19. Оп. 2. Д. 683.
86. ГАДО. Ф.19. Оп. 2. Д. 118.
87. ГАДО. Ф.19. Оп. 2. Д. 119.
88. ГАДО. Ф.19. Оп. 2. Д. 681.
89. ГАДО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 117.
90. Київський процес. Документи та матеріали. Київ. «Либідь». 1995.
91. ГАДО. Ф. 2с. Д. 3297. Л. 304.
92. ГАДО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 1350
93. ГАДО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 681. Л. 78.
94. ГАДО. Ф.19. Оп. 3. Д.116. (5 янв. – 14 февр. 1938 г.)
95. Архивно-следственное дело П-24354 в АУСБУДО.
96. Архивно-следственное дело П-7096 в АУСБУДО.
97. Архивно-следственное дело П-19573 в ГАДО.
98. Архивно-следственное дело П-24495 в АУСБУДО.